

3(11)' 2021

NOVOGARDIA № 3 (11) 2021

июль-сентябрь

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций
ЭЛ № ФС 77 – 76817 от 09.10.2019

ISSN 2686-8474

Международный исторический рецензируемый журнал, посвященный истории и исторической географии средневековой Руси с IX по XVII вв.

Учредители журнала:

Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание»;
Несин Михаил Александрович

Издательство не несет ответственность за уникальность материалов

Редакционная коллегия:

Главный редактор Несин Михаил Александрович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Заместитель главного редактора Молочников Александр Михайлович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Ответственный секретарь Подвальнов Евгений Дмитриевич, ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия)

Редакционный совет:

Бобров Леонид Александрович, д. и. н., НГУ (Новосибирск, Россия);
Богданов Андрей Петрович, д. и. н., ИРИ РАН (Москва, Россия);
Гайденко Павел Иванович, д. и. н., Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия);
Дубровский Александр Михайлович, д. и. н., БГУ (Брянск, Россия);
Козлов Михаил Николаевич, д. и. н., СевГУ (Севастополь, Россия);
Павлов Андрей Павлович, д. и. н., СПбГУ, СПбИИ РАН (Санкт-Петербург, Россия);
Багрин Егор Андреевич, к. и. н., Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург, Россия);
Гордиенко Дмитрий Сергеевич, к. и. н., Институт украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАНУ, Национальный заповедник «София Киевская» (Киев, Украина);
Илюшин Борис Анатольевич, к. и. н., НГУ (Нижний Новгород, Россия);
Кузьмин Андрей Валентинович, к. и. н., РГГУ (Москва, Россия);
Кулешов Вячеслав Сергеевич, к. и. н., Stockholms universitet (Стокгольм, Швеция);
Плавинский Николай Александрович, к. и. н., МГЭУ им. А. Д. Сахарова (Минск, Республика Беларусь)

Корректурa:

Дрозд А. В.

Верстка:

Несин М. А.

Дизайн обложки:

Белова А. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Губарев О. Л.	
Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского (к вопросу о методологии).	4
Гайдено П. И. Где пролегли границы древнерусского города? (Несколько наблюдений о реалиях X-XII вв. на примере взаимоотношений Киева и его пригородных монастырей).	17
Аряев Л. Н.	
Особенности агиографической топики «Слова о первых черноризцах Печерских».	29
Клейменов В. И.	
Организация городских полков Новгорода и Пскова в XIV – 1-й пол. XV в.	60
Быков А. В.	
После Шелони. Некоторые военные и политические аспекты последних лет Новгородской независимости.	98
Веремеев С. Ф.	
Еще раз об Иосафате Куневиче.	116
Ван Хааске Л. А.	
Случаи мифологизации астрономических феноменов XVI-XVII веков и их особенности	129
Солодкин Я. Г.	
Об одной разновидности источников «Книги записной» - старшей редакции Сибирского летописного свода.	140
Фролов Д. В.	
«По робе холоп и по холопе роба». Холопство в Сранском уезде XVII в..	156

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

Богданов А. П.	
Краткие летописцы XVII в. в Спасо-Прилуцкой исторической компиляции.	166
Список сокращений.	218

• СТАТЬИ •

УДК. 94

ББК 63.3

DOI 10.25797/NG.2021.11.3.001

О. Л. Губарев

ГИПОТЕЗА ТОЖДЕСТВА РЮРИКА И РЁРИКА ФРИСЛАНДСКОГО (К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ)

Аннотация: В статье представлен методологический подход, применявшийся автором при разработке гипотезы тождества первого князя Руси Рюрика и вождя норманнов Рёрика Фрисландского. Представлены выводы, проистекающие из принятия данной гипотезы.

Ключевые слова: методология, гипотеза тождества, Рюрик, Рёрик Фрисландский, выводы

При обсуждении гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, рассматриваемой в моих статьях в научных журналах, на сайтах в Интернете неоднократно поднимался вопрос о методологии исследования. Я здесь не собираюсь отвечать на критику на сайтах, основанную на умозрительных и бездоказательных рассуждениях. В настоящей статье я хотел бы показать, что в своих статьях я стараюсь соблюдать строгий методологический подход и действовать логично.

По определению, приведенному в Большой Советской Энциклопедии: "методология науки даёт характеристику компонентов научного исследования - его

объекта, предмета анализа, задачи исследования (или проблемы), совокупности исследовательских средств, необходимых для решения задачи данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения задачи".

Попробую ответить на вопрос, какой методический подход я использую в разработке данной гипотезы.

Постановка задачи

Во-первых я в своих статьях показал те вопросы, на которые пока не может и видимо не сможет ответить скандинавская гипотеза происхождения Руси без ее необходимого уточнения¹. Чем подчеркнул актуальность проблемы. Скандинавская гипотеза происхождения Руси опирается на сообщения источников (византийских, арабских, латинских) а также на сообщения древнерусских летописей и на данные археологии которые ее подтверждают.

Однако, она не может ответить на ряд вопросов, основной из которых неоднократно

¹Губарев О. Л. «Пояша по собе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // Valla. Т. 2. № 3. 2016. С. 21-39.

поднимался антинорманистами. *Как скандинавы-русы могли построить в землях славян и финнов ранее государство, если в самой Скандинавии государства еще не сложились?* "Каким-либо существенным опытом в создании государственности выходцы из Средней Швеции в IX веке не обладали и близко. Объединение шведских земель под властью одной королевской династии растянулось на века, следовательно, не имелось и опыта в создании института верховной власти"². Если не обращать внимания на хамоватый язык неоантинорманистов и использование терминов, вроде "недогосударство", то надо признать, что вопрос вполне справедливый.

Есть и еще один очень важный вопрос - *откуда у языческой Руси Рюрика такое терпимое отношение к христианству, что уже ко времени заключения мирного договора с греками при Игоре в 945 г. русов-христиан столько, что они приносят отдельную присягу в церкви?*

Этот вопрос неоантинорманисты предпочитают не задавать, поскольку балтийские славяне, которых они считают русами и варягами, были упорными язычниками и вели непримиримую борьбу с любыми попытками христианизации, постоянно поднимая восстания.

Еще одно возражение со стороны антинорманистов против данной гипотезы, что *такое важное событие не нашло своего отражения в скандинавских сагах.*

Поэтому я ставлю перед собой задачу ответить на эти вопросы, не отказываясь от скандинавской гипотезы происхождения Руси, а только дополняя и уточняя ее.

Рассматриваемая гипотеза

Русы Рюрика судя по всему были данами, что подтверждается сообщением Титмара Мерзебургского в его «Хронике» (датируется временем между 1012 и 1018 гг.) о множестве «быстроногих данов» в Киеве, обороняющих город от печенегов. Это сообщение перекликается с сообщением византийских источников о русах-дромитах,

прозванных так за быстроту передвижения³.

Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского утверждает, что это были не просто даны, а даны Хальфдана, Харальда Клака и Рёрика пришедшие из Фризии с территории империи франков, где они находились в течение достаточно длительного периода с 807 г. по 885 г. Кроме меня эту гипотезу независимо от меня разрабатывает д.и.н. А. А. Горский, что только подтверждает актуальность уточнения скандинавской гипотезы происхождения Руси. Когда два историка независимо друг от друга приходят к аналогичным выводам, это уже само по себе заслуживает внимания⁴.

³Karlin-Hayter P. «Swift Danes». Byzantion. Vol. 35. 1965. P. 359; Губарев О. Л. 1) Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // Stratum plus. № 5. 2018. С. 155-167; 2) О «быстрых данах» и русах-дромитах // Valla Т. 4. № 1-2. 2018. С.78-83.

⁴Горский А. А. 1) Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32). 2008. С. 55–59; 2) «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (53). 2013. С. 38–39; 3) Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М., 2014.С. 25–33; 4) Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.,2018. С. 103–108; Губарев О. Л. 1) «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? С. 21-39; 2) К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // Valla. Т. 2. № 4/5. 2016. С. 9–25; 3) «Дондеже солнце съяет и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. Т. 3. № 3. 2017.С. 16–22; 4) Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // Valla. Т. 3. № 6. 2017. С. 19–38; 5) Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны». С. 155–167; 6) О «быстрых данах» и русах-дромитах. С.78-83; 7) Рюрик и легитимность династии Рюриковичей // Valla. Т. 4. № 4. 2018. С. 1–11; 8) Рюрик Скьельдунг. Серия: Parvus Libellus. СПб., 2019; 9) Николай Тимофеевич Беляев, историк, участник семинара Н. П. Кондакова // Novogardia. № 3. 2019. С. 4-24; 10) Неистовые» норманны, «безбожная русь» и Христианство //Novogardia. № 4. 2019. С. 9-19; 11) По «Закону Русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и Lex Frizionium) // Novogardia. № 1 (5). 2020. С. 318-335; 12) К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 4-36; 13) Начальная Русь на пути «из варяг в греки». Серия: Parvus Libellus, СПб., 2020; 14) Каган без каганата (как родился очередной исторический

²Грот Л. П. Призвание варягов. Норманны, которых не было. М., 2013. С. 310.

Метод исследования

Исследовательскими средствами при разработке данной гипотезы являются сопоставления и анализ сообщений источников о русах «от рода франков», о русах-дромитах и «быстроногих данах» Титмара Мерзебургского, а также привлечение сообщений анналов франков (Бертинских, Ксантенских, Фульдских и др.) и скандинавских саг о древних временах *Fornaldarsögur*.

Сообщения источников сопоставляются с данными археологии, подтверждающими:

1) наличие фризско-датско-русских торговых связей и 2) присутствие на Северо-Западе Руси (в частности, в Старой Ладоге) фризмов.

То есть, тем самым, опровергнут главный аргумент Г. Ловмянского против данной гипотезы⁵. О. Прицак отметил, что в «Саге о Хромунде Грипссоне» сказано: *sa konungr refi fyrir Gordum i Danmork, er Olafur het* («Конунг, которого звали Олав правил Гардаром в Дании»). Прицак считал, что это упоминание Гардов (то есть Руси — *О. Л. Губарев*) относится к Фризии под управлением данов⁶, то есть к тем самым «фризским данам» Рёрика Фрисландского/Рюрика. Хотя возможны самые разные иные интерпретации, например, возможно, что речь здесь просто идет о хуторе (*gard*) или городище с таким

фантом// *Novogardia*. № 3 (7).2020. С.17-38; 15) Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // *Novogardia*. № 4 (8). 2020. С.1-15; 16) Даны Рюрика как скандинавская диаспора. Доклад на историко-краеведческой конференции «Южное Приладожье и история России». 2020. (в печати). 17) Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи Франков, Хедебю и Старой Ладоге // *Novogardia*. № 1 (9). 2021. С. 6-29; 18) Русь и варяги. Взаимовлияние культур. СПб., 2021. (в печати).

⁵*Губарев О. Л.* Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. С. 1-15.

⁶*Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) / Відп. ред. О. Мишанич; Ред. кол.: О. Прицак (голова), О. Мишанич (заступник), Я. Ісаєвич, І. Шевченко. Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. Т. І. К., 1997. С.197.

названием⁷.

Кроме того я постарался показать, что исландская сага "о древних временах" — «Сага о Скъьльдунгах», а точнее, ее гипотетический отрывок «Фрагмент о древних конунгах...» (*Sögubrot af fornkonungum...*), содержит легендарный рассказ о событиях связывающих Данию с Русью. Причем имена героев саги соответствуют именам первых Рюриковичей⁸.

Зарубежные историки-скандинависты отмечают, что саги «о древних временах» или «лживые» саги можно рассматривать как *исторический источник*, но не с точки зрения историчности рассказываемых в них событий легендарной древности, а с точки зрения *интересов аудитории, которой скальд рассказывал сагу и тех целей, которые ставил перед собой рассказчик*⁹.

Сами события в сагах «о древних временах» могут быть полностью искажены до степени неузнаваемости, как показывает, например, сага о Хрольве-Пешеходе. Единственное, что связывает эту сагу с реальностью это имена героев - Хрольва (Роллона) и Вильхьяльма (Вилгельма Длинный Меч), который из сына Хрольва превратился в его врага. Поэтому мы больше не имеем права говорить, что в сагах не нашло отражения прибытие Рюрика в Восточную Европу. Тем более что «Фрагмент...» связывает Данию с Русью (Гардами) и ее правителями и тем самым делает историю Руси частью истории Северной Европы.

Последовательность действий

Читая работы историков, отстаивающих в «варяжском вопросе» скандинавское происхождение варягов и русов, а также работы антинорманистов, критикующих скандинавскую гипотезу, я убедился, что далеко не на все вопросы

⁷*Губарев О. Л.* Рюрик Скъьльдунг. С. 233.

⁸*Губарев О. Л.* Рюрик и легитимность династии Рюриковичей. С. 1–11.

⁹*Rowe A. E.* "Sögubrot af fornkonungum": Mythologised History for Late Thirteenth-Century Iceland // *Making History: Essays on the Fornaldarsögur* / Ed. Martin Arnold and Alison Finlay. London, 2010. P. 10; *Orning H. J.* Legendary sagas as historical sources // *Tabularia*. Vol. 15. 2015. 65, 67-69.

данная гипотеза дает ответы.

Тогда мной был для себя поставлен вопрос о тех неясностях и противоречиях, которые не может объяснить скандинавская гипотеза происхождения Руси в ее настоящем виде. Список получился относительно небольшой, но достаточно интересный. Среди неясных вопросов были отмеченные еще А. А. Шахматовым, которые он оставил без ответа. Например, вопрос об упоминании в летописях Руси среди западных народов и среди восточных¹⁰, о локализации в книге Иосиппон русов между саксами и англами¹¹ и т.д. А. А. Горский рассмотрел детально, и, на мой взгляд весьма убедительно, вопрос о Руси «от рода франков» в сообщениях Псевдо-Симеона и Логофета. Он также отметил концентрацию кладов куфического серебра на территории Фризии.

И в итоге пришел к выводу, что «между тем ее [гипотезы тождества Рюрика и Рёрика - *О.Л.Губарев*] принятие ведет к существенным корректировкам представлений о древнерусском политогенезе: если в Восточную Европу пришел предводитель, хорошо знакомый (как люди из его окружения) с опытом франкского государственного управления (фактически бывший долгое время наместником франкской провинции), то именно это могло стать одной из причин успешной деятельности Рюрика и его преемников по установлению системы властвования, охватившей всю восточнославянскую территорию и приведшей к формированию крупнейшего в Европе государства. В этом случае нужно говорить об опосредованном франкском влиянии на формирование древнерусской государственности»¹².

Предварительно изучая данный вопрос я собрал мнения историков, как поддерживающих данную гипотезу, так и выступающих против нее. И проанализировал

¹⁰Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С.3.

¹¹Петрухин В.Я. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994. С.45-46.

¹²Горский А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. С. 28.

доводы оппонентов данной гипотезы.

Гипотеза тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского (Ютландского) неоднократно подвергалась критике, начиная с работ историков XIX в (Куника, Погодина, Буткова). Гипотезу из зарубежных историков приняли в основном русские историки-эмигранты¹³. Эту гипотезу критиковали польский историк Г. Ловмянский и российский историк В. Е. Яманов¹⁴.

Из современных зарубежных историков только американский историк Р. Дживан попытался критиковать данную гипотезу. Но его статья с критикой данной гипотезы, к сожалению, содержит ряд фактических неточностей¹⁵.

В отдельной статье я постарался показать, что работа Г. Ловмянского с наиболее обстоятельной критикой гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, опубликованная в 1963 г., безнадежно устарела и не может использоваться в качестве аргументации против этой гипотезы¹⁶.

Я стараюсь в разработке данной гипотезы придерживаться определенной последовательности, освещая один аспект проблемы за другим, но иногда неожиданно всплывают косвенные подтверждения данной гипотезы, которым приходится уделять внимание. Так, я обнаружил что в договоре Игоря с греками повторяется дважды фризская магическая формула, подтверждающая «вечность» заключаемого мира, Но я совершенно не ожидал, что данная формула присутствует в «Молитве» митрополита Илариона и древнерусских юридических

¹³Vasiliev A. A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946; Vernadsky G. V. Ancient Russia. New Haven, 1946.

¹⁴Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин. 1963. С. 221–250; Яманов В. Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. № 4. 2002. С. 127–137.

¹⁵Givan R. U. Searching for Rurik: a Critical Study of the Use of the Frankish Annals in the Writing of Early Russian History // Journal of the Georgia Association of Historians. Vol. XV. 1994. P. 193–201. Ср.: Губарев О. Л. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского. С. 16.

¹⁶Губарев О. Л. Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. С.1-15.

актах¹⁷. Здесь нужно поблагодарить Рольфа Бреммера, разрабатывающего вопросы древнефризского языка и нарратива, который сравнил клятву скандинавов и древних фризов и детально ее разобрал¹⁸.

Вот как можно ответить на вопрос о той методологии которую я применял и применяю при разработке данной гипотезы.

Какие результаты были мной получены с применением данной методологии?

Был обнаружен целый ряд косвенных доказательств в пользу данной гипотезы, утверждающей, что:

1) Первый князь Руси Рюрик и известнейший вождь норманнов Рёрик Фрисландский это одна и та же личность. Это позволило рассматривать легендарную по скудным сообщениям древнерусских летописей фигуру Рюрика, как реальную историческую личность. То есть. добиться именно того, чего так опасался, исходя из внеученных соображений, польский историк-антинорманист Г.Ловмянский.

2) «Вся русь», которую Рюрик привел в земли славян и финнов пришла не непосредственно из Скандинавии, где историки пытались искать и не могли найти народ «русь», а с территории империи франков, из Фризии. Эта «русь» состояла из данов, которые с 807 г. по 885 г. провели на территории империи франков. И примкнувших к ней фризов-язычников, не смирившихся с потерей независимости, и свеонов из Бирки, как основной базы норманнов на пути на восток.

3) За время пребывания этой руси на территории империи франков ее вожди из клана Скъёльдунгов изучили дипломатию, ленную систему и социальное устройство империи. Кроме того они изучили военное дело франков и обеспечили себя самым

лучшим вооружением, экспорт которого за пределы империи был запрещен капитуляриями императоров франков. Вожди «фризских данов» приняли христианство, Рёрик состоял в переписке с такими отцами церкви как Хинкмар Реймский и епископ Утрехта. То есть Рёрик/Рюрик обладал всеми необходимыми знаниями для создания раннего государства в своих новых владениях на Северо-Западе Восточной Европы. Необходимо отметить, что эта ранняя государственность создавалась варягами-русами на месте, применительно к местным условиям, и ни о каком экспорте государственности откуда бы то ни было речь идти не может.

4) В недошедшей до нас «Саге о Скъёльдунгах», известной по латинскому пересказу Арнгрима Ионссона, в гипотетически принадлежащем к ней «Фрагменте о датских конунгах», в рассказе о легендарных событиях древности, Дания неразрывно связана с Русью (Гардами). А имена героев событий (*Hrrekr; Helgi, Ivar/Ingvar*), о которых рассказывает сага, совпадают с именами первых Рюриковичей.

5) В договоре Игоря с греками, в молитве митрополита Илариона, в юридических древнерусских документах постоянно повторяется древнефризская формула «пока солнце светит и весь мир стоит». Эта формула видимо была усвоена русами во время своего пребывания во Фризии.

Археологические артефакты в Старой Ладоге с широким ареалом распространения, куда входит и Фризия, были обнаружены такими крупными учеными как Рябинин, Кирпичников, Корзухина, Давидан, Лебедев и позже исследованы Кирпичниковым, Носовым, Плоховым и Михайловым. Таким образом археологические находки подтверждают данную гипотезу о тесных связях Руси с Ютландией и Фризией. Эту гипотезу независимо от меня разрабатывает А. А. Горский, изложивший ее суть в ряде научных публикаций, как я уже отметил выше.

Однако еще ни один историк, поддерживающий данную гипотезу не обратил внимания на то, что из принятия гипотезы тождества Рюрика и Рёрика

¹⁷Молдован А. М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Слов'яне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. Т. 7. № 1. 2018. С. 8–26.

¹⁸Bremmer R. H. The Mysterious Dog in Two Old Frisian Eternity Formulas. // *Us Wurk*. Vol. 68. No. 1-2. 2019. P.1-12.

Фрисландского проистекает ряд важных выводов.

1. Это означает, что будущие русы Рюрика совершили как минимум *две*, а возможно и *три миграции*. Сначала из Дании на территорию империи франков, во Фризию, где они провели в целом около 70 лет. Потом в 857 г. Рёрик принудил короля данов Хорика II Дитя выделить ему земли между рекой Айдер и морем (Северным или Балтийским?), скорее всего, с торговым центром Хедебю, родовым владением Скьельдунгов. Мы не знаем сколько лет Рёрик владел этими землями, но в 873 г. ими владели уже другие конунги Сигфрид и Хальфдан¹⁹.

Затем, ок. 860-х гг. из-за упадка Дорестада Рёрик повел своих "фризских данов" (скорее всего из Хедебю) на территорию занятую племенами восточных славян и финно-угров.

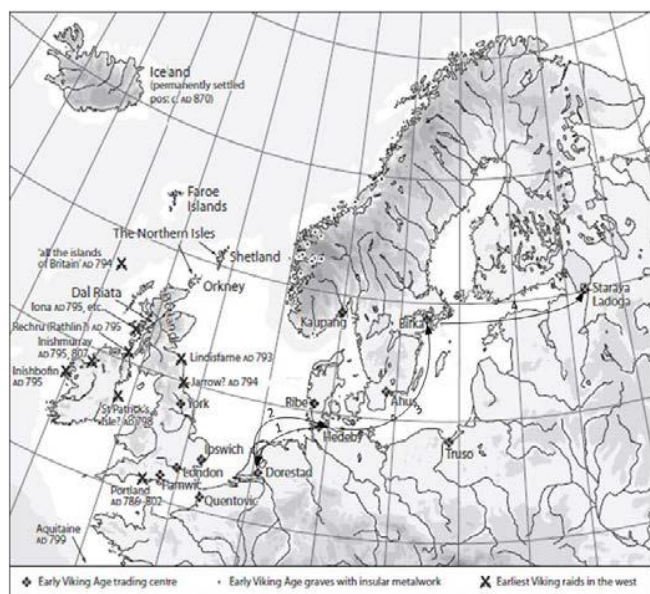

Рис. 1. Миграции «фризских данов» согласно гипотезе тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Обозначения: 1- миграция данов Хальфдана, Харальда Клака и Рёрика на территорию империи франков в выделенные им в качестве бенефиция владения; 2 — миграция данов Рёрика в земли между рекой Айдер и морем с эмпорием Хедебю; 3 — миграция данов Рёрика/Рюрика в земли славян и финнов. Сопутствующие обозначения: Early Viking Age trading centre - торговые центры ранней эпохи викингов. Early Viking Age graves with insular metalwork - Погребения ранней эпохи викингов с островными

металлоизделиями (из Англии). Early Viking Age raids in the west - рейды на Западе в раннюю эпоху викингов. Составлено на основе карты из статьи Барретта Дж. Х.²⁰.

2. Это означает, что история Начальной Руси в IX в. включает на Западе историю «фризских данов» Рёрика, будущих русов Рюрика, на территории империи франков. Это история той самой Руси «от рода франков», о которой говорил А.А. Горский²¹. И тем самым расширяется круг источников, включающих теперь анналы и другие источники франков. А на Востоке история Начальной Руси в IX в. включает также историю свеонской Руси, неудачно поименованную в работах многих историков «Русским каганатом»²², послы которой в 839 г. оказались в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого.

3. Русы Рюрика тогда оказываются на двух разных этапах своей истории под влиянием трех мощнейших империй раннесредневекового мира - в период с 807 по 885 гг. под влиянием империи Каролингов, а с 860-х гг. под влиянием Византийской империи и Хазарского каганата. Причем позже, с принятием Владимиром христианства и появлением письменности в IX в. с установлением союзных отношений и переводом византийских хроник, агиографических сочинений и священных и других книг на славянский язык, влияние Византии неизмеримо возрастает, затмевая собой все другие влияния²³.

4. И на Западе и на Востоке вождю норманнов Рюрику/Рёрику приходилось в связи с непоседливым характером норманнов, уходивших от него в походы за славой и добычей (на Западе - в Англию, Аквитанию и мусульманскую Испанию, а на востоке - в Византию), опираться на местное население, на Западе на фризов, на Востоке - на славян и финнов.

²⁰Barrett J. H. Rounding up the usual suspects: causation and the Viking Age diaspora // Anderson, A. et al. (Ed.) The global origins and development of seafaring. 2010. P. 294.

²¹Горский А. А. Русь «от рода франков». С. 55–59.

²²Губарев О. Л. Каган без каганата (как родился очердной исторический фантом). С.17-38.

²³Губарев О. Л. Русь и варяги. Взаимовлияние культур.

¹⁹Coupland S. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings // Early Medieval Europe. Vol. 7. No. 1. 1998. P. 97.

5. Пребывание будущих русов Рюрика на территории империи франков позволяет ответить на вопрос о том, как скандинавам, у которых еще не сложилась государственность, удалось создать предпосылки для образования раннего государства в Восточной Европе. Поскольку у них были знания о ленной системе, чеканке монеты, сборе налогов, дипломатии, военном деле франков и их вооружении, о системе дальней торговли и торговых центрах империи²⁴.

6. Фактически речь идет о скандинавской диаспоре, причем резко отличавшейся от остальных скандинавов. Ни одна последующая волна скандинавов-варягов («находников»), пришедших непосредственно с территории Скандинавии, не была похожа на варягов-русов Рюрика. Именно эта особенность делала русов Рюрика, возглавляемых кланом Скъёлдунгов, знатью нового протогосударственного образования²⁵.

7. И в этом заключается ответ на вопрос, почему свеонская до-рюриковская Русь не могла создать предпосылки государственности в землях славян и финнов, ограничиваясь сбором дани и представляя из себя несколько бродячих дружин норманнов, в лучшем случае, вождеств²⁶. Об этих русах-свеонах мы знаем из сообщения Бертинских анналов франков под 839 г. и из сообщения ПВЛ под 859 г., как о варягах, собиравших дань с северных племен. Возможно, именно поэтому древнерусский летописец начинает историю Руси с Рюрика.

8. Путь «из варяг в греки», точнее, установление новых торговых путей или контроль над уже существующими был с самого начала целью русов Рюрика, стремившегося связать свои восточные

владения с западными, соединив путь «из варяг в греки» с путем «из фриз в варяги». Значение этих действий Рюрика выходило далеко за рамки одной страны и повлияло на всю систему мировой торговли того времени²⁷.

9. Необходимо помнить, что «фризские даны» Рюрика были данами-изгоями. Они вместе со своими вождями приняли христианство, пусть даже формально, и дорога назад в языческую Данию была для них закрыта. Характерно, что на Восток и позже шли обычно конунги-изгой, потерпевшие поражение в борьбе за трон в родной стране²⁸. Но если в более позднее время конунги-изгой могли вернуться в Скандинавию, то для Рюрика было возможно либо возвращение в свои фризские владения, которые он продолжал удерживать до самой смерти, либо обустроить жизнь на новом месте.

10. Зарубежные источники, рассказывающие о норманнской Руси (арабские и персидские, византийские, латинские) естественно путали и контаминировали сведения о русах на Западе в начальный период их истории и в более поздний на Востоке, чему не приходится удивляться. Отсюда и постоянная связь в сообщениях мусульманских писателей русов с мусульманской Испанией (ал-Андалус), отсюда упоминание о «руси от рода франков» в отдельных византийских источниках, отсюда связи с Северной и Западной Европой, рассматривавшей русов как родственный народ, при Ярославе Мудром.

11. С учетом двух или даже трех миграций понятна *гибридная культура русов*, включающая элементы фризской культуры, культуры франков и «скандинавскую вуаль», то есть те обычаи и традиции, что даны-изгой сохранили и вынесли со своей скандинавской

²⁴Горский А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. С. 25–33; Губарев О. Л. Рюрик Скъёлдунг. С. 28, 209.

²⁵Губарев О. Л. Дань Рюрика как скандинавская диаспора.

²⁶Томсинский С. В. «Блуждающий каганат русов»: перспективы дальнейшей полемики // *Stratum plus*. № 5. 2013. С. 275–281; Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2012. С. 456–457.

²⁷Губарев О. Л. Начальная Русь на пути «из варяг в греки». С. 10; Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 1. No. 1. 1953. P. 5–39.

²⁸Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000; Shafer J. D. Saga-Accounts of Norse Far-Travellers. Doctoral thesis. Durham University. 2009. С. 273.

родины. А также то из культуры своих поданных, славян и финнов, что они сочли возможным позаимствовать.

При этом следует помнить, что за время прошедшее до появления на Руси первых письменных памятников, составившее почти двести лет (с IX по XI вв.), многие элементы начальной гибридной культуры (фризские и франкские) были забыты без связи с прежними местами обитания и от них остались лишь следы, да кое-что из артефактов (франкские мечи, например) и славянский элемент становился все более сильным с налетом «скандинавской вуали» по выражению Е. Н. Носова.

12. До сих пор данная гипотеза за малым исключением не привлекла внимания зарубежных историков, в том числе скандинавских. Хотя было отмечено, что около 860-х гг. произошло какое-то резкое изменение, вызвавшее переориентацию торговли свеонской Бирки с Запада на Восток. Что подтверждает, что имело место событие, которое привело к такому изменению приоритетов в торговле²⁹.

Если добавить к этому, что группа населения, создававшая новую государственность, должна была иметь опыт, позволившей ей освоить ресурсы лесной зоны, то картина складывается интересная³⁰. А также, было высказано предположение, что именно противостояние и борьба между данами Ютландии и свеонами Уппланда могла оказаться решающим фактором в образовании нового сообщества³¹.

Все это, на мой взгляд, можно связать с сообщением ПВЛ о приходе Рюрика «со всей русью». И появление «фризских данов» Рюрика/Рёрика, обладавших опытом, приобретенным в течение жизни как минимум двух поколений на землях империи франков, в землях славян и финнов явилось

точкой *культурной бифуркации*. И оказало огромное влияние на дальнейшую историю складывающегося государства Русь.

²⁹*Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond. 2017. P. 95-96.*

³⁰*Callmer J. The Rise of the Dominion of the ar-Rus in the Northern Parts of Eastern Europe, Seventh to Ninth Centuries a.d.: A Case of Culture Construction // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond. 2017. P.136-167.*

³¹*Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture. P. 96.*

Библиография

- Горский А. А.* Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (32). 2008.
- Горский А. А.* «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 3 (53). 2013.
- Горский А. А.* Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М., 2014.
- Горский А. А.* Три заметки к вопросу о русско-германских связях раннего Средневековья // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018.
- Грот Л. П.* Призвание варягов. Норманны, которых не было. М., 2013.
- Губарев О. Л.* «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // Valla. Т. 2. № 3. 2016.
- Губарев О. Л.* К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // Valla. Т. 2. № 4/5. 2016.
- Губарев О. Л.* «Дондеже солнце съяет и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. Т. 3. № 3. 2017.
- Губарев О. Л.* Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // Valla. Т. 3. № 6. 2017.
- Губарев О. Л.* Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // Stratum plus. № 5. 2018.
- Губарев О. Л.* О «быстрых данах» и русах-дромитах // Valla. Т. 4. № 1-2. 2018.
- Губарев О. Л.* Рюрик и легитимность династии Рюриковичей, Valla. Т. 4. № 4. 2018.
- Губарев О. Л.* Рюрик Скъельдунг. Серия: Parvus Libellus. СПб., 2019.
- Губарев О. Л.* Николай Тимофеевич Беляев, историк, участник семинара Н. П. Кондакова // Novogardia. № 3. 2019.
- Губарев О. Л.* Неистовые» норманны, «безбожная русь» и Христианство // Novogardia. № 4. 2019.
- Губарев О. Л.* По «Закону Русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и Lex Frizionium) // Novogardia. № 1 (5). 2020.
- Губарев О. Л.* К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // Novogardia. № 2 (6). 2020.
- Губарев О. Л.* Начальная Русь на пути «из варяг в греки». Серия: Parvus Libellus. СПб., 2020.
- Губарев О. Л.* Каган без каганата (как родился очередной исторический фантом) // Novogardia. № 3 (7). 2020.
- Губарев О. Л.* Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // Novogardia. № 4 (8). 2020.
- Губарев О. Л.* Даны Рюрика как скандинавская диаспора. Доклад на историко-краеведческой конференции «Приладожье и история России». 2020. (в печати).
- Губарев О. Л.* Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи Франков, Хедебю и Старой Ладогге // Novogardia. № 1 (9). 2021.
- Губарев О. Л.* Русь и варяги. Взаимовлияние культур. СПб., 2021. (в печати).
- Джаксон Т. Н.* Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000.
- Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963.
- Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М. — Вологда, 2012.
- Молдован А. М.* Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. Т. 7. № 1. 2018.
- Петрухин В. Я.* Славяне и Русь в «Иосипфоне» и «Повести временных лет»: К вопросу об

источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994.

Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) / Відп. ред. О. Мишанич; Ред. кол.: О. Прицак (голова), О. Мишанич (заступник), Я. Ісаєвич, І. Шевченко. Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України. Т. І. К., 1997.

Томсинский С. В. «Блуждающий каганат русов»: перспективы дальнейшей полемики // *Stratum plus*. №5. 2013.

Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.

Яманов В. Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // *Вопросы истории*. № 4. 2002.

Barrett J. H. Rounding up the usual suspects: causation and the Viking Age diaspora // Anderson, A. et al. (Ed.) *The global origins and development of seafaring*, 2010.

Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 1. No. 1. 1953.

Bremmer R. H. 2019. The Mysterious Dog in Two Old Frisian Eternity Formulas. // *Us Werk*. Vol. 68. No. 1-2. 2019.

Callmer J. The Rise of the Dominion of the ar-Rus in the Northern Parts of Eastern Europe, Seventh to Ninth Centuries a.d.: A Case of Culture Construction // *Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond*. 2017.

Coupland S. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings // *Early Medieval Europe*. Vol. 7. No. 1. 1998.

Givan R. U. Searching for Rurik: a Critical Study of the Use of the Frankish Annals in the Writing of Early Russian History // *Journal of the Georgia Association of Historians*. Vol. XV. 1994.

Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // *Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond*, 2017.

Karlin-Hayter P. "Swift Danes". *Byzantion*. Vol. 35. 1965.

Orning H. J. Legendary sagas as historical sources // *Tabularia*. Vol. 15. 2015.

Rowe A. E. "Sögubrot af fornkonungum": Mythologised History for Late Thirteenth-Century Iceland // *Making History: Essays on the Fornaldarsögur* / Ed. Martin Arnold and Alison Finlay. London, 2010.

Shafer J. D. Saga-Accounts of Norse Far-Travellers. Doctoral thesis. Durham University. 2009.

Vasiliev A. A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946.

Vernadsky G. V. Ancient Russia. New Haven, 1946.

Сведения об авторе

Губарев Олег Львович, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант — Наука», автор книг «Рюрик Скьельдунг» и «Начальная Русь на пути «из варяг в греки», Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–X вв.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

O. L. Gubarev

THE HYPOTHESIS OF RURIK AND RERIK OF FRISLAND IDENTITY (TO THE QUESTION OF METHODOLOGY)

Annotation: The article presents the methodological approach used by the author when developing the hypothesis of the identity of the first prince of Russia, Rurik, and the leader of the Normans, Rorik of Friesland. The conclusions arising from the acceptance of this hypothesis are presented.

Keywords: methodology, identity hypothesis, Rurik, Rórik of Friesland, conclusions

References

Gorskij A. A. Rus' «ot roda frankov» [Rus' from "the ancestry of Franks"] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. No 2 (32). 2008. (In Russian).

Gorskij A. A. “Klady vikingov” na frankskoj zemle i nachal’naja istorija Rusi [“Hoards of Vikings” in Frank’s land and the initial history of Rus] // *Drevnjaja Rus’. Voprosy medievistiki*. No 3 (53). 2013. (In Russian).

Gorskij A. A. Voznikovenie Rusi v kontekste evropejskogo politogeneza konca I tysjacheletija n. je. [Emergence of Rus in the context of European politogenesis in the end of 1st Millennium B. C.] // *Rus’ v IX-XII vv.: obshchestvo, gosudarstvo, kul’tura*. Moscow, 2014. (In Russian).

Gorskij A. A. Tri zametki k voprosu o russko-germanskikh svyazyakh rannego Srednevekov’ya [Three notes on the question of Russian-German relations of the early Middle Ages] // *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileynyy sbornik v chest’ Aleksandra Vasil’yevicha Nazarenko*. Moscow, 2018. (In Russian).

Grot L. P. Prizvaniye varyagov. Normanny, kotorykh ne bylo [The vocation of the Varangians. Normans who were not there]. Moscow, 2013. (In Russian).

Gubarev O. L. «Pojasha po sobe vsju rus’»: chto podrazumevala jeta fraza? [«Pojasha po sobe vsju rus’»: what did this phrase mean?] // *Valla*. Vol 2. No 3 2016. (In Russian).

Gubarev O. L. K voprosu ob identichnosti Rjurika i Rjorika Frislandskogo [Problem of identification Rurik to Rorik of Frisland] // *Valla*. Vol. 2. No 4/5. 2016. (In Russian).

Gubarev O. L. «Dondezhe solntse s’yayet’ i ves’ mir stoit’» (magicheskaya formula v dogovore Rusi s grekami 945 g.) [“Until the sun shines and the whole world stands” (magic formula in the agreement between Rus’ and Greeks in 945)] // *Valla*. Vol. 3. No 3. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Dve Rusi IX veka: sveony 839 g. i dany Ryurika (Two Rus’es of the IX century: sveons of 839 and Danes of Rurik) // *Valla*. Vol. 3. No 6. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Struktura vlasti na Rusi v IX v. i «frizskiye dany» [The structure of power in Rus in the IX century. and "Frisian Danes"] // *Stratum plus*. No 5. 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. O «bystrykh danakh» i rusakh-dromitakh [The structure of power in Russia in the 9th century. and "Frisian Danes"] // *Valla*. Vol. 4. No 1-2. 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. Ryurik i legitimnost’ dinastii Ryurikovichej [Rurik and the legitimacy of the Rurik dynasty]. *Valla*. Vol. 4. No. 4. 2018. (In Russian).

Gubarev O. L. Nikolaj Timofeyevich Belyaev, istorik, uchastnik seminara N. P. Kondakova [Nikolai Timofeevich Belyaev, historian, participant of N. P. Kondakov's seminar] // *Novogardia*. No. 3. 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Neistovyye» normanny, «bezbozhnaya rus’» i Khristianstvo [“Furious” normans, “Godless rus” and christianity] // *Novogardia*. № 4. 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Po «Zakonu Russkomu» (k voprosu o sravnitel’nom izuchenii drevnerusskogo i drevneskandinavskogo prava i Lex Frizionium) [To the "Russian law" (to the question of a comparative study of ancient russian and ancient scandinavian law. And lex frisionum)] // *Novogardia*. № 1 (5). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. K diskussii o plemennykh soyuzakh i politogeneze vostochnykh slavyan doRyurika [To the discussion about the tribal unions and politogenesis of the eastern slavs before ryurik] // *Novogardia*. No 2 (6). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Nachal’naya Rus’ na puti «iz varyag v greki» [Initial Russia on the way “from the Varangians to the Greeks”]. Sankt Petersburg., 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Kagan bez kaganata (kak rodilsya ocherednoy istoricheskiy fantom) [Kagan without kaganat (how regularly historical phantom was born)] // *Novogardia*. No 3 (7). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Genrik Lovmyanskij i ego kritika gmptezy tozhdestva Ryurika i Rjorika Frislandskogo [Henrik Lovmyanskiy and his criticism of the gmpteza of the identity of Rurik and Rorik Friesland] // *Novogardia*. No 4 (8). 2021. (In Russian).

Gubarev O. L. Dany Ryurika kak skandinavskaya diaspora [Rurik's Danes as the Scandinavian Diaspora]. Doklad na istoriko-krayevedcheskoj konferentsii "Yuzhnoye Priladozh'ye i istoriya Rossii". 2020. (In press). (In Russian).

Gubarev O. L. Mezhdru yazychestvom i khristianstvom: kamernyye pogrebeniya v imperii Frankov, Khedebuyu i Staroy Ladoge [Between paganism and Christianity: chamber burials in the empire Frankov, Khedebuyu i Staroy Ladoge] // *Novogardia*. No 5 (9). 2021. (In Russian).

of Franks, Hedeby and Staraya Ladoga] //Novogardia. No 1 (9). 2021. (In Russian).

Gubarev O. L. Rus' i varyagi. Vzaimovliyaniye kul'tur [Rus and the Varangians. The mutual influence of cultures]. Sankt Peterburg., 2021. (In press). (In Russian).

Dzhakson T. N. Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: Iz istorii russko-norvezhskikh politicheskikh otnosheniy posledney treti X – pervoy poloviny XI v. [Four Norwegian kings in Russia: From the history of Russian-Norwegian political relations in the last third of the X - first half of the XI century]. Moscow, 2000. (In Russian).

Lowmiański H. Rjorik Frislandskij i Rjurik Novgorodskij [Rorik of Frisland and Rurik of Novgorod] // Skandinavskij sbornik. VII. Tallin, 1963. (In Russian).

Makarov N. A. Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical evidence and archaeological realities: in search of correspondences] // Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama / Institut arkheologii RAN; otv. red. N. A. Makarov. M. - Vologda, 2012. (In Russian).

Moldovan A. M. Molitva v strukture Sinodal'nogo spiska sochinenij Ilariona [Prayer in the structure of the Synodal List of works of Hilarion]// "Slověne = Slověne". Vol.7. No 1. 2018. (In Russian).

Pritsak O. Pokhodzhennya Rusi. Starodavni skandynavs'ki dzherela (krim islands'kykh sag) [The origin of Russia. Ancient Scandinavian sources (except Icelandic sagas)] / Vidp. red. O. Myshanych; Red. kol.: O. Pritsak (holova), O. Myshanych (zastupnyk), YA. Isayevych, I. Shevchenko. Instytut skhodoznavstva im. A. Kryms'koho NAN Ukrayiny. Vol. 1. Kiev, 1997. (In Ukrainian).

Petrukhin V. Ya. Slavyane i Rus' v «Josippone» i «Povesti vremennykh let»: K voprosu ob istochnikakh nachal'nogo russkogo letopisaniya [Slavs and Rus in "Josippon" and in the "The Tale of Bygone Years": On the Question of the Sources of the Initial Russian Chronicle] // Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 5. Moscow, 1994. (In Russian).

Tomsinskiy S. V. «Bluzhdayushchiy kaganat rusov»: perspektivy dal'neyshey polemiki ["The Wandering Kaganate of the Rus": Prospects for Further Controversy] // Stratum plus. No 5. 2013. (In Russian).

Shahmatov A. A. Skazanie o prizvanii varyagov [The legend of the vocation of the Vikings]. Saint Peterburg, 1904. (In Russian).

Yamanov V. Ye. Rorik Yutlandskiy i letopisnyy Ryurik [Rorik of Jutland and the chronicle Rurik] // Voprosy istorii. No 4. 2002. (In Russian).

Barrett J. H. Rounding up the usual suspects: causation and the Viking Age diaspora // Anderson, A. et al. (Ed.) The global origins and development of seafaring.,2010. (In English).

Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Ruric // Scandinavian Economic History Review. Vol. 1. No. 1. 1953. (In English).

Bremmer R. H. 2019. The Mysterious Dog in Two Old Frisian Eternity Formulas. // Us Werk. Vol. 68. No. 1-2. 2019. (In English).

Callmer J. The Rise of the Dominion of the ar-Rus in the Northern Parts of Eastern Europe, Seventh to Ninth Centuries a.d.: A Case of Culture Construction // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond. 2017. (In English).

Coupland S. From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings // Early Medieval Europe. Vol. 7. No. 1. 1998. (In English).

Givan R. U. Searching for Rurik: a Critical Study of the Use of the Frankish Annals in the Writing of Early Russian History // Journal of the Georgia Association of Historians. Vol. XV. 1994. (In English).

Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond., 2017. (In English).

Karlin-Hayter P. "Swift Danes". Byzantion. Vol. 35. 1965. (In English).

Orning H. J. Legendary sagas as historical sources // Tabularia. Vol. 15. 2015. (In English).

Rowe A. E. "Sögubrot af fornkonungum": Mythologised History for Late Thirteenth-Century Iceland // Making History: Essays on the Fornaldarsögur / Ed. Martin Arnold and Alison Finlay. London, 2010. (In English).

Shafer J. D. Saga-Accounts of Norse Far-Travellers. Doctoral thesis. Durham University. 2009.

(In English).

Vasiliev A. A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946. (In English).

Vernadsky G. V. Ancient Russia. New Haven, 1946. (In English).

About the author

Gubarev Oleg L., columnist of the newspaper of scientists “Troitskiy variant – nauka”, author of the books “Rurik Skjoldung” and “Initial Russia on the way “from the Varangians to the Greeks”, St. Petersburg (Russia).

E-mail: LvovichG@rambler.ru

ГДЕ ПРОЛЕГАЛИ ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА? (НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ О РЕАЛИЯХ X-XII ВВ. НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИЕВА И ЕГО ПРИГОРОДНЫХ МОНАСТЫРЕЙ)

Аннотация: Представленный вниманию читателей очерк посвящен двум важным проблемам: во-первых, включенности пригородных монастырей XI-XII вв. в систему городских отношений, а, во-вторых, установлению связи между пределами власти городского управления с находящимися за городскими стенами монашескими поселениями. Предварительные наблюдения позволяют прийти к выводу, что пригородные монастыри Киева не только не были оторваны от жизни городских общин, но и, скорее всего, воспринимались современниками в качестве неотъемлемой части городской инфраструктуры. Сообщения источников позволяют предполагать, что подобное осознание своей включенности в систему городских отношений присутствовало и у насельников этих пригородных монастырей. Данное обстоятельство объясняется не только традициями восточного монашества, но и особенностями начального этапа становления русского иночества, мировоззрение которого не только не было противопоставлено городу, но и формировалось в контексте жизни города, в котором видели средоточие христианских идеалов и добродетелей.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киевская Русь, история Русской церкви, древнерусское монашество, Киево-Печерский монастырь, Древний Киев, границы древнерусского города.

История древнерусского города может быть отнесена к числу тех исследовательских тем, очевидность которых совершенно не гарантирует их разрешения. Можно без какого-либо сомнения говорить о том, что сформулированные некогда И. Я. Фрояновым

проблемы развития древнерусских городов не утратили своей актуальности. Заданный в названии статьи вопрос возник при рассмотрении деятельности древнерусских монастырей, прежде всего монашеских обителей Киева, часть из которых располагалась вне городских стен. К таковым в условиях древнерусской действительности XI-XIII вв. должны быть отнесены не только крупные Печерский, Выдубицкий, Спасский на Берестове, Кловский Стефанич монастыри, но и многочисленные пещерные иноческие поселения вокруг Матери городов русских, о существовании которых в большинстве случаев остаётся догадываться лишь по крайне скудным археологическим свидетельствам. Мнение о существовании таких чернеческих поселений и их важной роли в структуре монашества города утвердилось к середине XX в., найдя отражение в исследованиях Л. А. Голубевой¹. Однако первым, кто высказался в отечественной науке о возможности существования подобных обителей, был В. Б. Антонович (1834-1908), посвятивший изучению пещерных обителей Киева немало внимания и уже в семидесятых годах XIX в. насчитавший в окрестностях города 45 пещер. Тогда им было высказано предположение, допускавшее использование части этих подземелий для обустройства в них ранних монастырей². В середине 90-х

¹Голубева Л. А. Топография домонгольского Киева (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 29 марта 1946 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVI. 1947. С. 178-179.

²Антонович В. Б. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губернии в течение 1876 года // Чтения в Историческом Обществе Нестора-

годов уже XX в. украинский историк Т. А. Бобровский называл 15 таких пещерных комплексов, обратив внимание на то, что только семь из них были раскопаны. Что касается остальных, то по мнению этого исследователя, таковые «из-за недостатка историко-археологических данных, могут быть лишь условно отнесены к категории пещерных монастырей»³. Уже в начале XXI в. данные о числе пещер и пещерных комплексов в Киеве и его округе были существенно уточнены. В итоге, по подсчётам ещё одной украинской исследовательницы, Елены Александровны Воронцовой, в Киеве и его окрестностях насчитывается около 300 пещер, пятьдесят из которых связывается с деятельностью двадцати как древних, так и более поздних иноческих общин⁴. Однако в данной ситуации важнее иное. Насельники этих пещерных пригородных монастырей отличались активностью⁵. В итоге, находясь по меркам того времени на значительном удалении от стен города, часть из этих обитателей была вовлечена в жизнь Киева, о чем сохранились многочисленные известия в древнерусском летописании и агиографии. Данное обстоятельство позволило дальнейшим поколениям исследователей без каких-либо сомнений и колебаний относить

Печерскую и Выдубицкую обители к числу Киевских монастырей. Однако насколько такое отношение к отмеченным обителям верно? И если это так, то где могли пролегать границы древнерусского города, и что указывало на включенность этих монашеских общин в жизнь городской общины Киева? В итоге ответы на поставленные вопросы позволят посмотреть на проблему границ города в контексте отношений города и находившихся за его стенами (пригородных) монастырей.

Проблема включенности пригородных древнерусских монастырей в ритм жизни города, кажется, ни разу не приобретала в отечественной историографии самостоятельного звучания, хотя и получала отзвук в работах исследователей как сопутствующая проблема. Например, она ясно прослеживается в трудах Я. Н. Шапова, уделившего большое внимание ктиторским монастырям Киева⁶. И всё же можно ли рассматривать эти пригородные монастыри как часть городского пространства? Ожидаемый на поставленный вопрос ответ, скорее всего, окажется положительным.

В пользу включения древнерусских пригородных монастырей склоняет чашу весов несколько обстоятельств. Во-первых, совершенно очевидно сравнительно небольшое удаление этих монастырей от стен города и их расположение вблизи оживлённых сухопутных и водных путей. Во-вторых, благодаря письменным источникам, постоянное взаимодействие иноков с городом и включенность, по меньшей мере, игуменов этих монастырей в активную политическую и церковную жизнь города. В-третьих, обращение монастырей к городскому суду указывает на то, что пригородные обители находились под юрисдикцией городских институтов суда и рассматривались в качестве части городской инфраструктуры. В-четвертых, сами горожане считали себя вправе влиять на внутреннюю жизнь этих монастырей. И, наконец, в-пятых, сами иноки порой отождествляли жизнь своих монастырей с городом, не видя в этом какого-

Летописца при Университете Св. Владимира. Кн.1: 1873–1877. Киев, 1879. С. 246–247.

³Бобровский Т. А. Пещерные монастыри и пещерное монашество в истории и культуре средневекового Киева: автореф. дисс. к.и.н. Київ, 1995. С. 2-3, 6-9.

⁴Воронцова О. А. Дослідження та відродження Звіринецького печерного комплексу у Києві — середньовічної пам'ятки історії та культури України // Лаврський альманах. Спецвипуск 9: Дослідження монастирських печерних комплексів. Київ., 2010. С. 7; Она же. Исследование и возрождение средневекового памятника истории и культуры Украины - Зверинецкого пещерного комплекса в Киеве: автореф. дисс. к.и.н.: 17.00.01. Киев, 1996. С. 1.

⁵В данном отношении представляют интерес наблюдения о начальной истории Выдубицкого и Зверинецкого монастырей В. А. Ульяновского и (Ульяновский В. А. Киевские Зверинецкие пещеры и скит: история в особах: научное исследование / Василий Ульяновский. Киев, 2018. 412 с.; Артамонов Ю. А. Кем был основан Михайловский Выдубицкий монастырь в Киеве? // Электронный научно-образовательный журнал "История". № 1 (34). 2015. С. 5).

⁶Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 131-149.

либо противоречия. В итоге представляется целесообразным более подробно рассмотреть все приведённые выше аргументы.

Расположение монастырей.

Исследователи Древней Руси неоднократно обращали внимание на то что, если следовать за местным летописанием, то приходится признать, что древнерусское монашество, представленное, вероятно, сначала византийцами, возникло как иночество городского типа. В понимании основателей русского монашества Антония, а несколько позже и Феодосия, когда первый вернулся на Русь, второй только вступал на путь иноческого делания, ища возможности поселиться в какой-либо обители, единственным местом на Руси, где можно было обрести обитель, был город. Для того, чтобы принять постриг Феодосий целенаправленно пришёл в Киев⁷. Здесь же его напрасно искала впоследствии мать⁸. Годами ранее именно в Киеве безуспешно намеревался найти место для совершения своего подвига послушания Антоний⁹. Более того, фактически с первых своих шагов (до-Антониева периода) иночество на Руси оказалось включённым в жизнь княжеского двора¹⁰. Лишь впоследствии оно стало приобретать более радикальные аскетические

формы, чему в немалой степени способствовал привнесённый с Афона аскетизм преподобного Антония и его последователей. Во всяком случае, уже с начала XI в. по мере «обрусения» местного иночества стала наблюдаться полифония монашеских практик и форм, превратившихся в серьёзную проблему для местного епископата¹¹. Однако при всём своём разнообразии древнерусское монашество, судя по всему, не стремилось к слишком большому удалению от стен городов и сельских поселений. Большинство наиболее ранних монастырей основывалось в 3-4 верстах от городских стен, вблизи водных путей, у переправ, недалеко от княжеских сёл и замков. Такое положение дел вполне вписывалось в восточно-христианскую практику организации монашеских поселений Сирии, Палестины и Византии, где даже отдалённые монастыри и монашеские келии были не вдалеке от дорог и населённых пунктов, играя большую роль в развитии в этих регионах экономических процессов¹². Тем не менее, на Руси такая практика приобрела свои особенности, что во многом объяснялось характером тех поселений, которые нередко принято называть «городами».

Конечно, вопрос о том, что следует на Руси считать *городом* и насколько оправданно

7Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / ИРЛИ РАН (Пушкинский дом); сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко и Д. С. Лихачёва. Т. 1. СПб., 1997. С. 264.

8 Там же... С. 364.

9Антонии же приде Києву . и мышлаще кдѣ жити . и походи по манастыремъ . и не возлюби» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 143).

10 Об этом можно судить по кормлению монашества, духовенства и митрополита за столами князя Владимира Святославича (Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 285). Несомненно, подобные угощения имели не только ритуальный характер, но практическое значение – кормление гостей. Однако в условиях становящегося государства, в котором пиры выступали важнейшим способом общения правителя с окружением, включение духовенства в этот круг приглашённых позволял монашествующим и клирикам становиться участниками жизни княжеского двора.

11Об этом можно судить по обилию запретов, налагавших на монашествующих. Среди них значилось неодобрительное отношение к привлечению монахов к пению и чтению в городском храме, запрет на посещение инокинями пиров в мужских монастырях, откровенное неодобрение на перемещение чернецов и др. (Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игомену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М., 2004. С. 253 [104], 245 [107]; Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 13 [24], 14 [25], 16-17 [29]).

¹²Goldfus Haim. Urban monasteries and monasteries of Early Byzantine Palestine: preliminary observations // ARAM Periodical. 15 (1). 2005. Pp. 71-79; Bar Doron. Rural Monasticism as a Key Element in the Christianization of Byzantine Palestine // Harvard Theological Review. January. Volume 98, Issue 1. 2005. Pp. 49-65.

принимать всякое укрепленное поселение именуемое «градом» за таковой – должен быть отнесён к числу дискуссионных и вместе с тем ключевых. Именно его разрешение позволяет понять, почему рядом с одними «градами» иноческие поселения буквально наполняли пригороды, а возникнув около других, не только не могли разрастись до значительных размеров, но и постоянно нуждались в чьей-то поддержке. С этих позиций, хорошо обозначенных ещё в исследованиях А. В. Кузы, а в наши дни в работе И. Б. Михайловой и Д. М. Котышева, при всей многочисленности укрепленных поселений, количество «градов» или иных укрепленных поселений, которые европейцы и византийцы могли признать за города, оставалось небольшим¹³. В отношении Киева середины XI в. проблема признания за ним статуса города может считаться разрешённой. К этому времени разбросанные и плохо связанные между собой части этого крупного поселения не только приобрели вид единого городского пространства, жизнь которого была основана на ремесле, как на это обратил внимание Д. М. Котышев¹⁴, но и приобрели иные не менее ценные достоинства. Во-первых, здесь сидел старейший князь, во-вторых, к этому времени жители Матери городов русских уже уверенно идентифицировались летописцем как «кияне», и, в-третьих, здесь была размещена митрополичья кафедра. Таким образом, в понимании византийцев и европейцев в первой половине XI столетия Киев представлял уже не просто крупным укрепленным центром, а главным христианским городом области и страны. А к концу века он, наконец, приобрёл привычный

современному читателю свой «столичный» статус. Всё это притягивало к себе всякого, кто желал спасения и духовного подвига. В глазах русского книжника-монаха, создававшего летописи, любое благоустройство города воспринималось как проявление нравственного совершенства и свидетельство христианской добродетели. Между тем, в такой устремлённости усматривается некоторое противоречие. Иноческий максимализм изначально видел в городе, даже в городе христианском месте, крайне опасное для души и спасения. Например, подобное отношение очень отчетливо просматривается в богословской традиции западноевропейского монашества. Столь же отрицательно оценивалось в этой среде и стремление светских и духовных феодалов к роскоши в строительстве¹⁵. Восприятие русского книжного монаха к подобным строительным инициативам и к внешнему избытку в описываемый период оказывалось иным. Так, например, преп. Нестор Летописец с трепетной аккуратностью запечатлел устройство на княжьем дворе вывезенной из Херсонеса квадриги¹⁶. Мних Иаков с умилением и восхищением вспоминал эпоху пиров князя Владимира¹⁷. А дорогостоящие строительные инициативы переяславского епископа, построившего себе роскошный епископский замок – «град», вызвали у летописца не упрек, а искренний восторг¹⁸. Более того – в сознании нескольких поколений книжников Киев являл собой образ Константинополя и Иерусалима, что существенно рознило Мать городов Русских с Ветхим Римом, который почти всегда награждался образами «блудницы» и «Вавилона». Таким образом, по меньшей мере, для части древнерусского

¹³См. наблюдения А. В. Кузы и И. Б. Михайловой: Куза А. В. 1) Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 40-70; 2) Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Сер. Археология СССР; Ин-т археологии РАН; Ин-т ист. материальной культуры РАН. М., 1985. С. 39-51; 3) Древнерусские города // Там же... С. 51-65; Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII – начало XIII века. СПб., 2010. С. 43-224.

¹⁴Об эволюционных преобразованиях в X – середине XI в. в Киеве см. подробнее исследование Д. М. Котышева: Котышев Д. М. От русской земли к земле Киевской: Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX-XII вв. М., 2019. 254 с.

¹⁵См. подробнее наблюдения И. С. Редькова: Редькова И. С. Город глазами средневекового монаха (по экзегетическим текстам первой половины XII в.) М. - СПб., 2020. С. 228-233.

¹⁶ПСРЛ. Т. 2. Стб. 101.

¹⁷Трогательное отношение монахов к пирам Владимира нашло своё отражение не только в творениях мниха Иакова, но и в самом составленном иноками летописании, сохранившем несколько сюжетов пиров и праздников при дворе крестителя Руси (Там же. Стб. 109-111; Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу... С. 285).

¹⁸ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 208-209.

монашества город предстал чем-то желанным и достойным восхваления. Что же касается пригородных монастырей то, кажется, они не только были оторваны от жизни Киева и населявшей его верхушки, но и не стремились к этому.

Монашество в круговороте городской жизни. Древнерусские письменные источники сохранили хоть и немногочисленные, но яркие примеры участия монашествующих пригородных монастырей в жизни древнерусских городов. Правда, эта вовлеченность иноков из пригородов и самого Киева в жизнь метрополии практически никогда не была связана с участием в системе управления городом. Иноки (как городских, так и пригородных обителей) не только не присутствовали на вечевых собраниях (по крайней мере, об этом нет никаких упоминаний), но, кажется, и опасались их. В данном отношении показательное поведение иноков городского Феодоровского монастыря, в котором пребывал в 1147 г. князь-инок Игорь, во время вечевых волнений, приведших к смерти несчастного Ольговича. Судя по контексту повествования истории расправы киевлян-вечников со своим бывшим князем, игумен и насельники обители предпочли не только не вмешиваться в происходящее, но и заблаговременно покинули монастырь, найдя приют, как следует полагать в резиденции митрополита¹⁹. Помимо приведённой истории летописание сохранило известие, по крайней мере, об одной, правда, неудачной попытке Владимира Мономаха вовлечь монашествующих в лице игуменов в своего рода судебный процесс над князем Олегом Святославичем. Однако слушания так и не состоялись, поскольку были отвергнуты Олегом²⁰. Тем не менее, стало бы большим преувеличением полагать, что иночество Киева и его окрugi было полностью вырвано из круга городских забот и его политической жизни. Напротив, иноки нуждались в городе и считали себя вправе высказывать

собственное мнение по тем или иным вопросам, связанным с деятельностью князей. Так, своё открытое несогласие с действиями Изяслава и Святослава высказывали преподобные Антоний, Никон и Феодосий соответственно²¹. Не менее категоричную позицию занял в отношении Святополка Изяславича игумен Иоанн, сосланный за свою непримиримую позицию в Туров²². Есть основания полагать, что игумены киевских городских монастырей наряду с духовенством Киевской Софии могли призываться для выполнения функций, подобных тем, которые обычно возлагались на членов «городского магистрата», выступая свидетелями сделок. Пример подобного, обнаруживающийся в тексте 25 граффити Софии Киевской, все же единичен и не даёт твёрдых оснований уверенно утверждать, что аналогичным действиям могли привлекаться игумены монастырей, располагавшихся за стенами города. Собственно и историография этого примечательного граффити также отличается предельной осторожностью в оценках, как самой сделки, так и отмеченных в ней лиц²³. Впрочем, летописание сохранило известие о приходе игуменов монастырей к князю Святополку Изяславичу, захватившему

²¹Житие Феодосия Печерского. С. 370-375, 425.

²²Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 433.

²³См. подробнее: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. / отв. ред. П. Н. Попов. Киев, 1966. С. 60-71; *Котышев Д. М.* 1) О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 164-174; 2) Надпись о "Бояней земле" из Киевской Софии: о ранней традиции заключения поземельных сделок в Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал "История". Т. 11. № 6 (92). 2020. С. 2; *Гайденко П. И.* Еще раз о 25 граффити Софии Киевской. Было ли это граффити древнейшим русским актом? И зачем его оставили на стене храма? // *Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 104-110; *Дробышева М. М.* Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. Вып. 1. (48). 2020. С. 130-145.

¹⁹Там же. 316-318.

²⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220.

князя Василька Тербовльского. При том, что летописец не назвал имена ходатаев за несчастного Василька Ростиславича, скорее всего, прибывшие ко двору игумены представляли ктиторские обители, к которым в этот период вполне можно было бы отнести в том числе пригородные Печерский и Выдубицкий монастыри²⁴, тем более, что именно из последнего тербовльский князь был обманом вызван в Киев²⁵.

Однако более важным видится регулярное участие игуменов пригородных монастырей в торжественных встречах князей. Несомненно, вхождение правителей в город и вступление на престол обладало глубокой символической значимостью. Однако, если присутствие игуменов при первосвятителях на торжественных службах может быть объяснено их обязанностью в отношении своего епархиального архиерея, то привлечение игуменов к встрече князей или же их погребению²⁶ – несомненно, указывает на включенность обители в городские институты и организации, поскольку в этом случае пригородная обитель выступала в качестве одной из неотъемлемых частей городского пространства.

Не меньшее значение имело привлечение Печерского монастыря к преодолению внутрикняжеских противоречий вокруг Киевского стола, как, например, об этом сообщает летописная запись под

1169 г.²⁷ Впрочем, создается впечатление, что включение пригородных крупных монастырей в жизнь Киева происходило преимущественно не через городские институты, а через посредство княжеской власти.

О праве горожан и городского суда над пригородными монастырями. Сообщения источников позволяют заключить, что сталкиваясь со случаями воровства и спорами относительно имущества или сделок, пригородные монастыри на Руси были вынуждены прибегать к помощи городского суда, считаясь с его приговорами. При этом подобные претензии к загородным монашеским поселениям в городских судах могли предъявлять и жители пригородов. Примеры подобных обращений немногочисленны но показательны. Они сохранились в истории двух политических и церковных центров: Киева и Новгорода. Так, например, в истории Антония Римлянина, в споре, возникшем между преподобным отшельником и местными жителями по поводу принадлежности выловленного по просьбе Антония сокровища в виде драгоценных богослужебных предметов и сосудов, крестьяне обратились к городскому судье. К разочарованию жалобщиков, он разрешил возникший спор в пользу инока²⁸.

²⁴Тезис о ктиторском характере Выдубицкого монастыря, наиболее последовательно был обоснован Я. Н. Щаповым и нашёл поддержку в более поздней историографии (Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 137-140; Ульяновский В. И. Чудо-Михайловский монастырь в Киеве: проблема посвящения, символики и статуса // *Rossica Antiqua*. 2011. Т. 2. С. 43-101). Лишь сравнительно недавно Ю. А. Артамонов оспорил такое представление о прославленной обители. Тем не менее, невзирая на обоснованность выводов Ю. А. Артамонова необходимо признать, что в конце XI в. монастырь уже находился под покровительством рода Всеволода (Артамонов Ю. А. Кем был основан Михайловский Выдубицкий монастырь в Киеве?... С. 5).

²⁵ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231-234.

²⁶Примером этого может служить привлечение Поликарпа Печерского к организации похорон князя Владимира Андреевича. По воле князя Глеба Поликарп совместно с игуменом Андреевского монастыря возглавляли погребальную процессию, сопровождая гроб из Вышгорода в Киев (Там же. Стб. 546).

²⁷«<...> и приѣха Мьстиславъ . оу Печерьский манастырь . и за нимъ Володимиръ приѣха . и повелѣ ему съѣсти въ икономли кельи а самъ съѣде въ игуменьи кельи и пославъ к нему Мьстиславъ и реѣ. брате что дѣла еси приѣхаль . а е но та не посылалъ . и прнсла Володимиръ дьачька . Имормыжа . реѣ брате слышалъ есмь . вже суть молвили на ма злии члвѣци реѣ Мьстиславъ . повѣдалъ ми браѣ Двѣдъ . и послаша къ Двѣдвн Вышегороду . и присла Двѣдъ Васила на тажю . и пристави к нему Радила тысачьскаго и Васильа Волковича . и пакы преждавъ . гѣ . днѣи и приѣха ту же в Печерьский манастырь . и Володимиръ присла мужи свои . Рагуила Михала . и начаша спиратиса с Васильемъ . и выльзе послухъ по Васили Двѣдъ Борыничъ . Мьстиславъ же положи то на Бзѣ и реѣ Володимиру брате хрѣтъ еси цѣловаль а и еще ти ни оуста . не всхла . но вбаче то есть шѣбъ наши^х . и дѣдъ наши^х оутвержение а кто преступить а Бѣ ему буди . судья . а ны ако на ма еси не думаль и не ищещи . ми лиха . цѣлуи ми крѣтъ . Мьстиславъ же ѿпусти и в Котелницу» (Там же. Стб. 535-536).

²⁸Житие Антония Римлянина // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 13 / под ред. Д. С.

Печерский патерик также сохранил несколько подобных примеров. Например, в истории монахов Феодора и Василия повествуется о несправедном судии, который рассмотрел претензию работников к преподобному Феодору. Обиженные на инока за плохо оплаченный труд, наёмники обратились в суд и выиграли его, взыскав с преподобного недоимки. Примечательным видится и приговор суда, рекомендовавший преподобному Феодору за неимением денег для оплаты работы нанятых людей призвать к труду бесов²⁹. Не менее примечательна краткая история монаха Арефы. Столкнувшись с воровством, он, судя по всему, обратился за помощью к городу. Прямых указаний на такой шаг инока патерик не даёт. Тем не менее, неспособность старцев обители остановить мучения во время допросов братии позволяет предположить, что, скорее всего, следствие велось не князем (вмешательство которого обычно оговаривалось), а городскими властями. Очевидно, геронты обители оказались бессильны остановить следствие, инициированное собратом, и напрасно просили об этом самого Арефу³⁰. Наконец, показательна история преподобного Григория, повествующая о том, как городской судья лично инициировал следствие против воров, обокравших преподобного, и самостоятельно арестовал тех³¹.

Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. С. 24-27.

²⁹«Наймите же и извозници въздвигоша крамолу на блаженнаго, просяще найма своего, глаголюще тако: «Не вѣмы, кою кознию сему древу повелѣль еси на горѣ быте». Неправедный же судна мзду взят от тѣхъ и повелѣ имь на преподобнемь мзду взята, тако рекъ: «Да помогут те бѣси платити, иже тебѣ служат»,— не поминаа на ся осуждения Божиа, еже неправедно судяй сам осуждёнъ будетъ» (Киево-Печерский Патерик... С. 453).

³⁰«И вот однажды ночью пришли воры и украли все богатство его. Арефа же этот так сильно жалел о потере золота, что хотел сам себя погубить, тяжкие обвинения возвел на неповинных и многих ни за что мучил. Мы все молили его прекратить розыск, но он и слушать не хотел.» (Там же. С. 386-387).

³¹«Въ едину же ночь приидоша татие и стражаху старца, да егда изыдетъ на утреннюю, и шедше, възмутъ вся его. Ощутив же Григорий приход ихъ,— и всегда бо по вся ноци не спаше, но поаше и моляшеся

Обострение внутрикняжеских противоречий в XII-XIII вв. привело к тому, что в описываемый период городская община заявила о своём праве вмешиваться в жизнь монастырей Киева. Первой попыткой (или угрозой) подобного стало обращение в 1113 г. горожан к Владимиру Мономаху о занятии им великокняжеского стола. Столкнувшись с промедлением знаменитого князя, киевляне пригрозили, что подвергнут разграблению княжеские храмы и монастыри³². В 1146-1147 г. они уже не стали угрожать подобным, а реализовали свои намерения, разграбив церкви Ольговичей³³ и нарушив принцип неприкосновенности, скрывавшихся в монастырях лиц³⁴.

О том, что пригородные обители подобно городским монастырям рассматривались в качестве неотъемлемой части городского пространства можно судить и по тем разграблениям, которым подверглись церкви и иноческие общины Киева и его пригородов в 1169 (1171) и 1203 гг.³⁵ Конечно, совершённое тогда нельзя сводить к одной лишь отмеченной проблеме, однако в рамках рассматриваемого сюжета ценным видится следующее: в глазах воинов и князей — пригородные киновии считались частью городской инфраструктуры, а игумены и чернецы частью местного населения. Кажется, такое положение дел устраивало и насельников. К

Между тем в Древнем Киеве, в отличие от Новгорода так и не сформировалась практика вечевого участия в избрании архимандритов и их отстранения от должности. Однако совершенно очевидно, что по крайней мере, между крупнейшей

беспрестани, посреди кѣлиа стоа. <...>. Се увѣдавъ градъский властелинъ и повеле мучити татии. Стужив жесий Григорие, яко его ради *предани* суть, и шед, дасть книги властѣлину, татие же отпусти» (Там же. С. 406).

³²ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275-276.

³³Там же. Стб. 328.

³⁴Данный принцип был нарушен в 1146 г. в отношении Святослава Всеволодовича, закрывшегося в Иринином монастыре, а в 1147 г. — князя-инока Игоря, пребывавшего в Феодоровской обители (Там же. Стб. 327, 349-553).

³⁵ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418-419; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 545.

загородной обителью Матери городов русских (Печерским монастырём) и киевлянами протянулись многочисленные нити взаимоотношений и связей. Достаточно заметить, что разорение Киева союзными войсками в 1169(1171) г. рассматривалось летописцем как наказание горожан за несправедный суд митрополита над известным игуменом Поликарпом. Вероятно, грех первосвященника был вменён киевлянам за их безучастность к судьбе подвижника.

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что пригородные монастыри Киева, как, следует предполагать, и иных крупных городов Руси, могут рассматриваться в качестве составных частей городской инфраструктуры. Их нахождение за пределами города не только не исключало из административно-правовых отношений с городом, но и расширяло пространство городской юрисдикции над примыкавшими к городу территориями. Данное обстоятельство объясняется особенностями возникновения древнерусского монашества и спецификой восприятия городского пространства Киева в сознании первых поколений древнерусских книжников. Город, прежде всего Киев, для древнерусского инока это место сосредоточения христианской жизни и обретения зримых образов христианских идеалов. В результате монастыри не противопоставлялись городу, а становились его продолжением. По сути пригородные обители отчасти можно рассматривать в качестве маркеров того пространства, над

которым распространялась власть города. Вполне очевидно, что описанная включенность загородных монастырей в жизнь Киева формировалась постепенно, как по мере укрепления строя самих общин подвижников, так и по мере совершенствования системы городского самоуправления. Конечно, нахождение подобных поселений иноков за пределами города продолжительное время в значительной мере оберегало их от внутренней строй от городских волнений и княжеских усобиц, обеспечивая своего рода нейтралитет в периоды политической нестабильности. Однако с начала XII в. не только городские, но и пригородные монастыри оказались включенными в динамические процессы политической борьбы в Киеве. И в этом смысле жизнь пригородных монастырей оказалась под существенным контролем не только князей-ктиторов и митрополитов, но и городских общин. Новое положение дел внесло в монашеское существование новые трудности, которые, впрочем, воспринимались иноками в качестве естественного течения христианской жизни киевской земли. Что же касается границы или пределов влияния древнерусского города, то судя по всему, их можно определить расположением и удалённостью пригородных монастырей, само существование которых всецело зависело от жизни связанного с обителью административно-политического центра

Библиография

Антонович В. Б. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губернии в течение 1876 года // Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца при Университете Св. Владимира. Кн.1: 1873–1877. Киев, 1879.

Артамонов Ю. А. Кем был основан Михайловский Выдубицкий монастырь в Киеве? // Электронный научно-образовательный журнал "История". № 1 (34).2015.

Бобровский Т. А. Пещерные монастыри и пещерное монашество в истории и культуре средневекового Киева: автореф. дисс. к.и.н. Київ, 1995.

Воронцова О. А. Дослідження та відродження Звіринецького печерного комплексу у Києві — середньовічної пам'ятки історії та культури України // Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури: випуск 23 (спецвипуск 9): Дослідження монастирських печерних комплексів / Ред. рада: В.М.Колпакова (відп. ред.) та ін. Київ, 2010.

Воронцова О. А. Исследование и возрождение средневекового памятника истории и культуры Украины - Зверинецкого пещерного комплекса в Киеве: автореф. дисс. к.и.н.: 17.00.01. Киев, 1996.

ГДЕ ПРОЛЕГАЛИ ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА? (НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ О РЕАЛИЯХ X-XII ВВ. НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИЕВА И ЕГО ПРИГОРОДНЫХ МОНАСТЫРЕЙ)

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. / отв. ред. П. Н. Попов. Киев, 1966.

Гайденок П. И. Еще раз о 25 граффити Софии Киевской. Было ли это граффити древнейшим русским актом? И зачем его оставили на стене храма? // *Гайденок П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013.

Голубева Л. А. Топография домонгольского Киева (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 29 марта 1946 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XVI. 1947.

Дробышева М. М. Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. Вып. 1(48). 2020.

Житие Антония Римлянина // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 13 / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Понырko. СПб., 2005.

Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / ИРЛИ РАН (Пушкинский дом); сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Понырko и Д. С. Лихачёва. Т. 1. СПб., 1997.

Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880.

Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Понырko. СПб., 2004.

Котышев Д. М. Надпись о "Бояней земле" из Киевской Софии: о ранней традиции заключения поземельных сделок в Древней Руси // Электронный научно-образовательный журнал "История". Т. 11. № 6 (92). 2020.

Котышев Д. М. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи N25 из киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006.

Котышев Д. М. От русской земли к земле Киевской: Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX-XII вв. М., 2019.

Куза А. В. Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село / Сер. Археология СССР; Ин-т археологии РАН; Ин-т ист. материальной культуры РАН. М., 1985.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989.

Куза А. В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город, замок, село / Сер. Археология СССР; Ин-т археологии РАН; Ин-т ист. материальной культуры РАН. М., 1985.

Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII – начало XIII века. СПб., 2010.

Неведомы(х) словесъ изложено Георгием митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Вып. 11. М., 2004.

Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001.

Ульяновский В. И. Чудо-Михайловский монастырь в Киеве: проблема посвящения, символики и статуса // *Rossica Antiqua*. Т. 2. 2011.

Ульяновский В. И. Киевские Зверинецкие пещеры и скит: история в особах: научное исследование / Василий Ульяновский. Киев, 2018.

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1989.

Bar Doron. Rural Monasticism as a Key Element in the Christianization of Byzantine Palestine // *Harvard Theological Review*. January. Volume 98, Issue 1. 2005.

Goldfus Haim. Urban monasteries and monasteries of Early Byzantine Palestine: preliminary observations // ARAM Periodical. 15(1). 2005.

Сведения об авторе

Гайденко Павел Иванович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, председатель редакционного совета журнала «Палеороссия. Древняя Русь: во времени. в личностях, в идеях», г. Москва (Россия). Область научных интересов: история древнерусской церковной организации и церковно-государственных отношений в Киевской Руси.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru .

P. I. Gaidenko

WHERE DID THE BORDERS OF THE ANCIENT RUSSIAN CITY LIE? (A FEW OBSERVATIONS ABOUT THE REALITIES OF THE X-XII CENTURIES ON THE EXAMPLE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN KIEV AND ITS SUBURBAN MONASTERIES)

Annotation: The essay presented to the attention of the readers is devoted to two important problems: first, the inclusion of suburban monasteries of the XI-XII centuries. into the system of urban relations, and, secondly, the establishment of a connection between the limits of the authority of the city government with the monastic settlements outside the city walls. Preliminary observations allow us to conclude that the suburban monasteries of Kiev not only were not cut off from the life of urban communities, but, most likely, were perceived by contemporaries as an integral part of the urban infrastructure. The reports of sources suggest that a similar awareness of their involvement in the system of urban relations was present among the inhabitants of these suburban monasteries. This circumstance is explained not only by the traditions of Eastern monasticism, but also by the peculiarities of the initial stage of the formation of Russian monasticism, whose worldview was not only not opposed to the city, but was also formed in the context of the life of the city, in which they saw the focus of Christian ideals and virtues.

Key words: Ancient Rus, Kievan Rus, history of the Russian Church, Old Russian monasticism, Kiev-Pechersky Monastery, Ancient Kiev, borders of the Old Russian city.

References

Antonovich V. B. Arheologicheskie nahodki i raskopki v Kieve i Kievskoj gubernii v techenie 1876 goda [Archaeological finds and excavations in Kiev and the Kiev province during 1876] // CHteniya v Istoricheskom Obshchestve Nestora-Letopisca pri Universitete Sv. Vladimira. Kn.1: 1873–1877. Kiev, 1879. (In Russian).

Artamonov Yu. A. Kem byl osnovan Mihajlovskij Vydubitskij monastyr' v Kieve? [Who founded the Mikhailovsky Vydubitsky Monastery in Kiev?] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya". № 1 (34).2015. (In Russian).

Bobrovskij T. A. Peshchernye monastyri i peshchernoe monashestvo v istorii i kul'ture srednevekovogo Kieva [Cave monasteries and cave monasticism in the history and culture of medieval Kiev]: avtoref. diss. k.i.n. Kiïv, 1995. (In Russian).

Voroncova O. A. Doslidzhennya ta vidrodzhennya Zvirinec'kogo pechernogo kompleksu u Kievi — seredn'ovichnoï pam'yatki istorii ta kul'turi Ukraïni [Research and revival of the Zvirynets cave complex in Kyiv - a medieval monument of history and culture of Ukraine] // Lavrs'kij al'manah: Kievo-Pechers'ka lavra v konteksti ukraïns'koï istorii ta kul'turi: vipusk 23 (specvipusk 9): Doslidzhennya monastir'skih pechernih kompleksiv / Red. rada: V.M.Kolpakova (vidp. red.) ta in. Kiïv, 2010. (In Ukrainian).

Voroncova O. A. Issledovanie i vrozozhdenie srednevekovogo pamyatnika istorii i kul'tury Ukrainy - Zverineckogo peshchernogo kompleksa v Kieve [Research and revival of the medieval

monument of history and culture of Ukraine - Zverinets cave complex in Kiev]: avtoref. diss. k.i.n.: 17.00.01. Kiev, 1996. (In Russian).

Vysockij S. A. Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoj XI-XIV vv. [Ancient Russian inscriptions of Sophia of Kiev XI-XIV centuries.] / otv. red. P. N. Popov. Kiev, 1966. (In Russian).

Gajdenko P. I. Eshche raz o 25 graffiti Sofii Kievskoj. Bylo li eto graffiti drevnejshim russkim aktom? I zachem ego ostavili na stene hrama? [Once again about 25 graffiti of St. Sophia of Kiev. Was this graffiti the oldest Russian act? And why was it left on the wall of the temple?] // Gajdenko P. I., Moskaleva L. A., Fomina T. Yu. Cerkov' domongol'skoj Rusi: ierarhiya, sluzhenie, nray. Moscow, 2013. (In Russian).

Golubeva L. A. Topografiya domongol'skogo Kieva (Tezisy kandidatskoj dissertacii, zashchishchennoj na zasedanii Uchenogo Soveta IIMK 29 marta 1946 g.) [Topography of pre-Mongol Kiev (Abstracts of the Ph.D. thesis, defended at a meeting of the Academic Council of the IIMK on March 29, 1946)] // Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury. Vyp. XVI.1947. (In Russian).

Drobysheva M. M. Graffito № 25 iz Sofii Kievskoj: chto my znaem o pokupke «Boyanovoj zemli»? [Graffito No. 25 from Sophia Kievskaya: what do we know about the purchase of "Boyanova land"?] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 1(48). 2020. (In Russian).

Zhitie Antoniia Rimlyanina [The Life of Anthony the Roman] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: Vol. 13 / pod red. D. S. Lihachyova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. St.-Peterburg, 2005. (In Russian).

Zhitie Feodosiya Pecherskogo [The Life of Theodosius of Pechersky] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi / IRLi RAN (Pushkinskij dom); sost. i obshch. red. L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko i D. S. Lihachyova. Vol. 1. St.-Peterburg, 1997. (In Russian).

Kanonicheskie otvety mitropolita Ioanna II [Canonical responses of Metropolitan John II] // Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6: Pamyatniki kanonicheskogo prava: Ch. 1: Pamyatniki XI-XV v. St.-Peterburg, 1880. (In Russian).

Kievo-Pecherskij Paterik [Kiev-Pechersk Patericon] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: Vol. 4: XII vek / pod red. D. S. Lihachyova, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. St.-Peterburg., 2004. (In Russian).

Kotyshev D. M. Nadpis' o "Boyanej zemle" iz Kievskoj Sofii: o rannej tradicii zaklyucheniya pozemel'nyh sdelok v Drevnej Rusi [Inscription about "Boyan Land" from Kiev Sophia: about the early tradition of concluding land deals in Ancient Rus] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya". Vol. 11. № 6 (92).2020. (In Russian).

Kotyshev D. M. O pozemel'nyh sdelkah v Drevnej Rusi (k izucheniyu nadpisi N25 iz kievskoj Sofii) [On land transactions in Ancient Rus (to the study of inscription N25 from Kiev Sofia)] // Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture: sb. st. k 70-letiyu prof. Igorya YAKovlevicha Froyanova. Moscow, 2006. (In Russian).

Kotyshev D. M. Ot russkoj zemli k zemle Kievskoj: Stanovlenie gosudarstvennosti v Srednem Podneprov'e v IX-XII vv. [From Russian land to Kiev land: Formation of statehood in the Middle Dnieper region in the 9th-12th centuries] Moscow, 2019. (In Russian).

Kuza A. V. Drevnerusskie goroda [Old Russian cities] // Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo / Ser. Arheologiya SSSR; In-t arheologii RAN; In-t ist. material'noj kul'tury RAN. Moscow, 1985. (In Russian).

Kuza A. V. Malye goroda Drevnej Rusi [Small towns of Ancient Rus]. Moscow, 1989. (In Russian).

Kuza A. V. Ukreplyonnye poseleniya [Fortified settlements] // Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo / Ser. Arheologiya SSSR; In-t arheologii RAN; In-t ist. material'noj kul'tury RAN. Moscow, 1985.

Mihajlova I. B. Malye goroda Yuzhnoj Rusi v VIII – nachalo XIII veka [Small towns of South Russia in the VIII - early XIII centuries]. St.-Peterburg, 2010. (In Russian).

Nevedomy(h) sloves . izlozhenno Georgiem mitropolito(m) Kievskym [Unknown (h) words. set out by Georgy Metropolitan(m) Kievskiy I ask German igoumen. I will tell it. Germanu igoumenu v"prashayushchu .

onomu povedayushchu] // Slavyane i ih sosedi. Slavyanskij mir mezhdu Rimom i Konstantinopolem. Vyp. 11. Moscow, 2004. (In Russian).

Pamyat' i pohvala Iakova mniha knyazyu Vladimiru Svyatoslavichu [Memory and praise of Jacob Mnich to Prince Vladimir Svyatoslavich] // Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi: Vol. 1: Domongol'skij period / sost, avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskij. Moscow, 2010. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 2001. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 2001. (In Russian).

Ul'yanovskij V. I. Chudo-Mihajlovskij monastyr' v Kieve: problema posvyashcheniya, simboliki i statusa [Miracle-Mikhailovsky Monastery in Kiev: the problem of dedication, symbolism and status] // Rossica Antiqua. Vol. 2. 2011. (In Russian).

Ul'yanovskij V. I. Kievskie Zverineckie peshchery i skit: istoriya v osobah: nauchnoe issledovanie [Kievskie Zverinetsky Caves and Skete: History in Persons: Scientific Research]. Kiev, 2018. (In Russian).

Schcapov Ya. N. Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi X-XIII vv. [State and Church of Ancient Rus X-XIII centuries] / otv. red. A. P. Novosel'cev. Moscow, 1989. (In Russian).

Bar Doron. Rural Monasticism as a Key Element in the Christianization of Byzantine Palestine // Harvard Theological Review. January. Volume 98. Issue 1. 2005. In English).

Goldfus Haim. Urban monasteries and monasteries of Early Byzantine Palestine: preliminary observations // ARAM Periodical. 15 (1). 2005. (In English).

About the author

Gaidenko Pavel I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science of the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Moscow State Linguistic University, Chairman of the Editorial Board of the journal "Paleorosia. Ancient Russia: in time. in personalities, in ideas", Moscow (Russia).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТОПИКИ «СЛОВА О ПЕРВЫХ ЧЕРНОРИЗЦАХ ПЕЧЕРСКИХ»

Аннотация: В статье показаны самостоятельность и сюжетное единство «Слова о первых черноризцах печерских». Наиболее вероятным его автором является Нестор. Исследуются агиографические топосы, использованные летописцем, анализируются особенности топосов «борьба с бесами» и «прельщение» в истории затворника Исакия Печерского. Несмотря на фантастическое содержание, в основе рассказов о первых печерских черноризцах лежат личные наблюдения и беседы летописца.

Ключевые слова: Слово о первых черноризцах печерских, Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик, Нестор Летописец, топосы.

«Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) содержит в себе значительное число т. н. «общих» мест, или топосов, преимущественно религиозного характера (агиографические рассказы, явные и скрытые цитаты из Священного Писания и Предания, теологические и телеологические рассуждения, проповеди и т. д.). Эти *loci communes*, прежде слабо востребованные, с течением времени привлекают всё большее внимание исследователей¹. Однако их интерпретация по-прежнему представляет собой трудную задачу, прежде всего в силу преобладания в них сюжетных и стилистических клише, «литературного этикета», шаблонов, сюжетных штампов. При всей важности такого рода материала для культурно-исторических штудий, исследований «ментальностей», герменевтики и прочих перспективных

направлений, историк не в силах игнорировать вопрос о соотношении религиозной топики, содержащейся в нарративных источниках, с теми событиями, о которых эти источники повествуют (или, что то же самое – насколько представленные в источниках топосы искажают картину реальных событий).

Особенную важность изучение «общих мест» приобретает для тех фрагментов ПВЛ, которые сближаются и даже порой сливаются с агиографией, не порывая, однако же, связи с основным нарративом (рассказы об Ольге, Владимире Святом, Борисе и Глебе, об основании Печерского монастыря, об Антонии и Феодосии, о печерских черноризцах и т. д.). С одной стороны, для адекватного истолкования летописных свидетельств нужно учитывать тот религиозно-топический контекст, в который эти свидетельства помещены. С другой стороны, для полноценного исторического исследования требуется отделить исторический материал от агиографического – хотя бы для того, чтобы установить, насколько надежны сообщаемые источником сведения и можно ли ими пользоваться для каких-либо дальнейших реконструкций. Решению этой двуединой задачи помогает обоюдный характер влияния исторического и агиографического начал: если летописец втискивает историю своего героя в прокрустово ложе житийных топосов, то невольно вносит «искажения» и в сами топосы. Зная агиографический образец, которому подражает автор (а зачастую и его герой) и сравнивая исходный топос с его воплощением в конкретном летописном рассказе, можно идентифицировать места, в которых «шаблонная» составляющая подверглась значительному изменению и

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

которые, следовательно, могут содержать более надежные исторические и биографические известия.

Русская летописная и житийная традиция домонгольского времени опирается на византийские и западноевропейские агиографические сочинения, круг которых достаточно надежно очерчен². Вычленив заимствованные агиографические топосы и проследив, как они воплощаются в древнерусских летописях и патериках, можно не только с большей уверенностью разграничить агиографические и историко-биографические компоненты в источниках, но и проследить, каким образом осуществлялся их синтез в каждом конкретном случае.

В данной работе исследуется фрагмент ПВЛ, вошедший также в Киево-Печерский Патерик (далее – КПП) и получивший условное название «Слово о первых черноризцах печерских»³ (далее – «Слово...»). Близкое по жанру к тематическим переводным патерикам, «Слово...» содержит значительный агиографический материал; одновременно, будучи написанным современником событий, оно включает в себе немалые сведения историко-биографического характера, ценные для понимания не только церковной, но социально-культурной истории Древней Руси. При всем при этом «Слово...» нечасто привлекало внимание исследователей, обращавшихся к нему преимущественно при рассмотрении вопроса об авторстве ПВЛ. Лишь единичные публикации посвящались изучению содержательного аспекта «Слова...»⁴.

² *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 131-184; *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. // ТОДРЛ. Т. 20. М.-Л., 1964. С. 63.

³ *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С. XX.

⁴ *Чернин С. Б.* Повествовательная структура Слова о черноризце Исакии в составе ПВЛ // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005. С. 82-95; *Мюллер Л.* Рассказ об Исакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь» // ТОДРЛ. Т. 54. 2003. С. 66-69; *Козак Н. С.* Літописна оповідь про прп. Ісакія Печерника в контексті становлення «житія общего» в Києво-

Будучи составной частью ПВЛ, «Слово...» читается в статье 6582 (1074) года, вслед за рассказом о кончине Феодосия Печорского, в летописях Лаврентьевской⁵, Ипатьевской⁶, Радзивилловской⁷ (где ему посвящено 10 миниатюр, 7 из которых приходится на историю об Исакии) и Никоновской⁸. В статье идет речь о прославившихся монахах Киево-Печерской обители, – Демьяне, Еремее, Матфее и Исакии⁹. Попав в состав КПП, «Слово...» подверглось жанровой ассимиляции и распалось на отдельные части; рассказ об Исакии при этом выделился в отдельную главу¹⁰. Хотя А. А. Шахматов полагал, что летописный и патериковский рассказы восходят к одному общему источнику¹¹, С. А. Бугославскому удалось показать, что патериковский рассказ был заимствован из ПВЛ¹². Отдельный рассказ об Исакии («Слово об Исакии мнисе» 27 апреля) представлен также в пространной редакции древнерусского Пролога¹³. Расхождения между летописным, проложным и патериковским рассказами незначительны; проложный рассказ слегка сокращен (например, выпущено описание приучения

Печерський обителі // Могилянські читання, 2000 року: Зб. наук. праць. К., 2001.

⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I: Лаврентьевская Летопись и Суздальская Летопись по Академическому списку. М., 1962. С. 188-198.

⁶ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 179-189.

⁷ ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 78-81.

⁸ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 103-107.

⁹ Собственные имена черноризцев, написание которых варьируется в различных публикациях, даны по: Киево-печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. Изд. подг. А. А. Ольшанская и С. Н. Травников. М., 1999.

¹⁰ Киево-печерский патерик. С. 258.

¹¹ *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие летописные своды. СПб., 2003. С. 467.

¹² *Бугославский С. А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. ИОРЯС. Т. 19. Кн. 3. СПб., 1914. С. 171.

¹³ *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 216-217, 344-349.

Исакия к самостоятельному приему пищи, упоминание о побоях Никона и прочих подробностях «юродства», не назван по имени повар, которому Исакий принес ворона). В неполном виде – без рассказа об Исакии – «Слово...» представлено в летописях Воскресенской¹⁴, Типографской¹⁵, Московском летописном своде 1497 года¹⁶.

Написанные по канонам агиографического жанра рассказы о первых черноризцах не являлись житиями в собственном смысле и не предназначались для процедуры канонизации. Невзирая на почитание «первых черноризцев» в киево-печерской традиции, формальная канонизация героев «Слова...» относится к довольно позднему времени: лишь в 1643 г. киевский митрополит Петр Могила официально причислил их (вместе с рядом других печерских подвижников и чудотворцев) к лику святых, а в 1762 г. указом Синода киевские святые были внесены в московские (общие) месящесловы¹⁷.

Примыкая в тексте ПВЛ к рассказу о смерти Феодосия Печерского и как бы являясь его смысловым продолжением, «Слово...» тем не менее имеет признаки самостоятельного произведения, включая четко выделенное начало (предисловие с общим восхвалением печерской братии) и концовку со словом «аминь». Некоторая неуклюжесть перехода от кончины Феодосия к подвигам подвижников¹⁸ – явный знак того, что «Слово...» при составлении летописи присоединили к предыдущему тексту искусственно. Вопрос же о том, принадлежат

ли рассказы о Феодосии и о подвижниках одному автору или же разным, неотделим от вопроса авторства как самого «Слова...», так и ПВЛ в целом.

Дошедшие до нашего времени источники не позволяют решить проблему авторства ПВЛ с такой точностью, которая полностью исключала бы вероятность других возможных решений. С одной стороны, целый ряд аутентичных данных указывает на Нестора – заглавие ПВЛ в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи¹⁹, упоминания о Несторе-летописце в послании Поликарпа Анкиндину (в рассказах о Никите-затворнике²⁰ и Агапите-целителе²¹). С другой – статья 1116 г. Лаврентьевской летописи содержит колофон игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра²², недвусмысленно свидетельствуя о его авторстве. Наконец, в летописном рассказе об ослеплении Василька Ростиславовича ведется повествование от первого лица, называемого Василием²³. Парадигма Шахматова, казалось бы, позволяла объединить всех трех летописцев в единой непротиворечивой схеме генезиса ПВЛ, однако она содержала в себе слишком много догадок и апелляций к гипотетическим не дошедшим до нас текстам – например, Нестору досталась несохранившаяся первая («основная») редакция ПВЛ²⁴. Впрочем, построения противников Шахматова тоже не могли обойтись без возведения опор из гипотез и домыслов. Сторонникам альтернативных версий приходится то удваивать и даже утраивать Нестора²⁵, то объявлять Сильвестра и Василия одним и тем же лицом²⁶, то задним числом придумывать

¹⁴ ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 344-345.

¹⁵ ПСРЛ Т. 24: Типографская летопись. Петроград., 1921. С. 66-68.

¹⁶ ПСРЛ Т. 25: Московский летописный свод 1497 г. М.-Л., 1949. С. 10-11.

¹⁷ Голубинский Е. История канонизации святых в Русской церкви. М. 1903. С. 202, 210.

¹⁸ Еще А. А. Шахматов находил этот переход «неуклюжим и неуместным» (Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 2002. С. 301). Следуя своему обыкновению, академик предположил здесь позднейшую вставку, однако это чисто гипотетическое объяснение и притом только одно из возможных.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. С. 2. Вар. 23.

²⁰ Киево-Печерский патерик. С. 38. Л. 35.

²¹ Там же. С. 42. Л. 39 об.

²² ПСРЛ. Т. 1. С. 286.

²³ Там же. С. 265-266.

²⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград, 1916. С. XVIII.

²⁵ Мюллер Л. Рассказ об Исакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь». С. 66.

²⁶ Аристов В. Василий-Сильвестр (о личности автора «Повести временных лет») // Ruthenica XII. 2013. 118-121.

выдубицкому игумену печерское прошлое²⁷ и т.д.

Нестор, Василий, Сильвестр – это пазлы истории русского летописания, которые пока не удается сложить вместе без подпорок умозрений и гипотез. Разочарование в сложных схемах летописания, наполненных гадательными рассуждениями и ссылками на виртуальные «предшествующие ПВЛ своды», закономерно породило стремление «снять» вопрос, объявив ПВЛ произведением одного только Сильвестра, составленным в начале XII в. и не опирающимся на какие-либо предшествующие опыты летописания²⁸. Однако возвращение источниковедения на позиции середины или даже первой четверти позапрошлого столетия (с заменой Нестора на Сильвестра) порождает новые нестыковки, устранить которые нельзя иначе как прибегая опять же к догадкам и натяжкам. В первую очередь, необоснованным выглядит игнорирование явной гетерогенности текста ПВЛ, несовместимой с идеей единственного автора. Не более убедительны и попытки представить расходящиеся с ПВЛ фрагменты I Новгородской летописи младшего извода (НЛмл) как следствия сокращения текста ПВЛ.²⁹ Наконец, без объяснения остаются близкие по времени свидетельства КПП, приписывающие Нестору летописную деятельность, в том числе конкретно написание рассказа о Демьяне, Еремее, Матфее и Исакии.

Гипотезы об авторстве «Слова о первых черноризцах печерских» представляют собой своего рода «уменьшенные копии» гипотез об авторстве ПВЛ. В числе кандидатов на авторство «Слова...» называются те же конкретные (Нестор, Никон, Василий или Сильвестр) или анонимные («составитель Начального свода», «составитель ПВЛ») лица, которые фигурируют в дискуссиях об авторстве ПВЛ в целом. Увлеченные своими теоретическими построениями,

исследователи порою мало церемонились со «Словом...», спокойно «разрывая» его на несколько рассказов, дабы полученная картина соответствовала их реконструкциям.

Н. И. Костомаров, опираясь на упоминания в послании Поликарпа летописи Нестора, содержащей рассказы о Демьяне, Еремее, Матфее и Исакии, приписал Нестору авторство Печерской летописи, которая предшествовала ПВЛ, составленной уже Сильвестром³⁰. А. А. Шахматов, в целом приняв идею о Печерской летописи, отказался считать Нестора ее автором, хотя и отмечал, что составитель летописи опирался на некоторые работы Нестора, такие как «Сказание о начале Печерского монастыря» (которое было смешано с гипотетическим «Житием Антония») и Несторово «Житие Феодосия Печерского» (откуда были позаимствованы известия о Демьяне). Рассказы же о других черноризцах Шахматов относил за счет «устного предания»; написание «Слова...» академик первоначально датировал временем после 1089 г, поскольку в тексте упоминалось игуменство Иоанна³¹. Основаниями, побудившими Шахматова отказать Нестору, вопреки указанию Поликарпа, в авторстве «Слова...» были, во-первых, те отрывки из «Слова...», в которых игумен Никон выставлялся в неблагоприятном свете (это противоречило эпитету «великий», которым Нестор награждал Никона в своем «Житии Феодосия Печерского»)³², во-вторых – сообщение о бегстве Антония в Болдины горы под Черниговом (с этим не согласовывалось известие из того «Жития Феодосия» о нахождении Антония в пещере «не излазя» со времен игуменства Варлаама и известие из статьи ПВЛ 1051 г. о пребывании Антония в пещере под Киевом в течение 40 лет, которое А. А. Шахматов тоже связывал с Нестором)³³.

²⁷ Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica VII*. 2008. С. 159.

²⁸ Там же. С. 165.

²⁹ Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама*. М., 2012. С. 37–63.

³⁰ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. СПб., 1861. С. 27–28.

³¹ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие летописные своды. СПб., 2003. С. 172.

³² Там же. С. 423.

³³ Там же. С. 142.

Впрочем, наличие якобы «антиниконовских» фрагментов не помешало А. А. Шахматову приписать составление рассказа о первых черноризцах тому же Никону. Академик полагал, что повествование о первых черноризцах изначально входило в рассказ о начале Печерского монастыря, было составлено Никоном еще при жизни Феодосия и лишь позднее было перемещено в 1074 год³⁴. Чтобы избежать кричащих противоречий, академик раскидал «Слова...» по своим умозрительным сводам. Основная часть «Слова...» вошла в никоновскую редакцию Древнейшего свода 1073 г. Окончание же историй о прозорливом Матфее (эпизод с ослом) и последнюю часть рассказа об Исакии (содержащую упоминания о побоях Никона и об игуменстве Иоанна, когда Никона уже не было в живых) А. А. Шахматов приписал автору Начального свода³⁵.

Еще Д. И. Абрамович отмечал слабость шахматовских аргументов против авторства Нестора. Так, сообщение «Жития Феодосия» о безвылазном пребывании Антония в пещере вряд ли стоит понимать буквально: это свидетельство скорее литературное, нежели историческое. Что до антиниконовских фрагментов, то смена тональности упоминаний о Никоне могла быть связана просто с тем, что Никона ко времени написания «Слова...» уже не было в живых³⁶. Сходных взглядов придерживался П. П. Толочко, приписывающий авторство Нестора не только «Слову...», но и всей летописной статье 6582 (1074) г. П. П. Толочко с полным основанием отвергал еще один аргумент Шахматова, приводимый в пользу версии о составлении большей части «Слова...» еще при жизни Феодосия – настоящее время глагола «сиять»: поскольку речь идет о подвижниках, то они «сияют» не только при жизни, но и после смерти, потому нет оснований считать, что «Слова...»

составлено еще при жизни описываемых подвижников³⁷.

Заявленное в статье ПВЛ 1051 г. обещание рассказать о житии Феодосия послужило для П. П. Толочко основанием приписать Нестору и эту статью: по мнению исследователя, обещание было исполнено путем написания «Жития Феодосия», чем и объясняется отсутствие житийных сведений в тексте ПВЛ³⁸. Т. Вилкул тоже считает, что статьи 1051 и 1074 г. принадлежат перу одного автора. Среди прочего, она указывала на заимствование из Амартола, читаемое в ПВЛ и НЛМл в рассказе о кончине Феодосия 1074 г. В соответствии с собственной концепцией раннего летописания исследовательница приписывает авторство Сильвестру³⁹. Идея о тематическом единстве статей 1051 и 1074 гг. вообще распространена среди исследователей. Наряду с А. А. Шахматовым ее высказывал еще М. С. Грушевский, приписывающий эти статьи некому современнику Феодосия, но не Нестору⁴⁰. С. А. Бугославский тоже атрибутировал обе статьи «одному лицу, постриженнику преп. Феодосия»⁴¹.

Ссылаясь на одну из ранних работ А. А. Шахматова, В. П. Адрианова-Перетц сочла нерешенным вопрос об авторстве повествования о печерских черноризцах⁴². Свою работу она посвятила особенностями древнерусской агиографии, в первую очередь, на материале КПП. Исследовательница указала на сюжеты из восточных патериков, которые были использованы при составлении историй

³⁷ Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 50, 68–69.

³⁸ Там же. С. 66–67.

³⁹ Вилкул Т. Статья «Чего ради прозвася Печерський монастирь» 1051 г. и ее автор (К вопросу о Житии св. Антония Печерского). 2013. URL: <https://www.academia.edu/4076813> (дата обращения: 08.08.2021).

⁴⁰ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905. С. 483.

⁴¹ Бугославський С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. С. 177.

⁴² Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Том XX. М.-Л., 1964. С. 51.

³⁴ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 302–303.

³⁵ Там же. С. 414, 417.

³⁶ Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С. XX.

Феодосия и других печерских подвижников. Так, прельщение Исакия сходно с историей Валента из «Лавсаика», а эпизод со стоянием Исакия на горячей печи – с рассказом о брате Георгии из «Луга духовного»⁴³. В. П. Адрианова-Перетц отмечала большую по сравнению с восточным оригиналом насыщенность русского рассказ конкретными деталями, живость характера Исакия по сравнению со схематизмом образа Валента.

Л. Мюллер посвятил особую работу рассказу об Исакии⁴⁴. Исследователь усмотрел существенное противоречие в том, что Исакий, вопреки заявленному намерению не уходить больше в затвор и победить дьявола «ходя в монастыре», всё-таки удаляется вторично в пещеру, откуда его приносят обратно в монастырь лишь незадолго до смерти. По мнению Л. Мюллера, здесь имело место смешение двух историй об Исакии, одна из которых прославляла монастырское общежитие, а другая – затворничество. Первая история, более близкая к реальным событиям и написанная очевидцем, рассказывала о том, как Исакия нашли неподвижным в пещере, как за ним ухаживал Феодосий, как после выздоровления Исакий начал практиковать юродство. Вторая же история содержала мало реальных событий, зато изобиловала агиографическими шаблонами – нападения бесов, прельщение и т. п. Первая история выставляла причиной падения Исакия его затворничество, вторая – то, что он при виде мнимых ангелов забыл перекреститься. Возникновение противоречивых рассказов Л. Мюллер связывал с предполагаемой им борьбой двух партий внутри печерской общины – «антонианцев» и «феодосианцев», отстаивавших соответственно отшельнический и общежительный пути спасения. Спустя некоторое время, когда противостояние потеряло свою остроту, оба рассказа были скомпилированы составителем ПВЛ, которого Л. Мюллер идентифицировал с Нестором-летописцем.

Едва ли текст «Слова...» дает основание для подобных выводов. О противоречиях в

тексте уместно было бы говорить, если бы о вторичном поселении Исакия в пещеру сообщалось бы *сразу* за его словами о намерении «ходить в монастыре» (да и в этом случае экономичнее было бы предположить авторский недочет, нежели пускаться в придумывание никогда не существовавших текстов). Но это не так: озвучив свое решение, Исакий ходит к заутрене, служит на кухне, ловит ворона, приобретает авторитет у братии, начинает юродствовать и «ходить в миру». Лишь после всего этого сообщается о его возвращении в пещеру. Но это возвращение не означает изоляцию от монастыря.

Противопоставлять затворничество общежитию было бы ошибкой, поскольку в практике печерской общины эти подходы считались взаимодополняемыми. В «Житии...» Нестора Феодосий, даже став игуменом, регулярно удаляется в пещеру, где, как и Исакий, подвергается нападениям бесов. Что Исакий, вторично поселившись в пещере, не прервал связи с монастырем, видно хотя бы из того, что он принимал побои со стороны игумена Никона.

С. Б. Чернин, не соглашаясь с разделением истории об Исакии (но и не приводя аргументов против), тоже усматривал в ней тенденцию к противопоставлению Антония и Феодосия⁴⁵. Феодосий действительно играет более активную роль в повествовании, но говорить о его антагонизме по отношению к Антонию можно было бы с натяжкой. Вопреки мнению С. Б. Чернина, Антоний в рассказе не так уж «пассивен»: он принимает Исакия в монастырь, он приносит ему еду в пещеру, он ухаживает за ним до своего бегства к Святославу Ярославичу. Вообще противостояние «антонианцев» и «феодосианцев», о котором писал и Л. Мюллер, относится к числу догадок и не может служить основанием для того, чтобы из реального текста «нарезать» тексты виртуальные. Кроме того, по справедливому замечанию С. М. Михеева⁴⁶, в рассказе об Исакии совершенно не заметно

⁴³ Там же. С. 65.

⁴⁴ Мюллер И. Рассказ об Исакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь».

⁴⁵ Чернин С. Б. Повествовательная структура Слова о черноризце Исакии в составе ПВЛ.

⁴⁶ Михеев С. М. Кто написал «Повесть временных лет»? М., 2014. С. 144.

текстологических швов, неизбежных при контаминации взаимоисключающих рассказов.

В работе самого С. М. Михеева повествование об Исакии сохраняет единство, но зато всё «Слово...» вместе взятое подвергается безжалостному расчленению. Основой для расшивки «Слова...» на отдельные фрагменты с приписыванием каждому собственного автора служит метод выявления «маркеров», характерных для реальных или гипотетических летописцев. С. М. Михеев обнаружил «маркеры составителя Начального свода» в рассказе о кончине Феодосия в начале статьи 1074 г. и в рассказах о Матфее и Исакии⁴⁷. Полное отсутствие предполагаемых маркеров в рассказе о Демьяне и в речи Феодосия послужили для С. М. Михеева основанием считать их вставкой, сделанной составителем ПВЛ.

Приводимые исследователем доказательства производят несколько сумбурное впечатление: так, он придает большое значение отсутствию рассказа о Демьяне в НЛМл, при том, что в данной летописи нет рассказов и о других черноризцах. Он отмечает, «что рассказ о Демьяне выбивается из композиции повествования о печерских подвижниках, так как он значительно длиннее рассказа о Еремее»⁴⁸; но если рассказ о Демьяне чем и выделяется, так это не размером, поскольку истории о Матфее и Исакии куда более пространны. Как бы то ни было, основной костяк «Слова о первых черноризцах» (истории о Матфее, Еремее и Исакии) С. М. Михеев приписывает составителю Начального свода (по его мнению, это Василий⁴⁹), а добавления в виде рассказа о Демьяне в «Слове...» и предсмертного поучения в рассказ о смерти Феодосия связывает с составителем ПВЛ, которого отождествляет с Сильвестром⁵⁰.

⁴⁷ Там же. С. 114-115.

⁴⁸ Там же. С. 115.

⁴⁹ Там же. С. 139.

⁵⁰ Там же с. 141. Пытаясь связать выдубицкого игумена с Печерским монастырем, С. М. Михеев там же упоминает, что в Печерах почитаются мощи Сильвестра. Обоснование слабое – ведь сначала нужно

Метод уникальных маркеров действительно выглядит перспективным направлением в текстологии русских летописей. Однако то, как этот метод применяется С. М. Михеевым, порождает сомнения. Для него маркерами зачастую выступают не стилистические особенности, не устойчивые фразеологические обороты, не значимые лингвистические особенности текстов, а всего лишь отдельные слова и словосочетания. Так, маркерами Начального свода в статье 1074 г. он считает такие слова, как «по обычаю», «паче», «печися», «единою», «понеже»⁵¹. Сомнительно, чтобы подобного рода маркеры обладали специфичностью, достаточной для идентификации автора. Примечательно, что четверо из пяти «маркеров» – «по обычаю», «паче», «печися», «единою» – читаются в несторовском «Житии Феодосия»⁵². При этом С. М. Михеев отказывает Нестору в участии в летописании и распределяет летописный материал между виртуальными сводами – «Древнейшим сказанием», Никоновским, Начальным. Однако все эти своды, хоть и приняты большинством исследователей, всё-таки остаются сугубо гипотетическими конструктами, и создавать на их основе гипотезу «второго порядка» представляется занятием рискованным.

Наконец, совершенно произвольным выглядит выбор объемов текста, которые исследуются на наличие или отсутствие специфических маркеров: сначала С. М. Михеев рассматривает всю статью 1074 г. и находит в ней маркеры Начального свода, затем берет отдельно рассказ о Демьяне, не находит в нем маркеров и приписывает его

установить, насколько обоснована атрибуция мощей, когда и при каких обстоятельствах началось их почитание и т. д.

⁵¹ Там же. С. 114.

⁵² См. Житие Феодосия в Успенском сборнике XII–XIII вв. под ред. С. И. Коткова. М., 1971. («по обычаю» – 30а9, 31в18, 40б18, 45а3, 52в5, 52в31-32, 55а26, 59б24, 64б18, «паче» – 26в30, 27в6, 28а11 и др, «печися» – 37а13, «единою» – 47г27-28). Любопытно, что в тексте «Жития...» имеются и другие слова, которые С. М. Михеев считает маркерами Василия – «якоже бо» (61в6), цитаты из Евангелия, (напр., 26б), «премудрость» (28а19, 29г17), что лишний раз подчеркивает слабую специфичность выделяемых С. М. Михеевым маркеров.

Сильвестру, затем внутри рассказа о смерти Феодосия выделяет его поучение, в котором тоже нет маркеров и которое поэтому он тоже относит к вставке составителя ПВЛ. Но такого рода подход полностью профанирует заявленный метод. Даже если допустить, что уникальные маркеры позволяют достоверно идентифицировать определенного автора, то насколько надежные выводы можно сделать из *отсутствия* каких-либо маркеров в выбранном фрагменте текста? В любом «маркированном» тексте можно отыскать фрагменты, никаких маркеров не содержащие. Тем самым исследователь получает карт-бланш на выделение в тексте любого числа «вставок»⁵³, которые он волен «раскидывать» приглянувшимся ему авторам. Под видом научной методики в очередной раз торжествует произвол ученого.

Разрывать на столь шатком основании цельные тексты, дробить связные рассказы, расщеплять законченные литературные произведения и одаривать получившимися фрагментами разных авторов – во всем этом куда больше непроверяемых спекуляций, нежели подлинного исследования. С. М. Михееву можно вернуть его упрек, брошенный им Л. Мюллеру – при наличии нескольких рассказов, слитых позже в один, естественно ожидать появления в новом повествовании текстологических швов, контаминаций, неясностей, противоречий, неровностей стиля, – словом, всего того, на что в истории печерских черноризцев нет ни намека.

Еще более сложную схему генезиса и авторства «Слова...» предлагает Ю. А. Артамонов. Следуя Шахматову, он кладет в основу всех печерских известий гипотетическое «Житие Антония Печерского», в которое входили краткие варианты рассказов о черноризцах. Эти рассказы были переработаны и дополнены

составителем Начального свода, который воспользовался либо «Житием Антония», либо неким памятником, созданным на его основе⁵⁴ (еще один гипотетический текст в схеме Ю. А. Артамонова). Безымянный летописец дополнил рассказ о Демьяне видением ангела в образе Феодосия, рассказ о Матфее – видениями толпы бесов, идущих за нерадивым монахом, и осла на игуменском месте, расширил рассказ об Исакии. На следующем этапе рассказ попал в руки Нестора (в реконструкции Ю. А. Артамонова он является составителем ПВЛ), который снабдил рассказ предисловием, дополнил вставкой в рассказе о третьем видении Матфея, а также расширил начало и конец рассказа об Исакии (начиная со слов со слов: «Феодосью же преставившюся...»)⁵⁵. По мнению Ю. А. Артамонова, известие о купеческом происхождении Исакия не читалось в первоначальных вариантах повествования и было внесено только Нестором; на основе этой гипотезы почему-то сделан вывод, что Нестор смешал двух разных Исакиев. Исследователь замечает, что в этом «нет ничего невероятного»⁵⁶, с чем нельзя не согласиться. Однако и аргументов в пользу этой гипотезы он не приводит, а одного только «вероятия» здесь недостаточно.

Впрочем, вся реконструкция Ю. А. Артамонова в целом построена на гипотезах о составе несохранившегося «Жития Антония Печерского» и потому, несмотря на ряд отдельных блестящих наблюдений (например, указания на фрагменты текста, несущие в себе явные следы руки Нестора), не может считаться надежной. О «Житии Антония» достоверно известно лишь то, что о нем упоминал Поликарп. Но из этого факта невозможно вывести даже дату его написания, а уж предположения о его содержании – гадания, фантазии и более ничего⁵⁷. Нет никаких данных о том, что

⁵³ С. М. Михеев в своем труде о ПВЛ поминает «вставки» практически на каждой странице – 266 упоминаний на 248 страницах текста (*Михеев С. М. Кто написал «Повесть временных лет»? С. 8-256*). Это сопоставимо с шахматовскими показателями – 337 употреблений слова «вставка» на 331 страницах (*Горovenko A. B. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 106*).

⁵⁴ *Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 80.*

⁵⁵ Там же. С. 77-81.

⁵⁶ Там же. С. 76.

⁵⁷ Примером подобного гадания является, например, гипотеза Е. А. Турук об «Антониевом патерике», куда, по ее мнению, входили рассказы о

«Житие Антония», даже если оно реально существовало, послужило основой для летописи, а не наоборот; соответственно, те рассказы о черноризцах «вкратце», о которых вспоминал Поликарп, могут как предшествовать, так и последовать поминаемому тем же Поликарпом «летописцу», написанному Нестором. Ю. А. Артамонов считает, что краткие рассказы из «Жития» первичны, но надежных доказательств не приводит. Исследователь полагает, что большой объем повествования об Исакии свидетельствует о значительной редакторской работе⁵⁸, однако редактирование с равной степенью вероятности может заключаться и в сокращении текста. По Ю. А. Артамонову, малый объем рассказа о Еремии обусловлен тем, что этот рассказ избежал последующих редакторских правок⁵⁹. Однако различие в размерах рассказов гораздо проще объяснить различной хронологической удаленностью героев от автора «Слова...», писавшего во времена игуменства Иоанна (кон. XI – нач. XII вв.): самые краткие сведения даны о Еремее, помнившем еще крещение Руси, чуть больше сведений дано о Демьяне, умершем при игуменстве Феодосия, более объемный рассказ посвящен заставшему игуменство Никона Матфею, и, наконец, наиболее подробно представлен Исакий, с которым автор «Слова...» общался непосредственно (как он мог при этом спутать своего собеседника с каким-то другим Исакием – решительно непонятно).

Гипотезам о том, что история об Исакии является результатом неоднократных дополнений и правок, противоречит ее стройный и сюжетно завершенный характер. В самом деле, перипетии борьбы Исакия с inferнальными силами полностью укладываются в выделенные еще В. Я.

Проппом сюжетные функции антагониста⁶⁰. Сначала бесы приходят к пещернику под видом сил света (функция «подвох»); герой по неосторожности поддается обману (функция «пособничество»); бесы доводят Исакия до полумертвого состояния («вредительство»); подвижник по прошествии времени вновь вступает с бесами в конфронтацию («борьба»); на этот раз он одолевает врага («победа»); он говорит врагам, что они – бесы, а старейшина их – антихрист (функция «обличение»); наконец, бесы погибают (функция «наказание»). Повествование об Исакии, таким образом, не только не содержит литературных «швов» или контаминаций, оно нанизано на идеальный сюжетный стержень. Крайне маловероятно, чтобы столь слаженное повествование случайно возникло из слияния нескольких разнородных и разновременных рассказов, как это заявлено в реконструкциях А. А. Шахматова, Л. Мюллера и Ю. А. Артамонова⁶¹.

Очевидно, попытка рассмотреть вопрос об авторстве «Слова...» в контексте проблемы происхождения и авторства всей ПВЛ неизбежно приводит к сложным многоуровневым гипотезам, ни одна из которых не обладает достаточной убедительной силой. Само «Слова...» при возведении зданий из гипотез лишается своей целостности и уникальности: с одной стороны, оно расщивается на разновременные фрагменты, с другой – объединяется в одно целое со статьями 1051 и 1074 гг. Надо заметить, что нарративное единство статей 1051 и 1074 гг. при всем своем внешнем правдоподобии и при всей своей популярности у авторитетных

⁶⁰ Волкова Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике. – ТОДРЛ. Т. 33. 1979. С. 230-231.

⁶¹ В свете изложенного совершенно бесосновательным выглядит утверждение Ю. А. Артамонова (Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского. С. 73), будто повествование об Исакии во второй своей части (после выздоровления героя) представляет собой ряд не связанных рассказов и что «избавление» Исаака Феодосием является «логическим завершением» истории. Вторичный бой, победа, посрамление и наказание врага – вполне последовательное и стройное продолжение сюжета.

первых черноризцах (см: Турук Е. А. К проблеме реконструкции Жития Антония // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 9: Филология. 2014. С. 145-148).

⁵⁸ Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского. С. 72.

⁵⁹ Там же. С. 69.

исследователей есть ничто иное как предположение. Это предположение может оказаться верным, но начинать с него исследование, касающееся авторства «Слова...», означает класть в основу исследования гипотетический непроверяемый тезис, что довольно рискованно. Единство «Слова...» с рассказом о кончине Феодосия выглядит на первый взгляд более обоснованным, поскольку оба рассказа заключены в одной погодной статье. С. А. Бугославский считал не требующим доказательств, что «Слово...» составляет единое целое с рассказом о кончине Феодосия на том основании, что оно тесно связано с предыдущим и последующим текстом (имеется в виду начало статьи за 6583 год, повествующее о начале Печерской церкви)⁶². Действительно, все перечисленные сюжеты объединены печерской темой, во всех них упоминается Феодосий. Но достаточно ли этого, чтобы говорить о *тесной* связи и считать априорной принадлежность их к одному и тому же автору?

Окончание истории о черноризцах четко выделено фразой «ему же слава в вѣках аминь»⁶³. Начало истории, как уже упоминалось выше, выглядит несколько сумбурно: после описания похорон Феодосия говорится о предрержании Стефаном монастыря и блаженного стада, которое совокупил Феодосий, после чего начинается вступление к рассказу о черноризцах⁶⁴. Появление Стефана выглядит немотивированным, поскольку в дальнейшем повествовании о подвижниках он лишь походя упоминается, ни одно из значимых событий не связано с ним лично. Зато статья 1075 года, где говорится о начале при игумене Стефане основанной Феодосием Печерской церкви, выглядит вполне органичным продолжением фразы о «предрержании» монастыря Стефаном. «Слово о первых черноризцах печерских» представляется самостоятельным произведением, вписанным (подобно

«Поучению» Мономаха) в летописную погодную статью независимо от рассказа о кончине Феодосия. Исходя из этого, вопрос об авторстве «Слова...» следует рассматривать отдельно от вопроса об авторстве повествования о последних днях Феодосия и об авторстве ПВЛ в целом.

Ограничение задачи значительно облегчает ее решение. Самое хронологически близкое указание на авторство «Слова...» – свидетельство Поликарпа, которое говорит не только о летописном труде Нестора, но конкретно указывает на Нестора как на автора рассказов о Демьяне, Еремее, Матфее и Исакии. Имея столь недвусмысленное свидетельство, отвергать авторство Нестора можно лишь при наличии весомых контраргументов.

В качестве таковых традиционно называются «антииконовские» пассажи. В дополнение к вышеперечисленным соображениям Д. И. Абрамовича, указавшего на слабость этой контраргументации, можно заметить, что упоминание о побоях, принимаемых Исакием от Никона, вообще не содержит себе никакой негативной коннотации по отношению к игумену. Исакий сознательно прибегнул к «уродству» (юродству) из смирения, чтобы «нейтрализовать» свою растущую славу; «пакостя» игумену, братии и мирским людям, он именно добивался того, чтобы его ругали и били. Избиения и поношения – обязательный топос в биографии юродивого⁶⁵. Нанося Исакию побои, игумен тем самым подтверждал, что «подвиг» Исакия достиг цели. Юродство имело свою, вывернутую наизнанку мотивацию. В «Лавсаике» рассказывается о юродствующей девице, подвергавшейся оскорблениям, избиениям и издевательствам со стороны других монахинь; когда последние раскаялись в своих поступках и начали ее почитать, она покинула монастырь и сгинула неизвестно где⁶⁶. Игумен Никон и вся печерская братия имели все основания

⁶² Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. С. 171.

⁶³ ПСРЛ Т1. С. 198.

⁶⁴ Там же. С. 188.

⁶⁵ Руди Т. Р. Об аскезе юродивых (из истории агиографической топики). // Slovene. № 1. 2015. С. 456-473.

⁶⁶ Иросанфион, или новый рай. Собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. Афон, 2010. С. 80-81.

полагать, что Исакий поступит точно так же, если побои сменяются почитанием; нанося побои, Никон фактически оберегал Исакия.

Эпизод с видением Матфеем осла на игуменском месте предназначался не для оскорбления Никона, а для подтверждения провидческого дара Матфея. О проступке игумена, проспавшего службу, рассказчик лишь невольно «проговаривается». Подобного рода «проговаривания» не редки в агиографической литературе Древней Руси: по замечанию В. П. Адриановой-Перетц, в историях из КПП, призванных прославить Печерскую обитель, совсем не затушевываются негативные стороны монастырского быта (корыстолюбие некоторых из братьев, повторяющиеся случаи ухода из монастыря, нерадение на церковных службах и т. д.)⁶⁷. Составители Скитского патерика, прославляя смирение и сдержанность Иоанна Персиянина, проговариваются о домогательствах монахов к приведенным на «исцеление» отрокам.⁶⁸ Синайский патерик, прославляющий монашество, содержит рассказы о сексуальной невоздержанности некоторых из братьев⁶⁹. Тенденция, даже господствуя в творчестве древнерусского агиографа или летописца, не подавляла его полностью. Рассказать о значимом событии было важнее, нежели умолчать о негативных сторонах. Если в «Житии Феодосия» Нестора «христоролюбивый» князь Изяслав грозитя раскопать пещеру и заточить монахов, то «великому» Никону вполне простительно разок проспать заутреню.

Как уже отмечалось выше, свидетельство «Жития Феодосия» о безвылазном пребывании Антония в пещере не может считаться противоречием известию о бегстве Антония в Болдины горы. Противоречие здесь возникает лишь при слишком буквальном, протокольном прочтении текстов. С возникающими при этом трудностями столкнулся и Ю. А. Артамонов: постулируя, что сказание о

начале Печерского монастыря и статья 1074 г. написаны одним человеком, он должен был объяснить, почему в сказании Антоний пребывает в пещере 40 лет, а в статье 1074 г. покидает пещеру и перемещается в окрестности Чернигова. Чтобы разрешить противоречие, Ю. А. Артамонов обращается даже к татищевским известиям и ссылается на полученные Татищевым от раскольника в Сибири пергаментные летописи, в которых якобы Антоний пребывал в пещере не 40, а 8 лет⁷⁰. Более того, исследователь домысливает известие за В. Н. Татищева, у которого в данном месте нет ссылки на конкретные «манускрипты» – в его примечаниях говорится только о неких «древнейших» летописях⁷¹; Ю. А. Артамонов от себя добавляет, что речь идет о Голицынском и Раскольничьем списках. Едва ли есть острая необходимость прибегать к столь сомнительным аргументам: во-первых, само по себе нарративное единство статей 1051 и 1074 сугубо гипотетично, а при выделении «Слова о первых черноризцах печерских» в отдельное произведение противоречие исчезает само собой; во-вторых, числовые данные в летописях несут скорее иллюстративный и символический, нежели буквальный смысл. И если наивному рационалисту В. Н. Татищеву необходимо было изыскивать объяснения мнимым хронологическим несуразицам, гадая, не спутали ли переписчики кириллические цифры 8 и 40 и приписывая свои догадки фантомным «древнейшим манускриптам», то для современного историка такого рода рассуждения выглядят довольно архаично и анахронично.

Значительная часть аргументов, выдвигаемых С. А. Бугославским и Ю. А. Артамоновым против авторства Нестора, сосредоточена не конкретно на «Слове...», а на статье 1074 г. в целом. Наиболее исчерпывающе проанализированы рассказ о кончине Феодосия и его отличия от соответствующего места в «Житии

⁶⁷ Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. С. 62.

⁶⁸ Скитский Патерик. О стяжании евангельских добродетелей. М., 2001. С. 110.

⁶⁹ Иоанн Моск. Луг духовный. М., 2010. С. 96, 294-295 и др.

⁷⁰ Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского. С. 55-58.

⁷¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 2. М., 2016. С. 313, 417; Т. 4. С. 556.

Феодосия». Ю. А. Артамонов приводит 4 различия⁷²; ни одно из них, взятое по отдельности, не обладает абсолютной доказательной силой (например, противоречивые данные о сроках пребывания Феодосия в затворе накануне Пасхи), но, вместе взятые, они не позволяют приписать этот отрывок Нестору иначе как с помощью множества натяжек. Однако, как уже неоднократно отмечалось, принадлежность рассказов о смерти Феодосия и о первых черноризцах одному произведению и одному автору не может считаться несомненным фактом, а при выделении «Слова...» в отдельное произведение аргументы против Нестора вообще становятся нерелевантными. Отмеченные Ю. А. Артамоновым фрагменты из «Слова...», текстуально сходные с несторовским «Житием Феодосия»⁷³, трактуются им как вставки. Такая трактовка допустима в случае, если «несторовский» фрагмент соседствует с такими фрагментами, которые заведомо Нестору не принадлежат – например, поучение Феодосия в рассказе о его кончине, явно перекликающееся с некоторыми местами «Жития Феодосия». Если же «несторовские» фрагменты отыскиваются в тексте, который не содержит каких-либо примет, свидетельствующих против Нестора (как «Слово о первых черноризцах печерских»), то экономичнее идентифицировать их не как вставки, а как дополнительные указания на авторство преподобного летописца. Надо, впрочем, учитывать, что текстологические параллели в данном случае основываются на очень маленьких фрагментах, содержащих много клишированных оборотов и «общих мест», поэтому их значение для авторской идентификации не следует преувеличивать⁷⁴.

Сравнивая рассказы о Демьяне в «Слове...» и в «Житии Феодосия», Ю. А. Артамонов приводит ряд различий: 1) в «Слове...» не сказано о целительском даре Демьяна; 2) в «Слове...» отсутствует текст молитвы Демьяна; 3) в «Житии...» ангел не

просто является Демьяну, а падает ему на грудь и целует; 4) в «Житии...» ангел обращается к Демьяну с краткой речью; 5) в «Слове...» не упоминается, что Демьян сразу догадался, кто к нему приходил; 6) в «Слове...» не сказано особо, что Демьян после видения специально посылал за Феодосием; 7) в «Житии...» между Демьяном и Феодосием происходит диалог, в ходе которого Феодосий понимает, что к его собеседнику являлся ангел; 8) в «Житии...» Феодосий по смерти Демьяна велит бить в колокол⁷⁵. Нетрудно заметить, что, вопреки вердикту Ю. А. Артамонова («летописный рассказ о Дамиане не принадлежит Нестору»), перед нами лишь более и менее подробные варианты одного и того же рассказа, в основе своей совпадающие вплоть до полной идентичности. Фрагмент «Жития...», посвященный Демьяну, один в один повторяет летописный рассказ, отличаясь лишь традиционным агиографическим декором. Примечательно, что даже С. А. Бугославский, склонный полностью отказывать Нестору в каком-либо участии в летописании, вынужден был в случае с рассказом о Демьяне апеллировать к устному преданию, попавшему в летопись и использованному Нестором в «Житии Феодосия»⁷⁶. У А. А. Шахматова картина получалась обратная – не Нестор заимствовал из летописи, а летописец взял рассказ о Демьяне из несторовского «Жития Феодосия»⁷⁷. Оба предположения в равной степени гипотетичны. Не экономичнее ли воздержаться от гипотез и приписать два слабо отличимых рассказа одному и тому же автору?

Ю. А. Артамонов придает большое значение тому, что в «Слове...» Антоний постригает Исакия, в то время как в «Житии Феодосия» Антоний всегда поручает совершать постриг Никону⁷⁸. Надо, однако же, принять во внимание, что вся биография Исакия до начала его затворничества дана

⁷⁵ Там же. С. 67-68.

⁷⁶ Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. С. 176-177.

⁷⁷ Шахматов А. А. История... Т. 1. Кн. 2. С. 172.

⁷⁸ Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского. С. 72.

⁷² Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского. С. 61-63.

⁷³ Там же. С. 65-66.

⁷⁴ Примечательно в этой связи, что С. М. Михеев, тоже выделяя поучение Феодосия в статье 1074 г. как вставку, приписывает его не Нестору, а Сильвестру.

сжато, конспективно; важнейшие для жития темы происхождения и детских лет подвижника, его стремления к монашеской жизни, назидательных бесед с наставником и пострига здесь уплотнены до нескольких фраз. Соответственно, сокращено и описание принятия подвижника в монастырь. Постриг Никоном был невозможен без предварительного одобрения Антонием, т. е. принятие Антонием имело большее значение, отчего упоминание об этом и сохранилось в кратком рассказе. Из трехсоставного действия: прием Антонием – постриг Никоном – облачение в монашеское платье – выпало среднее звено. Причислять этот фрагмент к свидетельствам против авторства Нестора нет оснований. В равной степени неверно утверждение Ю. А. Артамонова, будто подробное описание выздоровления Исакия мог сделать только очевидец, а Нестор таким быть не мог, поскольку пришел в монастырь позже, уже при игумене Стефане⁷⁹. Подробности выздоровления Нестор мог узнать от других монахов (включая самого Исакия), на что есть указания в тексте «Слова...» – «И ина многа поведаху о немь, а другое и самовидець бых»⁸⁰.

Таким образом, имея, с одной стороны, свидетельство Поликарпа о составлении Нестором летописного рассказа о Демьяне, Еремее, Матфее и Исакии и не располагая, с другой стороны, значимыми аргументами против авторства Нестора, мы имеем основание считать Нестора автором «Слова о первых черноризцах печерских». Вопросы о месте «Слова...» в схемах становления русского летописания, о принадлежности Нестору других фрагментов ПВЛ выходят за рамки данной статьи.

Как и другие рассказы Киево-Печерского патерика, в состав которого оно было включено, «Слово о первых черноризцах печерских» содержит ряд топосов, восходящих к восточным патерикам⁸¹. Через болгарские переводы на

Русь уже в XI в. проникли «Лавсаик» Палладия Еленопольского, Синайский патерик (составленный на основе «Луга Духовного» Иоанна Мосха, также известный как «Лимонарь»), ряд поздних редакций и переводов патериков с тематической или алфавитной рубрикой⁸². Наличие славянских переводов⁸³ и психологическое восприятие всех христианских единоверцев в качестве «своих»⁸⁴ облегчало усвоение и адаптацию текстов, повествующих о событиях III–VI вв. в далеких от Киева местах – Египте, Палестине, Сирии, Греции, Италии и проч. Среди литературных источников Киево-Печерского патерика Д. И. Абрамович указывал патерики Египетский, Скитский, Синайский, Иерусалимский, «Историю боголюбцев» Феодорита Кирского, «Диалоги» Григория Двоеслова, жития Антония Великого и Саввы Освященного, Евфимия Великого, Евстафия Плакиды, Панкратия Тавроменийского, Нифонта епископа Констанции Кипрской, Федора Студита, Федора Эдесского, Епифания Кипрского, Симеона Столпника, Иоанна Златоуста, Иллариона Великого, Феодосия Киновиарха, мучеников Кондрата, Феклы, Романа Сладкопевца, мучеников Никиты и Варвары⁸⁵.

Византийская топка широко представлена в древнерусской агиографии⁸⁶.

⁸² *Конявская Е. Л.* Греческая тема в Киево-Печерском патерике. С. 85.

⁸³ Египетский Патерик был переведен в X–XI вв., Иерусалимский и Синайский – в X в. в Болгарии, «Диалоги» Григория Двоеслова – в Моравии в X в., Скитский патерик известен на Руси по крайней мере с XI в. (Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. / ред. Д. М. Буланин, О. В. Творогов. 1987. С. 301-302, 306, 314, 318, 324).

⁸⁴ *Конявская Е. Л.* Греческая тема в Киево-Печерском патерике. С. 92.

⁸⁵ *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С. 131-140.

⁸⁶ *Антонова М. А.* Сюжетные топосы в агиографии. Вестник Брянского государственного университета. №2. 2013. С. 172-175; *Башлыкова М. Е.* Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 г. // Герменевтика древнерусской литературы. № 15. 2010. С. 187-416; *Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 220-260; *Краснова Н. А., Краснов А. Г.* Мотивы жития и агиографических

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 2. С. 187.

⁸¹ *Конявская Е. Л.* Греческая тема в Киево-Печерском патерике // Проблемы филологии: язык и литература. № 2. 2010. С. 87.

Таковы, например, часто встречающиеся мотивы рождения святого от благочестивых родителей, его стремление к подвижничеству уже в детском возрасте, поиск обители, первоначальный отказ в приеме, суровая аскеза, предвидение часа собственной смерти, посмертные чудеса и т. д. Одним из важнейших житийных топосов является «бесовское действо» – различного рода «искушения» и «нападения» на святого со стороны inferнальных сил. Эта тема живо интересовала Нестора: значительная часть Жития Феодосия посвящена противостоянию Феодосия бесовским нападениям. Этот же топос обильно представлен в житиях Антония Великого и Саввы Освященного, послуживших Нестору образцами при написании жития Феодосия⁸⁷. В «Слове о первых черноризцах печерских» тема «бесовского действия» является центральной. Другие затрагиваемые в нем темы так или иначе связаны с противостоянием бесам. Так, аскетическое подвижничество – это не просто важнейшая монашеская добродетель, но и самое эффективное средство против козней дьявола и его подручных, поэтому Исакий, потерпев поражение в первой схватке, отвечает врагу усилением аскезы («вспрять въздержанье паки жестоко»⁸⁸). Неоднократно поминаемая в «Слове...» прозорливость – это ничто иное, как способность видеть бесов (для всех других остающихся скрытыми) и тем самым предотвращать запланированные ими диверсии.

Популярные в агиографической литературе мотивы постничества и

жанровых вариантов. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. Т. 14. № 2 (3). 2012. С. 740-746; Руди Т. Р. 1) О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 431-500; 2) О топосе адаманта в древнерусской книжности // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 3-28; 3) «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 211-227; 4) Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С. А. Семячко и Т. Р. Руди. СПб., 2005. С. 59-101; 5) Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топике) // Русская агиография. СПб., 2011. С. 517-530.

⁸⁷ Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. С. 131.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 195.

целительства представлены в рассказе о Демьяне. Перед смертью Демьяну является ангел в виде Феодосия, предсказывая ему Царство небесное⁸⁹. Предсмертные видения ангелов и святых – частый топос агиографии, однако в рассказе о Демьяне есть одна особенность: он видит не почившего, а еще живого святого, который через некоторое время является ему, так сказать, «вживую». Наивность и даже внешняя несообразность видения, явно выходящая за рамки агиографических клише, позволяет предположить, что в основе приводимой летописцем легенды мог лежать рассказ Демьяна о своем сновидении или предсмертной галлюцинации.

Рассказ о Еремее⁹⁰ является наиболее кратким в «Слове...». Видимо, до летописца за давностью лет дошли лишь самые общие, конспективные сведения об этом черноризце. Еремей обладает даром провидения, он способен распознавать греховные помыслы других монахов и вовремя предостерегает их от козней дьявола. В тексте не сказано, каким образом Еремей узнавал о помыслах других братьев. Это становится ясным из рассказа о Матфее⁹¹, который тоже был «прозорлив», т. е. заранее узнавал о нехороших помыслах и прегрешениях других людей. Точнее, он мог видеть бесов, которые эти помыслы и прегрешения провоцировали.

Для монаха-аскета всякого рода нехорошие мысли и желания – несомненные плоды бесовского воздействия, поэтому если поблизости появляются бесы – это верный знак, что скоро кто-то из окружающих подвергнется искушению либо уже успел стать жертвой коварных прислужников сатаны. Способность видеть бесов, таким образом, тесно связана со способностью предвидеть опасность. Такого рода прозорливость часто встречается в религиозной литературе. Как установил И. Н. Данилевский, любопытное видение беса, осыпающего лепестками молящихся монахов, после чего некоторые из них (к которым прилипали лепестки) отправляются спать, имеет соответствие в буддистской сутре II

⁸⁹ Там же. С. 189.

⁹⁰ Там же. С. 189-190.

⁹¹ Там же. С. 190-191.

века⁹². Эпизод с видением бесов, идущих толпой за нерадивым монахом, имеет множество параллелей в переводных патериках. Блаженный Евлогий наблюдал, как согрешивших иноков облепили бесы в виде обнаженных юношей и девушек, предлагая им нарезанное человеческое мясо⁹³. Нифонт Константинопольский видел бесов, влекущих людей на языческие празднества⁹⁴. Отец Даниил наблюдал, как бесы увиваются вокруг оступившегося (помывшегося в бане) монаха⁹⁵. Авва Павел Простой во время службы заметил двух демонов, надевающих намордник на одного из братьев; при расспросе брат признался в блудном грехе⁹⁶. Евфимий Великий однажды наблюдал, как дьявол накидывает узду на двух монахов, Марона и Климатия; поговорив с ними, святой узнал, что они замыслили уход из монастыря, и сумел отговорить их от опрометчивого решения⁹⁷. В Скитском патерике авва Макарий встречает сатану, несущего в сосудах угощения для братии ближайшего монастыря. Через некоторое время сатана возвращается в печали: никто не прельстился на его угощения, только один брат по имени Феопемпт относится к нему дружески. Авва приходит в монастырь и выясняет в чем дело: оказывается, Феопемпта мучат блудные и прочие греховные помыслы. Макарий учит брата, как избавиться от помыслов (удлинить время поста, больше молиться, при появлении помыслов смотреть не вниз, а вверх и т. п.). Через некоторое время Макарий снова встречает вконец обескураженного сатану, у которого в обители уже совсем не осталось друзей: даже Феопемпт от него отрекся⁹⁸. Святой Бенедикт

видит черного мальчика, тянущего одного из монахов за край одежды, отчего монах не проявляет должного внимания на молитве⁹⁹. Некий старец прознал о близкой гибели брата, увидев рядом с ним двух демонов в виде эфиопов, держащих его на привязи¹⁰⁰. Сходного рода примеры можно найти и в Древнем Патерике¹⁰¹.

Эпизод, когда Матвей во время заутрени видит осла на месте игумена и догадывается, что игумен проспал службу, примечателен не только «антиниконовским» подтекстом, но и довольно странным «выбором» животного, в которого воплотился бес. Осел в символическом мире Средневековья не несет однозначно негативной коннотации, поскольку именно на осле Спаситель совершил въезд в Иерусалим. В одном из эпизодов Синайского патерика осел фигурирует как умное и доброе животное¹⁰². В Скитском патерике осел даже выставлен примером для подражания¹⁰³. Строго говоря, в тексте «Слова...» даже не сказано прямо, что проспавшего Никона замещал именно бес, так что если бы не общий контекст рассказа о Матфее, то это видение можно было бы истолковать в благоприятном для игумена ключе. Но это, конечно, было бы ошибкой: нет сомнения, что летописец, упоминая об осле, подразумевал те его свойства, которые фигурируют, например, в житии Епифания Кипрского¹⁰⁴ – дикость, непредсказуемость, опасность для человека. Но от этого нарисованная летописцем картина не становится менее двусмысленной: получается, что бес в облике осла присутствует на заутрене и даже занимает игуменское место, т. е. справляет службу!

В бесхитростный летописный рассказ вплетается многоплановый и

⁹² Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 216.

⁹³ Великие Минеи Четии, (ВМЧ) собр. Всерос. митр. Макарием. Декабрь. Выпуск 14. Тетрадь 1. День 31. СПб., 2009, Л. 714в–715б.

⁹⁴ Великие Минеи Четии, (ВМЧ) собр. Всерос. митр. Макарием. Декабрь. Выпуск 12. Дни 18–23. М., 1907. Л. 528 г.

⁹⁵ ВМЧ. Вып. 14. Л. 713г.

⁹⁶ Скитский патерик. С. 21–22.

⁹⁷ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга 5. М., 2010. С. 598.

⁹⁸ Скитский Патерик. С. 36–37.

⁹⁹ Григорий Двоеслов. Диалоги. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М., 2012.. С. 49.

¹⁰⁰ ВМЧ. Вып. 14. Л. 755б.

¹⁰¹ Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. С. 182, 188.

¹⁰² Иоанн Моск. Луг духовный. С. 237.

¹⁰³ Скитский патерик. С. 24.

¹⁰⁴ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга 9. М., 2010. С. 366.

полисемантический мотив набожной нечисти, широко распространенный как в восточной, так и в западной церковной литературе. Когда бесы произносят в церквях благочестивые проповеди, за этим еще можно увидеть «рациональный» мотив – обучая прихожан добру, дьявол может с большим основанием взыскивать с них за совершенное ими зло. Но вот одному аббату цистерцианского монастыря случилось наблюдать бесов, которые сами слушали проповедь, служили мессу и даже сожалели о тех временах, когда они еще не отпали от бога¹⁰⁵. В «Истории боголюбцев» беса привлекают на суд в качестве свидетеля, причем допрашивать его поручают отшельнику, и бес ему беспрекословно подчиняется¹⁰⁶. В Иерусалимском патерике дьявол допытывается у монаха, как ему обрести спасение; правда, предложенный ему способ – покаяние – нечистый с негодованием отвергает, поскольку не в состоянии преодолеть своей гордыни¹⁰⁷. Эта своеобразная «амбивалентность нечистой силы» (А. Я. Гуревич¹⁰⁸) в рассказе о Матфее отражена в амбивалентности символики осла; возможно, что таким образом автор летописного рассказа выразил и свое собственное амбивалентное отношение к Никону Великому.

Образцы не слишком трепетного отношения к духовным властям летописец тоже мог позаимствовать из древних восточных патериков. Некий старец молился за душу умершего нерадивого собрата. Однажды ему привиделось, что брат находится в аду в огненной реке. Оказалось, что благодаря молитвам старца он погружен только по шею и стоит над головой епископа¹⁰⁹. Примечательно, что в Синайском патерике этот рассказ следует сразу за историей об архиепископе – еретике Фалалее, застрявшем головой в нужнике. В

«Диалогах» Григория Двоеслова настоятель монастыря единственный из всей братии не в состоянии увидеть беса, на которого указывает святой Бенедикт¹¹⁰; тем самым настоятель «уравнивается» с нерадивым монахом, которого бес отвлекает от службы и который тоже не видит своего врага.

Черноризцу Исакию посвящена наиболее объемная часть «Слова...»¹¹¹. В ней легко опознаются как обычные для жития топосы ухода из мира, отказа от полноценной еды, «малого» сна в сидячем положении» и т. п., так и специфические для юродства темы побоев, нечувствительности к холоду, испытания огнем¹¹². Рассказ о том, как Исакий потушил неисправную пылающую печь босыми ногами, как установила В. П. Адрианова-Перетц, сходен с эпизодом из «Луга духовного»¹¹³. Главной же темой истории об Исакии является драматичное противостояние бесам, прельщение и конечная победа.

Начало истории об Исакии стандартно: будучи богатым купцом, он раздает имение, уходит в монастырь и начинает аскетические подвиги. Аскезу он совершает в уединении, затворившись в пещере. Для автора летописи, как и для его героя, отшельническая жизнь является наилучшей из возможных. Один из героев Египетского патерика даже радовался совершенному им непреднамеренному убийству, поскольку, вынужденный скрываться в пустыне, он приобщился к отшельнической жизни¹¹⁴. Среди лишений, которым подвергал себя Исакий, помимо тесного жилища, скудной пищи, одежды из усохшей козлиной шкуры, указан сон в сидячем положении. Такой же сон – «не ложаюсь на ребра» – практиковал и Феодосий в несторовском «Житии». В данном случае либо авторы (автор?), либо их герои, либо и те и другие вместе следовали давней

¹⁰⁵ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 34, 36-37.

¹⁰⁶ Федорит Кирский. История боголюбцев. М., 1996. С. 221-222.

¹⁰⁷ ВМЧ. Вып. 14. Л. 783в.

¹⁰⁸ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). С. 37.

¹⁰⁹ Иоанн Мосх. Луг духовный. С. 103.

¹¹⁰ Григорий Двоеслов. Диалоги.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 191-198.

¹¹² Руди Т. Р. Об аскезе юродивых (из истории агиографической топики) // Slovenc. №1. 2015. С. 456-473.

¹¹³ Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. С. 65.

¹¹⁴ Иросанфион. С. 47.

аскетической практике, отраженной, например в Египетском патерике¹¹⁵.

Отшельник, приступивший к аскезе, становится центром великого противостояния добрых и злых сил: если ангелы его оберегают и охраняют, то сатана и бесы всячески стремятся ему навредить. Начиная аскетическую жизнь, монах тем самым провоцирует нападение демонов. В Скитском патерике аввы Моисей и Исидор, стоя на крыше, наблюдают, как с запада на них с шумом надвигаются полчища бесов, а с востока – столь же бесчисленное число «облеченных славою» ангелов. Авва Макарий видел, как демоны, словно мухи, кружили вокруг одного юноши, норовя сесть на рот и на глаза, но ангел Господень отгонял их огненным мечом¹¹⁶. От бесовского нашествия избавлены лишь немногие, особо праведные подвижники – к их кельям бесы даже боятся приближаться¹¹⁷, но это редчайшие исключения. Обычный подвижник должен был быть постоянно настороже, поскольку нападение могло произойти в любой момент. Авва Даниил так боялся нападения демонов, что просил двух братьев следить, чтобы он не заснул¹¹⁸. Что Исакий Печерский тоже не избежал бесовского нападения – в этом ничего удивительного нет; гораздо примечательнее способ, каким это нападение осуществлялось.

Способы нападения бесов разнообразны. Иногда искушения проявляются лишь в греховных мыслях, желаниях, мечтах¹¹⁹. Древнехристианская антропология выделяла три вида помыслов у человека: естественные, от переедания и от демонов¹²⁰. Переедание в конечном итоге тоже происходило от греховных помыслов, навеянных всё теми же демонами. Любое прегрешение на каком-то этапе всегда включает в себя дьявольское воздействие. Благочестивая женщина, отчитав монаха за домогательства, считает нужным его утешить: ему не стоит печалиться, ведь помысел пришел не от его чистой души, а от

козней дьявола¹²¹. Преодоление какой-либо «страсти» (например, гнева) означало изгнание того демона, который эту «страсть» внушает¹²². Удастся это далеко не всегда. Опасность такого рода скрытого воздействия в том, что жертва зачастую не осознает, что с ней происходит, а порою и вообще не замечает своего падения. Но бывает и обратная последовательность: сначала человек впадает в грех, и только после этого ему является ободренный его падением демон. Так, к авве Исааку в Синайском патерике бес явился после того, как авва озлился на одного из братьев. На этом основании бес посчитал Исаака «своим» и даже предложил ему помощь в плетении сети. Когда же Исаак помирился с братом, бес в отместку сжег сплетенную аввой сеть¹²³.

Если отшельник не поддается воздействию помыслов, нечисть может прибегнуть к открытому нападению. В Египетском патерике к Макарию Александрийскому бесы сперва подступают скрытно, внушая ему внешне благочестивое желание посетить Рим. Угадав истинную цель врагов – заставить его покинуть свою келью – Макарий ложится на пороге кельи и заявляет бесам: тащите меня, если хотите, а сам я не пойду. В другой раз, почувствовав тягу к путешествию, Макарий взваливает на плечи тяжелую корзину и ходит с ней, пока не падает от усталости. В конце концов дьявол является перед Макарием открыто, подвижник ругается с ним, как с налоговым инспектором: отойди от меня, я тебе ничего не должен¹²⁴. В Синайском патерике дьявол безуспешно пытается внушить ту же мысль – оставить келью – Стефану Илиотскому. Подвижник не поддается. Однажды перед ним является демон и требует покинуть жилище, подкрепляя требование демонстрацией своего могущества (трясет стул и келью). Стефан отгоняет врага молитвой¹²⁵. В рассказе Феодора Илиотского из Синайского патерика монах ведет с

¹¹⁵ Там же. С. 77.

¹¹⁶ Скитский патерик. С. 98.

¹¹⁷ *Иоанн Мосх.* Луг духовный. С. 238.

¹¹⁸ Скитский Патерик. С. 92.

¹¹⁹ Там же. С. 38.

¹²⁰ Там же. С. 85.

¹²¹ *Иоанн Мосх.* Луг духовный. С. 294.

¹²² Скитский Патерик. С. 53.

¹²³ *Иоанн Мосх.* Луг духовный. С. 240.

¹²⁴ Иросанфион. С. 57-58.

¹²⁵ *Иоанн Мосх.* Луг духовный. С. 124.

дьяволом жаркую дискуссию¹²⁶. Иллариона Великого бесы донимали помыслами, пугали видениями, показывали обнаженных женщин; наконец, выведенный из себя стойкостью святого, бес вскочил к нему на плечи и ударил его кнутом. Нифонта Констанцкого дьявол мучает ночными кошмарами, затем является в открытую и соблазняет едой, запугивает, требует отказаться от некоторых молитв, внушает еретические мысли и даже пытается убить, так что только вмешательство Богородицы спасает Нифонту жизнь¹²⁷.

Однако личного свидания с inferнальными силами не избегают и те, кто всё-таки поддается внушаемым ими помыслам. Когда отшельник Нафанаил, искушаемый помыслами, меняет место жительства, ободренный бес является перед ним лично и снова гонит прочь, щелкая для устрашения бичом¹²⁸. В Иерусалимском патерике дьявол сподвигнул некоего монаха на кражу, затем на прелюбодеяние и, наконец, на убийство. Доведя несчастного до смертного приговора, дьявол открывается ему непосредственно перед казнью¹²⁹. Но дьявол может явиться и затем, чтобы признать свое поражение, как он явился перед отшельницей Сарой, которую безуспешно донимал блудными помыслами¹³⁰.

Но такого рода дипломатические беседы – редчайшие исключения. Обычно встречи с нечистью протекали гораздо интереснее и драматичнее. Авва Макарий, заснув по дороге в языческом капище, ожидаемо подвергся атаке демонов, пытавшихся его устроить. Как и герои многочисленных сказок, повторяющих этот сюжет, Макарий выдерживает испытание, после чего демоны исчезают с криками «победил ты нас!»¹³¹ (сходным образом признают свое поражение бесы в рассказе об Исакии Печерском). Евагрию бесы представились в виде спорящих о вере клириков, олицетворявших собой различные

ереси. Евагрий сумел одолеть их «немногими словами благодаря своей премудрости»¹³². Авву Памво, принявшего обет никогда не смеяться, бесы пытались разными способами рассмешить¹³³. Одному сподвижнику демон явился в виде юноши-араба и принялся перед ним плясать и насмехаться¹³⁴. Александр Киликийский уже сам насмеялся и ругался над явившимся ему дьяволом¹³⁵. Некого старца, по рассказу аввы Илии, демоны пытались силком вытащить из капища, в котором тот задумал поселиться и которое демоны считали своим¹³⁶. На авву Макария демон напал с мечом и пытался отсечь ему ногу¹³⁷. Авве Феодору удалось связать трех бесов, ломившихся в его келью¹³⁸. Авва Иосиф Панефосский прогнал дьявола, угрожая ему палкой¹³⁹.

Бесы принимают самые разнообразные устрашающие облики – от эфиопов¹⁴⁰ до драконов¹⁴¹, они мешают монахам принимать пищу и добывать воду¹⁴². Разозленный разорением Бенедиктом языческого капища, дьявол явился перед святым в своем настоящем страшном виде и ругался на него, называя «проклятым» (*maledictus*), а не «благословенным» (*benedictus*)¹⁴³. Савву Освященного дьявол запугивал призраками опасных животных и насекомых¹⁴⁴. Порою дьявол наводил коллективные галлюцинации (мнимый пожар) на целые монастырские общины¹⁴⁵. На одного монаха на стройке дьявол опрокинул фрагмент стены¹⁴⁶. На

¹²⁶ Там же. С. 104.

¹²⁷ ВМЧ. Вып. 12. Л. 494в.

¹²⁸ Иросанфион. С. 48.

¹²⁹ ВМЧ Вып. 14. Л. 760г.

¹³⁰ Скитский Патерик. С. 14.

¹³¹ Там же. С. 119.

¹³² Иросанфион. С. 92.

¹³³ Скитский Патерик. С. 23.

¹³⁴ *Иоанн Моск.* Луг духовный. С. 239.

¹³⁵ Там же. С. 264.

¹³⁶ Скитский Патерик. С. 129.

¹³⁷ Там же. С. 11.

¹³⁸ Там же. С. 38.

¹³⁹ Там же. С. 35.

¹⁴⁰ *Феодорит Кирский.* Истории боголюбцев. С. 249.

¹⁴¹ Там же. С. 168; Григорий Двоеслов. Диалоги. С. 72.

¹⁴² *Феодорит Кирский.* Истории боголюбцев. С. 249.

¹⁴³ *Григорий Двоеслов.* Диалоги. С. 54.

¹⁴⁴ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга 4. М.: «Ковчег», 2010. С. 124.

¹⁴⁵ *Григорий Двоеслов.* Диалоги. С. 56.

¹⁴⁶ Там же. С. 57.

Нифонта Констанцкого сатана напал уже не в одиночку, а в сопровождении 1000 бесов¹⁴⁷.

Исакию Печерскому силы зла явились под видом двух ангелов в лучах очень яркого света («яко зрак вынимая человеку»¹⁴⁸). Мнимые ангелы возвестили Исакию, что сейчас перед ним предстанет сам Христос. Исакий не сумел разгадать обман, не перекрестился и поклонился мнимому Христу. Сразу после этого бесы сбросили маскарад, закричали «наш еси Исакий уже», наводнили собой его келью, стали играть на сопелях, бубнах и гусях, заставили Исакия плясать, доведя до полного изнеможения. Изысканное коварство «прельщения» Исакия не имеет ничего общего с суровой прямоотой открытых нападений в приведенных выше примерах.

Конечно, в агиографической литературе нередки случаи, когда inferнальные силы прибегали к маскировке, хитрости, обману. В Египетском патерике бес пытается соблазнить монаха, приняв вид красивой эфиопки. Уже близкий к падению, монах успевает дать бесу пощечину. Призрак исчезает, а рука монаха еще долгое время смердит¹⁴⁹. Видения соблазнительных женщин, насылаемые бесами, часто опознавали по неприятному запаху¹⁵⁰. Дьявол может явиться и в облике красивого юноши¹⁵¹. Иногда имеет место инверсия – бесы принимают вид монахов и пристают к женщинам, чтобы дискредитировать иноческий чин¹⁵². К авве Евсевию, пресвитеру лавры Раифской, дьявол явился в иноческих одеждах, но был разоблачен, когда авва потребовал произнести полный текст молитвы¹⁵³. Злой дух, изгнанный из некоего человека епископом Фортунатом, преобразился в странника и ходил по городу, жалуясь на изгнавшего его епископа. В конце концов дух задушил сына хозяина дома, пустившего его к себе из жалости¹⁵⁴. Для

прельщения Марка Египетского дьявол разыгрывает целую многоходовку, подсылая к нему одержимого и пытаясь спровоцировать на осуждение пресвитера, но терпит неудачу¹⁵⁵. Более счастливой была попытка прельстить одного монаха-постника, к которому отец лжи проник под видом нищего и попросил пожарить принесенный с собой кусок мяса; соблазненный видом и запахом пищи, монах проглотил кусок¹⁵⁶.

Нетрудно заметить, что все вышеприведенные примеры дьявольского коварства типологически далеки от рассказа об Исакии Печерском и не могли служить образцом для автора «Слова о первых черноризцах печерских». Большое сходство усматривается в рассказе о Валенте, на что уже указывала В. П. Адрианова-Перетц¹⁵⁷. Надо, впрочем, учитывать, что в древнейшем из сохранившихся русских списков «Египетского патерика» (в состав которого частично вошел «Лавсаик») рассказа о Валенте не содержится¹⁵⁸. Это, однако же, в данном случае не имеет особого значения, поскольку при ближайшем рассмотрении кардинальных различий между рассказами об Исакии и Валенте гораздо больше, чем сходства.

Прельщение и падение Валента было связано с его гордыней – мотив, полностью отсутствующий в рассказе об Исакии. Сначала бесы являлись ему под личиной ангелов. Мнимое общение с ангелами так вскружило Валенту голову, что он стал уклоняться от причащения, считая его для себя не нужным. Обнаглевший дьявол принимает облик Спасителя, обольщенный Валент ему кланяется. Но, в отличие от случая с Исакием, после поклона бесы не открывают себя, не наносят прельщенному вреда и вообще после поклона ничего существенного не происходит: Валент отказывается от причащения, но он делал это и раньше. О прельщении Валента догадываются окружающие, которые в течение года «лечат» его железными

¹⁴⁷ ВМЧ. Вып. 12. Л. 528г.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 192.

¹⁴⁹ Иросанфион. С. 69.

¹⁵⁰ Древний патерик. С. 42-43.

¹⁵¹ *Феодорит Кирский*. Истории боголюбцев. С. 251.

¹⁵² ВМЧ. Вып. 14. Л. 760б.

¹⁵³ *Иоанн Мосх*. С. 190.

¹⁵⁴ *Григорий Двоеслов*. Диалоги. С. 36-37.

¹⁵⁵ Скитский Патерик. С. 109.

¹⁵⁶ ВМЧ. Вып. 14. Л. 804.

¹⁵⁷ *Адрианова-Перетц*. В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси. С. 65.

¹⁵⁸ *Еремий И. П.* К истории древнерусской переводной повести // ТОДРЛ. Т. 3. 1936. С. 37-45.

оковами, и, судя по всему, небезуспешно¹⁵⁹. Главным в рассказе о Валенте является не коварство бесов (как в «Слова...»), а пагубные следствия гордыни. Неслучайно сразу за рассказом о Валенте говорится об Ироне, аскетические добродетели которого были нивелированы его высокоумием и самомнением¹⁶⁰. Самомнение губит и другого героя «Лавсаика» по имени Птоломей. О его прельщении тоже догадываются по косвенным признакам – он предается чревоугодию, пьянству и ни с кем не разговаривает¹⁶¹. Примечательно, что, в отличие от истории об Исакии, *ни в одном из приведенных случаев inferнальные силы так и не раскрывают перед прельщенными своей подлинной сущности, а сами прельщенные не догадываются о том, какая беда с ними произошла*. В другом патериковском рассказе монах, перешедший по наущению дьявола в иудаизм, не осознал своего «падения» даже когда сгнил заживо¹⁶².

Особенности истории об Исакии наиболее наглядно видны при сопоставлении с рассказом о его современнике Никите-затворнике из Киево-Печерского патерика¹⁶³. Никита тоже практиковал суровую аскезу и тоже стал жертвой «бесовского действия». Однако прельщение как таковое Никитой не осознается. Видимый им светлый образ не открывает ему своего истинного лица. Никита вообще не подозревает о своем прельщении, пока ему не говорят об этом другие монахи (среди которых был и Исакий). Примечательно, что последние тоже не видели дьявола или бесов, они лишь по-своему истолковали исключительный интерес Никиты к Ветхому Завету.

У Исакия Печерского прельщение проявляется необычным образом. Он не впадает в ересь или, того хуже, в иноверие, не предается грехам и порокам, не цитирует наизусть книги, как это происходит с прельщенными в патериковских рассказах¹⁶⁴.

Сначала он начинает неистово плясать, затем впадает в болезненное состояние, при котором он молчит, не принимает пищи, лежит на боку неподвижно и мочится под себя, отчего у него на бедрах заводятся черви. Все это совершенно не похоже на стандартные описания бесовской одержимости с выкриками, богохульствами, судорогами и проч.

Болезнь как следствие бесовского воздействия встречается в агиографической литературе довольно редко. Наибольшее сходство с историей Исакия можно увидеть в содержащемся в «Лавсаике» рассказе о Моисее Эфиопском¹⁶⁵. Моисей подвергается со стороны бесов искушениям через похотливые мысли и сновидения. С искушениями он борется стандартным способом – усиленной аскезой. В конце концов бес подстерегает Моисея у колодца и бьет дубиной по спине. Моисея, как и Исакия Печерского, наутро находят полумертвым. Видимо, бесам для нанесения вреда не всегда требуется предварительное прельщение подвижника. Если Исакий пробыл в болезненном состоянии два года, то Моисею на «реабилитацию» потребовался всего год. Исакий через некоторое время возобновил аскезу, Моисей же стараниями ухаживающего за ним скитского пресвитера был избавлен от искушающих сновидений. В итоге Моисей боялся бесов не больше, чем мух – совсем как Исакий Печерский под конец своего аскетического пути. Наряду со сходством с повествованием об Исакии, рассказ об эфиопе Моисее имеет и *значимые отличия*: 1) физическое повреждение не связано с прельщением, 2) победа над бесами не является следствием аскезы. Наконец, рассказ о Моисее отсутствует в древнейшем русском списке «Лавсаика», и потому нет полной уверенности, что автор «Слова...» был знаком с этим сюжетом¹⁶⁶. Сильно

¹⁵⁹ Иросанфион, С. 71-72.

¹⁶⁰ Там же. С. 72-73.

¹⁶¹ Там же. С. 73.

¹⁶² ВМЧ. Вып. 14. Л. 781г.

¹⁶³ Киево-Печерский Патерик. С. 36-38. Л. 33об-35.

¹⁶⁴ Бесовская одержимость может проявиться впадением в ересь (ВМЧ. Вып. 14. Л. 757г). Одного монаха дьявол прельщает видениями и склоняет в

иудаизм. Ирон, как и Никита Затворник из КПП, знает наизусть много фрагментов из Писания (ВМЧ. Вып. 14. Л. 757г). Прельстившись, впадают в распутство герои Египетского Патерика: Стефан, Ирон Александрийский, Евкарпий (Иросанфион. С. 101). Юного Нифонта дьявол сподвигнул на разгульную и распутную жизнь (ВМЧ. Вып. 12. Л. 481б).

¹⁶⁵ Иросанфион, С. 60-61.

¹⁶⁶ Еремин И. П. Указ. соч. С. 37-45.

пострадал от демонов («особенно в уме») брат Иаков из Скитского патерика¹⁶⁷. Аврааму, ученику аввы Сисоя, искушенному демоном, понадобилось исцеление молитвами аввы¹⁶⁸.

Антоний и Феодосий тоже молятся за прельщенного Исакия, но не это находится в центре внимания летописца. Исакию оказывают и чисто медицинскую помощь, каковая в XI веке ограничивалась уходом, кормлением и присмотром. Процесс «реабилитации» Исакия в «Слове» показан очень подробно. Описывается, как за ним ухаживал сперва Антоний, а после бегства Антония от Изяслава в Болдины горы – Феодосий, как его переодевали, мыли и кормили, как он постепенно начал говорить и ходить, как его относили на службы в церковь; рассказывается, как Феодосий велел класть перед ним хлеб, но не давать ему в руки, чтобы он приучался есть сам, и как Исакий через неделю начал принимать пищу самостоятельно. *Ни в одном из патериков, доступных древнерусскому летописцу XI в., невозможно найти настолько обстоятельной, почти бытовой картины ухаживания за больным или одержимым человеком.*

После описания совершенных Исакием подвигов «юродства», некоторым из которых (поймке ворона, «игре» с детьми в монахов) тоже не найдется аналогий в агиографической литературе, начинается новое противостояние Исакия с бесами. Рассказ о нападении бесов имеет явные параллели в «Житии» Феодосия, восходящего, в свою очередь, к житиям Антония Великого и Саввы Освященного.

Основания задача бесов – изгнать подвижника из его пещеры, обладание которой имело сакральное значение. Если отшельники в древних восточных патериках селились на руинах заброшенных языческих храмов, в которых, бывало, бесы собирались похвастаться своими успехами¹⁶⁹, то бесы в качестве контрмеры старались овладеть убежищами отшельников. Как явствует из рассказа Иоанна Киликиянина, бесы

поселялись в кельях прельщенных или изгнанных подвижников. Когда такую келью пытался занять другой подвижник, демоны начинали донимать новоприбывшего и могли даже довести до самоубийства¹⁷⁰. Понятно, сколь большое значение для монаха имело «удержание позиций»: уходить из кельи нельзя было даже под самым благовидным предлогом – ведь этот предлог, скорее всего, нашептан отцом лжи. Некому монаху дьявол внушает мысль отлучиться из кельи, чтобы навестить родителей, сообщить им о себе, утешить их в старости¹⁷¹. Отшельник Нафанаил отказывается покинуть келью даже затем, чтобы оказать помощь обессилевшему отроку, которому грозит гибель от гиен. Правда, отрок этот был дьявольским наваждением, но Нафанаил не знал об этом наверняка. Принимая решение, он руководствовался тем соображением, что правило не покинуть келью в данном случае важнее, и советовал мнимому отроку уповать на Господа, который во всяком случае в состоянии уберечь его от гиен¹⁷². Понятна и стойкость Исакия Печерского, когда бесы атаковали его под видом зверей и чудовищ, когда грозились засыпать его в пещере. Выдержав это последнее, самое яростное нападение нечисти, Исакий одержал окончательную победу – «погибоша бѣси от него»¹⁷³. Впрочем, он и до этого достиг впечатляющего результата – способности игнорировать бесов, обращая на них внимания не больше чем на мух. В византийской агиографии такой способностью обладали лишь опытные подвижники, прошедшие в пустыне десятки лет. Например, Макарий младший удостоился дара презирать бесов после 25 лет отшельничества¹⁷⁴.

Рассказ о смерти Исакия не включает в себе ничего примечательного, разве что отсутствует частый в таких случаях мотив предсказания отшельником часа своей кончины.

¹⁷⁰ Иоанн Моск. Луг духовный. С. 259.

¹⁷¹ ВЧМ. Л. 776а.

¹⁷² Иросанфион. С. 49.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 1. С. 197.

¹⁷⁴ Иросанфион. С. 47.

¹⁶⁷ Скитский Патерик. С. 116.

¹⁶⁸ Там же. С. 115.

¹⁶⁹ ВМЧ. Вып. 14. Л. 707б–в; Там же. Л. 707г.

Таким образом, история об Исакии, бесспорно, содержит целый ряд обычных для жизнеописания отшельника и юродивого агиографических топосов: отказ от мирского богатства, уход в монастырь, затворничество, постничество, «малый сон» на боку, замаскированные и открытые нападения бесов, прельщение, болезнь, смирение, испытание огнем, побои, победа над бесами. Каждому из этих топосов можно отыскать соответствия в агиографической литературе, откуда их мог заимствовать автор «Слова о первых черноризцах печерских». Однако сочетание этих топосов в истории об Исакии уникально и не может быть соотнесено ни с одним из литературных памятников, доступных русскому книжнику второй половины XI в. Мало того, некоторые из топосов содержат в себе черты, явно отличающие их от аналогичных топосов восточных патериков.

То, что бесы прибегают к хитрости – явление в агиографии не слишком распространенное, более типичны прямые открытые нападения, вплоть до физического насилия, порой даже с применением холодного оружия. Но и в случаях, когда бесы пользуются маскировкой, они никогда, кроме случая с Исакием Печерским, не открывают себя сразу после прельщения. В большинстве случаев коварство злых сил оказывается удачным, лишь когда жертва «подыгрывает» им, предаваясь разного рода греховным соблазнам. Но в случае Исакия нет ни намека на его гордыню или какие-либо другие грехи или хотя бы греховные помыслы.

Само прельщение, даже когда оно, как в рассказе об Исакии, проявляется физическим недугом (что происходит очень редко), ни в одном из известных в Древней Руси переводных патериков не протекает так, как это описано в «Слове». Наконец, представленная с «Слове...» ситуация, когда герой прельщается, но потом берет реванш и одолевает inferнальные силы, совершенно нетипична для агиографических сюжетов (единственное исключение – Нифонт Констанцкий, но он был оболещен дьяволом

еще до того, как стал на путь подвижничества)¹⁷⁵.

Описание болезни Исакия дано с впечатляющими натуралистическими и бытовыми подробностями, порождающими соблазн попытаться определить, о какой именно болезни идет речь. Драматические и устрашающие видения Исакия наводили на мысль о психическом расстройстве, потому неудивительно, что на Исакия обращали внимание историки психиатрии¹⁷⁶. В самом деле, описанное летописцем состояние напоминает кататонический ступор – синдром, характеризующийся психической и двигательной заторможенностью, ригидностью мышц, отказом от словесного общения (т. н. мутизм) и вообще от контакта с окружающими («нѣмь и глухъ лежа за 2 лета»¹⁷⁷); на вопросы, обращения, просьбы больные не реагируют или же делают прямо противоположное (т. н. негативизм; ср. сопротивление Исакия попыткам отвести его в церковь или заставить есть). Даже накормить и напоить таких больных является сложной задачей (хотя, конечно, *полный* отказ от питания в течение двух лет был бы невозможен). До широкого внедрения нейролептиков кататонический ступор мог длиться годами¹⁷⁸.

О том, что недуг Исакия связан не только с телесным, но и с психическим расстройством, догадывались уже в древнерусские времена. В Ипатьевской и Радзивилловской летописях и в КПП говорится, что Исакий после прельщения был «расслаблен телом и умом»¹⁷⁹. Впрочем, контекст фразы всё-таки подразумевает именно телесную немощь, поэтому

¹⁷⁵ Никита Затворник из КПП (с. 36-38, Л. 34об–35) тоже преодолел последствия оболещения и даже стал епископом, однако о его повторных непосредственных столкновениях с бесом ничего не говорится.

¹⁷⁶ Александровский Ю. А. История отечественной психиатрии: в 3 т. Т. 1. Усмирение и призрение. М.; 2013. С. 29; Юдин Т. И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951. С. 9.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. С. 194.

¹⁷⁸ В 1918 г. академику И. П. Павлову демонстрировали пациента, пробывшего в кататоническом ступоре двадцать лет. (См: Павлов И. П. Избранные сочинения. М., 2015. С. 288-289).

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 2. С. 185; ПСРЛ. Т. 38. С. 80; Киево-Печерский Патерик. С. 78.

первоначальным чтением следует считать текст Лаврентьевской летописи, в котором «расслабление ума» не фигурирует – «бе бо расслаблен тѣлом яко не мощи ему обратитися на другую страну»¹⁸⁰.

Разумеется, «ретроспективная диагностика» неизбежно будет иметь гадательный характер. Описанное в «Слове...» состояние вполне могло быть проявлением десятков различных болезней или синдромов, являться следствием истощающей голодовки, тяжелого инфекционного заболевания и т. д. Даже если предположение о кататонии верно, это не сильно помогает, поскольку кататония – тоже неспецифический синдром, имеющий место при целом ряде заболеваний: эндогенных и симптоматических психозах, диссоциативных расстройствах, психорганических заболеваниях, интоксикациях и многих других. С другой стороны, странный «танец» Исакия можно было бы истолковать как проявление другого «полюса» кататонии – кататонического возбуждения. Если принять парадигму «болезни», получают объяснение и другие моменты рассказа об Исакии: видения бесов – онейроидное (сновидное) помрачение сознания, юродство – гебефреническая дурашливость, нечувствительность к морозу и ожогам – психическая аналгезия (нередкая при тяжелых формах психотических расстройств), призывы бесов «беги, Исакий» (не имеющие аналогов в восточных патериках) – императивные галлюцинации. Равнодушие Исакия к бесовским нападениям в конце его подвижничества можно интерпретировать как переход патологического процесса в хроническую стадию, когда человек приспосабливается к своим галлюцинациям и перестает обращать на них внимание. «Победу» же над бесами, т. е. их исчезновение, можно было бы понять как наступление конечной, т. н. «резидуальной» стадии, когда галлюцинаторно-бредовые переживания полностью пропадают. Все перечисленные предположения имеют лишь один, но

фатальный недостаток: они в принципе не поддаются проверке.

«Ретроспективная диагностика» не только невозможна технически – она еще методологически порочна, поскольку диагноз – понятие функциональное: он нужен не сам по себе, а для выбора метода лечения, для вынесения заключения при экспертной оценке, для суждения о прогнозе заболевания. Ни в чем из вышеперечисленного «пробанд» Исакий Печерский уже не нуждается, что превращает диагностические изыскания в игры праздного ума. Действительно ли черноризец Исакий болел и чем именно – мы никогда не узнаем. Но то, что летописец описал его недуг столь достоверно, что в описании можно если не узнать, то по крайней мере предположить конкретные симптомы – само по себе заслуживает самого пристального внимания.

Как мы уже могли убедиться, агиографическая литература содержит огромное количество описаний видений, откровений, прельщений, одержимости, отклоняющихся паттернов поведения (социальной изоляции, отказа от пищи и гигиены и проч.). Однако крайне редко здесь удастся рассмотреть контуры реальных психиатрических симптомов. Если во всех этих назидательно-дидактических рассказах с явно читаемой моралью (наподобие видений Матфея из «Слова...») и содержится какое-то «рациональное зерно», то оно безнадежно теряется за литературно обработанными агиографическими клише. В рассказе же об Исакии живая действительность прорывается за рамки житийных трафаретов, а безликое бесовское прельщение под пером летописца превращается в приземленное, вполне человеческое страдание. И летописец, и его герои не сомневаются в том, что Исакий тяжело болен, и относятся к нему именно как к несчастному больному человеку. Болезнь летописец истолковывает в житийных, религиозных понятиях, считает ее «бесовским действием»; собственно, это «действие» для него и причина, и форма, и содержание испытываемых Исакием страданий. Но способ подачи летописцам материала позволяет современным исследователям без особого труда отделить факты от их агиографической интерпретации.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 194. Также в Никоновской – Т. IX. С. 105.

В свою очередь, исследователь волен теперь истолковать эти факты в собственных категориях, в том числе в медицинских.

Конечно, нет никаких гарантий, что новое прочтение будет «правильнее» старого. Донесенные летописцем факты слишком отрывочны, чтобы провести полноценную медицинскую диагностику. Невозможно в наши дни поставить диагноз печерскому иноку XI в. Но это не отменяет того обстоятельства, что *повествование об Исакии оказывается близким не только к агиографическому, но и к современному медицинскому дискурсу*. Произойти это могло только в одном случае: если летописец достоверно и добросовестно описал события, свидетелем которых был или он лично, или его хорошо осведомленный информатор. Тем более что из восточных патериков, имевшихся на Руси в то время, летописец позаимствовать описание болезни Исакия не мог: ничего подобного невозможно отыскать ни в Скитском, ни в Египетском, ни в Синайском, ни в Иерусалимском патериках, ни в «Диалогах» Григория Двоеслова, ни в «Беседах боголюбцов», ни в житиях Антония Великого, Саввы Освященного и прочих святых. Поэтому у нас нет оснований не верить летописцу, когда он уверяет, что пишет со слов очевидцев и на основе собственных наблюдений («И ина многа поведаху о немъ, а другое и самовидецъ бых»). Агиографические топосы дали автору рассказа об Исакии не конкретное содержание, не фактический материал, а лишь сюжетные схемы и понятийный аппарат.

Обилие материала обусловило большой объем рассказа об Исакии, значительно превышающий размер повествования о трех других подвижниках, вместе взятых. Личное общение летописца с героем рассказа позволило ввести в текст эпизоды, опирающиеся на реальные события – провокативное поведение Исакия в рамках «юродства», побои от игумена и от родителей «обучаемых» Исакием детей, вторичный уход Исакия в пещеру и его перенесение в монастырь незадолго до смерти. Подробности болезни Исакия и ухода за ним могли сообщить очевидцы, помнящие еще времена игуменства Феодосия. О видениях

бесов летописец мог узнать непосредственно от Исакия (ср. с «Житием Феодосия», где Нестору сообщает о своих видениях инок Илларион¹⁸¹). Собрав сведения и обработав их по патериковым образцам с использованием наработанных агиографических топосов, религиозно-литературных клише и трафаретов, летописец сумел создать высокохудожественное и драматическое повествование, занявшее достойное место в древнерусской литературе и вошедшее как в летописание («Повесть временных лет»), так и в агиографию (Киево-Печерский патерик).

Литературный талант летописца сказался и в рассказах о Демьяне, Еремии и Матфее. Но их летописец уже не застал (во всяком случае, в тексте «Слова...» особо говорится о контактах с Исакием, о знакомстве же с другими черноризцами нет ни намека; это соответствует гипотезе об авторстве Нестора, пришедшего в Печерский монастырь после смерти Феодосия, хотя, конечно, и не может служить полноценным аргументом за нее). Меньшему объему материала соответствует меньший объем повествования – видимо, летописец отнюдь не был склонен давать волю своей фантазии и дополнять недостаток сведений домыслами. В истории о первых трех черноризцах форма явно превалирует над содержанием, агиографические топосы не отходят существенно от своих патериковских первоисточников. Исключением является лишь эпизод с ослом, выбивающийся из общего ряда «назидательных» видений полисемантической, юмором и амбивалентностью образа.

Таким образом, использование летописцем агиографических топосов не всегда снижает ценность летописи как исторического источника. Даже в такой заведомо слабо достоверной области, как монашеское подвижничество и связанные с ним «чудеса», летописец в своем рассказе опирается на собственные наблюдения и данные очевидцев, не прибегая к прямым заимствованиям из патериков и используя

¹⁸¹ Успенский сборник. Л. 44б. С. 13-17. Беседа Исакия с летописцем изображена на одной из миниатюр Радзивилловской летописи.

топосы лишь для литературного оформления. «Слово о первых черноризцах печерских» является наглядным примером того, как фантастические истории могут содержать в себе рациональное зерно реальных событий, а за рядом агнографических клише открывается высокохудожественное произведение. Автор «Слова...» по-своему интерпретировал то, что ему довелось увидеть или услышать; он, возможно, слишком некритически воспринимал какие-то услышанные им рассказы, но он ничего не выдумывал и не лгал.

Был ли автором «Слова о первых печерских черноризцах» тот знаменитый летописец, которого великий Людвиг Август Шлёцер называл «честный Нестор» („der ehrliche Nestor“¹⁸²)? Несмотря на вышеприведенные аргументы, полной уверенности в авторстве Нестора нет и вряд ли когда-нибудь будет. Но что совершенно бесспорно – что автор «Слова...», кем бы он ни был, заслужил определение «честный». В равной степени к нему применимо другое определение, данное Нестору всё тем же Шлёцером – «разумный монах» („der vernünftiger Mönch“¹⁸³).

¹⁸² *Schlözer A. L.* Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Erster Teil, Göttingen, 1802. S. 35.

¹⁸³ *Schlözer A. L.* Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Dritter Teil, Göttingen, 1805. S. 54.

Библиография

Источники:

Великие Минеи Четии, собр. Всерос. митр. Макарием. Декабрь. Выпуск 12. Дни 18–23. М., 1907.

Великие Минеи Четии, собр. Всерос. митр. Макарием. Декабрь. Выпуск 14. Тетрадь 1. День 31. СПб., 2009.

Григорий Двоеслов. Диалоги. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М., 2012.

Древний патерик, изложенный по главам. М., 1899.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга 4. М., 2010.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга 5. М., 2010.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга 9. М., 2010.

Иоанн Мосх. Луг духовный. М., 2010.

Иросанфион, или новый рай. Собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. Афон, 2010.

Киево-печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. Изд. подг. А. А. Ольшанская и С. Н. Травников. М., 1999.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I: Лаврентьевская Летопись и Суздальская Летопись по Академическому списку. М., 1962.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.

ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Петроград., 1921.

ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод 1497 г. М., Л., 1949.

ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.

Скитский Патерик. О стяжании евангельских добродетелей. Сборник. М., 2001.

Успенский сборник XII–XIII вв. под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Феодорит Кирский. Истории боголюбцев. М., 1996.

Литература:

Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902.

Адрианова-Перетц В. П. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Том XX. М.-Л., 1964.

Александровский Ю. А. История отечественной психиатрии: в 3 т. Т. 1. Усмирение и призрение. М., 2013.

Антонова М. А. Сюжетные топосы в агиографии. Вестник Брянского государственного университета. № 2. 2013.

Аристов В. Василий-Сильвестр (о личности автора «Повести временных лет»). Ruthenica XII. 2013.

Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.

Башлыкова М. Е. Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 г. // Герменевтика древнерусской литературы. № 15. 2010.

- Бугославский С. А.* К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. Т. 19. Кн. 3. СПб., 1914.
- Вилкул Т.* Статья «Чего ради прозвася Печерський монастирь» 1051 г. и ее автор (К вопросу о Житии св. Антония Печерского). 2013. URL: <https://www.academia.edu/4076813> (дата обращения: 08.08.2021)
- Волкова Т. Ф.* Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. Т. 33. 1979.
- Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М., 2012.
- Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903.
- Горовенко А. В.* Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // Novogardia №2 (6). 2020.
- Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 3. Львів, 1905.
- Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). М., 1989.
- Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998.
- Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Еремин И. П.* К истории древнерусской переводной повести // ТОДРЛ. Т. 3. 1936.
- Козак Н. С.* Літописна оповідь про прп. Ісакія Печерника в контексті становлення «житія общого» в Києво-Печерській обителі // Могилянські читання, 2000 року: Зб. наук. праць. Київ, 2001.
- Конявская Е. Л.* Греческая тема в Киево-Печерском патерике // Проблемы филологии: язык и литература. № 2. 2010.
- Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. СПб., 1861.
- Краснова Н. А., Краснов А. Г.* Мотивы жития и агнографических жанровых вариантов. / Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. Т. 14. №2 (3). 2012.
- Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV вв. М., 2009.
- Михеев С. М.* Кто написал «Повесть временных лет? М., 2014.
- Мюллер Л.* Рассказ об Исакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь» // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003.
- Павлов И. П.* Избранные сочинения. М., 2015.
- Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986.
- Руди Т. Р.* Об аскезе юродивых (из истории агнографической топики) // Slovene. № 1. 2015.
- Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006.
- Руди Т. Р.* О топосе адаманта в древнерусской книжности // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014.
- Руди Т. Р.* Пустынножители Древней Руси (из истории агнографической топики). // Русская агнография. СПб., 2011.
- Руди Т. Р.* «Яко столп непоколебим» (об одном агнографическом топосе) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004.
- Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. / ред. Д. М. Буланин, О. В. Творогов. 1987.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 2. М., 2016.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 4. М., 2016.
- Толочко А. П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica VII. 2008, С. 154–165.

Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб, 2003.

Турук Е. А. К проблеме реконструкции Жития Антония // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 9: Филология. 2014.

Чернин С. Б. Повествовательная структура Слова о черноризце Исакии в составе ПВЛ // Вестник УдГУ. Серия «История». 2005.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Повесть временных лет и древнейшие летописные своды. СПб., 2003.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград, 1916.

Юдин Т. И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951.

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Erster Teil, Göttingen, 1802.

Schlözer A. L. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt, und erklärt von August Ludwig (von) Schlözer, Dritter Teil, Göttingen, 1805.

Сведения об авторе

Аряев Леонид Николаевич, врач-психиатр Тюрингской клиники психиатрии, психотерапии и психосоматической медицины. г. Зальфельд (Германия). Область научных интересов: история Древней Руси.

L. N. Aryaev

FEATURES OF HAGIOGRAPHIC TOPICS IN “THE TALE OF THE FIRST MONKS OF KIEVAN CAVE MONASTERY”

Abstract: The article shows the independence and unity of the plot “Tales of the first monks of Kievan Cave monastery”. The most likely author is Nestor the Chronicler. The hagiographic topoi used by the chronicler are examined. The features of the topoi “fighting demons” and “seduction” in the story of Isaac of Kiev are analyzed. Despite the fantastic content, the chronicler's personal observations and conversations are the focus of the stories about the first monks of Kievan Cave monastery.

Keywords: The Tale of the first monks of Kievan Cave monastery, Primary Chronicle, Kievan Cave Patericon, Nestor the Chronicler, topoi.

References

Sources:

Velikiye Minei Chetii [Great Menaion Reader] sobr. Vseros. mitr. Makariyem. Dekabr'. Vypusk 12. Dni 18–23. Moscow, 1907. (In Russian).

Velikiye Minei Chetii [Great Menaion Reader] sobr. Vseros. mitr. Makariyem. Dekabr'. Vypusk 14. Tetrad' 1. Den' 31. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Grigorii Dvoyeslov. Dialogi. Sobesedovaniya o zhizni italiiskikh ottsov i o bessmertii dushi [The Dialogues of Saint Gregory the Great]. Moscow, 2012. (In Russian).

Drevnii paterik, izlozhennyi po glavam [Old Paterikon]. M., 1899. (In Russian).

Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo [Vitae of saints by Dmitry from Rostov]. Book 4. M.: “Kovcheg”, 2010. (In Russian).

Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo [Vitae of saints by Dmitry from Rostov]. Book 5. M.: “Kovcheg”, 2010. (In Russian).

Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo [Vitae of saints by Dmitry from Rostov]. Book 9. M.: "Kovcheg", 2010. (In Russian).

Ioann Moskh. Lug dukhovnyi. [John Moschus. Spiritual Meadow]. M., 2010 (In Russian).

Irosanfion, ili novyi rai [Irosanfion or New Paradise]. Sobraniye tekstov monasheskoi agiografii Palestiny, Egipta i Vizantii V–XV vv. Afon, 2010. (In Russian).

Kiyevo-pecherskii paterik (1999) [Kievan Cave Patericon]. Drevnerusskiye pateriki: Kiyevo-Pecherskii paterik. Volokolamskii paterik. Izd. podg. A. A. Olshanskaya i S. N. Travnikov. M.: Nauka. (In Russian).

Polnoye sobraniye russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. (PSRL). Vol. I: Lavrentyevskaya Letopis' i Suzdalskaya Letopis' po Akademicheskomu spisku. M., 1962. (In Russian).

PSRL Vol. 2: Ipatyevskaya letopis. M., 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 7: Letopis po Voskresenskomu spisku. St. Petersburg, 1856. (In Russian).

PSRL. Vol. IX. Letopisnyi sbornik, imenyemyi Patriarshei ili Nikonovskoy letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 24: Tipografskaya letopis'. Petrograd., 1921. (In Russian).

PSRL. Vol. 25: Moskovskiy letopisnyy svod 1497 g. Moscow-Leningrad, 1949. (In Russian).

PSRL. Vol. 38: Radzivilovskaya letopis'. Leningrad, 1989. (In Russian).

Skitskii Paterik. [Paterikon of Skete]. O styazhanii evangelskikh dobrodeteli. Coll. of art. Moscow, 2001. (In Russian).

Uspenskii sbornik XII–XIII vv. pod red. S. I. Kotkova. Moscow, 1971. (In Russian).

Feodorit Kirskii. Istorii bogolyubtsev [Theodoret of Cyrus. The Religious History]. Moscow, 1996. (In Russian).

Researches:

Abramovich D. I. Issledovanie o Kievo-Pecherskom paterike kak istoriko-literaturnom pamyatnike [Study about the Kievan Cave Patericon]. St. Petersburg, 1902. (In Russian).

Adrianova-Peretts V. P. Zadachi izucheniya "agiograficheskogo stilya" Drevnei Rusi [Tasks of studying the "hagiographic style" of Old Rus]. Trudy otdela drevnerusskoi literatury. Vol. XX. Moscow-Leningrad, 1964. (In Russian).

Aleksandrovskii Yu. A. Istoriya otechestvennoi psikhiiatrii: v 3 t. [History of Russian psychiatry]. Vol. 1. Usmirenje i prizrenie. Moscow, 2013. (In Russian).

Antonova M. A. Syuzhetnye toposy v agiografii [Subject topoi in hagiography]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 2. 2013. (In Russian).

Aristov V. Vasiliy-Silvestr (o lichnosti avtora "Povesti vremennykh let") [About the author of Primary Chronicle]// Ruthenica XII. 2013. (In Russian).

Artamonov Yu. A. Problema rekonstruktsii drevneishego Zhitiya Antoniya Pecherskogo [The problem of reconstruction of the most ancient biography of Anthony of Kiev]. Srednevekovaya Rus'. Iss. 3. Moscow, 2001. (In Russian).

Bashlykova M. E. Topika zhitii v Kievo-Pecherskom paterike redaktsii 1661 g [Topics of Vitae in the Kievan Cave Patericon of 1661 edition]. Germenevtika drevnerusskoi literatury. No. 15. 2010. (In Russian).

Bugoslavskii S. A. K voprosu o kharaktere i ob"eme literaturnoi deyatel'nosti prep. Nestora [On the question of the nature and scope of the literary activity of St. Nestor]. IORYaS. Vol. 19. Book 3. St. Petersburg, 1914. (In Russian).

Vilkul. T. Statya "Chego radi prozvasya Pecherskyi monastyr" 1051 g. i ee avtor (K voprosu o Zhitii sv. Antoniya Pecherskogo). [The Article "Why was the Kiev Monastery of the Caves nicknamed" 1051 and its author (On the question of the Vita of St. Anthony of Kiev)] 2013. URL: <https://www.academia.edu/4076813> (accessed: 08. 08. 2021). (In Russian).

Volkova T. F. Khudozhestvennaya struktura i funktsii obraza besa v Kievo-Pecherskom paterike [Literary structure and functions of the image of a demon in the Kievan Cave Patericon]. TODRL. Vol. 33. 1979. (In Russian).

Gippius A. A. Do i posle Nachalnogo svoda: rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii [Before and after the Primary Chronicle: the early chronicle history of Russia as an object of textual reconstruction]. Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama. Moscow, 2012. (In Russian).

Golubinskii E. Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoi tserkvi. [The history of the canonization of saints in the Russian Church]. Moscow, 1903. (In Russian).

Gorovenko A. V. Aleksei Shakhmatov: chelovek-metod ili prelyubodei mysli? [Alexey Shakhmatov: a man-method or an adulterer of thought?]. Novogardia No. 2 (6). 2020. (In Russian).

Khrushevs'kii M. S. Istoriya Ukraini-Rusi. [History of Ukraine-Rus]. Vol. 3. Lviv, 1905. (In Ukrainian).

Gurevich A. Ya. Kultura i obshchestvo srednevekovoi Evropy glazami sovremennikov (Exempla XIII veka) [Medieval Culture and Society as seen by Contemporaries: XIIIth Century's exempla]. Moscow, 1989. (In Russian).

Danilevskii I. N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Kurs lektsii [Old Rus through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries)]. Moscow, 1998. (In Russian).

Danilevskii I. N. Povest' vremennykh let: germeneticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov [Primary Chronicle: Hermeneutic Foundations of the Study of Chronicle Texts]. Moscow, 2004. (In Russian).

Eremin I. P. K istorii drevnerusskoi perevodnoi povesti [On the history of the old Russian translated story]. TODRL Vol. 3. 1936. (In Russian).

Kozak N. S. Litopisna opovid pro prp. Isakiya Pechernika v konteksti stanovlennya "zhitiya obshchogo" v Kievo-Pecherskii obiteli [Chronicle story about St. Isaac of Kiev in the context of the formation of "common life" in the Kievan Cave monastery]. Mogilyanski chitannya, 2000 roku: Zb. nauk. prats. Kyiv, 2001. (In Ukrainian).

Konyavskaya E. L. Grecheskaya tema v Kievo-Pecherskom paterike [Greek theme in the Kievan Cave Patericon]. Problemy filologii: yazyk i literatura. No. 2. 2010. (In Russian).

Kostomarov N. I. Lektsii po russkoi istorii. Chast' pervaya. Istochniki russkoi istorii [Lectures about Russian history. Part one. Sources of Russian history]. St. Petersburg, 1861. (In Russian).

Krasnova N. A., Krasnov A. G. Motivy zhitiya i agiograficheskikh zhanrovnykh variantov. [Motives of vita and hagiographic genre variants]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Vol. 14. No. 2(3). 2012. (In Russian).

Loseva O. V. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoi treti XV vv. [Vitae of Russian saints as part of the Old Russian Prologues of the XII – first third of the XV centuries]. Moscow, 2009. (In Russian).

Mikheev S. M. Kto napisal "Povest' vremennykh let"? [Who wrote the "Primary Chronicle"?]. Moscow, 2014. (In Russian).

Myuller L. Rasskaz ob Isakii i skazanie "chto radi zovetsya Pecherskii monastyr'" [The story about Isaac and the legend "Why was the Kiev Monastery of the Caves nicknamed?"]. TODRL. Vol. 54. 2003. (In Russian).

Pavlov I. P. Izbrannye sochineniya. [Selected works]. Moscow, 2015. (In Russian).

Panchenko A. M. Topika i kulturnaya distantsiya [Topics and cultural distance]. Istoricheskaya poetika: Itogi i perspektivy izucheniya. Moscow, 1986. (In Russian).

Rudi T. R. Ob askeze yurodivykh (iz istorii agiograficheskoi topiki) [On the asceticism of holy fools (from the history of hagiographic topics)]. Slovene. No. 1. 2015. (In Russian).

Rudi T. R. O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh [On the composition and topic of the vitae of the saints]. TODRL. Vol. 57. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Rudi T. R. O topose adamanta v drevnerusskoi knizhnosti [About the topos of adamant in the old Russian literacy]. TODRL. Vol. 63. St. Petersburg, 2014. (In Russian).

Rudi T. R. Pustynnozhiteli Drevnei Rusi (iz istorii agiograficheskoi topiki) [Hermits of Old Rus (from the history of hagiographic topics)]. Russkaya agiografiya. St. Petersburg, 2011. (In Russian).

Rudi T. R. “Yako stolp nepokolebim” (ob odnom agiograficheskom topose) [“As a pillar unshakable” (about one hagiographic topos)]. TODRL. St. Petersburg, Vol. 55. 2004. (In Russian).

Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnei Rusi. Vyp. 1: XI – pervaya polovina XIV v. [Dictionary of bookishness and scribes of Old Rus. Iss. 1: XI – first half of the XIV century]. Ed. by D. M. Bulanin, O. V. Tvorogov. 1987. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen [Russian History Dating Back to the Most Ancient Time]. In 7 vol. Vol. 2. Moscow, 2016. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen [Russian History Dating Back to the Most Ancient Time]. V 7 t. Vol. 4. Moscow, 2016. (In Russian).

Tolochko A. P. Perechityvaya pripisku Silvestra 1116 g. [Rereading Sylvester's postscript 1116]. Ruthenica VII. 2008. (In Russian).

Tolochko P. P. Russkie letopisi i letopistsy X–XIII vv. [Russian chronicles and chroniclers of the X–XIII centuries]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Turuk E. A. K probleme rekonstruktsii Zhitiya Antoniia [On the problem of reconstruction of the Vita of Anthony]. Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya. Vol. 13. Iss. 9: Filologiya. 2014. (In Russian).

Chernin S. B. Povestvovatel'naya struktura Slova o chernoriztse Isakii v sostave PVL [The narrative structure of the Word about the black man Isakiy as part of the Primary Chronicle]. Vestnik UdGU. Seriya “Istoriya”. 2005. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Istoriya russkogo letopisaniya [History of Russian annals]. Vol. 1. Book 1. Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh. St. Petersburg, 2002. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Istoriya russkogo letopisaniya. [History of Russian annals]. Vol.1, Book 2. Povest' vremennykh let i drevneishie letopisnye svody. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Povest' vremennykh let. [Primary Chronicle]. Vol. I. Vvodnaya chast'. Tekst. Primechaniya. Petrograd, 1916. (In Russian).

Yudin T. I. Ocherki istorii otechestvennoi psikiatrii. [Essays on the history of Russian psychiatry]. Moscow, 1951. (In Russian).

Schlözer A. L. Russian annals compared in their basic Slavonian language translated and explained by August Ludwig (von) Schlözer, first part, Göttingen, 1802. (In German).

Schlözer A. L. Russian annals compared to their basic Slavonic language, translated and explained by August Ludwig (von) Schlözer, Third Part, Göttingen, 1805. (In German).

About the author

Aryaev Leonid N., psychiatrist at the Thuringian Clinic for Psychiatry, Psychotherapy and Psychosomatic Medicine, Saalfeld (Germany).

E-mail: l.aryaev@rambler.ru.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДОВЫХ ПОЛКОВ НОВГОРОДА И ПСКОВА В XIV – 1-Й ПОЛ. XV В.

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам организации городских полков Новгорода и Пскова в XIV – 1-й пол. XV в. В качестве основного источника используются материалы новгородского и псковского летописания. В работе опровергается тезис П. В. Лукина о тождественности веча и городского полка. Городовые полки рассматриваются как воинские корпорации, организованные по профессиональному признаку. В данной работе подробно исследуется социальная структура городских полков. Каждая категория населения Новгорода и Пскова, представители которой упоминаются в составе городского полка, рассматривается отдельно. Затем анализируются летописные сообщения о походах с участием городских полков. С помощью приемов контекстуального анализа показано, что воины городских полков передвигались и участвовали в сражениях преимущественно в конном строю, однако в исключительных случаях они также могли сражаться пешими и использовать речные суда. Особое внимание уделяется проблеме численности городских полков Новгорода и Пскова. Несмотря на ограниченность летописных данных, в работе вычисляется мобилизационная способность Новгорода и Пскова с волостью и пригородами, а также дается оценка реальной численности сил этих городов. В заключение приводится полная и не противоречащая источникам реконструкция устройства городских полков Новгорода и Пскова, которая значительно отличается от модели, предложенной А. В. Быковым. Сделанные в данной работе выводы об организации городских полков Новгорода и Пскова могут быть использованы в дальнейших исследованиях по военной истории Северо-Запада Руси в указанный период.

Ключевые слова: военная история, военное дело, Новгород, Псков, городские полки, социальный состав, вече, ополчение, конная рать, пешая рать, судовая рать, численность войск, XIV век, XV век.

«... а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити.»¹

Городские воинские корпорации Новгорода и Пскова, называемые в историографии «городовыми полками», привлекают внимание исследователей не так часто, как другие социально-политические институты этих городов, хотя значение городских полков для истории этих земель крайне велико – именно эти полки были основной военной силой Новгорода и Пскова, обеспечивая их безопасность и контроль над подвластными территориями. Вместе с тем война как явление лежала в основе формирования социальной структуры средневекового общества. Как писал М. Блок, «...отличительной чертой феодальных обществ было почти полное совмещение сословия господ-сеньоров с сословием профессиональных воинов, тяжело вооруженных рыцарей.»² Переносить реалии обществ Западной Европы на Новгород и Псков, не опираясь на данные источников, было бы в корне неверно, однако мы можем предполагать наличие некоторых общих черт в развитии военного дела и организации

¹Летописное обращение воеводы князя Святополка (Окаянного) Волчьего Хвоста к новгородцам из войска князя Ярослава (Мудрого) перед битвой под Любечем (1016 г.). Именно с этой фразы начинается текст Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.-Л., 1950. С. 15.

²Блок М. Феодальное общество. Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М., 2003. С. 432.

войска на этих территориях. Вопросы, касающиеся устройства городских полков Новгорода и Пскова, лежат одновременно в области социальной и военной истории, и на многие из них в историографии пока не было дано определенных и убедительных ответов. Наименее изученным остается вопрос о социальном составе городских полков. В целом П. Л. Лукиным был выдвинут тезис о тождественности новгородского веча и новгородского ополчения (городового полка)³, однако данное утверждение представляется слишком общим и достаточно спорным. В настоящей работе будет определен круг тех социальных слоев, которые упоминаются в летописных сообщениях в составе городских полков. Рассмотрев в первую очередь социальные аспекты организации городских полков Новгорода и Пскова, мы сможем перейти к вопросам, связанным непосредственно с военным делом. Исходя из анализа летописных известий, будут сделаны выводы о родах войск, применявшихся на полях сражений. Затем будет дана оценка численности городских полков Новгорода и Пскова с волостью и пригородами. Комплексное изучение этих проблем позволит нам произвести полную и непротиворечивую реконструкцию устройства городских полков Новгорода и Пскова, которая впоследствии может быть использована в работах по военной истории данного региона.

Социальная структура городских полков

Бояре и посадники. Боярство заслуживает рассмотрения в первую очередь, т. к. данная категория населения находилась на вершине социальной иерархии в Новгороде и играла ключевую роль в политической жизни города. Новгородские бояре представляли собой сословие земельной аристократии, основой могущества которой было крупное

землевание⁴. По мнению В. Л. Янина, на протяжении XIV в. положение новгородского боярства значительно усилилось: боярская аристократия узурпировала те республиканские органы, которые изначально не были боярскими по происхождению (например, тысяцкое и торговый суд), чтобы сконцентрировать власть в своих руках, вследствие чего Новгород превратился в боярскую олигархическую республику⁵. Однако в работах современных исследователей концепция В. Л. Янина признается спорной и подвергается критике. Так, в частности, вывод В. Л. Янина о переходе должности тысяцкого к представителям боярства во 2-й четверти XIV в. был опровергнут М. А. Несиным, который доказал, что новгородские тысяцкие и ранее избирались из боярской среды⁶. В работе П. В. Лукина несостоятельность концепции В. Л. Янина была продемонстрирована наиболее полно: согласно П. В. Лукину, определение Новгородской республики как «боярской» необоснованно, т. к. власть в ней не принадлежала исключительно боярству – доступ к ней через вече имели и другие свободные горожане, входившие в «политический народ» Новгорода⁷. М. А. Несин в своей рецензии на монографию П. В. Лукина, напротив, настаивает на том, что Новгород может считаться аристократической, или боярской, республикой⁸. По мнению М. А. Несина, данное определение не обязательно подразумевает под собой безраздельное господство боярства, хотя в Новгороде бояре действительно имели большое влияние, вследствие чего они могут быть отнесены к правящему сословию⁹. Тем не менее П. В. Лукин также не отрицает, что бояре занимали привилегированное положение относительно

⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 420-421.

⁵ Там же. С. 420-421, 428-429, 433-434, 493.

⁶ Несин М. А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «История и филология». Вып. 3. 2014. С. 148.

⁷ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 518.

⁸ Несин М. А. Первая монография о новгородском вече. [Рец. на:] Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. // Valla. № 2 (3). 2016. С. 105.

⁹ Там же. С. 106.

³ Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 492-493, 500, 502. К такому же выводу приходит и А. В. Быков: Быков А. В. Структура и численность новгородского войска в XIII–XV веках // Novogardia. № 1. 2020. С. 48.

других социальных групп и именно они были тем слоем, который фактически управлял Новгородом¹⁰. Основной привилегией бояр несомненно являлось исключительное право выдвигать из своей среды главных городских магистратов – посадников и тысяцких. Таким образом, в Новгороде боярство находилось во главе политического коллектива, который в случае военных действий выставлял городской полк, и мы можем вполне обоснованно полагать, что в нем бояре также занимали видное положение.

В отличие от Новгорода, в Пскове боярство как социальная категория сформировалось достаточно поздно – как считает А. А. Вовин, оно сформировалось не ранее середины XV в.¹¹. Это может быть связано с более медленным, по сравнению с Новгородом, процессом социальной дифференциации населения Пскова: в XIV в. псковичи еще были относительно однородны, и только во 2-й пол. XV в. в Пскове образовалась своя элита¹². По предположению А. А. Вовина, боярином мог считаться любой житель Пскова, выделявшийся в социальном или экономическом отношении¹³, т. е. псковское боярство не представляло собой замкнутую прослойку знати, как это было в Новгороде. Рассматривать псковское боярство в качестве земельной аристократии также нельзя, поскольку в Пскове из-за крайней ограниченности земельных ресурсов так и не появилось крупное землевладение¹⁴. Кроме того, как считает А. А. Вовин, псковское посадничество не могло быть порождением боярской среды, т. к. этот институт появился раньше самого боярства – в начале XIV в.¹⁵. Посадничество в Пскове, по мнению А. А. Вовина, сформировалось в отдельную социальную группу – городской патрициат, закрепив за собой исключительное право на занятие высшей городской магистратуры¹⁶. Вместе с тем в Пскове также существовала

промежуточная ступень перед должностью посадника – «сын посаднич», которая появляется в процессе складывания патрициата в 40-е гг. XV в.¹⁷. Таким образом, мы видим, что псковские реалии в XIV – 1-й пол. XV в. заметно отличались от новгородских: социальная структура Пскова была более однородна, и хотя в имущественном плане бояре выделялись на фоне остальных горожан, между ними не было такого разрыва, как в Новгороде. Псковское боярство не обладало значительными земельными владениями, поэтому земельной аристократией оно считаться не может. В отличие от Новгорода, где главные городские магистраты происходили из боярской среды, псковские бояре не относились к городскому патрициату (посадничеству) и не имели права занимать должность посадника. Тем не менее псковские бояре, как и новгородские, были обязаны нести военную службу и входили в состав городского полка.

Несмотря на различное положение бояр в социально-политической структуре Новгорода и Пскова, их роль в городских полках была схожа. У нас есть все основания полагать, что боярство представляло собой сословие профессиональных воинов¹⁸, которые были обязаны службой городу и входили в городскую воинскую корпорацию – городской полк. В данном случае город выступал в качестве коллективного феодала, на стороне которого боярство должно было нести военную службу. Боярские контингенты являлись основой городских полков Новгорода и Пскова, что однозначно подтверждается письменными источниками. Упоминания бояр встречаются практически во всех летописных сообщениях о походах новгородского и псковского войска, а при

¹⁷ Там же. С. 184, 187.

¹⁸ А. В. Быков, напротив, считает бояр «полупрофессиональными» воинами: *Быков А. В. Структура и численность...* С. 35, 67. Однако исследователь не указывает, на основании каких данных он приходит к такому выводу. Не ясно, почему А. В. Быков противопоставляет бояр княжеским и новгородским дворянам, которых он считает «профессиональными» воинами. Тот факт, что бояре не несли военную службу постоянно, совершенно не означает, что их воинские навыки были хуже, чем у дворян.

¹⁰ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 344, 517.

¹¹ Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. С. 193.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ Там же. С. 112, 159, 191.

¹⁵ Там же. С. 165, 191, 193.

¹⁶ Там же. С. 181.

перечислении потерь погибшие бояре указываются поименно¹⁹. Как наиболее состоятельные горожане, бояре имели достаточно средств на покупку дорогостоящего вооружения, качественных доспехов и боевых коней. Помимо своих собственных представителей, боярство выставляло и других конных воинов: мобилизация в городской полк происходила в соответствии с нормой – «*фазрубом*», которая определяла число всадников, выставляемых в городской полк землевладельцами. Эти всадники составляли свиту боярина во время похода. В летописных текстах такие контингенты, возглавляемые боярами, именуются «*дружиной*»²⁰. В боярские контингенты могли входить родственники бояр и их сыновья, а также «*дети боярские*»²¹ и «*вои*»²² – профессиональные воины, находившиеся на службе у бояр (подробнее об этом см. ниже). Вероятно, боярство привлекало к участию в походах и «*молодых людей*»²³, которые жили при дворах бояр и были связаны с ними клиентскими отношениями (подробнее о «молодых людях» см. ниже). «Детей боярских», «воев» и «молодых людей» можно объединить термином «послужильцы». Представители этих трех групп являлись свободными горожанами. Вместе с тем боярские послужильцы могли быть и зависимыми людьми: в новгородском летописании встречается упоминание «*холопов збоев*» (букв. боевых холопов) в свите боярина Луки

Варфоломеева в 1342 г.²⁴. Число боярских послужильцев зависело от размеров земельных владений каждого боярина. Как уже было отмечено выше, бояре были обязаны выставлять в городской полк всадников, которых бояре обеспечивали боевыми конями и вооружением за свой счет²⁵. Свиты посадников и тысяцких, скорее всего, были более многочисленны. Во время походов посадников сопровождали «детские». Об этом свидетельствует сообщение НЛ о походе на Заволочье в 1398 г.: «...*только с городка одного человека убиша дичького Левушку Федорова посадника...*»²⁶. А. В. Быков предположил, что в свиты посадников и тысяцких также входили представители различных категорий новгородских дворян – «подвойские», «биричи» и «изветники», которые в мирное время выполняли работу судебных исполнителей²⁷. Новгородские и псковские посадники, являясь главными городскими магистратами, возглавляли городские полки Новгорода и Пскова. В обязанности тысяцкого, должность которого существовала в Новгороде, но отсутствовала в Пскове, командование городским полком не входило. Согласно выводам М. А. Несина, в отличие от тысяцких в других городах, где они возглавляли городские полки, новгородские тысяцкие выполняли в основном судебные функции (эти магистраты отвечали за торговый суд) и во время войны могли быть воеводами отдельных отрядов, но не всего городского полка²⁸. В рецензии на диссертацию М. А. Несина А. В. Быков предпринял попытку опровергнуть данные выводы²⁹, однако аргументы исследователя

¹⁹ См., например: НЛ. С. 94-95, 336, 372; ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 134; ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889. Стб. 195; Псковские летописи (далее – ПЛ). Вып. I. М.-Л., 1941. С. 11, 31; ПЛ. Вып. II. М., 1955. С. 26, 28, 34.

²⁰ См., например: НЛ. С. 360, 362; ПЛ. Вып. I. С. 18, 47; ПЛ. Вып. II. С. 24, 47.

²¹ См., например: НЛ. С. 391, 392.

²² См., например: НЛ. С. 391, 392.

²³ «Черные люди» (о разнице между ними и «молодыми людьми» см. ниже) в последний раз упоминаются в городском полку Новгорода в 1315 г.: ПСРЛ. Т. 42. С. 123. Если не учитывать походы новгородских «молодцев»-ушкуйников и псковских «судовых ратей», в рассматриваемый период «молодые люди» в составе городского полка упоминаются только один раз – в битве под Руссой (1456 г.): ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194, 195.

²⁴ См.: НЛ. С. 355.

²⁵ Об этом говорится, например, в тексте новгородской берестяной грамоты № 383. Из текстов берестяных грамот № 750 и № 138 также известно о том, что некоторые новгородцы покупали доспехи в кредит или брали их в долг у более состоятельных горожан (возможно, у бояр). См.: *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. М., 2004. С. 530-531, 533, 632-633.

²⁶ НЛ. С. 393.

²⁷ *Быков А. В. Структура и численность...* С. 31.

²⁸ *Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII-XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С. 123, 139-141, 148-149, 150, 151.*

²⁹ *Быков А. В. К вопросу о полномочиях новгородских тысяцких. [Рец. на:] Несин М. А.*

трудно назвать убедительными. Согласно А. В. Быкову, в Новгороде тысяцкий исполнял те же обязанности, что и в других городах – прежде всего, он руководил городским ополчением³⁰. А. В. Быков ссылается на наименование тысяцких в ганзейских документах («*hertodh*»), которое в переводе означает «военный вождь»³¹, хотя очевидно, что ожидать полного соответствия между древнерусским словом и значением, которое вкладывалось в него, и переводом этого слова на немецкий вряд ли стоит. Основной аргумент А. В. Быкова заключается в следующем: участие тысяцкого в походах во главе всего новгородского ополчения было совершенно обычным для летописца явлением, поэтому тысяцкие упоминаются в новгородском летописании крайне редко – лишь в тех случаях, когда они выступали в нетипичной для себя роли, возглавляя отдельные отряды³². В дискуссии А. В. Быков прибегает к аргументу *ex silentio* – это не может быть полноценным доказательством того, что именно тысяцкие, а не посадники руководили всем ополчением (городовым полком) Новгорода. Вероятно, тысяцкие выставляли в городской полк более крупные контингенты, чем «рядовые» бояре, которые не занимали никаких магистратур, в остальном же их роль в новгородском войске вряд ли отличалась от роли бояр. В отдельных случаях, когда в походах участвовала часть городского полка (например, если это была рать «охочих людей»), бояре также могли выступать в качестве воевод этих отрядов³³.

Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что бояре являлись основой городских полков Новгорода и Пскова. Данная социальная категория представляла собой военно-политическую элиту, которая находилась во главе политических коллективов своих городов. Командование городским полком

осуществляли посадники: в мирное время они возглавляли «политический народ» на правах главных городских магистратов, и они же руководили городской воинской корпорацией. Бояре были высшей прослойкой профессиональных воинов, которые были обязаны нести военную службу и выступали в походы в составе городской воинской корпорации – городского полка. Традиции военного дела передавались из поколения в поколения внутри боярских семей, что способствовало воспроизводству военной элиты. В городской полк бояре выставляли контингенты всадников, количество которых зависело от размеров боярских землевладений. В контингенты бояр, помимо представителей боярских семей, входили различные категории профессиональных воинов: «дети боярские» (служилые люди бояр) и «вои» (свободные воины на службе у бояр). «Молодые люди» (клиенты бояр), которые вряд ли могут считаться профессиональными воинами, также могли привлекаться к службе в составе боярских контингентов. В XIV в. в летописании отмечается появление «холопов збоев» (вооруженные слуги) в составе боярских отрядов. Эти категории можно объединить понятием «послужильцы». Послужильцев обеспечивали оружием и боевыми конями бояре. Как мы видим, наличие зависимых людей среди боярских послужильцев противоречит тезису П. В. Лукина о тождественности веча и городского полка: боярские холопы не могли входить в «политический народ», т. к. они не были свободными горожанами и не имели права участвовать в вече. На поле боя тяжеловооруженная боярская конница принимала на себя главный удар и несла потери, что отражается в летописных известиях. Бояре хотя и являлись основой городских полков, считать в них боярский компонент единственным не следует. Помимо собственно бояр, в составе городских полков Новгорода и Пскова были и представители других социальных категорий, которые будут рассмотрены далее.

Дети боярские. Упоминания этой социальной группы, хорошо известной исследователям военного дела XVI в., встречаются в новгородских летописных

Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. // *Novogardia*. № 2. 2019. С. 312–317.

³⁰ Там же. С. 313–315.

³¹ Там же. С. 313.

³² Там же. С. 314.

³³ См., например: НЛ. С. 360, 392; ПСРЛ. Т. 42. С. 161, 165; ПЛ. Вып. II. С. 93–95, 104.

известиях начиная со 2-й пол. XIV в. Первое из них относится к 1364 г. и находится в составе Новгородской Карамзинской летописи 2-й подборки (далее – НК2): *«Того же лета приеха съ Югры новгородци, дети боярские и люди молодые, воевавшие по Оби реки и до моря.»*³⁴ В тексте сообщения в составе Летописи Авраамки (далее – ЛА) участники похода названы *«дети боярскихъ молодыхъ»*³⁵. Как справедливо отметил М. А. Несин, переписчик во 2-й пол. XV в., вероятно, допустил ошибку, смешав «детей боярских» и «молодых людей»³⁶. В следующий раз «дети боярские» упоминаются в статье НЛ за 1387 г., в которой говорится о сборе денег с Заволочья для выплаты контрибуции князю Дмитрию Ивановичу Донскому: *«Тои же зимы ездиха за Волокъ Федоръ посадникъ Тимофеевич, Тимофеи Юрьевич, а с ним боярскихъ дети, брати 5000 рублевъ...»*³⁷ М. А. Несин предполагает, что здесь «дети боярские» – буквально младшие мужчины из семей новгородской аристократии³⁸. В качестве доказательства М. А. Несин приводит сообщение НІВЛ: в нем среди участников поездки фигурирует «сын посаднич» Юрий Дмитриевич, упомянутый перед «иными детьми боярскими» и «молодшими людьми»³⁹. Кроме того, М. А. Несин ссылается и на чтение СІЛ, которое близко к варианту НІВЛ, но не аналогично ему: в известии СІЛ *«посадничем»* назван Федор Тимофеевич, указание на происхождение Юрия Дмитриевича отсутствует, а в составе

отряда упоминаются «иные молодшие дети боярские и люди молодые»⁴⁰. Очевидно, что при составлении НІВЛ и СІЛ текст известия подвергся переработке и был дополнен, в результате чего возникла определенная путаница: в НІВЛ появился «сын посаднич» Юрий Дмитриевич, тогда как в СІЛ *«посадничем»* назван посадник Федор Тимофеевич, а к «детям боярским» в НІВЛ прибавились «молодые люди» (незнатные новгородцы), которые в СІЛ превратились в «молодых людей» – «молодшими» же стали «иные дети боярские». Последнее наблюдение напоминает то, что произошло с текстом известия за 1364 г. при составлении ЛА: как уже говорилось выше, в нем прилагательное «молодые» перешло на «детей боярских». Как следствие, представляется, что аргументация М. А. Несина имеет довольно слабые основания, т. к. в приведенных летописных сообщениях наблюдаются следы поздней редакции, из-за которых искажается смысл оригинального текста, и в данном случае использование текста НІЛ кажется более предпочтительным. С другой стороны, в тексте НІЛ интересующая нас группа названа именно «боярскими детьми», а не наоборот – «детьми боярскими», как обозначалась категория служилых людей в Низовских землях. Это вполне может быть аргументом в пользу того, что в этом сообщении всё-таки имелись в виду сыновья новгородских бояр, как и считает М. А. Несин. Если учесть данный факт, то с интерпретацией М. А. Несина можно согласиться – по-видимому, собирать деньги с Заволочья в 1387 г. действительно отправились дети новгородских бояр. Поскольку в этом случае термин «дети боярские» был использован летописцем не для обозначения отдельной социальной категории, в дальнейшем это известие рассматриваться не будет. Особенно показательным летописное сообщение НІЛ за 1398 г., в котором «дети боярские» фигурируют при перечислении участников похода на великокняжеские земли в Заволочье: *«...и бояри, и дети боярскихъ, и житиши люди и купечкыи дети, и вси их*

³⁴ ПСРЛ. Т. 42. С. 132. Аналогичные тексты содержат и другие летописи Новгородско-Софийского круга – Новгородская четвертая летопись (далее – НІВЛ) и Софийская первая летопись (далее – СІЛ): ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. П., 1915. С. 291; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 436.

³⁵ См.: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 90.

³⁶ Также М. А. Несин признает, что на основании данного летописного известия трудно сделать однозначный вывод о значении термина «дети боярские»: Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. № 2 (4-5). 2016. С. 1.

³⁷ НІЛ. С. 380.

³⁸ Несин М. А. Дети боярские... С. 3.

³⁹ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925. С. 347.

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 489.

вои...»⁴¹ Следует отметить, что в данном случае «дети боярские» занимают далеко не последнее место в социальной иерархии – сразу после бояр и перед житейными людьми. Это, вероятно, свидетельствует о высоком социальном статусе этой группы. Однако М. А. Несин обратил внимание на то, что в новгородских актовых материалах «дети боярские» не упоминаются среди тех социальных категорий, которые участвовали в принятии политических решений, а значит, как считает исследователь, они не были частью «политического народа» Новгорода⁴². На основании этого М. А. Несин идентифицирует «детей боярских» как княжеских служилых людей, чьи воинские навыки ценились новгородцами, и поэтому они участвовали в походах в составе новгородского войска⁴³.

Данная интерпретация М. А. Несина также является достаточно спорной по ряду причин. Если предположить, что дети боярские находились на службе у великого князя или одного из новгородских служилых князей, то неизбежно возникают сложности с трактовкой летописных известий, особенно упомянутого выше сообщения НК2. Что могли делать княжеские служилые люди на территории Югры в 1364 г., и как они там оказались? Об участии «детей боярских» в походе на Югру упоминается и в статье НЛ за 1445 г.⁴⁴. Присутствие служилых людей князя или наместника на столь отдаленных территориях представляется маловероятным.

⁴¹ НЛ. С. 391.

⁴² Несин М. А. 1) Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. VII. 2015. С. 305, 307. URL: http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6 (дата обращения: 21.12.2015); 2) Дети боярские... С. 4-5; 3) Новгородские житейные люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 262. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (дата обращения: 08.06.2016).

⁴³ Несин М. А. 1) Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... С. 305-309; 2) Дети боярские... С. 5-6; 3) Новгородские житейные люди... С. 258, 261-262, 264.

⁴⁴ См.: НЛ. С. 425.

Вместе с тем у нас нет точных данных, что в 1364 г. князь Дмитрий Иванович находился в Новгороде, зато из летописания известно, что в 1367 г. вместо него в городе находились его наместники⁴⁵. В отсутствие князя те служилые люди, которые были обязаны службой лично ему, вряд ли могли оказаться в Новгороде. Княжеские служилые люди могли составлять двор его наместников, но даже в этом случае их участие в походе на Югру, к тому же еще и без своих княжеских воевод, представляется сомнительным – эта территория расположена слишком далеко от Новгорода, чтобы представлять интерес для московских служилых людей. Более того, в новгородских летописных известиях XV в. по отношению к контингентам служилых князей уже используется термин «дворяне»⁴⁶, поэтому употребление термина «дети боярские» в известии НЛ за 1445 г. также выглядит странно. Таким образом, предположение М. А. Несина с трудом может считаться верным, т. к. оно плохо согласуется с данными источников.

Напротив, правильнее будет идентифицировать летописных «детей боярских» как боярских послужильцев⁴⁷, которые при этом являлись свободными горожанами, в отличие от зависимых «холопов збоев». С одной стороны, это позволяло «детям боярским» участвовать в вече и просить благословения у архиепископа, как это было в 1398 г. перед походом на Заволочье: в данном случае они

⁴⁵ См.: ПСРЛ. Т. 42. С. 133.

⁴⁶ Так, например, в описании битвы под Русой (1456 г.) в ЛА термин «дворяне» использован по отношению к служилым людям князя Василия Гребенки-Шуйского: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 195.

⁴⁷ Д. А. Селиверстов также считает «детей боярских» боярскими послужильцами, однако он не приводит аргументов в поддержку данного тезиса: Селиверстов Д. А. Битва под Русой 3 февраля 1456 г. // Военное дело Московского великого княжества: Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020. С. 271. Кроме того, исследователь утверждает, что фактически они были холопами бояр, хотя упоминание «детей боярских» в статье НЛ за 1398 г. этому противоречит – холопы не могли находиться среди участников вече и, тем более, находиться сразу после бояр в социальной иерархии, которая отражена в летописном тексте при описании социального состава вечников, пришедших просить благословения у архиепископа.

выступают именно как часть «политического народа» Новгорода. С другой же стороны, «дети боярские», по всей видимости, действительно не выделялись как отдельная социальная группа при составлении грамот на вече. Такая неоднозначная ситуация, когда «дети боярские» упоминаются в составе городского полка, но практически не выделяются среди вечников, может объясняться следующим образом: либо «дети боярские» всё же находились в определенной зависимости от бояр и поэтому не принимали самостоятельных решений на вече, либо они представляли собой довольно малочисленную прослойку, вследствие чего их не включали в формуляр договоров как отдельную социальную группу. Стоит отметить, что по аналогии с «детьми боярскими» среди вечников и в текстах договоров, как правило, не упоминаются «вои» – известие 1398 г. является исключением. Как и «дети боярские», это были свободные воины-профессионалы, принадлежность которых к политическому народу Новгорода не вызывает сомнений, однако на вече они не имели своего представительства. Тем не менее «дети боярские» регулярно участвовали в походах: они могли ходить в частные набеги вместе с «молодыми людьми» (в 1364 г.) и выступать в составе городского полка в полномасштабные походы (в 1398 г.). Во время похода на Заволочье в 1398 г. из «детей боярских» даже собрали отдельный отряд во главе с двумя воеводами, который сначала разорял великокняжеские земли до Галича, а затем осадил городок Орлец в Двинской земле. Под Орлецом к ним, видимо, присоединилась основная часть войска, после чего гарнизон был вынужден капитулировать, и двиняне вновь присягнули новгородцам. Об этом свидетельствует явная дублировка в тексте: *«И вышедши двиняне из городка, и начаши бити челомъ съ плачемъ воеводам и всемъ воемъ новгородцемъ, и воеводы новгородчкыи и вси вои...»*⁴⁸ В этом фрагменте дважды упоминаются воеводы и их «вои», что указывает на присутствие под городком сразу двух ратей, к которым и обращались двиняне. Таким образом, из этого

следует, что к концу осады под Орлецом находились не только «дети боярские», но и основные силы новгородцев. М. А. Несин считает, что отряду «детей боярских» была доверена главная задача похода – отвоевание Заволочья (Двинской земли), отнятого у Новгорода великим князем Василием Дмитриевичем⁴⁹. Из летописного известия следует, что эта рать во главе с двумя новгородскими воеводами-боярами сначала разорила великокняжеские волости до Галича, после чего пошла в Двинскую землю и осадил городок Орлец⁵⁰. В Орлеце в это время находился князь Федор Ростовский, отправленный туда «в засаду» (т. е. в гарнизон) великим князем и выполнявший функции великокняжеского наместника в Двинской земле. Отряд «детей боярских» заблокировал его в Орлеце, осадил городок и, по всей видимости, стал дожидаться подхода основных сил. Основные же силы новгородцев, во главе которых стояли посадники, направились к Белоозеру, где находились белозерский князь и великокняжеские воеводы, разорили волость вокруг Белоозера и сожгли старый городок, затем разграбили Кубенские волости, земли под Вологдой и Устюг, который новгородцы еще и сожгли⁵¹. Простояв под Устюгом 4 недели, основные силы двинулись к Орлецу на подмогу «детям боярским». Как мы видим, основные силы новгородцев занимались тем, что методично разоряли великокняжеские земли на Севере, в то время как отряд «детей боярских» вел боевые действия в Двинской земле, блокируя в Орлеце князя Федора Ростовского. При этом отряд «детей боярских» во главе с двумя воеводами действовал вполне самостоятельно, хотя и был малочисленнее. О том, что эта рать изначально предназначалась для блокирования Орлеца, свидетельствует то, что этот отряд использовал осадные машины – «пороки»: вероятно, «детям боярским» был отдан обоз с «пороками», с помощью которых они должны были вести осаду Орлеца до подхода основных сил.

⁴⁹ Несин М. А. 1) Дети боярские... С. 5; 2) Новгородские житыи люди... С. 262.

⁵⁰ См.: НЛ. С. 391-392.

⁵¹ См.: НЛ. С. 392.

⁴⁸ НЛ. С. 392.

Таким образом, анализ летописных упоминаний «детей боярских» позволяет нам довольно уверенно идентифицировать их как боярских послужильцев, противопоставив их княжеским служилым людям, по отношению к которым в новгородском летописании использовался термин «дворяне». Будучи частью «политического народа» Новгорода, как «дети боярские», так и «вои» не выделялись в отдельную группу среди вечников. Несмотря на это, они входили в городской полк Новгорода в составе боярских контингентов и активно участвовали в походах. Прямые упоминания «детей боярских» в летописных сообщениях указывают на то, что они могли участвовать в дальних рейдах, например, на Югру в 1364 и 1445 гг. Известие 1364 г. наглядно показывает, что их, как и «молодых людей», привлекала возможность пограбить. Во время полномасштабных походов «дети боярские» во главе с воеводами могли действовать самостоятельно, представляя собой весьма боеспособный контингент профессиональных воинов. В 1398 г. отряд «детей боярских» не только разорил великокняжеские земли до Галича, но и блокировал Орлец, где находились силы князя Федора Ростовского. В этом случае «дети боярские» сумели организовать полноценную осаду городка с использованием осадных машин, ожидая подхода основной части войска. В целом можно заключить, что «дети боярские» – это профессиональные воины, находившиеся на службе у новгородских бояр и состоявшие вместе с ними в городском полку. Они регулярно участвовали как в частных рейдах, так и в полномасштабных походах, во время которых они могли выполнять самые разнообразные функции.

Житьи люди. Вопрос о положении житых людей в социально-политической структуре Новгорода пока остается дискуссионным. На данный момент исследователи сходятся на том, что житьи являлись второй по значимости после боярства свободной социальной категорией, представители которой принимали участие в вече, служили в городском полку и входили в состав посольств⁵². Согласно Ю. Г.

Алексееву, появление житых относится к 2-й пол. XIV в., когда они выделились из «черных людей» – низшей категории свободного городского населения⁵³. Исследователи И. Д. Беляев и П. В. Лукин, напротив, связывают происхождение житых с сословием купцов⁵⁴. Другой точки зрения придерживается О. В. Мартышин: по его мнению, житьи вовсе не были отдельной социальной группой – они смыкались с представителями крупного купечества⁵⁵. Эти версии подверг критике М. А. Несин. Согласно М. А. Несину, житьи люди являлись отдельной социальной группой, не связанной с купцами. Происхождение новгородских житых исследователь предлагает связать с одной из категорий местной аристократии – возможно, с «меньшими боярами», тем самым солидаризируясь с В. Л. Яниным⁵⁶.

Исследование М. А. Несина позволяет не только уточнить происхождение житых и их место в вечевой иерархии Новгорода, но и определить, каким образом они участвовали во внешней политике Новгорода вообще. Житьи люди, в отличие от бояр, никогда не занимали должности городских магистратов – посадника и тысяцкого, хотя некоторые представители житых обладали значительными земельными наделами, сравнимыми с боярскими⁵⁷. Чаще всего житьи и их представители упоминаются среди вечников, при составлении различных договоров и в составе посольств. Первые такие упоминания житых в актовом материале относятся к 1430-м гг.⁵⁸ В текстах

⁵³ Алексеев Ю. Г. Черные люди Великого Новгорода и Пскова // Исторические записки. Т. 103. 1979. С. 262.

⁵⁴ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. М., 1864. С. 80-81; Лукин П. В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne. International Journal of Slavic Studies. Т. 4. № 1. 2015. С. 258-260.

⁵⁵ Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 158-159.

⁵⁶ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 252-253; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 421, 422.

⁵⁷ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 247.

⁵⁸ См., например, договорную грамоту великого князя литовского Свидригайло с Великим Новгородом (№ 63): Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее

⁵² Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 247.

новгородских актов житьи всегда стоят после бояр, но перед купцами и «черными людьми». В летописных текстах житьи люди впервые фигурируют во время переговоров с московским князем Дмитрием Ивановичем в 1380 г.⁵⁹ В 1386 г. житьи присутствовали среди вечников во время отмены митрополичьих судов в Новгороде и смогли добиться присутствия своих представителей в качестве наблюдателей на владычном суде⁶⁰. В 1441 г. представители житьих вместе с владыкой Евфимием II и боярами участвовали в посольстве к Василию II, которое должно было заключить перемирие с великим князем под Демоном⁶¹. Однако роль житьих, как считает М. А. Несин, в этом посольстве была скромной⁶². Впоследствии эта тенденция развилась настолько, что в качестве делегатов от житьих стали выступать бояре: так, уже во время заключения Яжелбицкого мирного договора в 1456 г., как было показано М. А. Несиным, представителями от житьих были новгородские бояре.

Как было указано выше, житьи люди считались одной из категорий землевладельцев, и именно земельные наделы служили экономической основой для участия житьих в военных походах как полноценных конных воинов. Упоминания житьих в летописных известиях, связанных с походами городского полка Новгорода, встречаются не так часто. Стоит отметить, что в летописных списках потерь житьи не упоминаются вовсе, в отличие от бояр: вероятно, это связано с их невысоким социальным статусом, по сравнению с представителями новгородской аристократии. Поскольку житьи люди были частью «политического народа» Новгорода, обладали значительными земельными владениями и, как следствие, входили в состав городского полка, мы можем предполагать участие в походах житьих, даже если в летописных статьях они не упоминаются напрямую. Прямые указания

на участие житьих в походах можно выделить лишь в двух летописных известиях: о походе на Заволочье в 1398 г. и о битве под Русой в 1456 г. В первом случае «*житьи люди*» упоминаются в составе новгородского войска перед походом, когда новгородцы просили благословения у архиепископа⁶³. При перечислении социального состава войска в летописном тексте они находятся после бояр и детей боярских, но перед купеческими детьми. Здесь заметно некоторое противоречие с тем, какое место обычно занимали житьи в формуляре актов и в текстах летописных известий о дипломатических посольствах: в иерархии новгородского войска житьи следовали не сразу за боярами – между ними находились «дети боярские», которые в городском полку выделялись в отдельную группу и занимали в нем более высокое положение, чем житьи люди. Также «*житьи люди*» фигурируют в сообщении ЛА за 1456 г., в котором они упоминаются в составе городского полка Новгорода, выступившего к Русе вместе с двором служилого князя Василия Гребенки-Шуйского: «...а не въ мнози силе бояре, и *житьи люди*, и молодежь людий немного...»⁶⁴ При этом нам ничего не известно об их участии в битве – в тексте «*житьи люди*» не числятся среди убитых и попавших в плен. На основании этого М. А. Несин предположил, что житьи, если они вообще участвовали в сражении, практически не понесли потерь⁶⁵, однако данная трактовка представляется не совсем убедительной. Напротив, подобное молчание со стороны летописца о потерях житьих вполне объяснимо: в летописных текстах житьи и ранее не упоминались в списках убитых – летописцы явно отдавали предпочтение более высокопоставленным боярам, которые обычно перечислялись поименно. Вероятно, житьи всё же понесли потери во время сражения под Русой наравне с боярами, но летописец не счел нужным написать об этом. Что же касается пленных из числа житьих, сам М. А. Несин подчеркивает, что москвичи и татары вряд ли их брали, т. к. для малочисленного великокняжеского войска

– ГВНП) / Под ред. С. Н. Валка. М.- Л., 1949. С. 105-106.

⁵⁹ См.: НЛ. С. 376.

⁶⁰ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 342.

⁶¹ См.: НЛ. С. 421;

⁶² Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 268.

⁶³ НЛ. С. 391.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

⁶⁵ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 269.

большой полон стал бы обузой, в плен были захвачены только представители новгородской боярской элиты⁶⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период житьи люди оформились в отдельную социальную категорию, которая в вечековой иерархии находилась сразу после боярства. В отличие от бояр, житьи не могли занимать должности посадника и тысяцкого, но в то же время имели своих представителей во владычном суде, хотя их полномочия были ограничены. Во внешней политике житьи также принимали участие – об этом свидетельствуют упоминания данной группы в текстах договоров и в составе посольств, однако влиять на ход переговоров представители житьих не могли. Настоящая власть в Новгородской земле, несомненно, принадлежала боярству, поэтому житьи постепенно утратили свое представительство во время дипломатических посольств. Впрочем, на протяжении всего рассматриваемого периода житьи оставались частью «политического народа» Новгорода: они не просто были свободными горожанами, но и обладали довольно высоким статусом, являясь второй после боярства категорией землевладельцев, что позволяло им участвовать в политической жизни Новгорода как на вече, так и в составе посольств. Вместе с тем житьи люди служили в городском полку Новгорода и в его составе принимали участие в походах. Как удачно отметил М. А. Несин, положение житьих в обществе и на вече соответствовало и их положению в войске⁶⁷. Отличие заключается лишь в том, что во время веча и при заключении договоров житьи занимали следующее по значимости место после бояр, а иерархии городского полка – после бояр и детей боярских. В Пскове, напротив, в рассматриваемый период житьи еще не выделились как самостоятельная группа: как было показано А. А. Вовиным, первые упоминания житьих в псковских источниках (в летописях и актовых материалах) относятся к 70-м гг. XV в⁶⁸.

Купцы и купеческие дети. Купечество Новгорода, как было показано М. А.

Несиним, оформилось в виде отдельной социальной группы уже в XII в⁶⁹. По мнению М. А. Несина, основным занятием этой группы населения была торговля, и купечество имело свои профессиональные объединения, основанные на корпоративных принципах: ярким примером такого корпоративного объединения новгородских купцов является знаменитое «Ивановское сто». Купцы, будучи полноправными свободными новгородцами, входили в «политический народ» Новгорода и могли участвовать в вече. В социальной иерархии Новгорода, судя по формуляру новгородских актов, купечество находилось ниже бояр и житьих людей, но выше «черных людей»⁷⁰. Как было отмечено М. А. Несиним, в правовом поле купцы могли сближаться с «черными людьми»⁷¹. Так, например, в тексте Новгородской Судной Грамоты (далее – НСГ) боярам и житьим противопоставлены «молодые люди», под которыми могли подразумеваться как купцы, так и «черные люди», поскольку относительно привилегированных слоев бояр и житьих они считались «молодыми», т. е. «младшими», нижестоящими по социальному положению⁷². Однако купечество как социальная группа не было однородным: помимо купцов, в письменных источниках также встречается термин «купеческие дети». В некоторых новгородских актах эта группа упоминается вместе с купцами, но всегда после них⁷³. В других актах и в летописном известии НЛ за 1398 г. «*дети купечкые*», напротив, упомянуты отдельно от купцов⁷⁴.

⁶⁹ Несин М. А. Купечество вечевого Новгорода XII–XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Вып. XI. Великий Новгород, 2012. С. 177–178, 182.

⁷⁰ См., например, грамоты № 96 и № 98: ГВНП. С. 152–153, 154.

⁷¹ Несин М. А. Купечество вечевого Новгорода... С. 181.

⁷² См., например, 6-ю и 10-ю статьи НСГ: Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова, сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 213.

⁷³ В грамотах №74 и №76: ГВНП. С. 124–126, 127–129.

⁷⁴ В грамотах № 62 и № 67: ГВНП. С. 102–104, 110–112; НЛ. С. 391.

⁶⁶ Там же. С. 271–272.

⁶⁷ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 264.

⁶⁸ Вовин А. А. Городская коммуна... С. 140.

По мнению М. А. Несина, «купеческие дети» представляли собой низшую прослойку купечества, о чем свидетельствует их место в формуляре – всегда после собственно купцов, если в тексте эти социальные категории фигурируют вместе⁷⁵. Д. А. Селиверстов полагает, что «купеческие дети» могли быть клиентам купцов⁷⁶.

Что же касается участия купцов и «купеческих детей» в военных походах, в новгородском летописании встречаются сообщения, в текстах которых есть указания на это, однако их количество крайне невелико. Таких сообщений можно выделить всего два – это статьи НЛ за 1316 и 1398 гг. В первом случае купцы упомянуты в списке потерь новгородцев в битве под Торжком в 1316 г.⁷⁷ Во втором случае, как было отмечено выше, упоминаются только «купеческие дети», которые участвовали в походе новгородцев на великокняжеские земли в Заволочье в 1398 г.⁷⁸ В 1316 г. купцы, согласно летописному тексту, выступили в составе городского полка Новгорода, участвовали в битве под Торжком и понесли потери: вероятно, их участие в этом военном предприятии было обусловлено тем, что Торжок находился в сфере торговых интересов новгородского купечества. В походе на Заволочье в 1398 г. купцы, скорее всего, не участвовали, выставив вместо себя свою «младшую братию» – «купеческих детей». Такое решение купцов вполне объяснимо. В отличие от Торжка, который расположен на сравнительно небольшом расстоянии от Новгорода, Заволочье находилось на периферии Новгородской земли, поэтому поход туда занимал довольно много времени. Как следствие, если бы новгородские купцы участвовали в походе 1398 г., то им бы пришлось долго отсутствовать в городе, что вряд ли хорошо сказалось бы на торговых делах. Вероятно, именно поэтому купцы Новгорода, занятые

крупными торговыми операциями, отказались от участия в походе на Заволочье, и вместо них в составе городского полка на войну выехали «купеческие дети», чья торговая деятельность была менее значима для экономики Новгорода.

Таким образом, данные летописания позволяют нам утверждать, что купечество Новгорода принимало участие как минимум в двух военных походах в составе городского полка – в 1316 и 1398 гг. С одной стороны, если исходить только из летописных сообщений, то роль купцов и купеческих детей в городском полку может показаться эпизодической, т. к. их участие в походах отмечено всего дважды. С другой стороны, стоит помнить, что летописные сведения зачастую довольно ограничены, и пользоваться исключительно ими не следует. Мы всё же можем предположить, что купечество как социальная группа было активным участником военных предприятий и входило в городской полк. Во-первых, пусть военное дело не было основным занятием купцов, они могли иметь определенную военную подготовку или выставлять вместо себя профессиональных воинов: в Средние века торговля была довольно опасным делом, купцы часто подвергались нападениям и были вынуждены сами давать отпор нападавшим или нанимать охрану. Во-вторых, новгородские купцы были достаточно состоятельными, чтобы позволить себе профессиональное вооружение и боевого коня, а самые богатые, вероятно, могли обеспечить снаряжением еще и некоторое количество послужильцев. В-третьих, помимо ведения торговых дел, купечество в Новгороде обладало землей⁷⁹, а значит, купцы-землевладельцы должны были включаться в норму мобилизации войска («разруб»), в соответствии с которой в городской полк выставлялось по всаднику с определенного количества земли. Итак, приведенные выше аргументы в совокупности с летописными данными дают нам основания утверждать, что новгородские купцы также несли службу в городском

⁷⁵ Несин М. А. Купечество вечевое Новгорода... С. 182, 183.

⁷⁶ Селиверстов Д. А. Войны и войско Дмитрия Донского // Военное дело Московского великого княжества: Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020. С. 12.

⁷⁷ См.: НЛ. С. 336.

⁷⁸ Там же. С. 391.

⁷⁹ Согласно 17-й и 18-й статьям НСГ, купцы наравне с боярами и жителями считаются категориями землевладельцев. См.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 214.

полку Новгорода. К сожалению, псковское летописание не содержит ни одного свидетельства об участии купцов в боевых действиях, поэтому у нас отсутствуют какие-либо опорные данные, которые позволили бы нам говорить о связи псковского купечества с городским полком. Гипотетически псковские купцы, как и их новгородские «коллеги», могли участвовать в походах в составе городского полка или выставляться в него какие-то контингенты, однако упоминаний об этом в псковском летописании нет – следовательно, доказать эту гипотезу пока не представляется возможным.

Сельники и сельские люди. О данной социальной категории известно довольно мало: в новгородском и псковском летописании «сельники» и «сельские люди» упоминаются всего три раза – в 1407, 1445 и 1462 гг. В первом случае, из сообщения ПЛ следует, что «сельские люди» участвовали в Каменском побоище 21 августа 1407 г. и понесли потери⁸⁰. В двух других летописных статьях «сельники» упомянуты в составе новгородского войска: в 1445 г. новгородцы отправили в авангард «селников луских» и «вочских и ижерьских боярь» (представителей местной водской и ижорской аристократии?), а в 1462 г. новгородцы послали к Орешку «ореховьских сельников»⁸¹. Как подчеркивает О. В. Комаров, в «сельских людях» вряд ли стоит видеть сельских ополченцев-смердов: по мнению исследователя, так могли назвать конных ратников из волости, противопоставляя их боярам, проживавшим в городе⁸². Такая интерпретация данного термина представляется наиболее логичной. По аналогии с псковскими «сельскими людьми», новгородские «сельники» также могли быть служилыми людьми, проживавшими в волости: в Луском селе⁸³ и под Орешком соответственно. В «политический народ» Новгорода и Пскова

«сельники» и «сельские люди» не входили, т. к. они жили в волости и не могли считаться полноправными членами городской общины⁸⁴. Несмотря на это, они были полноценными воинами и входили в состав городских полков: приведенные выше летописные известия прямо указывают на их участие в походах и боевых действиях. Кроме того, даже когда прямые указания в летописных текстах отсутствуют, мы можем вполне обоснованно предполагать, что «сельники» и «сельские люди» участвовали в тех походах, для которых новгородцы и псковичи проводили мобилизацию своих волостей («совокупляли волость»).

Черные и молодые люди. Вопрос о положении «черных» и «молодых людей» в городском полку неразрывно связан с их участием в вече. Однако для начала следует определить значение этих терминов, встречающихся в летописании и в формуляре актовых материалов Новгорода и Пскова. Как было отмечено Ю. Г. Алексеевым, в дореволюционной историографии предпринимались попытки отождествления «черных людей» с «молодшими»⁸⁵. В современных работах, наоборот, эти два понятия разделяются: согласно выводам исследователей социальной структуры Новгорода, «черные люди» – это низшая по статусу группа незнатных свободных горожан⁸⁶, а «молодые люди» – это собирательный термин, которым обозначались купцы и черные люди⁸⁷. Этот термин использовался в текстах ситуативно, чтобы подчеркнуть разницу в социальном положении: как уже говорилось выше, относительно боярства и житейских людей купцы и «черные люди» рассматривались как «молодые», т. е. «младшие» по статусу. В псковских материалах, напротив, эти

⁸⁰ См.: ПЛ. Вып. I. С. 31.

⁸¹ См.: НЛ. С. 424; ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 210.

⁸² Комаров О. В. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным // Novogardia. № 2. 2019. С. 111.

⁸³ Топоним «Луское село» известен из другого летописного известия ПЛ, в котором перечисляются «кормления» служилого князя Патрикея Наримонтовича: НЛ. С. 379.

⁸⁴ П. В. Лукин и А. А. Вовин приходят к выводу, что жители волостей и пригородов находились в подчиненном положении по отношению к политическим центрам (Новгороду и Пскову) и не могли участвовать в городском вече: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 299, 302, 326-327, 466-467, 500, 502, 503, 517; Вовин А. А. Городская коммуна... С. 155-159.

⁸⁵ Алексеев Ю. Г. Черные люди... С. 242.

⁸⁶ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 316, 321.

⁸⁷ Несин М. А. Купечество вечаевого Новгорода... С. 181.

термины соединяются – «*чернии люди молодии*»⁸⁸. Это может свидетельствовать как о тождественности понятий⁸⁹, так и о том, что к «молодым» относились не только «черные люди» – тогда в данном случае упоминание «черных людей» будет своего рода уточнением более общего понятия «молодые». Однако в Пскове эта категория населения появляется в источниках лишь в конце XV в. А. А. Вовин связывает это с процессом социального расслоения псковской общины: «черные» или «молодые» люди – это «новые псковичи», бывшие посажане, которые стали горожанами и, соответственно, получили право участвовать в вече после постройки в 1465 г. стены Окольного города⁹⁰. По мнению А. А. Вовина, они не входили в псковскую элиту, которая проживала в Среднем городе (в пределах стен 1375 г.), однако считать «черных людей» Пскова городской беднотой у нас нет оснований⁹¹. В Пскове «черные люди», сформировавшиеся как социальная группа во 2-й пол. XV в., входили в состав «политического народа» и участвовали в вечевых собраниях, о чем свидетельствует летописное известие о «брани о смердах» 1485 г. Положение «черных людей» в Новгороде подробно рассмотрено в работе П. В. Лукина: исследователь приходит к выводу, что «черные люди» в Новгороде, как и в Пскове, были частью «политического народа» на протяжении всего периода существования Новгородской республики⁹². «Черные люди», будучи свободными горожанами, принимали участие в вече, от их лица составлялись грамоты – «черные люди» упоминаются в актовых материалах, и их представители отправлялись в составе посольств. Упоминание «черных людей» в тексте преамбулы к НСГ также свидетельствует в пользу того, что они являлись полноправными членами городской общины Новгорода⁹³. Таким образом, и в

Пскове, и в Новгороде «черные» и «молодые люди» представляли собой слой свободных горожан и входили в «политический народ» этих городов, находясь в вечевой иерархии ниже других социальных категорий.

Учитывая то, что «черные» и «молодые люди» участвовали в вече, мы вполне обоснованно можем предполагать и то, что они входили в состав городского полка. Однако для обоснования этой гипотезы необходимо найти в письменных источниках упоминания этой социальной категории в контексте военных походов. В предшествующий период, во 2-й пол. XIII в., «черные люди» фигурируют, например, в летописном известии НЛ о Раковорской битве (1268 г.) при перечислении потерь новгородского войска⁹⁴. Последнее упоминание «черных людей» как части городского полка встречается в новгородском летописании в статье НК2 за 1316 г. о битве под Торжком: «*И приидоша новгородци бояре без черных люди съ князем Афанасием в Торжок.*»⁹⁵ Это летописное известие служит определенным рубежом: с 1315 г. упоминания «черных людей» пропадают из описаний походов городского полка, а значит, у нас нет оснований считать, что «черные люди» входили в городскую воинскую корпорацию Новгорода – иначе это отразилось бы в текстах. Во 2-й пол. XIV в. «люди молодые» являются неизменными участниками походов ушкуйников. Однако их рейды нельзя воспринимать как походы городского полка Новгорода: рейды ушкуйников были частными военными предприятиями, которые зачастую предпринимались без санкции Новгорода («без новгородьчкого слова»), на что прямо указывают летописные тексты⁹⁶. А. В. Быков настаивает на том, что новгородские «молодцы»-ушкуйники являлись профессиональными воинами и их можно считать составной частью новгородского войска⁹⁷. При этом сам же А. В. Быков признает, что отряды ушкуйников не входили в новгородское ополчение (городовой полк) и

⁸⁸ См., например, летописное известие 1485 г. о т.н. «брани о смердах»: ПЛ. Вып. II. С. 66.

⁸⁹ Вовин А. А. Городская коммуна... С. 199.

⁹⁰ Вовин А. А. Городская коммуна... С. 200-202.

⁹¹ Там же. С. 202.

⁹² Лукин П. В. Новгородское вече. С. 316-317, 321, 322, 325.

⁹³ См.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 212.

⁹⁴ См.: НЛ. С. 86.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 42. С. 123.

⁹⁶ См., например: НЛ. С. 369.

⁹⁷ Быков А. В. Структура и численность... С. 41-42, 45, 47.

действовали зачастую без санкции новгородского веча⁹⁸, что явно противоречит собственному тезису автора об ушкуйниках как составной части новгородского войска. Также не понятно, почему исследователь считает новгородских «молодцев» профессиональными воинами: участие в боевых действиях с целью грабежа вряд ли может считаться достаточным основанием для того, чтобы определить профессиональную принадлежность этой группы людей как военных. Ватаги ушкуйников не представляли собой постоянных воинских формирований, как отмечает сам А. В. Быков⁹⁹. Они не несли службу «по отечеству», не принадлежали к городской воинской корпорации (городовому полку) и не мобилизовывались в случае войны. Единственным компонентом именно профессиональных военных в рядах ушкуйников можно считать «детей боярских»¹⁰⁰. В летописных известиях о рейдах и полномасштабных походах именно городского полка Новгорода «черные» и «молодые люди» не упоминаются вовсе с 1315 по 1456 г. Вполне возможно, что исчезновение «черных» и «молодых людей» из состава городского полка Новгорода служит маркером процесса элитаризации данной воинской корпорации в указанный период, однако возросшее давление со стороны Москвы прервало этот процесс. «Люди молодые» вновь появляются в письменных источниках в сообщении ЛА о битве под Руссой 1456 г.: «...а не въ мнози силе бояре, и житьи люди, и молодехъ людий немного...»¹⁰¹ Стоит отметить, что в данном случае летописец отдельно подчеркнул немногочисленность «молодых людей» в новгородском войске. Если принять интерпретацию М. А. Несина, то в летописных «молодых людях» следует видеть как купцов, так и «черных людей», которые, согласно известию ЛА, принимали участие в походе к Руссе против великокняжеских войск. В этом летописном сообщении также содержится описание случившегося с «молодыми людьми» после поражения: «...а

раненыхъ и битыхъ много, и те прибежавше в Новгородъ и помроша, но не бояре, а молодиши люди...»¹⁰² То есть «молодые люди» в ходе боя или во время погони получили ранения и травмы (по предположению М. А. Несина, ударным оружием типа шестопера¹⁰³), от которых они умерли уже в Новгороде, преодолев около 70 км от места сражения. М. А. Несин считает, что это свидетельствует о низком качестве доспехов «молодых людей» по сравнению с боярами и житыми¹⁰⁴. Такая интерпретация представляется достаточно обоснованной: вряд ли «молодые люди» могли позволить себе профессиональное защитное снаряжение столь же высокого класса, как у бояр и житых. Вероятно, какое-то небольшое число «молодых людей», т. е. купцов и «черных людей», действительно находилось в составе городского полка Новгорода во время похода к Руссе в 1456 г. Никаких подробностей об их роли на поле боя письменные источники не сообщают, поэтому нам остается только предполагать, что они участвовали в походе в качестве послужильцев более влиятельных людей – бояр и житых, в клиентелы которых входили «молодые люди». В Пскове же, как было отмечено выше, «молодые люди» как отдельная категория населения появились после 1465 г., что выходит за рамки рассматриваемого периода. Однако в псковском летописании есть сообщение о набеге, вероятно, судовой рати за р. Нарву в июне 1349 г., в котором основу отряда составляли «*псковичи пешци, молодые люди*»¹⁰⁵ (подробнее об этом походе см. ниже). Аналогичный рейд состоялся в августе 1407 г., и в нем также с высокой долей вероятности участвовали именно «молодые люди»: городской полк Пскова в это время отражал нападение основных сил ливонцев

¹⁰² Там же. Стб. 195.

¹⁰³ Несин М. А. 1) Сражение под Руссой Сражение под Руссой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. V. 2014. С. 104. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (дата обращения: 18.06.2014); 2) Новгородские житьи люди... С. 270.

¹⁰⁴ Несин М. А. Новгородские житьи люди... С. 270-271.

¹⁰⁵ См.: ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и ПЛ. СПб., 1848. С. 187.

⁹⁸ Там же. С. 41.

⁹⁹ Там же. С. 42.

¹⁰⁰ См., например: ПСРЛ. Т. 42. С. 132.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

на суше и понес тяжелые потери во время Каменского побоища 21 августа 1407 г. Таким образом, мы видим, что в летописном известии о набеге за Нарву в июне 1349 г. «молодые люди» однозначно принимали участие и выделялись летописцем как особая социальная группа, хотя в описаниях вечевых собраний в это время они еще не упоминаются. Тот факт, что «молодые люди» фигурируют в летописных текстах исключительно в составе судовых ратей, походы которых были частной инициативой, позволяет нам провести аналогию с новгородскими «молодцами»-ушкуйниками. Как и новгородские ушкуйники, псковские «молодые люди» не являлись профессиональными воинами, которые были обязаны выступать в походы в составе городского полка, поэтому в полномасштабных походах и сражениях они не участвовали. Тем не менее в условиях постоянной «малой войны» они выполняли довольно важную задачу – грабили и разоряли приграничные поселения, нанося экономический ущерб противнику. Использование «молодыми людьми» речных судов для передвижения вполне объяснимо: позволить себе боевого коня и набор профессионального снаряжения для конного боя они вряд ли могли.

Итак, проанализированные летописные известия, в которых «черные» и «молодые люди» упоминаются в контексте военных действий, позволяют нам проследить определенные изменения в том, какое положение они занимали в войске. В Новгороде «черные люди» отмечаются в составе городского полка до 1315 г., после чего упоминания о них исчезают из письменных источников. Во 2-й пол. XIV в. новгородские «молодые люди» уже не входят в городской полк, при этом активно участвуя в частных военных предприятиях – рейдах ушкуйников. К сер. XV в. положение «молодых людей» вновь меняется: некоторое их количество выступает в поход к Руссе в 1456 г. в составе городского полка Новгорода. Вероятно, они принимали участие в походе в качестве послужильцев бояр и житых людей, с которыми их связывали клиентские отношения. В Пскове, напротив, «молодые люди» в XIV – 1-й пол. XV в.,

согласно данным летописания, вообще не были частью псковского войска. Их участие в боевых действиях ограничивалось набегами на незащищенные поселения по берегам р. Нарвы. Эти судовые рати действовали отдельно от городского полка, и их рейды также были частной инициативой, как и в случае с походами новгородских ушкуйников. О мобилизации псковских «молодых людей» в городской полк и об их участии в полномасштабных походах вместе с псковским войском письменные источники ничего не сообщают. Ввиду этого, утверждения о значительной роли «черных людей» в новгородском и псковском войске следует признать несостоятельными¹⁰⁶. Такое положение «черных» и «молодых людей» противоречит идее П. В. Лукина о тождественности веча и городского полка: черные и молодые люди являлись полноправными членами городской общины и входили в «политический народ», однако они либо надолго исчезают из состава городского полка (в Новгороде – с 1315 по 1456 гг.), либо не включаются в него вообще (как в случае с Псковом). Объяснить это можно тем, что «черные» и «молодые люди» не были профессиональными воинами и не имели достаточных средств, чтобы приобрести себе дорогостоящее вооружение и боевого коня, т. к. они не являлись землевладельческой категорией населения, в отличие от бояр, житых людей и купцов, и поэтому они не входили в городской полк. Новгородские «молодые люди», которые сражались под Руссой в 1456 г., скорее всего, находились в составе контингентов бояр и житых людей и снаряжались за их счет. Существовал и другой способ компенсировать то, что «молодые люди» не могли приобрести коня и профессиональное вооружение за свой счет: они отправлялись в частные рейды, передвигаясь на речных судах. Для участия в таких набегах не требовалось иметь профессиональную подготовку и снаряжение, т. к. нападениям подвергались незащищенные поселения. Вместе с тем они сулили легкую добычу – во время набегов «молодые люди» грабили и

¹⁰⁶ Этого мнения придерживался, например, А. Н. Кирпичников: *Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 12.*

разоряли сельскую местность, что позволяло им улучшить свое материальное положение. Для новгородских и псковских «молодых людей» рейды, несомненно, были источником дохода, и именно это служило стимулом для участия в них. В полномасштабных боевых действиях «молодые люди» в рассматриваемый период практически не участвовали – война всё же оставалась прерогативой городского полка, состоявшего из воинов-профессионалов, которые могли обеспечить себя и боевыми конями, и дорогостоящим вооружением. Обычно воины городского полка выезжали на войну в конном строю, однако в некоторых случаях им приходилось спешиваться или использовать для передвижения суда – об этом пойдет речь далее.

Конная рать

Тезис об основополагающей роли конницы в древнерусском войске, выдвинутый еще А. Н. Кирпичниковым, на данный момент никем не ставится под сомнение. Однако и А. Н. Кирпичников, и М. Г. Рабинович не считали конницу единственной составляющей городских полков, отмечая также наличие пехоты в городском ополчении (подробнее об этом см. ниже). На сегодняшний день подобные утверждения уже не выглядят достаточно обоснованными, в связи с чем возникает необходимость обратиться к письменным источникам. Анализ материалов новгородского и псковского летописания, напротив, показывает, что городские полки представляли собой исключительно конные контингенты.

Из летописных сообщений 2-й пол. XV – нач. XVI в. нам известно, как происходила мобилизация городского полка в Пскове. Так, например, в июне 1471 г. псковичи готовились к походу на земли Новгорода: «...а всем Псковом начаша по всем концом роубитися искрепка, а посадниковъ и бояръ великих на вече всем Псковом начаша оброубати доспехы и с конмы.»¹⁰⁷ То есть в поход были мобилизованы только те, кто

обладал доспехом и конем. В трех других случаях летописные тексты также сообщают, с какого земельного надела должен был выезжать конный воин: в 1480 г. «...много скрутившия поеха с четырех сох конь и человекъ...»¹⁰⁸, в 1495 г. «...псковичи срубулися з десяти сох человек конны...»¹⁰⁹, в 1500 г. «и посадник псковские и бояре и весь Псков пороубившия з десяти сох конь, а сорока роублев конь и человекъ в доспехе...»¹¹⁰. Таким образом, из несколько более поздних летописных сообщений мы видим, что псковская норма мобилизации («разруба») городского полка подразумевала сбор конных воинов, которые затем отправлялись в поход в конном строю. Кроме того, им предписывалось иметь доспех (статьи 1471 и 1500 гг.). Это подтверждается и тем, что при описании боевых действий летописец неоднократно использовал различные термины, подразумевающие наличие доспехов у воинов городских полков Пскова и пригородов: «железная рать», «снастная рать», «доспешные люди», «кованая рать»¹¹¹. Как справедливо подчеркивает О. В. Комаров, данные понятия синонимичны и они служат для обозначения «полноценных воинов», которые могли себе позволить коня и доспех¹¹². Таким образом, приведенные летописные фрагменты наглядно показывают, что городские полки Пскова и пригородов состояли из «полноценных воинов», способных воевать в конном строю и имевших серьезное защитное вооружение – доспех. Эти данные могут быть также экстраполированы и на Новгород¹¹³.

¹⁰⁸ ПЛ. Вып. I. С. 76.

¹⁰⁹ Там же. С. 81.

¹¹⁰ ПЛ. Вып. I. С. 84.

¹¹¹ В августе 1406 г. вельяне собрали 150 человек «железною рати» и атаковали ливонские силы, вторгшиеся в Псковскую землю: ПЛ. Вып. II. С. 113. В 1426 г. на подмогу осажденной Витовтом Опочке псковичи прислали «50 муж снастною рати»: ПЛ. Вып. I. С. 36. В 1471 г. во главе «охочей рати» были «воеводы болише или доспешные люди», а после неудачного столкновения с новгородцами псковичи приставили к ним «20 человекъ да 100 кованые рати»: ПЛ. Вып. II. С. 184.

¹¹² Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 123, 127.

¹¹³ Так, например, в описании битвы под Русой (1456 г.) московский летописец отмечает «крепкие

¹⁰⁷ ПЛ. Вып. II. С. 180.

Отдельно следует остановиться на языковых особенностях новгородского и псковского летописания XIV – 1-й пол. XV в. При описании военных походов в летописных текстах используются формы двух глаголов: «*поидоша*» и «*поехаша*». Прояснить их значение помогает анализ контекста, в котором они встречаются в летописных статьях. Употребление глагола «*поехаша*» однозначно говорит о том, что пешая рать не могла участвовать в походе: выбор этого глагола указывает на передвижение войска в конном строю или реже на судах¹¹⁴. Более того, этот глагол встречается в тех текстах, в которых конная рать упоминается напрямую¹¹⁵. С глаголом «*поидоша*» ситуация несколько сложнее, т. к. в своем основном значении он означает движение пешком, и может показаться, что его употребление свидетельствует о пешем характере похода. Однако этот глагол не стоит воспринимать буквально: так, например, в летописных повествованиях о Батыевом нашествии в составе псковских и новгородских летописей используются формы «*прииде*», «*приде*» и «*приидоша*»¹¹⁶, хотя в данном случае очевидно, что войско Батя было целиком конным. Также глагол «*поидоша*» и близкие к нему может быть составной частью устойчивых летописных формул: «*приидоша ратью*», «*поидоша к / в / на / за...*», «*идоша воевати*» и пр.¹¹⁷. В ПЛ в одном случае (в статье за 1407 г.) глагол «*ходиша*» использован даже по отношению к судовой рати: «*В то же время иная рать*

доспехи» на новгородцах: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949. С. 274.

¹¹⁴ К такому же выводу относительно псковского летописания приходит О. В. Комаров: *Комаров О. В. Устройство псковского войска...* С. 112.

¹¹⁵ Например, в статьях Псковской Первой летописи (далее – П1Л) и Псковской Второй летописи (далее – П2Л) за 1323 г., 1343 г., 1349 г., 1407 г.: ПЛ. Вып. I. С. 16, 20, 30; ПЛ. Вып. II. С. 23, 25, 26, 33.

¹¹⁶ См.: ПЛ. Вып. I. С. 12; НЛ. С. 74, 286; ПСРЛ. Т. 42. С. 112.

¹¹⁷ См., например: НЛ. С. 94, 95, 96, 97, 98, 336, 337, 338, 339, 341, 342, 356, 361, 371, 374, 383, 386, 399, 400, 418, 424; ПСРЛ. Т. 42. С. 89, 90, 91, 92, 97, 123, 124, 126, 129, 165, 172, 177; ПЛ. Вып. I. С. 15, 23, 25, 28, 29, 30, 31, 36, 45; ПЛ. Вып. II. С. 22, 24, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 40, 41, 46, 48, 49.

ходиша за Норову псковская в лодияхъ.»¹¹⁸

Таким образом, пример глагола «*поидоша*» демонстрирует всю условность языка летописных текстов: круг значений этого глагола чрезвычайно широк и не точен. Как мы видим, глагол «*поидоша*» вполне может обозначать движение конного войска, а сам факт использования летописцем этого глагола не может быть доказательством участия пехоты в походах. Кроме того, в пользу конного характера городских полков говорит то, что они могли преследовать разгромленных противников после боя, перехватывали вражеские рейды-«*загоны*» и сами устраивали рейды на значительные расстояния, что было бы совершенно невозможно сделать силами пехоты¹¹⁹. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что во всех случаях, когда летописи сообщают о походах с участием городских полков, речь идет именно о конном войске.

Помимо полномасштабных боевых походов и набегов, для которых проводилась мобилизация всех сил городского полка, волости и полков из пригородов, в некоторых случаях полноценные воины-профессионалы могли выступать как добровольцы – «*охочие люди*». Подобные случаи отмечены в псковском летописании – это связано с крайне неспокойной ситуацией на границах Псковской земли. В июне 1341 г. псковичи

¹¹⁸ ПЛ. Вып. I. С. 31. Примечательно, что в П2Л, напротив, использован глагол «*ездиша*»: ПЛ. Вып. II. С. 34.

¹¹⁹ Так, например, в октябре 1406 г. под Кирьяпигой (Киремпе) псковичи разгромили ливонцев и преследовали их на протяжении 15 верст: ПЛ. Вып. I. С. 29. О. В. Комаров ошибочно относит этот поход к октябрю 1407 г., хотя в летописи говорится про октябрь 6915 г., что при использовании сентябрьского стиля дает в переводе октябрь 1406 г. См.: *Комаров О. В. Устройство псковского войска...* С. 124. Новгородцы в 1323 г. перехватили литовский рейд на р. Ловоти: ПСРЛ. Т. 42. С. 124. Осенью 1367 г. вельяне пытались перехватить немецкий отряд, который грабил местность около Велья и Залесье, но потерпели поражение: ПЛ. Вып. II. С. 27-28. Городовые полки Пскова и его пригородов постоянно отбивали ливонские и литовские набеги на волость во время войны 1406–1409 гг.: ПЛ. Вып. I. С. 31-32; ПЛ. Вып. II. С. 113, 116-117. Из дальних походов новгородцев можно отметить крупный рейд за Двину в 1398 г.: НЛ. С. 391-393. Псковичи ходили в рейды до Кольваня (Ревеля) в 1323 г. и до Медвежьей головы (Оденпе) в 1343 г.: ПЛ. Вып. II. С. 22, 25-26.

предложили островичам пойти в совместный рейд на Лотыголу (Латгалию), в который из Пскова поехало «охочих 60 муж» во главе с двумя боярами, но еще до прибытия островичей с их посадником псковская рать столкнулась с ливонским отрядом, который отправился в рейд по Псковской волости: «И по томъ Филиппъ Ледовичъ и Олфереи Селковичъ с поречаны, того же лета, послаше ко островичемъ: хотите ли поехати воевати Лотыгоре. И островичи яшася ехати на Лотыгору, и срокъ съркоше, где съматися псковичемъ съ островичи, на князи селе на Изгояхъ. И выехаше Филипъ и Олоуфереи, и мало дружине с ними, охочихъ 60 моужь, на срокъ ко островичемъ, а инии псковичи не успеше с ними выехати; а Немци и Лотыгори тако же поехали воевати волости псковския. И сретошася псковичи с Немци и с Лотыгою на князи селе на Изгояхъ, месяца июня въ 5 день, на память святыхъ мученикъ 10; бляшет немецкая рати и Лотыгореи 200 и боле, а псковичъ 60 моужь, а островичи не приспеша.»¹²⁰ В августе того же 1341 г. псковичи и изборяне «охочие люди» с Юрием Витовтовичем, поехавшие добывать «языка», встретились с немецкой ратью, которая направлялась к Изборску: «И тогда посла Юрья Витовтовича к Новому городку языка добывати; он же, подъямя с собою охочихъ людей псковичъ и изборянь, и поехаша на соумежье, и сретошася с великою немецкою ратью на Мекузицком поли, оже они едут на стояние к Изборску: и оубиша пскович и изборянь 60 муж, августа 2, а самъ Юрьи прибеже в Изборескъ в мале дружинне.»¹²¹ Осенью 1368 г. во время похода к Новому городку (нем. Нейгаузен), во главе которого был князь Александр, когда основные силы стояли у крепости, боярин Селила Скертковский собрал небольшую дружину из «охочихъ людей» и поехал с ними «в разгон» к Кирьпиге (Киремпе), где их внезапно атаковала немецкая рать: «По томъ псковичи ехавше съ княземъ Александромъ къ Новому городку воевати Чюдскои земли, и бысть им оу городка, поехаше в розгонъ въ землю, Селило же Скертовскеи с дружиною въ мале

охочихъ людей поеха къ Кирьпиге, внезапно оударися на них рать немецкаа...»¹²². В данном случае в рейдовый отряд («разгон») вошли волонтеры из псковского городского полка, который вместе с двором князя Александра блокировал Нейгаузен. В феврале 1406 г. в ответ на поход литовцев псковский посадник Юрий Козачкович набрал некоторое количество «охочихъ людей» из псковичей и пригорожан – изборян, островичей, ворончан и вельян, после чего эта рать поехала в рейд на Ржеву и Великие Луки: «И не по мнозе времени, того же месяца февраля въ 28, Юрьи посадник Козачкович, поимя с собою мале дружины, охочихъ людей, пскович, изборян, острович, ворончан, вельян, и шедше повоеваша Ржеву и Лоуки; а на Луках на Великихъ и стыгъ коложьскыи взяша, и възвратишася со множествомъ полона.»¹²³ Зимой 1409 г. «охочие люди» из Пскова выехали на перехват ливонским силам, которые вместе с литовцами разоряли псковские и новгородские волости во время перемирия: «И паки на ту же зиму по Встретении Господа нашего Исуса Христа, на память святыхъ мученицы Агафии, по перемирии, прииде местерь со всею силою немецкою и с Литвою воевать Псковския волости. И сташа станы на Запсковии, и ходиша по Скопскои волости неделю, и новгородския волости много повоеваша, инех изсекоша, а инех во свою землю поведоша. А новгородцы о всемъ томъ нерадиша, псковичемъ в перечину; а псковичи много челомъ биша новгородцемъ, а новгородцы не помогоша псковичемъ нимало, и псковичи выехаша противу Немець, охочимъ человекомъ, и оударися на них...»¹²⁴ Этот эпизод немного выбивается из общего ряда: в отличие от других случаев, когда отряды «охочихъ людей» набирались для набегов и вынужденно вступали в бой с силами противника, в этот раз псковичи собирали добровольцев специально для отражения рейда со стороны ливонцев. Таким образом, в рассмотренных случаях мы видим действия добровольцев из числа воинов городских полков, которые могли отправляться в

¹²⁰ ПЛ. Вып. II. С. 93-94.

¹²¹ Там же. С. 24.

¹²² ПЛ. Вып. II. С. 104.

¹²³ ПЛ. Вып. I. С. 32.

¹²⁴ Там же.

самостоятельные рейды, иногда отделяясь от основных сил во время похода (как в 1368 г.), и при необходимости могли отразить набег неприятеля. При этом в летописях подчеркивается малочисленность этих отрядов «охочих людей», а при прямом столкновении с превосходящими силами противника они зачастую терпели поражения. Тем не менее, стоит отметить, что «охочие люди» всё же были полноценными воинами-профессионалами, служившими в городском полку, и, по мнению О. В. Комарова, именно они могут считаться наиболее активной и отборной частью городского полка Пскова¹²⁵.

Итак, материалы псковского и новгородского летописания однозначно показывают, что городские полки представляли собой конные контингенты. Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что термин «городской полк» означает исключительно конное войско. В городской полк входили только те, кто мог позволить себе боевого коня и доспех – их мы можем считать «полноценными воинами», и именно они были основной военной силой города. Городские полки Новгорода и Пскова с их волостями, а также полки из пригородов обычно мобилизовывались («*рубилась*») для походов, однако в некоторых случаях наиболее активные воины могли выступать в роли волонтеров («*охочих людей*»), добровольно отправляясь в рейды или отбивая набег противника. И хотя в подавляющем большинстве случаев городские полки воевали в конном строю, во время долгих осад, когда крепость не удавалось взять «*изгоном*», воинам приходилось спешиваться, но это происходило довольно редко. Также, в исключительных случаях, могли возникнуть иные обстоятельства, вынуждавшие «полноценных воинов» городских полков сражаться в пешем строю – о таких эпизодах пойдет речь далее.

Пешцы

М. Г. Рабинович отмечал, что основу новгородского войска составляла пехота, что

¹²⁵ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 121.

было отличительной чертой организации войска этой земли¹²⁶. Согласно М. Г. Рабиновичу, пешая часть войска набиралась из числа «черных людей», т. е. демократических городских низов. Аналогичного мнения придерживался и А. Н. Кирпичников¹²⁷. Очевидно, что подобные утверждения должны основываться на материале письменных источников, однако исследователям не удалось подтвердить свои выводы летописными сообщениями. Это вполне ожидаемо, ведь в летописании действительно практически не встречаются упоминания об участии пеших контингентов («пешцев») в походах. Таким образом, утверждения М. Г. Рабиновича и А. Н. Кирпичникова следует признать необоснованными, а сам факт существования пехоты как самостоятельного рода войск в рассматриваемый период – поставить под сомнение. В аутентичных письменных источниках можно найти всего 4 сообщения, в текстах которых есть прямое указание на некие контингенты пехоты («пешцев»), и все они происходят из псковского летописания: в двух из них (статьи за 1323 и 1349 гг.) упоминания пехоты связаны с полевыми сражениями, тогда как в двух других (статьи за 1341 и 1407 гг.) пехота участвует в походах на судах. Анализ этих сообщений позволит нам обозначить место «пешцев» в структуре псковского войска и определить их роль на поле боя.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу летописных сообщений, в которых так или иначе упоминаются «пешцы», нужно

¹²⁶ Рабинович М. Г. Новгородское войско (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 10 ноября 1943 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Вып. XVI. 1947. С. 180-182.

¹²⁷ Согласно А. Н. Кирпичникову, военная катастрофа сер. XIII в., связанная с Батыевым нашествием, и общенародная борьба против завоевателей нарушили прежнюю дружинную кастовость войска, открыв в него доступ другим социальным слоям, в том числе смердам и сельским ополченцам. Кирпичников А. Н. Военное дело... С. 12. О смердах в составе псковского войска также писал А. Р. Артемьев: Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения изучения военного дела псковичей в XIII – начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987. С. 23.

оговориться, что означает этот термин и к каким именно воинам он может быть применен. Как было отмечено О. В. Комаровым, термин «пешцы» довольно расплывчатый, и он может иметь два значения: в широком смысле – это любые пешие ратники, в том числе и спешившиеся конники, а в узком смысле – это воины, которые не имели коней и передвигались либо пешком, либо на судах¹²⁸. В данной работе будет использоваться последнее определение. В целом в условиях полного доминирования конницы на поле боя пехота представляла собой малополезный род войск, т. к. она не могла оказать серьезного сопротивления таранному удару конницы рыцарского типа. Ярким примером того, насколько беспомощной оказывалась пехота при столкновении с профессиональным рыцарским войском в полевом бою, является битва при Висбю 1361 г.¹²⁹. Кроме того, в походе с участием конницы пехота неизбежно оказывалась обузой, т. к. она замедляла движение войска на марше. Непосредственно в бою взаимодействие пеших и конных контингентов также осложнялось разницей в скорости и маневренности, из-за чего их совместное участие в сражении было затруднительно. Как следствие, пешие контингенты практически не участвовали в прямых полевых столкновениях с конницей, выполняя исключительно вспомогательные функции, например, обороняя лагерь или обоз. Если на Северо-Востоке пехота была совершенно бесполезна против мобильной татарской конницы, то на Северо-Западе еще можно предположить, что она применялась в столкновениях с ливонскими и литовскими силами, однако эта смелая гипотеза требует убедительных доказательств на материале письменных источников.

Первое упоминание «пешцев» встречается в статье Псковской третьей летописи (далее – ПЗЛ) об осаде Пскова ливонцами в 1323 г.: «*И паки Остафеи князь подьям изборян, ово на конех, ово пешцов, тогда бяшетъ ему в Ызборске, поидоша в*

помочь псковичемъ: оже Немци стоять на Завеличьи, и оставивше пешцевъ за полемъ, а Остафеи князь с коневники поехавъ, оудари на них...»¹³⁰ В данном фрагменте описывается, как князь Евстафий, собрав конных и пеших изборян (городовой полк Изборска), атаковал ливонские силы, осаждавшие Псков. Здесь отдельно подчеркивается, что «пешцы» не принимали непосредственного участия в бою, оставшись в тылу – «*за полем*», тогда как в бой отправилась конница во главе с князем. Тем не менее из летописного текста следует, что в этом конкретном случае «пешцы» были составной частью городского полка Изборска («*изборян*»). Это может свидетельствовать о полной мобилизации всех профессиональных воинов Изборска, которая была вызвана осадой Пскова и необходимостью деблокады города, вследствие чего с князем Евстафием выступили в том числе и те, кто не мог позволить себе боевого коня.

В следующий раз участие «пешцев» в полевом бою описывается в псковском летописании также при исключительных обстоятельствах. Во время внезапного нападения ливонцев на Изборск в 1349 г. псковичи и изборяне были вынуждены сражаться пешими: «*В среду в 15 день, на память святого мученика Савы Стина, внезапно пригнаша Немци ко Изборьскоу ратью о полоудни, а князь Юрьши еще бяше в Изборске, и выеха князь Юрьши противъ их, такоже псковичи и изборяне выидоша пеши противъ Немець. И на первом стоупе оубиша князя Юрья, и другаго Юрья Омачина брата, и иных многих людее изборян...*»¹³¹. Примечательно, что князь Юрий Витовтович, в отличие от псковичей и изборян, «*выеха*» против немцев, а не вышел в пешем строю. Вероятно, лично у Юрия Витовтовича и у его двора кони всё-таки были, и эта часть войска вступила в бой верхом. Что же касается псковичей и изборян, в летописном тексте есть четкое указание на то, что они сражались пешком, на основании чего они противопоставляются князю и его двору. Причина того, почему псковичам и изборянам пришлось вступить в бой пешими,

¹²⁸ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 107-108.

¹²⁹ Подробнее см.: Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939.

¹³⁰ ПЛ. Вып. II. С. 89.

¹³¹ ПЛ. Вып. I. С. 20.

не совсем ясна. По предположению О. В. Комарова, этого могли требовать боевые обстоятельства или же кони оказались за городом¹³². Второе объяснение представляется более вероятным, если учесть внезапность нападения немцев на Изборск. То есть и в этом случае пешими сражались полноценные воины-профессионалы, не успевшие подготовиться к бою и сесть на коней из-за неожиданной атаки противника на город.

Оставшиеся два упоминания «пешцев» можно объединить, т. к. они связаны с водными переходами. В первом случае это были «псковичи пешци, молодые люди», которые отправились в набег за р. Нарву в июне 1341 г.: «Того же месяца догадавшись псковичи пешци, молодые люди, поедоша воевать Заноровья 50 муж о Калеке о Карпе о Даниловиче, а в то время немци перехавше Норову повоеваше села псковская по берегу; и Карп с дружиною сретошася с немци с норовци на Кушели у села на болоте, и ополчившиися псковичи сташе с немци битися крепко, на память Рожества святого Ивана Крестителя, и убиша немец на припоре 20 муж; и побегоша прочь посрамлени, повергыи полон и весь добыток, и прогнаше их за Норову...»¹³³. На то, что псковские «пешцы» передвигались не пешком, а на судах, указывает глагол «поедоша», использованный летописцем при описании похода¹³⁴. Также следует отметить, что в тексте есть указание на социальный состав этой рати: в ней были «молодые люди», во главе которых стоял человек, названный летописцем по отчеству, что может свидетельствовать о его высоком социальном статусе¹³⁵. Тем не менее оговорка о том, что это были «молодые люди», подчеркивает, что в этом походе участвовали не полноценные воины-профессионалы, из которых состоял городской полк Пскова. Если предположить, что часть псковского городского полка отправилась в рейд на судах, и поэтому к ним применен термин «пешцы», то не ясно, зачем

летописец охарактеризовал участников похода как «молодых людей». С другой стороны, они показали свою боеспособность, победив в пешем строю немецкий рейдовый отряд (вероятно, конный), прогнав его за реку и захватив их добычу и полон. Здесь можно согласиться с О. В. Комаровым, предложившим соотнести поход «псковичей пешцев, молодых людей» 1341 г. с походами новгородских «молодцев» – ушкуйников¹³⁶. Как и в случае с походами ушкуйников, вероятно, это было частное военное предприятие, в котором участвовал не городской полк Пскова, а добровольцы из низших слоев городского населения во главе с воеводой-боярином¹³⁷. «Молодые люди» передвигались на судах, т. к. не могли позволить себе боевого коня и не были профессиональными воинами, а основная цель самого похода заключалась в нанесении экономического ущерба противнику – то есть грабеже пограничных поселений.

Другое летописное сообщение связано с войной Пскова против Ордена и Литвы 1406-1409 гг. В августе 1407 г. псковская лодейная рать отправилась в поход за р. Нарву параллельно с тем, как основные силы псковичей сражались с ливонцами на суше, понеся серьезные потери во время Каменского побоища: «В то же время иная рать псковская ездиха в лодьях и в насадах за Норову; и егда быша на Псковскомь озере въ Осатне, и Немци в шнеках, постигше их, оударихася на них. И псковичи, пометавше 7 насадовъ (вар. ПЛ – «оускуевъ») и прочии посоуди, и побегоша и прибегоша ко Пскову пешь...»¹³⁸. Из приведенного фрагмента следует, что лодейная рать, столкнувшись с немецкой флотилией, была вынуждена покинуть свои суда и вернуться в Псков пешком. По сравнению с лодейной ратью «псковичей пешцев, молодых людей» в 1341 г., она действительно показала свою низкую боеспособность, как было отмечено О. В.

¹³⁶ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 120.

¹³⁷ Ср. сообщения НЛ о походах новгородских ушкуйников на Волгу в 1366 г. и к немецкому Новому городку в 1377 г. В них также говорится об участниках, что ими были «люди молодии» во главе с воеводами, которые названы по отчеству. См.: НЛ. С. 369, 374.

¹³⁸ ПЛ. Вып. II. С. 34; ПЛ. Вып. I. С. 31.

¹³² Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 111.

¹³³ ПСРЛ. Т. IV. С. 187.

¹³⁴ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 119.

¹³⁵ Там же. С. 119-120.

Комаровым¹³⁹. И хотя в летописном тексте отсутствует прямое указание на социальный состав этой судовой рати, можно вполне обоснованно предположить, что она также состояла из «молодых людей», не входивших в состав псковского городского полка: когда ливонские силы встали лагерем в Туховитичах, псковичи собрали все войска из самого города и волости, за исключением пригородов («И псковичи совокупивше волость опроче пригородов...»¹⁴⁰), и встретили ливонцев на бродах. После этого состоялось кровопролитное сражение у крепости Камно на Лозоговичском поле (Каменское побоище 21 августа 1407 г.), в котором участвовали основные псковские силы¹⁴¹. Таким образом, вряд ли какая-то часть псковского войска могла в это же время ходить на судах за Нарву, поэтому лодейная рать могла комплектоваться исключительно из добровольцев – «молодых людей». Однако без опытного командира-профессионала (в летописном тексте не указано, кто стоял во главе этого отряда) лодейная рать из «молодых людей» не выдержала столкновения с противником и побежала в Псков, бросив свои суда.

Подводя итог, можно утверждать, что проанализированные летописные свидетельства не позволяют говорить о существовании пехоты как самостоятельного рода войск на Северо-Западе Руси в рассматриваемый период. Вопреки утверждениям М. Г. Рабиновича и А. Н. Кирпичникова, в источниках нет никаких убедительных доказательств того, что основная часть войска состояла из пеших «черных людей». Об участии в боевых действиях пешего сельского ополчения и смердов речи не может быть вовсе. Таким образом, представления о народном ополчении однозначно следует признать плодом фантазии исследователей. Добровольцы из числа «молодых людей»

воевали исключительно в составе судовых ратей во главе с воеводой, передвигаясь по рекам в «насадах», «оускуях» и «лодьях». Целью таких речных рейдов был грабеж незащищенных приграничных поселений на территории противника. В прямых столкновениях такие рати участвовали с переменным успехом и, видимо, старались их избегать. Как и в случае с новгородскими «молодцами»-ушкуйниками, считать «молодых людей» частью псковского городского полка было бы неверно: они не являлись профессиональными военными и отправлялись в походы по собственной инициативе – их привлекала возможность пограбить. Их походы были частным предприятием, в котором городской полк Пскова не принимал участия. Напротив, в двух других случаях (в 1323 и 1349 гг.) мы видим, что в пешем строю оказываются полноценные воины – представители городского полка Изборска и Пскова, однако это связано с исключительными обстоятельствами. То есть в пешем строю в этих случаях сражались профессиональные воины, обладавшие соответствующими навыками, качественным наступательным вооружением и доспехом, но в силу обстоятельств лишённые возможности сесть на боевых коней, которые у них, несомненно, были. Считать этих «пешцев» бездоспешными или хуже вооружёнными по сравнению с конной ратью у нас нет оснований¹⁴². Для XIV – 1-й пол. XV в. противопоставление одной части войска другой ни по принципу «доспешные – бездоспешные», ни по принципу «более и менее качественный доспех» не применимо¹⁴³, т. к. городские полки в это

¹⁴² О. В. Комаров характеризует «пешцев» из сообщения 1323 г. как бездоспешных бойцов на основании более поздних летописных известий 1480 и 1501 гг., перенося на XIV в. реалии кон. XV – нач. XVI в., когда в Пскове стала применяться практика мобилизации «молодых людей» в пешую рать: Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 110.

¹⁴³ Упомянутые принципы противопоставления связаны с дискуссией о значении терминов «кованная рать», «железная рать» и «доспешная рать». Подробнее см.: Подвальный Е. Д., Несин М. А., Шиндлер О. В. К вопросу о вестернизации военного дела Северо-Запада Руси [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода

¹³⁹ Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 118.

¹⁴⁰ ПЛ. Вып. I. С. 31.

¹⁴¹ Подробнее о Каменском побоище см.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 43; Вебер Д. И., Филошкин А. И. «От ордена осталось только имя...»: Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018. С. 91-92.

время состоят исключительно из профессиональных воинов, для которых обязательно наличие качественного доспеха, тогда как непрофессионалы («молодые люди»), которые не могли позволить себе дорогостоящее вооружение и вполне могли быть бездоспешными, в полк в рассматриваемый период не мобилизуются (исключением являются небольшие частные рейды, в которых «молодые люди» участвовали добровольно). В 1323 г. часть изборян выступает с князем Евстафием на деблокаду Пскова в пешем строю, что могло быть вызвано экстренной мобилизацией всех профессиональных военных в городе, которым предстояло отправиться на помощь осажденным псковичам. Что характерно, затем пешая часть войска не принимает участия в бою, оставшись прикрывать тыл. В 1349 г. внезапная атака ливонцев на Изборск застаёт врасплох псковичей и изборян, вынуждая их вступить в бой пешими, пока их кони, вероятно, находились вне города. Итак, летописные сообщения 1323 и 1349 гг. наглядно показывают, что часть городского полка могла сражаться в поле в пешем строю, но эта практика была нетипичной. Как правило, это было чрезвычайной мерой, которая была продиктована неблагоприятными условиями, не позволявшими войску подготовиться к бою как следует. Если обстановка позволяла, то пехота выполняла вспомогательные функции, не участвуя в сражении и прикрывая тыл. Таким образом, можно заключить, что пехота, даже когда она состояла из спешившихся воинов городского полка, не играла самостоятельной роли в псковском войске, а случаи ее применения представляют собой уникальные в своем роде события.

Судовые и лодейные рати

Как было показано выше, рати псковских «молодых людей», передвигавшиеся на судах, как и отряды новгородских «молодцев»-ушкуйников, не

могут считаться частью городских полков, поэтому в данной работе они рассматриваться не будут. Однако в псковском летописании встречаются описания походов (1341, 1349 и 1407 гг.), в ходе которых часть городского полка передвигалась на судах, в некоторых случаях действуя одновременно с конной частью войска. В новгородском летописании подобные случаи не известны.

Первое летописное упоминание в составе ПЗЛ относится к весне 1341 г., когда псковичи во главе с посадником Ильей отправились в рейд по р. Омовже: «*А сами псковичи и тое весны поехали в лодьях воевать, о Ильи о посаднике, в рекоу Омовжую, и повоеваше села немецкаа по обе стороны Омовже до городка до Могилева, месяца маиа въ 2 день; и приехали псковичи во Псковъ добры здоровы.*»¹⁴⁴ В этом случае в пользу того, что в походе на судах участвовали именно воины городского полка Пскова, обычно воевавшие в конном строю, говорит участие посадника в этом предприятии. Кроме того, в летописном тексте отсутствует особое указание на социальные состав этой рати, в отличие от похода «*псковичей пешцев, молодых людей*» в июне того же 1341 г., а значит, этот рейд и социальный состав его участников не представляли из себя ничего необычного для летописца. О. В. Комаров также подчеркивает, что в это время не происходило никаких других боевых действий, поэтому нет оснований полагать, что лодейная рать в мае комплектовалась по остаточному принципу, т. е. из добровольцев – «молодых людей»¹⁴⁵. По всей видимости, воины городского полка были посажены на суда потому, что характер набега предполагал действия вдоль берегов р. Омовжи: в этом случае передвижение по воде в ладьях было удобнее, чем по суше в привычном конном строю.

Судовая рать также могла дополнять конную часть войска, действуя параллельно с ней, как это происходило в двух других случаях. В 1349 г. часть псковского полка с

и Новгородской земли в XIV–XVII вв. Ч. II. 2019. С. 100-101. URL: http://www.milhist.info/2019/12/30/podvalnov_nesin_schi_ndler (дата обращения: 30.12.2019).

¹⁴⁴ ПЛ. Вып. II. С. 93.

¹⁴⁵ Согласно О. В. Комарову, этот поход можно назвать первым примером набега псковской флотилии. Комаров О. В. Устройство псковского войска... С. 119.

посадником Иваном подошла на судах к немецкой крепости (нем. Нейшлосс), только что построенной на берегу р. Нарвы напротив псковских владений, вместе с конной ратью: *«Того же лета Немци поставиша город над Наровою, противъ исада псковского; псковичи же, подъемше область свою, поехали в лодьях со Иваном посадником, а инии на конех, и приехавше к Норову к немецкому городку, и оступльша и зажгоша приметом; а Немцы и Чюдь, которые были в городки, ови згореша, а инии метахоуся з городка; псковичи же исьсекоша их мечи.»*¹⁴⁶

В данном случае можно точно говорить об участии в походе псковского городского полка: в летописном тексте присутствует характерная формула *«псковичи же, подъемше область свою»*, т. е. для похода псковичи провели мобилизацию сил не только самого Пскова, но и волости. Как было отмечено О. В. Комаровым, из сообщения летописи следует, что «лодейная» часть рати была основной¹⁴⁷. В отличие от похода в мае 1341 г., который по своей сути был речным набегом на немецкие села, в 1349 г. псковичи отправились в полномасштабный боевой поход – его целью был штурм крепости, о чем свидетельствует наличие у псковичей *«примета»* (осадной техники). Передвижение части войска на судах в этом случае объясняется расположением крепости, которую псковская рать собиралась брать штурмом: замок деревянный замок Нейшлосс находился на берегу реки. Более того, в ходе штурма конной рати в любом случае пришлось бы спешиться, поэтому использование судов частью городского полка (которая сразу после выхода на берег была готова к штурму) в таких условиях выглядит вполне оправданной мерой.

Вторым примером совместных действий лодейной и конной рати является поход 1407 г. за Нарву, во главе которого был князь Константин Дмитриевич: *«...того же лета, князь великии Костянтинъ еше оунъ сыи, но умошь совершень, со псковичи подъемъ свою всю область, и идоша за Норову воевати, месяца июня въ 26 день, на*

*память святого отца нашего Давыда Селуньскаго, и перебродишася за Норову на заутрие Петрова дни, и поидоша в землю Немецкую к Порху, и повоеваша много погостовъ и много добытка добыша, иде же не быша псковичи во иное разратие токмо, князь Домонтъ и по том князь Давыд со псковичи воеваша. И поидоша псковичи со княземъ великимъ Костянтиномъ во свою землю, вси здрави, сохранени быша помощию святыя троица; а ходиша воевать на конях, а инии в лодиях при посаднике Романе Сидоровичи.»*¹⁴⁸ Как и в мае 1341 г., это был набег, целью которого было нанесение экономического ущерба противнику (псковичи грабили и жгли немецкие села и уходили с полоном), однако в этот раз псковичи не ограничивались своим городским полком, а мобилизовали силы Пскова, волости и даже пригородов (на это указывает текст П2Л – *«совокупивше вся своя волости и пригороды множество ратных»*¹⁴⁹). Во главе похода, помимо псковского посадника Романа Сидоровича, также выступил наместник великого князя Константин Дмитриевич. Согласно сообщению П1Л, часть псковского городского полка участвовала в рейде на конях вместе с князем Константином (и, вероятно, его двором), в то время как другая часть *«псковичей»* передвигалась на судах под руководством посадника Романа Сидоровича. Таким образом, мы видим пример заметно более масштабного набега псковского войска, чем в мае 1341 г. и в 1349 г. Силы городского полка Пскова и его пригородов были разделены на две части, которые действовали параллельно на одном направлении: конную, которая разоряла немецкие поселения вместе с двором князя Константина, и судовую, во главе которой, как в 1341 и 1349 гг., находился псковский посадник.

В итоге анализ этих трех летописных сообщений позволяет сказать следующее: в зависимости от обстоятельств часть городского полка Пскова действительно могла использовать для передвижения речные суда. В двух случаях (в 1341 и 1407

¹⁴⁶ ПЛ. Вып. I. С. 20.

¹⁴⁷ Комаров О.В. Устройство псковского войска... С. 121.

¹⁴⁸ ПЛ. Вып. I. С. 30.

¹⁴⁹ ПЛ. Вып. II. С. 33.

гг.) это происходило, когда псковичи отправлялись в рейды на ливонские территории за р. Нарву. При этом в 1341 г., по всей видимости, в набеге участвовали только псковичи, а в 1407 г. – силы Пскова, волости и пригородов. Рейд 1407 г. также примечателен тем, что псковское войско разделилось на две части, которые затем действовали совместно: одна часть передвигалась на судах, в то время как другая выступила в конном строю вместе с двором князя Константина Дмитриевича. Можно предположить, что это было связано с довольно большим количеством собранных для похода воинов: ведь псковичи фактически мобилизовали все силы своей земли, включая пригороды, которые были к тому же поддержаны княжеским двором Константина Дмитриевича. Другой случай, когда судовая рать дополняла конную, связан с полномасштабным боевым походом 1349 г., в ходе которого псковичами была взята крепость Нейшлосс. В этот раз городской полк Пскова также разделился, и основная его часть с посадником прибыла к месту назначения по воде. В данном случае использование речных судов было обусловлено тем, что крепость находилась недалеко от реки, а во время штурма воинам всё равно пришлось бы спешиваться. Во всех рассмотренных случаях во главе судовой рати неизменно находился посадник. Тем не менее считать судовую рать отдельным родом войск можно лишь условно, т. к. она состояла из тех же воинов городского полка, что и конная рать. Лишь в силу определенных обстоятельств полноценные воины-профессионалы, служившие в городском полку и имевшие коней, выступали в поход на судах. С другой стороны, поскольку в Новгороде подобных случаев не отмечено (там судовые рати состояли только из «молодых людей»), участие в походах профессиональных воинов городского полка на речных судах можно считать уникальной практикой, свойственной исключительно для Псковской земли. Однако масштаб данного явления не стоит переоценивать: такие случаи были редкими, и городской полк Пскова, как правило, воевал преимущественно в конном строю.

Численность войска

Вопрос о численности городских полков Новгорода и Пскова в XIV – I-й пол. XV в. является одним из наиболее спорных. Прежде всего, это связано с отсутствием актовых материалов, сообщающих точную численность «служилых людей» – такие документы известны только с нач. XVI в. Как следствие, исследователи вынуждены опираться исключительно на летописные данные, которые отличаются своей неточностью и условностью. Так, например, новгородские летописцы оценивали численность рати псковичей и изборян во главе с князем Евстафием во время похода к Оденпе (1343 г.) в 5 тысяч человек¹⁵⁰. Как для этого отдельного региона, так и для всей Руси XIV в. в принципе это совершенно фантастическая цифра, и принимать ее на веру ни в коем случае нельзя. Что характерно, цифра в 5000 человек снова фигурирует в новгородском летописании в 1456 г. – именно так летописец оценивает численность «изгонной рати» москвичей и татар под Руссой¹⁵¹. Таким образом, очевидно, что подобные «круглые» числа, сообщаемые летописями, необходимо воспринимать предельно критически, т. к. на самом деле они не отражают реальную численность войск – они скорее указывают на их многочисленность и значимость описанного сражения¹⁵².

Псковское летописание, напротив, куда более информативно в смысле данных о численности войск, чем новгородское: когда

¹⁵⁰ НЛ. С. 356; ПСРЛ. Т. 42. С. 89. На эти летописные сообщения обратил внимание А. Р. Артемьев и, очевидно, отнесся к ним с доверием, хотя и подчеркнул, что это огромная цифра: *Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения... С. 23.*

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

¹⁵² Вероятно, цифра в 5000 человек использовалась летописцами неслучайно: у средневекового человека, знакомого с Евангелием, она должна была вызывать ассоциации с «Чудом пяти хлебов и двух рыб». В текстах всех четырех канонических Евангелий упоминается количество накормленных Христом людей – 5000 человек, не считая женщин и детей (Мф. 14:21, Мк. 6:44, Лк. 9:14, Ин. 6:10). Аналогичное происхождение, по всей видимости, имеет и летописная цифра в 4000 человек: она может быть связана с «Чудом семи хлебов и двух рыбок» (Мф. 15:38, Мк. 8:9). Благодарю за помощь Е. А. Хвалькова.

дело касается псковских сил, сообщаемые в летописных статьях цифры довольно реалистичны, и на их основании можно попытаться реконструировать численность городского полка Пскова и его пригородов¹⁵³. Для этого рассмотрим все летописные сообщения, в которых так или иначе говорится о численности псковских сил. В 1426 г. против Витовта псковичи отправили «засаду» под город Котельно из 400 человек, во главе которых стояло два посадника: «...а в засаду к Котелну городу тогда же послаша посадника Селивестра и посадника Федора Шибалкина, и с ними 400 муж.»¹⁵⁴ Судя по тексту летописи, в этом случае был мобилизован только городской полк Пскова, без волости. Незадолго до битвы под Котельном в Опочку из Пскова отправилось подкрепление – 50 человек «снастной рати»¹⁵⁵. Когда же к «полноценным воинам», постоянно находившимся в Пскове, присоединялись те, кто по тем или иным причинам был за городом – в волости (например, т. н. «сельские люди»), численность псковских сил возрастала. Здесь следует обратиться к летописному фрагменту с описанием Каменского побоища 21 августа 1407 г., в котором участвовали совокупные силы Пскова и волости (без пригородов): «...и оубиша на первом ступе Елентия посадника, Кортача посадника, Панкратия посадника и инех боярь много и сельских людеи много избиша, а всех числом яко до седмисотъ головъ...»¹⁵⁶ Слово «избиша» здесь не стоит воспринимать буквально в значении «убили»: для обозначения убитых в летописании используется глагол «оубиша»¹⁵⁷, тогда как контекстуальное

значение глагола «избиша» ближе к «разбили». На основании этого данный фрагмент можно интерпретировать как свидетельство разгрома псковской рати в 700 человек. Таким образом, общую численность городского полка Пскова в случае мобилизации сил самого города и волости можно оценить в 700 человек, а без волости – в 400-450 человек. Дать точную оценку численности городских полков пригородов Пскова по летописным данным, к сожалению, не представляется возможным: в летописании встречается только одно упоминание численности городского полка Велья – 150 человек «железная рати»¹⁵⁸. Можно лишь предположить, что численность городских полков других пригородов Пскова (Изборска, Острова, Воронача, Врева) была приблизительно равна городскому полку Велья – порядка 100-150 человек. Таким образом, максимальная численность войска, которое могла собрать Псковская земля, когда происходила полная мобилизация городского полка Пскова с волостью и городских полков всех его пригородов (Изборска, Острова, Воронача, Велья и Врева), могла составлять 1200-1450 человек. Однако стоит подчеркнуть, что это верхнее рамочное ограничение: собрать такое внушительное войско было возможно только при напряжении всех сил Псковской земли. Эта цифра сугубо теоретическая и в реальности практически невозможная. Такая полная мобилизация сил Псковской земли практически никогда не происходила: в 1343 г. для похода к Медвежьей голове (Оденпе) псковичи «подъемше» волость и объединились с изборянами, в феврале 1406 г. в рейд на Ржеву и Великие Луки отправились только «охочие люди» из Пскова и пригородов, в октябре 1406 г. псковичи «подъемше» волость для похода в Ливонию, а в августе 1407 г. псковичи «совокупивше» волость без пригородов для отражения

¹⁵³ Когда же в летописных сообщениях говорится о численности сил противника, там также встречаются предельно завышенные цифры. Так, например, в псковском летописании силы литовцев и татар во время битвы под Котельном (1426 г.) оцениваются в 7000 человек, против которых сражалась псковская «засада» в 400 человек: ПЛ. Вып. I. С. 36; ПЛ. Вып. II. С. 41.

¹⁵⁴ ПЛ. Вып. II. С. 41.

¹⁵⁵ См.: ПЛ. Вып. I. С. 36.

¹⁵⁶ Там же. С. 31.

¹⁵⁷ Примечательно, что число потерь становится куда более реалистичным и уже не исчисляется сотнями, когда в тексте используется глагол «оубиша»: в 1341 г. «охочие люди» из псковичей и изборян потеряли 60 человек, в 1343 г. у псковичей и изборян

было убито 17 человек, в 1408 г. вельяне потеряли убитыми 45 человек, потери изборян в 1408 г. – 11 человек, а потери псковичей в 1426 г. под Котельном составили 17 убитых. См.: ПЛ. Вып. I. С. 11, 18, 32, 36; ПЛ. Вып. II. С. 24, 26, 35, 41.

¹⁵⁸ См.: ПЛ. Вып. II. С. 113.

крупных сил ливонцев¹⁵⁹. Полная мобилизация, когда для похода объединялись силы Пскова, волости и городские полки пригородов, в летописании отмечена всего дважды: в 1407 г. и зимой 1441 г.¹⁶⁰ Как правило, псковичи действовали отдельно или ограничивались только мобилизацией волости, поэтому обычно численность городского полка не превышала 400-700 человек.

Что касается городского полка Новгорода, с ним ситуация обстоит несколько сложнее, т. к. в вопросах численности войск новгородские сообщения, по сравнению с псковскими, крайне скупы. Всего можно выделить 3 таких сообщения (статьи за 1342, 1398 и 1399 гг.). В первом случае речь идет не о походе городского полка, а об экспедиции отряда отдельно взятого боярина – Луки Варфоломеева: *«Того же лета Лука Варфоломеевъ, не послушавъ Новаграда, митрополища благословения и владычня, скопивъ с собою холоповъ збоевъ, и поеха за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлицъ; и скопивши Емцанъ, и взя землю Заволочкую на Двине, все погосты на щить. В то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Волгу, Лука же въ двусту выиха воевать, и убиша его заволочане.»*¹⁶¹ Согласно этому летописному фрагменту, при Луке Варфоломееве находился отряд из 200 человек, который состоял из боярских послужильцев («холоповъ збоевъ») и набранных по пути емчан. В случае мобилизации городского полка Новгорода такие богатые бояре, как Лука Варфоломеев, несомненно, могли приводить с собой довольно большое число послужильцев, которые составляли их свиту. Однако этот эпизод мало что может сказать об общей численности городского полка. Следующее сообщение датируется 1398 г. и связано с масштабным походом новгородцев на великокняжеские земли в Заволочье¹⁶². В НЛД подробно описывается социальный состав этого похода: *«И биша чолом посадникъ Тимофеи Юрьевич, посадникъ Юрьи*

*Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дети боярскыи и житии люди и купечкыи дети, и вси их вои...»*¹⁶³ Также в НЛД (и в НК2) приводится численность новгородских сил: *«...бъше всех новгородцовъ 3000 или мене.»*¹⁶⁴ Учитывая указанный в летописи социальный состав, можно предположить, что для этого похода в Новгороде была проведена полная мобилизация городского полка, в который вошли все «полноценные воины» – их общее число, согласно летописным текстам, составило 3000 человек. При этом в летописных текстах ничего не говорится об участии в походе на Заволочье городских полков пригородов Новгорода. Третье летописное сообщение (1399 г.) в составе НК2 и ЛА повествует о погоне за новгородским «беглецом» – двинским боярином Анфалом Никитичем, которого преследовала рать Якова Прокопьева в 700 человек: *«Того же лета Иаковъ Прокопов ганяшеся за Анфаломъ ратью въ 700 человекъ...»*¹⁶⁵ Стоит отметить, что в обоих летописных текстах не говорится, что с Яковом Прокопьевым были «новгородци» – именно это слово маркировало бы участие городского полка. Следовательно, эта погоня являлась, по всей видимости, частым военным предприятием, хотя оно и было выгодно Новгороду¹⁶⁶. В этом случае было бы очень смело предполагать, что с Яковом Прокопьевым в погоню в самом деле отправилось 700 добровольцев. Кроме того, в летописании довольно красноречиво говорится о потерях сторон: согласно летописным рассказам, погоня закончилась битвой, в которой Анфал и 2000 устюжан потеряли более 400 человек убитыми (как и численность устюжан, эта цифра явно завышена), а отряд Якова не понес потерь вовсе¹⁶⁷. Этот факт может быть

¹⁶³ НЛД. С. 391.

¹⁶⁴ НЛД. С. 393. В НК2 – «...а всех вои с ними 3000.»; ПСРЛ. Т. 42. С. 165.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 42. С. 165. Аналогичный рассказ в ЛА: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 143.

¹⁶⁶ В пользу этого предположения может также свидетельствовать то, что рассказ о погоне за Анфалом не попал в «официальное» новгородское летописание – НЛД.

¹⁶⁷ См.: ПСРЛ. Т. 42. С. 165. Согласно рассказу ЛА, у Якова убили одного человека: ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 143.

¹⁵⁹ См.: ПЛ. Вып. I. С. 20, 28, 29, 31; ПЛ. Вып. II. С. 25, 32, 33.

¹⁶⁰ См.: ПЛ. Вып. II. С. 33; ПЛ. Вып. I. С. 45.

¹⁶¹ НЛД. С. 355-356.

¹⁶² См.: НЛД. С. 391-393; ПСРЛ. Т. 42. С. 165.

проинтерпретировано двояко: либо отряд Якова атаковал противника очень стремительно, полностью разгромил его и благодаря этому обошелся без потерь, либо масштаб столкновения был заметно меньше, чем описано в летописи. Второй вариант представляется более логичным, если к тому же учесть сомнительную численность «добровольной рати» в 700 человек. Ввиду этого данное летописное сообщение с трудом можно считать достоверным, особенно в вопросах численности войска. Таким образом, рассмотренные летописные статьи за 1342 и 1399 гг. вряд ли могут быть использованы для того, чтобы убедительно реконструировать численность городского полка Новгорода. Летописные данные о численности новгородского войска во время похода на Заволочье в 1398 г. также нуждаются в проверке, т. к. на основании только одного сообщения нарративного источника нельзя с уверенностью утверждать, что численность городского полка Новгорода действительно составляла 3000 человек. Чтобы проверить эту «летописную» цифру, нам придется использовать количественный метод.

Подходящий количественный метод, который может быть применен для расчета численности городского полка Новгорода и проверки «летописной» цифры в 3000 человек, был предложен Д. А. Селиверстовым¹⁶⁸. Суть этого метода такова: известные по актовым материалам кон. XV в. данные о новгородском землевладении нужно разделить на норму мобилизации («разруба»), которые приводятся в псковском летописании. Использовать псковские сообщения о «разрубке» мы вынуждены, т. к. о соответствующих нормах воинского набора в Новгороде источники молчат. В качестве отправной точки берется количество земли, т. к. именно с определенного земельного надела всадник выезжал в поход – земля была экономической основой для формирования войска. Норма «разруба» подразумевала мобилизацию одного конного воина с 4 сох земли в случае близкого похода¹⁶⁹, а в случае

дальнего всадник выставлялся с 10 сох¹⁷⁰. При этом данные о новгородском землевладении в актовых материалах кон. XV в. приводятся в обжах, а не в сохах, вследствие чего их необходимо переводить: соотношение обжи к сохе – 3 к 1, согласно сообщению Московского летописного свода кон. XV в (далее – МЛС)¹⁷¹. Следовательно, если боярским семействам принадлежало 12 508,5 обжи земли, в сохах это составляет 4169,5 сохи. На житых людей и купцов в Новгороде, в свою очередь, приходилось 24 149, 5 обжей – 8049,8 сохи. Получившиеся числа необходимо разделить на 4 и на 10, чтобы получить мобилизационный потенциал Новгорода. В результате расчетов мы получаем: в дальний поход новгородские бояре должны были выставить в городской полк порядка 400 конных воинов, а житые люди и купцы – около 800. В случае же относительно близкого (обычно оборонительного) похода, для которого сил могло быть мобилизовано больше, от боярских семей должно было выезжать немногим более 1000 всадников, тогда как от житых людей и купцов – еще 2000 человек¹⁷². Применяв метод Д. А. Селиверстова, мы можем реконструировать численность городского полка Новгорода в пределах 1200-3000 человек «конной рати». В XV в. к этим силам также мог примыкать «владычный полк», который выставлялся новгородским архиепископом и содержался за счет доходов с церковных земель, по оценкам Д. А. Селиверстова насчитывавший от 200 до 500 всадников¹⁷³. Таким образом, полученные с помощью количественного метода данные о возможной численности городского полка Новгорода не противоречат «летописной» цифре в 3000 человек во время похода на Заволочье в 1398 г., и эту цифру можно теперь признать достоверной. Однако, как следует из приведенных расчетов, Новгород был способен выставить 3000 всадников только при «разрубке» с 4 сох, который обычно использовался при

¹⁷⁰ Там же. С. 81, 84.

¹⁷¹ См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 319.

¹⁷² Д. А. Селиверстов приводит те же расчеты, пусть и немного в сжатом виде. См.: Селиверстов Д. А. Битва под Русой... С. 266-267.

¹⁷³ Там же. С. 268.

¹⁶⁸ Селиверстов Д. А. Битва под Русой... С. 266-267.

¹⁶⁹ См.: ПЛ. Вып. I. С. 76.

оборонительных действиях – это служит признаком максимальной мобилизации. Если учесть указанный в летописи социальный состав участников похода 1398 г., то становится очевидно, что для похода на великокняжеские земли в Новгороде была проведена максимальная мобилизация всех слоев населения, выходцы из которых являлись частью городского полка и могли выступить в дальний поход, в результате чего выехавшая из города рать была столь многочисленна. Вопреки утверждениям М. А. Несина, мы можем вполне обоснованно полагать, что в походе участвовало фактически всё новгородское войско, а не его часть¹⁷⁴. Из всех социальных слоев, обязанных службой в городском полку, в летописном сообщении не указаны лишь купцы, однако можно предположить, что вместо себя в поход они выставили своих послужильцев – «детей купечских». «Черные люди» в летописном тексте также не упомянуты, что может быть связано с их невысоким социальным положением – возможно, они также участвовали в походе как послужильцы более влиятельных и состоятельных людей (например, бояр или житых), не имея при этом своего представительства и не допускаясь до обсуждения планов похода, т. к. «черные люди» не являлись профессиональными воинами. В результате мы имеем основанную на летописных данных и проверенную с помощью количественного метода численность городского полка Новгорода в случае максимальной мобилизации – около 3000 всадников. Однако эта цифра может считаться скорее верхним рамочным ограничением, т. к. сбор войска такой численности требовал крайне больших усилий и напряжения сил Новгородской земли, и походы с участием настолько огромного по меркам XIV – 1-й пол. XV в. войска были исключительной редкостью. Куда реалистичнее выглядит цифра в 1200 человек, хотя и в этом случае была необходима полномасштабная мобилизация: вероятнее всего, узко локальные боевые задачи решались меньшими силами. К тому

же, в отличие от Пскова, в Новгороде, судя по материалам летописания, мобилизация волости не была распространенной практикой: в летописных текстах «селники луские» и «селники ореховские» встречаются всего дважды¹⁷⁵. При этом есть еще три летописных сообщения, в которых описываются походы, для которых новгородцы привлекали силы волости и пригородов: в 1316 г. против рати Михаила Тверского к новгородцам присоединились «...и плесковици, и ладожане, рушане, Корила, Ижера, Вожане»¹⁷⁶, в 1348 г. в Ладоге против шведов собрались «...и вси новгородци и плесковиць немного и новоторжьци и вся волость Новгородская...»¹⁷⁷, а в походе на Ржеву зимой 1435/36 гг. вместе с новгородцами участвовали рушане и порховичи¹⁷⁸. К сожалению, в летописании полностью отсутствуют опорные данные, на основании которых можно было бы реконструировать численность контингентов из волости и городских полков пригородов Новгорода и, соответственно, дать оценить численность совокупных сил всей Новгородской земли. Материалы летописания позволяют нам судить только о численности городского полка самого Новгорода.

Приведенные выше оценки численности городского полка Новгорода, полученные путем проверки летописных данных с помощью количественного метода, значительно отличаются от тех цифр, которые ранее приводились в историографии: исследователи, как правило, оценивают численность новгородского ополчения в 5000–10 000 человек¹⁷⁹. Совсем

¹⁷⁵ См.: НЛ. С. 424; ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 210.

¹⁷⁶ НЛ. С. 337.

¹⁷⁷ Там же. С. 360.

¹⁷⁸ См.: НЛ. С. 417-418.

¹⁷⁹ Так, например, эту оценку можно встретить у В. Ф. Андреева. Исследователь опирается на демографию Новгорода, численность населения которого составляла 20-30 тыс. человек. По мнению В. Ф. Андреева, новгородское ополчение численностью 5-10 тыс. человек могло быть быстро мобилизовано из самого Новгорода и его округи, и в походах обычно участвовало именно оно, тогда как со всей Новгородской земли могло быть выставлено войско общей численностью в 30-40 тыс. человек. Что касается социального состава войска, В. Ф. Андреев также считал, что в него входили ремесленники и

¹⁷⁴ См.: Несин М. А. Новгородские житы люди... С. 262-264.

фантастическая цифра была названа А. В. Быковым – 40 000 человек¹⁸⁰. В качестве отправной точки для своих построений исследователь использует крайне не надежное известие путешественника-фламандца Жильбера де Ланнуа о том, что «все синьоры Новгородского Великого владеют 40 тысячами конницы и бесчисленной пехотой»¹⁸¹. Затем А. В. Быков откровенно «подгоняет» свои расчеты под эту цифру, сознательно делая все возможные допущения: принимая цифру в 5000–10 000 человек ополчения Новгорода, он «мобилизует» в войско крестьян, руководствуясь летописным сообщением о псковском «разрубе» с 10 сох и о «покруте» крестьян в Новгороде во время строительства укреплений в 1430 г. – «а покручаль 4-и 5-го»¹⁸². Как было отмечено выше, псковская норма «разруба» подразумевала участие в походе всадника с земельного надела, а не мобилизацию сельских жителей-крестьян, которые должны были выставлять конное ополчение из волости, как считает А. В.

крестьяне. См.: Андреев В. Ф. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989. С. 127-128. Цифру в 5-10 тыс. человек при оценке численности новгородского ополчения (без волости и пригородов) также приводит М. А. Несин: Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... С. 298-299. Он, в свою очередь, принимает на веру известие МЛС о битве под Руссой (1456 г.), в котором указана численность рати служилого князя Василия Гребенки-Шуйского в 5000 человек, хотя эта цифра в летописании явно используется с целью показать масштаб события (например, в сообщениях НЛ и НК1 о походе псковичей к Оденпе в 1343 г. или в ЛА о численности москвичей и татар под Руссой в 1456 г.), поэтому воспринимать буквально ее не следует. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 274; НЛ. С. 356; ПСРЛ. Т. 42. С. 89; ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 194.

¹⁸⁰ Быков А. В. Структура и численность... С. 62-67.

¹⁸¹ Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г. М. Коваленко. М., 2005. С. 27. На ненадежность этого сообщения указывает М. А. Несин: Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич... С. 298. Ю. В. Луцай также считает, что эта цифра преувеличена, хотя ранее в той же статье исследователь признает достоверность явно гиперболизированных рассказов Жильбера де Ланнуа о русской зиме и пытается обосновать их надежность, используя столь же преувеличенные сведения других путешественников: Луцай Ю. В. Сведения о Новгороде в западноевропейских средневековых источниках // Novogardia. 2020. № 1. С. 179-180, 183.

¹⁸² НЛ. С. 416

Быков¹⁸³. К тому же, совершенно не ясно, почему А. В. Быков использует норму «покрута» крестьян для строительства, перенося эти данные на мобилизацию войска: крестьяне действительно могли быть полезны как рабочая сила, но не как военные, т. к. они не являлись профессиональными воинами, вследствие чего не имели никакого боевого опыта и не могли взаимодействовать на поле боя с полноценными воинами – посаженные на коней крестьяне попросту не выдержали бы строй. Тем более крестьяне не имели средств на покупку дорогостоящего вооружения и боевого коня: первое А. В. Быков пытается оправдать тем, что их могла вооружать за свой счет община или бояре и другие землевладельцы, а насчет второго, как следует из рассуждений А. В. Быкова, исследователь всерьез считает, что крестьяне выезжали в поход на пахотных конях, используя их как боевых (sic!)¹⁸⁴. Стоит ли говорить, что конь или лошадь, пригодные для полевых работ, довольно сильно отличаются от боевого коня и на войне будут совершенно бесполезны, т. к. эти животные не имеют необходимой подготовки для боя. В итоге, по мнению А. В. Быкова, если в Новгородской земле крестьяне мобилизовались в соответствии с нормой «покрута», то их число как раз будет совпадать с сообщением Жильбера де Ланнуа – получается 40 000 сельских ополченцев на конях, которые представляли собой многочисленную, но далеко не самую боеспособную часть войска и могли использоваться скорее для устрашения и демонстрации силы¹⁸⁵. Подобные демонстрации военной силы Новгорода действительно происходили, например, в 1386 и 1434 гг., когда новгородская рать выходила к ручью Желотугу, который пересекал речную пойму недалеко от княжеского подворья на Городище¹⁸⁶. Летописное сообщение 1386 г. в составе НК2 содержит некоторые подробности: когда в Новгород пришла весть о том, что великокняжеская рать стоит на Желотуге, новгородские силы вышли туда – «коневои

¹⁸³ Быков А. В. Структура и численность... С. 63.

¹⁸⁴ Там же. С. 63-65.

¹⁸⁵ Там же. С. 65.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 42. С. 150; НЛ. С. 417.

рати и пешей вельми много, и охвочи битися», но войска великого князя там не оказалось¹⁸⁷. В данном случае мы можем предположить, что в Новгороде была проведена тотальная мобилизация сил, поэтому вместе с конницей в поле вышла даже пехота. Однако участие последней было возможно только благодаря близкому расстоянию от Новгорода до Городища – около 2 км, которое пехота могла довольно быстро преодолеть. Также стоит отметить, что эта рать так и не приняла участия в сражении. Таким образом, утверждения А. В. Быкова о 40 000 человек только «сельского ополчения» основаны на крайне сомнительных данных и целиком состоят из многочисленных допущений и предположений, призванных «оправдать» заведомо известный результат. К сожалению, из-за этого ничего общего с реальностью реконструкция А. В. Быкова не имеет. В XIV–XV вв. даже такая богатая земля, как Новгородская, не могла позволить себе вооружить и прокормить настолько огромное войско, тем более если оно было конным. Куда более реалистично и обоснованно выглядит полученная нами цифра в 3000 человек, которая основана на летописных данных и проверена с помощью количественного метода, предложенного Д. А. Селиверстовым. Это максимально возможная численность городского полка Новгорода, тогда как на практике войско, как правило, собиралось не полностью, а значит, реальная его численность обычно была меньше – 1200 всадников и менее, если мобилизация проводилась не полностью. Для реконструкции численности сил Новгородской волости и городских полков пригородов Новгорода у нас не хватает данных, и пока этот вопрос остается нерешенным.

Заключение

Городовые полки являлись главной военной силой Новгорода и Пскова в XIV–XV вв. В отличие от княжеских дворов, которые находились в городах временно, городские полки несли службу постоянно. Когда городские полки по тем или иным

причинам отсутствовали, города становились беззащитны перед внезапным нападением неприятеля: в 1313 г. так шведами была сожжена Ладога¹⁸⁸, а в 1367 г. ливонцы сожгли посад у Пскова¹⁸⁹. Социальный состав городского полка Новгорода в рассматриваемый период может быть реконструирован следующим образом: в него входили бояре со своими контингентами, состоявшими из членов боярских семей, свободных профессиональных воинов («детей боярских» и «воев»), клиентов бояр («молодых людей») и вооруженных слуг («холопов збоев»), житьи люди, купцы и «купеческие дети», а также сельские землевладельцы из волости – «сельники». К «детям боярским», «воеям», «молодым людям» и «холопам збоеям» может быть применен термин «послужильцы». Боярские послужильцы вооружались за счет самих бояр. Свиты посадников, которые были многочисленнее боярских, включали в себя «детских» и новгородских дворян. О социальном составе городского полка Пскова нам известно меньше: в XIV – 1-й пол. XV в. в его составе отмечены посадники, бояре и волостные землевладельцы – «сельские люди». Об участии в военных действиях житьих людей Пскова и псковских купцов в этот период источники не сообщают. Основной ударной силой городских полков Новгорода и Пскова, несомненно, были боярские контингенты. Боярство являлось военной элитой, и именно бояре представляли собой наиболее боеспособную часть войска, т. к. они имели военные навыки и могли позволить себе лучшее вооружение. Бояре могли выполнять командные функции, находясь во главе отдельных отрядов. Общее руководство городскими полками Новгорода и Пскова осуществлялось посадниками. Анализ летописных известий показывает, что городские полки Новгорода и Пскова выступали в походы и участвовали в сражениях преимущественно в конном строю. В случае необходимости воины городских полков могли сражаться пешими или передвигаться на речных судах, однако такие случаи были исключительной

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 42. С. 150.

¹⁸⁸ См.: НЛ. С. 94.

¹⁸⁹ См.: ПЛ. Вып. I. С. 23.

редкостью. Такая практика, как передвижение части городского полка на речных судах параллельно с конной ратью, характерна для Псковской земли. Пехота как самостоятельный род войск на Северо-Западе Руси в рассматриваемый период отсутствовала. Полноценным воином считался только тот, кто обладал боевым конем и доспехом. По этой причине основу городских полков составляли обеспеченные слои населения. Малообеспеченные горожане («черные» и «молодые люди») не могли позволить себе дорогостоящего боевого коня и доспех, поэтому в городской полк они не входили, но зато они принимали активное участие в частных военных предприятиях – речных набегах (рейдах новгородских ушкуйников и псковских судовых ратей), целью которых был грабеж. Эти рейды не могут считаться походами городских полков, т. к. воины городских полков в них не участвовали, а сами походы зачастую происходили без санкции веча. Лишь небольшая часть «черных» и «молодых людей» выставлялась в городской полк Новгорода боярами в качестве своих послужильцев и обеспечивалась снаряжением и конями за счет бояр. Мобилизация сил Новгорода и Пскова проходила на трех уровнях: город – волость – пригород. Чаще всего городские полки Новгорода и Пскова действовали самостоятельно или усиливались только контингентами из волости («сельников» и «сельских людей»). Мобилизация городских полков из пригородов происходила довольно редко – для решения боевых задач обычно было достаточно совокупных сил города и волости. Норма мобилизации («разруб») применялась к землевладельческим категориям населения: землевладельцы были обязаны выставлять в городской полк определенное количество всадников, которое зависело от площади земельного владения. Численность городского полка Пскова была заметно меньше, чем городского полка Новгорода, т. к. в Псковской земле до XVI в. так и не сложилось крупное землевладение. Городской полк Пскова вместе с контингентами из волости составлял 400-700 человек. Максимальная численность войска, которое могла собрать Псковская земля в

случае полной мобилизации, когда происходила мобилизация городского полка Пскова с волостью и городских полков всех его пригородов, реконструируется нами в пределах 1200-1450 человек. Что касается Новгорода, численность его городского полка могла достигать 3000 человек – эта летописная цифра была проверена нами с помощью количественного метода, предложенного Д. А. Селиверстовым. Однако и эта цифра является верхним рамочным ограничением: реальная численность городского полка Новгорода составляет 1200 человек и менее, если мобилизация проводилась не полностью. Дать оценку численности сил Новгородской волости и городских полков пригородов Новгорода, к сожалению, не представляется возможным, т. к. в письменных источниках отсутствуют опорные данные. Тем не менее приведенные выше цифры на порядок ниже, чем принятые в историографии оценки численности новгородского войска в 40 000 человек.

Таким образом, городские полки Новгорода и Пскова представляли собой городскую воинскую корпорацию, которая находилась на службе у города как у коллективного феодала. В их состав входили не только свободные горожане – в летописании встречаются упоминания зависимых людей («холопов збоев») и землевладельцев, проживавших в волости («сельников» и «сельских людей»). В связи с этим тезис П. В. Лукина о тождественности городского полка и веча, с которым согласен и А. В. Быков, следует признать неверным, т. к. эти категории населения не входили в «политический народ» Новгорода и Пскова и не могли участвовать в вече. Городские полки Новгорода и Пскова были организованы по профессиональному признаку: к этим корпорациям принадлежали профессиональные воины-землевладельцы (посадники, бояре, житьи люди, купцы, «сельники» и «сельские люди»), обязанные службой городу. Именно они выставляли в городские полки всадников, количество которых зависело от площади их земельного владения. Этими всадниками могли быть члены семей землевладельцев и их послужильцы, которые также являлись профессиональными воинами («дети

боярские» и «вои»). Единственным исключением из этого правила можно считать вооруженных слуг бояр («холопов збоев») и клиентов бояр («черных» и «молодых людей»), однако их роль в войске была крайне невелика. Возвращаясь к вынесенным в качестве эпиграфа к данной работе словам воеводы Волчьего Хвоста, можно уверенно сказать, что к

новгородскому и псковскому войску в рассматриваемый период такая характеристика уже не применима: с XI в. социальная структура войска сильно изменилась, и в XIV – 1-й пол. XV в. основу городских полков составляли профессиональные воины.

Библиография

Источники:

Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г. М. Коваленко. М., 2005.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.- Л., 1949.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.- Л., 1950.

Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Под ред. С. В. Юшкова, сост. А. А. Зимин. М., 1953.

ПСРЛ. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. П., 1915.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949.

ПСРЛ. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

Псковские летописи. Вып. I. М.- Л., 1941.

Псковские летописи. Вып. II. М., 1955.

Литература:

Алексеев Ю. Г. Черные люди Великого Новгорода и Пскова // Исторические записки. Т. 103. 1979.

Андреев В. Ф. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.

Артемов А. Р. Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII – начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987.

Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. М., 1864.

Блок М. Феодальное общество. Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М., 2003.

Быков А. В. К вопросу о полномочиях новгородских тысяцких. [Рец. на:] Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. // Novogardia. № 2. 2019.

Быков А. В. Структура и численность новгородского войска в XIII–XV веках // Novogardia. № 1. 2020.

Вебер Д. И., Филюшкин А. И. «От ордена осталось только имя...»: Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.

Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.

Комаров О. В. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным // Novogardia. № 2. 2019.

Лукин П. В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Т. 4. № 1. 2015.

Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.

Луцкай Ю. В. Сведения о Новгороде в западноевропейских средневековых источниках // *Novogardia*. № 1. 2020.

Мартьяшин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.

Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // *Valla*. № 2 (4-5). 2016.

Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017.

Несин М. А. Купечество вечевого Новгорода XII–XV вв. по данным письменных источников // *Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования*. Вып. XI. Великий Новгород, 2012.

Несин М. А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Т. VIII. 2016. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (дата обращения: 08.06.2016).

Несин М. А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // *Вестник Удмуртского государственного университета*. Серия «История и филология». Вып. 3. 2014.

Несин М. А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Т. VII. 2015. URL: http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6 (дата обращения: 21.12.2015).

Несин М. А. Первая монография о новгородском вече. [Рец. на:] *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014. // *Valla*. № 2 (3). 2016.

Несин М. А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Т. V. 2014. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (дата обращения: 18.06.2014).

Подвальнов Е. Д., Несин М. А., Шиндлер О. В. К вопросу о вестернизации военного дела Северо-Запада Руси [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. Специальный выпуск VII. Военная история Новгорода и Новгородской земли в XIV–XVII вв. Ч. II. 2019. URL: http://www.milhist.info/2019/12/30/podvalnov_nesin_schindler (дата обращения: 30.12.2019).

Рабинович М. Г. Новгородское войско (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 10 ноября 1943 г.) // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра*. Вып. XVI. 1947.

Селиверстов Д. А. Военное дело Московского великого княжества: Очерки истории (конец XIV – середина XV века). М., 2020.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939.

Сведения об авторе

Клейменов Виталий Игоревич, студент 2-го курса ОП История, Департамент истории НИУ ВШЭ СПб. Область научных интересов: военная история и археология XII–XV вв., историческое оружиеведение.

Email: vikleyenov@edu.hse.ru

V. I. Kleyenov

THE ORGANISATION OF TOWN MILITIA IN NOVGOROD AND PSKOV IN THE XIV – 1st HALF OF THE XV CENTURY

Annotation: This article deals with the issues of organisation of town militia in Novgorod and Pskov in XIV – 1st half of the XV century. The research is based on the analysis of authentic written sources, in particular, on the texts of chronicles which originate from the lands of Novgorod and Pskov. In this study, the idea that the social composition of veche and town militia was identical, proposed by P. V. Lukin, is reconsidered. It is argued that town militias should be treated as military corporations, organised on a professional basis. Firstly, the social structure of town militias is studied in detail. Every social group, whose members served in the militia, is considered separately. Then, the texts of chronicles on campaigns which town militias participated in, are analysed. Applying methods of contextual analysis, the study shows that town militias were mounted troops, which predominantly fought on horseback, although in extraordinary circumstances they could fight on foot or move on river vessels. Special attention is also paid to the size of town militias. Despite the lack of evidence in written sources, the mobilisation capacity of Novgorod and Pskov with its countryside and suburbs is calculated, and the real number of troops is assessed. Finally, this research provides the complete and coherent model of town militia's structure, which differs considerably from the one suggested by A. V. Bykov. The conclusions made in the article might be useful for future research on the military history of North-Western Russia during the period in question.

Keywords: military history, warfare, Novgorod, Pskov, town militia, social structure, veche, cavalry, infantry, river fleet, the number of troops, XIV century, XV century.

References

Sources:

Velikii Novgorod v inostrannykh sochineniyakh XV – nach. XX veka. Moscow, 2005. (In Russian).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. Moscow - Leningrad, 1949. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis` starshego i mladshogo izvodov. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Pamyatniki russkogo prava. Iss. 2: Pamyatniki prava feodal`no-razdroblennoi Rusi XII–XV vv. Moscow, 1953. (In Russian).

PSRL Vol. IV. Novgorodskiye i pskovskiye letopisi. St. Petersburg, 1848. (In Russian).

PSRL. Vol. IV. P. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis`. Iss. 1. Petrograd, 1915. (In Russian).

PSRL. Vol. IV. P. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis`. Iss. 2. Leningrad, 1925. (In Russian).

PSRL. Vol. 6. Vyp. 1. Sofiiskaya pervaya letopis` starshego izvoda. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. XVI. Letopisnyi sbornik, imenuemyi letopis`yu Avraamki. St. Petersburg, 1889. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. Moscow; Leningrad, 1949. (In Russian).

PSRL. Vol. 42. Novgorodskaya Karamzinskaya letopis`. St. Petersburg, 2002. (In Russian).

Pskovskie letopisi. Iss. I. Moscow- Leningrad, 1941. (In Russian).

Pskovskie letopisi. Iss. II. Moscow, 1955. (In Russian).

Researches:

Alekseev Yu. G. Chernye lyudi Velikogo Novgoroda i Pskova [“Black people” of Velikiy Novgorod and Pskov]. Istoricheskie zapiski. Vol. 103. 1979. (In Russian).

- Andreev V. F.* Severnyi strazh Rusi: Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. [The northern guardian of Rus': essays on the history of medieval Novgorod]. Leningrad, 1989. (In Russian).
- Artem`ev A. R.* Nekotorye itogi izucheniya voennogo dela pskovichei v XIII – nachale XVI v. [Some results of the research of warfare of the Pskov people in the XIII – early XVI century]. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Pskov, 1987. (In Russian).
- Belyaev I. D.* Rasskazy iz russkoi istorii. [Stories from Russian history]. Vol. 2. Moscow, 1864. (In Russian).
- Blok M.* Feodal`noe obshchestvo. [Feudal Society]. Moscow, 2003. (In Russian).
- Bykov A. V.* K voprosu o polnomochiyakh novgorodskikh tysyatskikh. [To the question of the powers of Novgorodian "thousand-leaders"]. Reviewed work: *Nesin M. A.* Institut novgorodskikh tysyatskikh v XII–XV vv. [The institution of Novgorodian "thousand-leaders" in XII–XV centuries]. Voronezh, 2017. Novogardia. No. 2. 2019. (In Russian).
- Bykov A. V.* Struktura i chislennost` novgorodskogo voiska v XIII–XV vekakh [Structure and the size of Novgorodian military force during the XIII–XV centuries]. Novogardia. No. 1. 2020. (In Russian).
- Veber D. I., Filyushkin A. I.* "Ot ordena ostalos` tol'ko imya...": Sud`ba i smert` nemetskikh rytsarei v Pribaltike ["The only thing left from the Order was its name...": the fate and the death of German knights in the Baltics]. St. Petersburg, 2018. (In Russian).
- Vovin A. A.* Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI v. [The urban commune of medieval Pskov in the XIV – early XVI century]. St. Petersburg, 2019. (In Russian).
- Zaliznyak A. A.* Drevnenovgorodskii dialect. [Old Novgorodian dialect]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Kazakova N. A.* Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniya: Konets XIV – nachalo XVI v. [Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations in late XIV– early XVI centuries]. Leningrad, 1975. (In Russian).
- Kirpichnikov A. N.* Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv. [The warfare of Rus' in XIII–XV centuries]. Leningrad, 1976. (In Russian).
- Komarov O. V.* Ustroistvo pskovskogo voiska XIV – nachala XVI vv. po letopisnym dannym [The device of the Pskov army of the XIV – early XVI centuries according to the chronicles]. Novogardia. No. 2. 2019. (In Russian).
- Lukin P. V.* Kategorii naseleniya Novgoroda v opasnoi gramote 1472 g. [Strata of the Novgorod population in the *opasnaya gramota* of 1472]. Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. Vol. 4. No. 1. 2015. (In Russian).
- Lukin P. V.* Novgorodskoe veche. [The Novgorodian veche]. Moscow, 2014. (In Russian).
- Lushchai Yu. V.* Svedeniya o Novgorode v zapadnoevropeiskikh srednevekovykh istochnikakh [Information about Novgorod in the Western European medieval sources]. Novogardia. No. 1. 2020. (In Russian).
- Martyshin O. V.* Vol`nyi Novgorod. Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo feodal`noi respubliky [Free Novgorod. The socio-political system and the law of feudal republic]. Moscow, 1992. (In Russian).
- Nesin M. A.* Deti boyarskie v Novgorode XIV–XV vv. po materialam novgorodskogo letopisaniya ["Boyar children" in Novgorod in XIV–XV centuries according to Novgorodian chronicles]. Valla. No. 2 (4-5). 2016. (In Russian).
- Nesin M. A.* Institut novgorodskikh tysyatskikh v XII–XV vv. [The institution of Novgorodian "thousand-leaders" in XII–XV centuries]. Voronezh, 2017. (In Russian).
- Nesin M. A.* Kupechestvo vechevogo Novgoroda XII–XV vv. po dannym pis`mennykh istochnikov [The merchants of Novgorod in XII–XV centuries according to the evidence of written sources]. Dokumental`noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoi zemli. Problemy sokhraneniya i nauchnogo ispol`zovaniya. Iss. XI. Velikiy Novgorod, 2012. (In Russian).
- Nesin M. A.* Novgorodskie zhit`i lyudi v XV v. i ikh uchastie v voinakh i vneshnei politike Velikogo Novgoroda v XV v. Chast` 1. Ot rubezha XIV–XV vv. do vtoroi poloviny 1471 g. [Novgorodian *zhit`i lyudi* in XV century and their participation in the wars and the foreign policy of Velikiy Novgorod in XV century. Part 1. From the turn of XIV–XV centuries to the 2nd half of 1471].

Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VIII. 2016. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (accessed: 08.06.2016). (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskie tysyatskie v XIV veke [Novgorod “thousand-leaders” in XIV century]. Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya”. Iss. 3. 2014.. (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskii tysyatskii Fedor Eliseevich – odin iz voevod zimnego pokhoda na Rzhevu 1435/1436 gg.: k istorii vneshnei politiki Novgoroda v period ego nakhozhdeniya u dolzhnosti i organizatsii novgorodskogo voiska v XV v. [Novgorodian thousand-leader Fedor Eliseevich – one of the commanders of winter raid to Rzheva in 1435/1436: on the history of Novgorodian foreign policy during his tenure and the organisation of Novgorodian military force in XV century]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VII. 2015. URL: http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6 (accessed: 21.12.2015). (In Russian).

Nesin M. A. Pervaya monografiya o novgorodskom veche [The first monograph on the Novgorodian veche]. Reviewed work: *Lukin P. V.* Novgorodskoe veche [The Novgorodian veche]. Moscow, 2014. Valla. No. 2 (3). 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Srazhenie pod Rusoi 3 fevralya 1456 g.: mesto boya i taktika moskovskikh voisk [The battle of Rusa on 3 February 1456: the battlefield and the tactics of Muscovite forces]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. V. 2014. URL: http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1 (accessed: 18.06.2014). (In Russian).

Podval'nov Ye. D., Nesin M. A., Shindler O. V. K voprosu o vesternizatsii voennogo dela Severo-Zapada Rusi [To the question of the westernisation of warfare in North-Western Rus']. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Special issue VII. Military history of Novgorod and the Novgorod land in XIV–XVII centuries. Part II. 2019. URL: http://www.milhist.info/2019/12/30/podvalnov_nesin_schindler (accessed: 30.12.2019). (In Russian).

Rabinovich M. G. Novgorodskoe voisko (Tezisy kandidatskoi dissertatsii, zashchishchennoi na zasedanii Uchenogo soveta istoricheskogo fakul'teta MGU 10 noyabrya 1943 g.) [The Novgorodian military force]. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury im. N. Ya. Marra. Iss. XVI. 1947. (In Russian).

Seliverstov D. A. Voennoe delo Moskovskogo velikogo knyazhestva: Ocherki istorii (konets XIV – seredina XV veka) [The warfare of the Grand Principality of Moscow: Essays on history (the end of the XIV – the middle of the XV century)]. Moscow, 2020. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [The Novgorodian posadniks]. Moscow, 2003. (In Russian).

Thordeman B. Armour from the battle of Wisby, 1361. Stockholm, 1939. (In English).

About the author

Kleyменов Vitaly I., undergraduate student, Department of History, State University Higher School of Economics, St. Petersburg (Russia).

Email: vikleyменов@edu.hse.ru

ПОСЛЕ ШЕЛОНИ. НЕКОТОРЫЕ ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ НОВГОРОДСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Аннотация: В данной статье с опорой на источники разбираются военные и политические нюансы событий последних лет новгородской независимости. Исследуются особенности снабжения московских войск и возможные варианты захвата Новгорода московскими войсками в 1471 и 1477 гг., повлиявшие на принятие решений Иваном III и новгородцами. Рассматривается вопрос о роли веча и бояр в принятии решений в Новгороде XV в.

Ключевые слова: Великий Новгород, присоединение, осада, стены, башни, продовольствие, пушки, войско, ополчение, вече, житьи люди, черные люди, бояре, князь, наместник, посадник, архиепископ, военачальник, снабжение, политика, суд, дары, XV век.

Согласно сообщениям московских источников новгородское войско в Шелонской битве имело численность "яко до 40 тысяч", а потери новгородцев составили 2000 пленными и 12000 убитыми¹. Близкие по времени написания к событиям новгородские источники сообщают о 30 тысячах новгородского конного ополчения на Шелони и не сообщают точных потерь новгородцев², что не удивительно. Вряд ли потери новгородцев могли быть точно сочтены, т.к. в ходе бегства "многи умершвляеми падаху на лиц земли, а инии мечущесе конь своих на лес. Яко скот бредяху, не ведуще друг друга... и блудяху в лесех, не знающе своих мест, ни своєю земли... Воини же... великого князя... гониша их яко 20 поприць (что составляло

порядка 12-13 км.)³, и убиваючи многих от них..."⁴ В ходе бегства новгородцы, видимо, рассеялись по лесам и полям на обширной площади к северу от р. Шелони. Основные потери были понесены в ходе преследования их московскими войсками и вряд ли была возможность собрать и даже просто посчитать всех убитых при бегстве новгородцев. Но даже если поверить, вероятно, завышенной цифре в 12000 убитых и, возможно, более точной цифре в 2000 пленных, и считать что из 30 тыс отправившихся в поход конных воинов обратно в Новгород в течении следующих нескольких дней добрались лишь около 16 тысяч бойцов, то и тогда мы увидим, что этого числа воинов было бы достаточно для успешной защиты укреплений города. Протяженность земляного вала вокруг Новгорода составляла около 6 км.⁵ То есть даже при наличии в городе только 16000 вернувшихся ополченцев на каждый метр земляного вала окольного города приходилось бы не менее двух защитников. А ведь, кроме отправившегося в поход конного ополчения, в Новгороде, наверняка, было оставлено ещё несколько тысяч ополченцев-пешцев для защиты городских стен. К тому

³Подробный разбор вопроса о расстоянии, на котором преследовали бегущих новгородцев московские силы, и о методах подсчета этого расстояния проведен в работе М.А.Несина "О локализации места Шелонской битвы московско-новгородской войны 1471 года" (Несин М. А. О локализации места Шелонской битвы московско-новгородской войны 1471 года // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб., 2016. С.141-142).

⁴ПСРЛ Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004. С.196.

⁵Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого СПб., 1997. С.51

¹ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 190.

²ПСРЛ. Т. IV. Ч.1 Новгородская четвертая летопись (далее НIVЛ). М., 2000. С.508.

же, судя по тому, что в городе после Шелонской битвы поднялись цены на продовольствие⁶, туда стеклись тысячи сельских жителей, бежавших от московских войск. Боеспособные беженцы тоже могли стать защитниками города.

После шелонского поражения город стал активно готовиться к обороне: "И бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприазненна, сторожа многа по граду и по каменным кострам на переменах день и ночь. И разделишася людие: инеи хотяху за князя, а инии за короля за Литовского... И пожгоша Новгородци вси посады около Новагорода, и в Звериницах... и Онтонов монастырь, Полянку всю, и Юрьев монастырь, и Городище все, и Рождественский монастырь..."⁷

Мы видим, что новгородцы сжигают посад. Очевидно, что при этом забивался или перегонялся под защиту городских стен и скот из городских окрестностей. Видимо, зерновые и другие припасы из подлежащих сожжению частных и монастырских хранилищ посада тоже перевозились в хранилища внутри городских стен.

Ожидая приближения москвичей, новгородцы избобличают предателя: "А переветника Оупадыша Новгородци казниша, зане же перевет держал на Новгород и хотел зла Великому Новуграду с своими единомысленники: 5 пушок железом заколачивал, от того мзду взем от злоначального беса..."⁸.

Получается, что в 1471 г. Новгород уже имел на вооружении пушки. Действия Упадыша были сознательной диверсией по уничтожению пушек (всех имевшихся, или только их части - из источника не понятно). Была ли "мзда от злоначального беса" просто фигурой речи в рамках религиозного морализаторства, следующего далее в тексте летописи, или Упадыш и его сообщники, действительно, получили от кого-то вознаграждение за порчу пушек? Весьма вероятно, что уничтожение пушек было совершено по приказу, исходящему от военачальников Московского князя,

планировавших нападение на Новгород. Возможно, московские военачальники рассчитывали, что сторонники великого князя изнутри откроют им ворота, или, по крайней мере, помещают сторонникам пролитовской партии защищать город.

Однако, Упадыш был осужден и казнён новгородцами, несмотря на то, что в это самое время в Новгороде, на вече шли активные споры о том, "за князя или за короля" теперь Новгород. Выходит, деятельность Упадыша была воспринята как предательство Новгорода не только сторонниками пролитовской, но и сторонниками промосковской политики.

Можно ли из летописного сообщения о том, что "инеи хотяху за князя" делать вывод, что часть новгородцев хотела капитуляции, сдачи города находящимся уже поблизости войскам Ивана III? - Нет. Если бы часть новгородцев действительно хотела сдать город Ивану III и его войскам, то они бы не позволили казнить Упадыша и не позволили бы своим оппонентам, которые "за короля за Литовского" сжигать новгородский посад. Ведь каждый дом в посаде был чьей-то собственностью, и если бы не было общего, консенсусного решения вече о сожжении посада, то хозяева бы просто не позволили сжигать свои дома.

То, что была организована круглосуточная, посменная "сторожа многа" на стенах и в городских башнях, тоже могло быть только результатом консенсусного решения новгородцев на вече. Дело в том, что в XV в. каждая улица Новгорода у вала окольного града заканчивалась "каменным корстром" — башней с воротами. Эти башни в конце XIV в. строились уличанами, возможно, за счет самих уличан. Завершено строительство каменных башен было в 1391 г. при финансовой помощи общеновгородской, Софийской казны: "А Новгородци взяли серебра 5000 оу святеи Софьи с полатеи, скопления владычня Алексева, и разделиша на пять концев, по 1000 на конец, и иставиша костры каменнии по обе стороне острога, оу всякои оулицы"⁹. В последствии каменные башни окольного города содержались и охранялись самими уличанами. Таким

⁶НІВЛ. С. 447.

⁷Там же.

⁸Там же. С. 447-448

⁹Там же. С. 370.

образом, каждая улица Новгорода имела собственные ворота в стене окольного города¹⁰. Пожелай жители хотя бы одной улицы открыть свои ворота перед московскими войсками, они бы имели возможность сделать это беспрепятственно. Организация патрулирования день и ночь на всех стенах и башнях города была возможна только как согласованное действие всех уличанских общин Новгорода.

Мы видим, что, несмотря на шок от поражения и на политические разногласия, новгородцы решили не сдавать город Ивану III, приняли все необходимые меры для его защиты, а вредившего обороноспособности города Упадыша казнили как предателя и заклеили в летописи вечным позором.

Видимо, летописная фраза "инеи хотяху за князя, а инии за короля за Литовского" сообщает нам не о желании одной из сторон сдать город и перейти в полное подчинение к Московскому великому князю, или о желании другой стороны перейти в подданство к Польско-Литовскому королю. Город находился под военным контролем его жителей, готовых с оружием в руках защищать свои интересы. Спор на вече шел, видимо, о том, какую из внешних сил новгородцы теперь, в ситуации после Шелони, хотят иметь союзником. Такая альтернатива как "не подчиняться ни Литве ни Москве", видимо, вовсе не рассматривалась в ходе политических дебатов на вече, и, скорее всего, не потому, что новгородцы не верили в возможность проводить собственную независимую политику, а потому, что зависимость от Московского великого князя или предлагаемая, как альтернатива, зависимость от Литовского великого князя не воспринимались новгородцами как утрата собственного суверенитета.

Зависимость от приглашенного извне великого князя была многовековой традицией, освящённой столетиями нормой государственного строя Новгородской республики. Эта зависимость была очень слабой и строго регламентировалась

договорами Новгорода с великим князем. Каждый пункт этих договоров был выстрадан предыдущей историей новгородской республики. Договоры Новгорода с князьями можно, собственно, считать частью "Новгородской конституции", неотъемлемым составным элементом политического устройства Новгородской республики XIII-XV вв., который никто и не думал отменять из-за очередного конфликта с очередным князем.

В дошедших до нас договорах Новгорода с князьями подробнейшим образом регламентируются любые возможные действия новгородского князя и заранее пресекаются любые его попытки усилить своё влияние в Новгороде и в Новгородской Земле. Князь в этих договорах выступает лишь номинальным сувереном, имеет очень ограниченную власть и, фактически, является только военным союзником, получателем ряда строго регламентированных доходов с Новгородской земли и одним из трёх (наряду с посадником и архиепископом) высших должностных лиц судебной системы Новгорода. Точно такая же скромная роль была отведена и Польско-Литовскому королю Казимиру в проекте договора Новгорода с Казимиром, который был составлен пролитовской партией в Новгороде в 1471 г. При этом, ни о каком подчинении Новгорода Казимиру и, тем более, ни о каком "отступлении от православия" (в котором обвиняли новгородцев московские пропагандисты) речи в дошедшем до нас проекте договора с Казимиром не идёт. Мало того, там, в дополнение к традиционным формулировкам из прежних договоров с московским князем, появляются специальные пункты, призванные оградить Новгород от вмешательства католиков: "А у нас тебе, честны король, веры греческие православные нашей не отымати. А где будет нам, Великому Новугороду, любо в своем православном хрестьянстве, ту мы владыку поставим по своей воли. А римских церковей тебе, честны король, в Великом Новегороде не ставити, ни по пригородом

¹⁰См. Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. С.53

новгородским, ни по всей земле Новгородской."¹¹

Обвинение новгородцев в "отступлении от православной веры" со стороны московского князя и московских летописцев было лишь пропагандистским приёмом, однако, реальной в 1471 г. была опасность перехода Новгородской земли из стана союзников Москвы, хотя бы номинально признающих над собой суверенитет московского князя, в стан союзников Литвы, признающих над собой, столь же номинально, суверенитет литовского князя. Имела место попытка выхода Новгорода из сферы политического влияния Москвы. Именно эта попытка и вызвала поход Ивана III на Новгород летом 1471 г. Видимо, именно за эту попытку перейти "под крыло Литвы", спровоцировавшую Ивана III на военные действия, новгородцы на вече, после Шелони, обвиняют новгородских бояр: "И бысть на лутшии люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгород, а то Бог сердцевидец и суди им, зачинающим рать и обидящим нас."¹²

Многие из бояр - лидеров пролитовской партии Новгорода, "зачинающих рать" и, одновременно "обидящих нас"(простых людей Новгорода) оказались теперь в плену у московского князя. Военные успехи московского войска были очевидны. Основное новгородское конное войско на Шелони и вспомогательные судовые рати под Коростынью, Русой и на Двине потерпели поражение. Однако, несмотря на это, захват самого Новгорода для Ивана III оказался в этот раз невозможен.

Город был укреплен не только каменным детинцем. Новгород был окружен "окольным городом", который состоял из каменных башен в конце каждой улицы, земляного вала и построенных поверх него деревянных стен. Вал окольного города был окружен глубоким рвом. Ров сам по себе был серьезным препятствием для применения при штурме осадных башен и лестниц. Ров не позволял быстро присыпать к стенам земляной примёт, чтобы по нему взойти на

стену, или присыпать зажигаемый примёт, чтобы, запалив его, зажечь деревянные стены. Новгородцы, видимо, имели в своем распоряжении пушки, метательные машины, а также ручное стрелковое оружие — луки, самострелы и, возможно, пищали (пищали упоминаются как оружие у псковичей под 1477 г., что делает их наличие вероятным в этот период и у новгородцев). Мы видим, что в 1471 г. степень укрепленности города и своевременно проведенные новгородцами меры по его обороне сделали невозможным захват Новгорода изгоном, сделали затруднительной для московских войск организацию как штурма города, так и его длительной осады. Посад был сожжен, так что московские войска не могли использовать здания посада ни для проживания во время осады, ни в качестве материала для строительства осадных сооружений. Продовольствие из новгородской округи, видимо, полностью было свезено под защиту городских стен.

Численность армии, приведенной Иваном III в Новгородскую землю в 1471 г., вероятно, составляла порядка 30-40 тысяч конных воинов. Дело в том, что про 40 тысяч новгородских конных ополченцев сообщают нам московские источники. До 1471 г. московские силы ни разу не сталкивались в бою со всем новгородским ополчением, а столкновение с его частью под Русой в 1456 г. хоть и привело москвичей в конце концов к победе, при первом столкновении закончилось победой новгородцев. Зная это, логично предположить, что в 1471 г. Иван III постарался собрать армию, по численности сопоставимую с новгородской (численность которой - 40 тысяч конницы - ему была известна). С другой стороны, передовой отряд Холмского, отправленный на соединение со псковичами, имел численность порядка 10 тысяч воинов¹³(часть из них "пленьху места их окрест Новагорода",¹⁴ так

¹¹Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее ГВНП). М.-Л., 1949. С. 129

¹²НІВЛ. С. 447.

¹³Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати // История военного дела: исследования и источники. 2014. URL: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin> (дата обращения: 07. 08. 2021).

¹⁴ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XVв. М.-Л., 1949. С. 288.

что в самой Шелонской битве приняли участие лишь 5 тысяч из них). Идущие следом основные силы великого князя и его союзников должны бы были в разы превосходить авангард армии по численности.

Десятки тысяч московских воинов и их коней, судя по всему, отправились в этот поход, как это и было принято в исследуемый период, без обозов с продовольствием¹⁵ и для пропитания могли рассчитывать только на небольшой припас, перевозимый на тех же конях что и сами воины, и, главным образом, на ограбление сельских жителей Новгородской земли.

К моменту, когда великий князь остановился на Коростыне, сельская местность, находящаяся вдоль пути следования московских войск и новгородская округа были, видимо, уже серьезно истощены, а, возможно, и полностью разграблены московскими войсками, поэтому Иван III стал рассылать рейды в более отдаленные местности, по всей Новгородской земле, для того, чтобы обеспечить прокормом своё многочисленное войско. В результате компании 1471 г. у новгородцев "вся земля их пленена и пожжена и до моря, не бывала на них такова война, как и земля их стала."¹⁶

Иван III, конечно, имел своих информаторов в Новгороде. Он узнал о решимости новгородцев оборонять город и об их приготовлениях. У великого князя не было под Новгородом пушек для обстрела и бреширования стен, а в Новгороде боеспособные пушки, скорее всего, ещё были. Вряд ли новгородский арсенал ограничивался лишь пятью пушками, испорченными Упадышем. Но даже если бы у новгородцев и вовсе не было пушек, взять штурмом укрепленный стенами и башнями город, который защищают порядка двадцати тысяч бойцов было для московского войска

задачей более трудной, чем победа в полевом сражении, и вряд ли решаемой без основательной предварительной подготовки. А для организации длительной осады, очевидно, уже не хватало продовольствия. Кроме того, все постройки вокруг Новгорода были сожжены, так что ни капитального жилья, ни материала для строительства осадных сооружений у московских сил тоже бы не было.

Видимо, ни осада, ни штурм Новгорода в 1471 г. Иваном III и не планировались. Задачей минимум московского похода 1471 г. было вернуть Новгород в сферу влияния Московского князя. Успех под Шелонью мог дать великому князю надежду, что удастся захватить сам Новгород изгоном, либо что его сторонники, после военного разгрома сил пролитовской партии сами откроют ему ворота. Но новгородцы и не думали сдаваться. Взять Новгород штурмом Иван III, видимо, не имел возможности. В то же время, начав осаду, он рисковал потерять большую часть своей армии от бескормицы, в то время как в самом Новгороде запасы продовольствия всё-таки имелись, хотя и там из-за наплыва беженцев еда сильно подорожала. В возникшей патовой ситуации великому князю оставалось заключить мир, на максимально почетных по форме условиях, но без каких либо существенных изменений в системе взаимоотношений Новгородской республики и великого князя. Договор между великим князем и Новгородом 1471 г. ничем, по сути, не отличается от предыдущего договора 1456 г., несмотря на очевидное и сокрушительное военное поражение Новгорода во всех крупных полевых сражениях войны¹⁷.

Единственным территориальным приобретением в результате войны 1471 года стал для Московского князя Пинежский уезд в Заволочье: "земли на Пинезе, Кегролу, и Чаколу, и Пермские, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выю, и Суру Поганую"¹⁸ новгородцы на вече освободили от крестного целования Новгороду и

¹⁵Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. Т. VIII. 2016. С. 134-166.

¹⁶Ермолинская летопись. С. 191.

¹⁷ср. ГВНП. грамоты № 22-23 и грамоты № 24-26. С. 39-50.

¹⁸ГВНП. С. 154.

передали под власть великого князя. Незначительная часть Заволочских владений Великого Новгорода и 15,5 тыс. рублей выкупа для державы, полностью проигравшей войну были не такой уж большой потерей.

Отказавшись от немедленного штурма или осады Новгорода в 1471 г. Иван III не отказался от идеи подчинения Новгородской земли своей власти. Пролитовская боярская группировка в Новгороде была разгромлена. Её лидеры, попавшие в плен, были либо казнены, либо посажены в заключение в Москве. Новгородский архиепископ и виднейшие новгородские бояре были настроены промосковски либо нейтрально по отношению к Москве. Мало того - открывшаяся для московской конницы после Шелони возможность безнаказанно разорять земельные владения, приносящие доход новгородским боярам и церковникам оказалась очень действенным рычагом влияния Москвы. Во всех последующих переговорах главные новгородские землевладельцы - церковники и бояре были удивительно сговорчивы, видимо, помня о разорении своих владений в 1471 г. и понимая, что теперь у Новгорода нет сил чтобы в дальнейшем помешать разорительным рейдам московской конницы на их владения. Однако склонить к уступкам и, тем более, к полному подчинению новгородское вече оказалось для великого князя более трудной задачей, за которую он, тем не менее, принялся после 1471 г., используя не только силовые и дипломатические, но и популистские методы.

Порядок решения конфликтов и судебных споров в Новгороде, более-менее исправно работавший в XIII-XIV вв., к XV в. стал пробуксовывать. Рост землевладения среди новгородцев - как новгородских бояр, так других жителей Новгорода - житейских и купцов, подробно рассмотрен в работе В.Н. Бернадского¹⁹. Конфликты между землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, с одной стороны, и конфликты между разными землевладельцами Новгорода с другой, в XV в. привели к росту судебных

разбирательств по земельным и имущественным спорам. Судя по дошедшим до нас источникам, республиканской администрации Новгорода уже не удавалось разрешать все эти конфликты своевременно и в рамках закона. Это привело к множеству попыток решать подобные споры силой. Силовые захваты спорной земли и имущества стали в Новгородской земле XV в. частым явлением, как и злоупотребления властью со стороны ряда наиболее влиятельных бояр. Принятие "Новгородской судной грамоты", составленной в 1440 г. и дополненной в 1471 г., видимо, не смогло полностью решить возникшие проблемы, хотя и обозначило их со всей отчетливостью²⁰.

Главами судебной системы Новгородской республики были новгородский архиепископ, новгородский тысяцкий, а также, судившие совместно, новгородский посадник и наместник великого князя, в юрисдикцию которых, собственно, входил суд по наиболее острым земельным конфликтам и уголовным делам²¹.

"Новгородские судные грамоты" были документом, принятым новгородцами на вече, при участии и с согласия великого князя, новгородского архиепископа, новгородского посадника, тысяцкого, всех бояр, житейских людей, купцов, черных людей, всех пяти концов, всего государя Великого Новгорода. Иван III, в 1471 г. заверив Новгородскую судную грамоту, стал, таким образом, одним из гарантов её выполнения.

Видимо, сразу после 1471 г. некоторые новгородцы, недовольные несправедливыми, с их точки зрения, решениями совместного суда посадника и княжьего наместника, или отсутствием суда, волокитой по судебным делам, стали обращаться непосредственно к великому князю, как к прямому начальнику одного из судей (княжеского наместника), и как к гаранту выполнения норм Новгородской судной грамоты. Иван III, видимо, подобные обращения всячески поощрял.

²⁰Новгородская судная грамота // Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 212-218.

²¹Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.

Именно этим можно объяснить отмеченный ещё В.Н. Бернадским²² факт: во время похода Ивана III миром на Новгород в 1475-76 гг., великий князь получил от жителей Новгорода и новгородской земли множество жалоб. "многии Ноугородстии жалобники и всякие люди житьи, и Рушане, и монастырские, и прочии же в пределех ближних Новагорода приидоша бити челом великому князю, овии приставов просити да быша от вой его не изграблени, а инии с жалобою на свою же братью на Новугородци, кииждо о своем управлении... межи себе убийства и грабежи и домом разорение..."²³.

Во время похода 1475-76 гг. московские войска, сопровождавшие князя, двигались без специального обоза с продовольствием, добывая себе пропитание за счет "сильного имания", от которого было "Новгородской области оубытка много с кровью"²⁴. Видимо, именно поэтому некоторые из челобитчиков просили у князя приставов на его, князя, воинов, чтобы предотвратить разграбление своего имущества княжескими воинами: "овии приставов просити да быша от вой его не изграблени". Подобным же образом - без обозов с продовольствием, обирая местное население по пути следования, проходили через Новгородскую землю и воины московского князя, посланные на помощь Пскову в войне с Ливонским орденом в 1473 г. Псковские летописи сообщают что пришлось специально организовывать прокорм присланных московских войск²⁵, а новгородский источник пишет, сообщая о проходивших через Новгородскую землю во Псков и обратно московских войсках что "в то время Новгородским волостем много быть пакости и оубытка"²⁶. Мы видим, что обеспечение войска продовольствием в походе не за счет взятых с собой обозов, а за счет местных жителей территории, по

которой перемещались войска, было для московских войск нормой даже в 70-х годах XV века.

Во время похода миром в 1475-76 гг. великого князя сопровождали военные силы, столь многочисленные ("в силе велице"²⁷) что для их размещения понадобились все монастыри в пригородах Новгорода (которые были только недавно отстроены после сожжения в 1471 г.) Великий князь на протяжении всего своего пребывания в Новгороде и на Городище дает пиры и участвует в пирах, которые даются для него лидерами Новгородской республики, получает щедрые подарки и не менее щедро отдаривается (о чем упоминают не все источники): "А князь велики всех посадников, бояр и тысяцких, и посадничих детей, и купцов и житьих людей жаловал от себе, всем жалованье свое от дорогих порт, и от камок, и кубки и ковши серебряные, и сороки соболей, и кони, коемуждо по достоинству."²⁸ Если не учитывать того, что Иван III щедро отдаривался за приносимые ему многочисленные подарки, может возникнуть впечатление, что он просто собирал некую неформальную дань со всех знатных людей Новгорода, пытающихся откупиться от грядущей расправы. Однако тогда непонятно, зачем и менее знатные, менее состоятельные новгородцы стремились, по возможности, поднести великому князю богатые дары. Будь эти богатые дары результатом вымогательства, скрытой данью, многие постарались бы от неё уклониться. Однако список из десятков не только бояр, но и менее видных новгородцев, стремящихся обменяться подарками с князем, показывает, что такой обмен дарами, видимо, был взаимовыгодным, и, кроме того, обменяться дарами со столь статусной персоной было для простых новгородцев и даже для бояр большой честью. Пирь и обмен дарами были попыткой великого князя установить неформальные, дружеские связи с как можно большим числом новгородцев, с тем чтобы, опираясь на них, добиться

²²Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 293.

²³ПСРЛ Т. VI. Софийские летописи СПб., 1853. Софийская II летопись. (далее СПЛ) С. 200-202.

²⁴НІВЛ. С. 449.

²⁵ПСРЛ Т. V. Вып.2. Псковские летописи М., 1955. Псковская III летопись. (далее ПЗЛ). С.198.

²⁶НІВЛ. С. 449.

²⁷Там же.

²⁸СПЛ. С. 205.

мирного присоединения Новгорода к своей державе.

Но главным делом, ради которого Иван III приехал в Новгород были, видимо, не пиры, а судебные разбирательства. Псковская третья летопись кратко резюмирует причины и результаты этого приезда Ивана III в Новгород: "а новгородци люди житии и молоджшии сами его призвали на тыя оуправи, что на них насилье держать как посадники и великыя бояри, никомоу их соудити немочи, тии насильники творили, то их тако же иметь князь великой соудом по их насилствоу по мзде соудити. Князь великой приехав в Новьгород, и как к нему съслися на соуд, и князь великой в новьгородцов опросив да всех оу себе на Городищи тех насилников поймав и на Москву тыми часы всех спровадил: первое Василя Онаньина степенного посадника, Ивана Офонасова и с сыном со Олферьем да Федора Доурня Марфина сына да Казимера Василя Илошинского, а иных бояр многих насилников на пороуку владыке подавал до оуправе; и в своих присоудех новгородци же посадником на степень Фоמוу Андреевича."²⁹

Мы видим что Московский князь выступал в этой ситуации как защитник новгородцев от произвола злоупотреблявших властью выборных республиканских чиновников - бояр. Одним из результатов его судебной деятельности был арест высшего должностного лица республики - степенного посадника Василя Онаньина. Причём, на освободившееся в результате место новгородцами тут же был выбран степенным посадником Фома Андреевич. Большая часть преступников отделалась крупными денежными штрафами и была оставлена в Новгороде под поручительство новгородского архиепископа, и лишь четыре самых общественно опасных преступника были увезены князем в Москву, для содержания там под стражей.

Софийская вторая летопись дает более подробное описание как пиров, так и судебных разбирательств Ивана III в Новгороде³⁰. Судя по этому источнику,

новгородцы встречают князя с жалобами уже на въезде в Новгородскую землю. Иван III, судя по приведенному списку фигурантов и жалоб на них, рассмотрел на Городище десятки жалоб и судебных исков. Он принял по ним судебные решения в рамках новгородского законодательства, с соблюдением принятых в республике судебных процедур. Так, одновременно с княжескими приставами обвиняемых доставляли на городище для разбирательства и судебные приставы архиепископа, посадника, а порой, видимо, и просто жители Новгорода. Нигде в источниках не упоминаются жалобы новгородцев на несправедливость или незаконность этих судов Ивана III. Идея княжеского суда, как высшей судебной инстанции, идея князя, приглашенного извне, не связанного ни с одной из местных боярских группировок и потому способного беспристрастно и справедливо рассматривать самые сложные судебные дела, была сформулирована ещё в летописной легенде о призвании Рюрика, и лежала, можно сказать, в фундаменте государственного строительства Древней Руси. Эта идея была общепринятой для жителей Древней Руси, в том числе, как мы видим, и для новгородцев XV в.

В отечественной историографии принято видеть в судах зимы 1475-76гг., скорее, расправу над неугодными Ивану III боярами. Однако, опираясь на источники мы видим, что князь в ходе этих судов действует, скорее в интересах законности, укрощая произвол сильных, выступая в роли защитника обижаемых. Поход миром 1475-76 гг. был для Ивана III не столько способом запугать новгородцев и расправится со своими политическими противниками в Новгороде, сколько способом заработать себе "политические очки", показать широким слоям новгородского населения, что он является их защитником от произвола сильнейших бояр.

Если рассматривать многочисленные подарки, преподносимые новгородцами князю в контексте последовавших судебных разбирательств, то может возникнуть ощущение, что эти подарки были своего рода взятками судье, как от жалобщиков, так и от тех, на кого поступали жалобы. Однако,

²⁹ПЗЛ С. 200.

³⁰СПЛ. С. 200-205.

упоминание о том, что князь щедро раздавал ответные подарки, рисуется нам более сложную картину. Мы видим сочетание архаичные норм (традиционные подношения высшему должностному лицу, взаимный обмен подарками, в ходе выстраивания личных взаимоотношений между князем и его подданными) и, одновременно, элемент подкупа судьи со стороны всех участвовавших в тяжбах сторон. Таким образом, "поход миром" 1475-76 гг. помог Ивану III не только наладить личные связи с большим числом новгородцев, но и выступить как справедливый судья, защитник всех новгородцев, выступить в качестве противовеса новгородской боярской олигархии. В то же время, нельзя утверждать, что Иван III выступал против боярской олигархии, как таковой, т.е. против всего новгородского боярства. Для большей части бояр судебная деятельность Ивана III в Новгороде была, видимо, столь же полезна, как и для простых новгородцев. В списке рассмотренных дел мы видим не только жалобы меньших людей на бояр, но и немало жалоб от самих бояр, а среди обвинённых в преступлениях немало не только бояр, но и людей с более низким социальным статусом.

Имеет смысл рассматривать "поход миром" как своеобразную "предвыборную команду" Ивана III в которой он попытался, с одной стороны, приобрести как можно больше личных сторонников среди бояр и других видных новгородцев (личные беседы, пиры, обмен подарками), а с другой стороны, убедить всех новгородцев в своей способности защитить их при помощи справедливого суда и имеющейся у него военной силы от произвола и беззакония наиболее сильных новгородских "бояр-олигархов" и их приспешников.

В ходе "похода миром" князем было получено так много жалоб, что он не успел рассмотреть их все на Городище. Продолжение разбора жалоб было перенесено в Москву. Иван III даже назначил особый срок для рассмотрения жалоб новгородцев ("И повеле им сроки давати стати пред великим князем на рождество

христово")³¹. Однако, судебные разбирательства не прекратились и после рождества 1476 г. Так, с приставами был вызван в Москву в феврале 1477 г. Захарий Овин ("И прииде из Новгорода посадник Захарий Овин за приставом великого князя со многими новгородци, иным отвечивати, а иных искати"³² Среди жалобщиков наряду с "иными посадниками"³³, согласно рассказу летописи были "и мнози житьи" люди, и "поселяне", и "вси преобижени многое множество"³⁴).

Даже в роковые дни ноября-декабря 1477 г. новгородские верхи трижды (24 ноября, 7 декабря, 14 декабря) били челом великому князю, чтобы он пожаловал. "московские позвы отложил". Они не забывают напомнить о "позвах" даже в тот день, когда они согласились "отложить" "вечевой колокол и посадника" ("... да пожаловал бы и позвы московские отложил на Новгородской земли").³⁵ При этом ни в одном источнике не сохранилось жалоб на то, что кто-то из наказанных княжеским судом пострадал "без вины", а об отмене "позвов" и "вывода" новгородские бояре просят как о снисхождении, об акте доброй воли, понимая, что князь в данном случае действует в рамках принятых в Древней Руси правовых норм и представлений о законности.

Благодаря усилиям Ивана III в 1475-76 гг. в Новгороде сформировалась «весьма значительная количественно и весьма влиятельная по ее составу группа сторонников московской ориентации»³⁶ из числа виднейших новгородских бояр. Посольство о «государстве» в Москву весной 1477 г. было, как можно судить по анализу летописных известий, делом «приятных» Москве бояр. Анализ дальнейшего хода событий склоняет к тому, что посылка о «государстве» не только не была оформлена решением веча, но вряд ли была обсуждена

³¹СІЛ. С. 205.

³²Там же.

³³Василием Никифоровым и Иваном Кузьминым (Софийская I летопись // ПСРЛ. Т. VI. С. 18).

³⁴СІЛ. С. 205.

³⁵Там же. С. 215.

³⁶Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 297.

даже на совете господ. Скорее, в ней надо видеть заговор сторонников великого князя, которые, считая, что пришло время для установления московского «государства», пытались произвести государственный переворот³⁷.

На вече, собранном после возвращения новгородского посольства и прибытия из Москвы послов Ивана III, действия новгородских послов в Москве были «дезаурированы», так как они выступали без ведома веча: «тако рькли чернь: мы с тем не посылали, то посылали бояря, а народ того не ведает»³⁸. Народное возмущение вылилось в серию расправ над наиболее видными сторонниками Москвы: «И новгородци же тех посадников и бояр и живот пограбили, и двory и доспех поотнимали и всю ратную приправу, котори то так чинили, а без Великого Новгорода ведома тоую прелесть чинили. А Василья Онаньина тоу поймав, а на вече исьшекли топори в часть, а иных заповедали, тако же хотячи смертию казнить, а посла великих князеи держав его 6 недель и чествовав, и с честью их к великим князем отпустили, ответ им таков к своим господином починили: что вам своим господином челом бием; а что государи вас, а то не зовем, а соуд вашим наместником на Городище по старине, а что вашему соуду великих князеи, ни ваших тивоуном, а то в нас не быти, ни дворище вам Ярославля не даем; на чем ни есме с тобою на Коростыни мир кончали и крест целовали, по томоу хотим с вами и жити доконцанию; а котории тебе так имались без нашего ведома чинити, то ведаеш ты, как их хочешь казнити, а мы их тако же, где которого поймав хотим казнити; а вам своим господином челом бием, чтобы есте нас держали в старине, по целованию крестному»³⁹.

Таким образом, несмотря на, несомненно, возросшую после «похода миром» популярность Ивана III среди новгородцев, инициированный его сторонниками государственный переворот не удалось «узаконить». Без вечевого решения, то есть без всеобщего согласия новгородских

«чёрных людей», как мы видим, ни одно значимое политическое действие в Новгородской республике было невозможно. Даже в последние годы существования Новгородской республики, в момент, казалось бы, наибольшего развития боярской олигархии, после того, как вечевое ополчение потерпело сокрушительное поражение под Шелонью, даже в момент, когда ведущие новгородские бояре и великий князь Московский выступали совместно, за присоединение Новгорода к Москве, мнение и военная сила новгородского веча оказались сильнее всех этих факторов. Вече жестоко расправилось с теми, кто попытался лишить его власти и поставило Московского князя перед фактом - власть в Новгороде принадлежит не боярам и не великому князю, а простым новгородцам, управляющим в рамках традиционных вечевых процедур.

Чтобы добиться поставленной цели - не номинального, а фактического подчинения Новгорода, Ивану III оставался только один путь - военный. 30 сентября 1477 г. Иван III объявил Новгороду войну, а 9 октября выступил из Москвы в поход на Новгород. Войско князя было, видимо, только конным и снова, как и в походе 1471 г. двигалось несколькими эшелонами, без обозов провианта. В ходе продвижения войска по территории союзного Ивану III Тверского княжества, тверской князь обеспечивал московское войско продовольствием: «Еще же великому князю на Волоце сущю, присла противу ему князь великий Михайло Тферский сына боярского своего, хидыщика, отдавати кормы по отчине своей»⁴⁰.

Князь ещё не вступил в Новгородские владения, а новгородский владыка и бояре уже начали с ним в предварительные переговоры прислав послов «об опасе» уже в Торжок. В то же время, на службу московскому князю начали переходить новгородские бояре. Так «приехали к великому князю бояре Новугородстии Лука да Иван Климентьевы, и били челом великому князю в службу»⁴¹. Это был не единственный переход. В ходе продвижения великокняжеских войск и дальнейшей осады

³⁷Там же. С. 298.

³⁸Устюжский летописный свод // Архангелогородский летописец. М.-Л., 1950. С. 92.

³⁹ПЗЛ. С. 209.

⁴⁰СПЛ. С. 207.

⁴¹Там же.

Новгорода, целый ряд новгородских бояр и житых перешел на службу московскому князю⁴².

По Новгородской земле московские войска двигались несколькими эшелонами, по разным дорогам. Целью похода Ивана III на Новгород в 1477-78 гг. было – сломить сопротивление новгородского веча. Бояре и церковники, т.е. главные землевладельцы Новгородской земли и так занимали промосковскую либо нейтральную позицию. Разграбление земельных владений каких-либо неугодных Ивану III бояр вряд ли могло быть целью рассредоточения его военных сил. Видимо, войска были рассредоточены, просто чтобы охватить грабежом наибольшую территорию и обеспечить многочисленную конную армию продовольствием за счет сельских жителей.

В ходе похода к войскам Ивана III присоединились отряды союзного, Тверского княжества. Также "велел князь великий наместнику своему Псковскому, князю Василию Васильевичу Шуйскому со Псковичи пойти на свое дело на службу на Новгород ратью, с пушками и с пищальми и с самострелы, со всею приправою, с чем к городу приступати."⁴³ Судя по совершаемым приготовлениям мы видим, что в этот момент Иван III планирует, в случае, если ему будет оказано сопротивление, брать Новгород приступом. Передвижения московских войск и их союзников в ходе похода 1477-78 гг. подробно рассмотрены в работах В.Н. Бернадского⁴⁴ и Ю.Г. Алексева⁴⁵. Приготовление московских сил к военным действиям шло одновременно с переговорным процессом.

23 ноября в Сытино, на восточный берег Ильмень-озера, где в тот момент находился Иван III, прибыло посольство из Новгорода: Новгородский владыка, посадник и представители бояр, житых и купцов города. Кроме обычных увещаний о прекращении войны и изъявления

покорности, основной "уступкой", которую предлагали князю новгородцы было следующее: "чтобы государь князь великий пожаловал свою отчину, ездил бы на четвертый год в Великий Новгород, а имал бы по 1000 рублей; а велел бы суд судими наместнику своему да посаднику в городе, а чего не возмогут управити наместник да посадник, ино бы тому государь князь великий сам управу учинил приехав на четвертый год; да пожаловал бы князь великий позовы отложил, чтобы позовов на Москву не было."⁴⁶

Мы видим, что деятельность князя как судьи во время "похода миром" в 1475-76 гг. была сочтена новгородцами полезной. Они и далее готовы были оплачивать ему эту важную работу по "судебному контролю" над новгородскими олигархами и внести этот новый аспект взаимоотношений в договор Новгорода с князем. Одновременно с этим новгородцы в том же посольстве настаивали на том, чтобы преступники, осужденные князем в Новгороде, оставались бы в Новгороде, а не увозились князем в Москву. Новгородцы настаивали и на том, чтобы сохранить прежние процедуры суда и самоуправления в Новгороде, даже в таких мелочах, как место, на котором должны проходить судебные процедуры.⁴⁷

Несмотря на приближение к Новгороду военных сил Московского князя и отсутствие у республики военных сил для отпора Москве в полевом сражении, новгородцы, видимо, ещё не видели опасности самому существованию своего вечевого республиканского строя. Их предложения и требования к князю шли в рамках дальнейшего развития существующих взаимоотношений между князем и Новгородом, в логике, зафиксированной во всех предыдущих договорах Новгорода с князьями. Возможно, новгородцы просто не верили, что возможны какие-то другие взаимоотношения Новгорода с князьями и не верили, что княжеские войска способны взять Новгород штурмом либо осадой. Прежде все приходы военных сил под стены Новгорода

⁴²Там же. С. 207-210.

⁴³Там же. С. 210.

⁴⁴*Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. 299-307.

⁴⁵*Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб 2009 С. 183-209.

⁴⁶СПЛ. С. 210.

⁴⁷Там же.

оканчивались мирным договором и уходом чужаков восвояси. У новгородцев перед глазами не было ни одного примера того, как великий князь сумел бы захватить столь крупный город и, тем более, самовластно управлять столь крупным, и столь отдаленным как Новгород городом, постоянно проживая при этом в Москве.

Однако, Иван III в 1477 г. уже не удовлетворялся отдельными уступками. Его уже не устраивал постепенный рост великокняжеского влияния в Новгороде и даже присоединение к своим владениям части новгородских земель. Князь теперь хотел получить всё и сразу. Возможно, в 1472 г. вместе с итальянским приданым Софьи Палеолог в Москву были завезены новые политические идеи и управленческие технологии, или просто выросли до имперского уровня политические амбиции великого князя. Источники сообщают о том что с этого времени княжеские посланцы активно приглашают на службу в Москву различных итальянских специалистов. Так, начальником осадных работ московских войск под Новгородом в 1477-78 гг. был прибывавший в Москву в 1475 г. итальянский инженер Аристотель Фированти, позже прославившийся как создатель Успенского собора в московском кремле.

Выслушав 23 ноября речи новгородских послов, Иван III 24 ноября поставил своим войскам "конкретные задачи по полному окружению города с обеих сторон Волхова и захвату опорных пунктов - Городища и монастырей. Возможность двухстороннего охвата города просматривается уже в директиве от 21 ноября, назначавшей войскам соответствующие исходные позиции, на которых они должны были сосредоточиться в ожидании "вести" от великого князя. Теперь эта "весть" пришла, и войска начали выполнять свою боевую задачу."⁴⁸

Мы видим, что с момента, когда новгородское вече отказалось принимать условия "о государстве", предложенные Иваном III, и расправилось над сторонниками московского князя, он начал методично

готовиться к захвату Новгорода военной силой. Все предварительные переговоры велись им для введения новгородцев в заблуждение. Последний раз, 23 ноября, убедившись, что на его условия новгородцы миром не пойдут, князь начинает, собственно, военные действия. То ли саботаж новгородских бояр - сторонников Москвы, то ли общая неорганизованность, то ли скрытность приготовлений московских войск тому виной, но Городище и монастыри вокруг Новгорода в 1477 г. оказались захвачены московскими войсками, а не сожжены до прихода московских войск, как в 1471 г. Это было серьезным успехом москвичей. Теперь великий князь мог вести переговоры с новгородцами уже с позиций силы. 25 ноября изложив свои требования (они оставались неизменными - полная покорность Новгорода московскому князю и отмена вечевых порядков) Иван III отпустил новгородских послов в Новгород.

Действия Ивана III показывают, что он готовился брать Новгород штурмом. Об этом говорит и участие в походе знаменитого итальянского инженера Аристотеля Фированти, и приказ князя псковичам прибыть с пушками и снаряжением для приступа. Для длительного стояния под Новгородом у московских войск и их союзников, видимо, не было с собой достаточных запасов продовольствия. Возможно, какое-то продовольствие они сумели захватить в монастырях и ближайших окрестностях Новгорода, а, возможно, основные запасы продовольствия всё же были увезены новгородцами под защиту городских стен.

"Ноября 30 в неделю, князь великий велел всем воеводам посылати по корм людей половину, а другую у себя оставляти; а срок им по корм 10 дней."⁴⁹ Мы видим, что снабжение войска Ивана III всё так же осуществляется за счет ограбления сельских жителей новгородской округи. При этом, общий срок, назначенный для возвращения всех отправленных "по корм" сил, говорит о том, что на 10 декабря или немногим позднее Иваном III были запланированы военные действия, требующие участия всей его армии

⁴⁸Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 199.

⁴⁹СПЛ. С. 212.

в полном составе. На то, что после 10 декабря планировался штурм города, указывает и следующее распоряжение Ивана III: "Того же дни (30 ноября - А.Б.) послал князь велики Савестиана Кушелева против своего наместника Псковского князя Василья и против Псковские рати, чтобы пошли не мотчая, и с пушками и со всею приправою, по первому приказу."⁵⁰ Псковская третья летопись сообщает, что псковичи прибыли под Новгород уже 2 декабря, в то время как Софийская II и Московский летописный свод сообщают о прибытии основных сил псковичей лишь 7 декабря. Видимо, в рамках подготовки к штурму "декабря 6 велел князь велики мост чинити на реце Волхове своему мастеру Аристотелю Фрязину, под Городищем; и той мастер учинил таков мост под Городищем на судех на той реце."⁵¹

Тем временем. 5 декабря и 7 декабря к Ивану III опять приходило новгородское посольство, в котором, 7 декабря, кроме прежних представителей от бояр, житых и купцов присутствовали также представители от черных людей, от всех пяти концов Новгорода. Видимо новгородские черные люди уже не доверяли более знатым представителям Новгорода, подозревая их в сотрудничестве с осаждающими, и именно поэтому вече настояло на участии в переговорах отдельных представителей от людей незнатных. Причины для недоверия у простых новгородцев были. То, что новгородский посад оказался не сожжен, а захвачен москвичами без боя, и то, что осадившим город москвичам пока не было оказано никакого сопротивления со всей очевидностью показывает - знать Новгорода с задачей обороны города не справлялась.

С каждым новым посольством новгородцы шли на всё большие уступки Ивану III. В то же время новгородцы готовились и к отражению штурма. "Новгородци же, сбегшися, затворишася вси в осаде, оустрои вси собе по обе стороне Вълхова реки и чрес реку на соудех стъною древяною."⁵² Такая стена, видимо, должна

была предотвратить возможные попытки осаждающих ворваться в город изнутри, по реке, на судах или по льду (зимой Волхов, как правило, не замерзает целиком, но в морозы вдоль берега вода оказывается скована довольно толстым слоем льда). Сооружения, подобные новгородским, только более капитальные, были построены позже во Пскове. В 1518 году там были сооружены верхние решетки, поперек течения р. Псковы, а в 1537 году была поставлена в устье р. Псковы деревянная стена, также с решетками⁵³.

К сожалению, в сообщениях Псковской третьей летописи не указано время возведения новгородцами плавучих стен через Волхов. Однако, исходя из того, что штурм москвичами планировался после 10 декабря, однако не был проведен, можно сделать вывод, что плавучие стены поперёк Волхова были сооружены новгородцами в период с 24 ноября, когда москвичи появились под стенами города, до 10 декабря. Сооружение плавучих стен сделало невозможным для москвичей во время штурма ворваться внутрь окольного города по Волхову. Москвичи теперь были бы вынуждены штурмовать новгородские стены только "в лоб", неся при этом большие потери.

В то же время, по сведениям Ермолинской летописи подвезенные псковичами пушки были установлены и приступили к бомбардировке Новгорода: «князь же великий повеле пушками бити град, и мнози новгородци по граду избиени быша»⁵⁴. Однако, ни новгородские, ни псковские источники о бомбардировке Новгорода не упоминают. Возможно, какая-то стрельба из псковских пушек по Новгороду велась, но никакого значительного эффекта не дала, и именно поэтому о ней нет упоминаний в других источниках.

Скорее всего, псковские пушки были небольшого калибра. Этим может объясняться то, что псковичи сумели доставить их под Новгород в столь короткий

⁵⁰Там же С. 212.

⁵¹Там же С. 214.

⁵²ПЗЛ С. 213-214

⁵³Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 2001. С. 69.

⁵⁴Ермолинская летопись. С. 178.

срок. Но легкие пушки, доставка которых из Пскова под Новгород, судя по расчетам М. А. Несина, происходила со скоростью 30-35 км. в день⁵⁵, никак не могли серьезно повредить каменным башням и массивным земляным валам окольного града Новгорода. Возникшие препятствия с одной стороны, и надежда мирным путём сломить сопротивление новгородцев, которые уже готовы были идти на значительные уступки, видимо повлияли на решение Ивана III ограничиться одной только осадой: "И князь же великой виде, что город крепко в осаде стеноу огражень, а пойти под стеноу ино со обою стороною головы начнут пасти, кровь литися. И князь же великой, всего того не хотя кровопролития оучинить, и нача оу них под Великим Новымгородом под стеноу стояниам стояти со всеми своими силами, и с братьею своею и с тферскою силою и с псковскою силою, и с инеми земля своеа с всеми многими силами. А еще к тому оу него и царевич Даньярь и с многими татарскими силами своими тоуто же стоял, слоужачи великому князю под Новымгородом."⁵⁶

Однако затянувшаяся осада могла стоить жизни многим осаждающим. Осаждающая армия не могла долгое время находиться на месте, не получая новых средств пропитания, а земля на 5 дней пути вокруг Новгорода была уже разграблена. Поэтому "ко Пскову князь великой своего боярина прислал, чтобы псковичи емоу еще и тем послужили, сколко моуке пшеничной и рыбе и меду прислали пресного, а иное бы с всяким торгом коупчи псковьскыа там к нему в силуу под Великои Новгород с всяким товаром торговати сами ехали. И псковичи же и всем князю великому в тыа часы по его словоу, и хлеб и мед и моуку пшеничную и колачи и рыбы пресныа, все сполоу покروтивь, своими извожники к нему послали, а с ними поехали и инии коупцы псковьскыа многыа с иным товаром с

разноличным с многым. И по том князь великой инога боярина к Пскову о поуках и о мостниках прислал; и псковичи и тое к нему по его словоу послали под Великои Новгород."⁵⁷ Вероятно, именно псковские продовольственные обозы позволили москвичам и их союзникам "пересидеть" новгородцев во время осады.

Новгород сдался 6 января 1478 г., на 8-й неделе осады, причем, как причину сдачи города летописец указывает не продовольственные проблемы осажденных, а внутренние распри среди новгородцев.

Срок «стояния» - продовольственной блокады города в исследуемый период обычно составлял 5-7 недель. Как правило, за это время полностью истощались продовольственные ресурсы одной из сторон. И – либо город, принужденный голодом, сдавался, либо, что чаще, осаждающие город войска начинали испытывать серьезные трудности с продовольствием, что и вынуждало их снять осаду и уйти восвояси. Зная, что на пятой, шестой или седьмой неделе войска осаждающих неизбежно начнут испытывать трудности с продовольствием, новгородцы зимой 1477-78 гг. надеялись просто переждать нашествие москвичей. Окончательно эти надежды рухнули лишь на 8 неделе «стояния»: «оуже бывше неделям и осмим, как князя великого силы под городом стали, а людем мятоущимся в осаде в городе иныа хотящи битися с князем великим, а инии за великого князя хотяще задати, а тех болши котори задатися хотят за князя великого»⁵⁸. Именно большая, чем обычно продолжительность осады вынудила новгородцев встать перед выбором – сдать князю, или попытаться снять с города осаду военным путем. В первые недели осады этот выбор не стоял так остро и новгородцы могли надеяться, что голод заставит москвичей принять мир на более выгодных для Новгорода условиях или просто уйти. Эти надежды рухнули, когда псковичи наладили регулярные поставки продовольствия для осаждающей армии.

В то же время, сам Новгород был, на время осады, полностью отрезан от поставок

⁵⁵Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени»). С. 138-139.

⁵⁶ПЗЛ. С. 213-214

⁵⁷Там же. С. 214.

⁵⁸Там же. С. 214.

продовольствия по суше. Да и по воде они вряд ли были возможны зимой, тем более, что по обе стороны Волхова стояли силы осаждающих и в их распоряжении наверняка оказались местные лодки. Так что, если и была возможность подвозить в Новгород продовольствие по воде не полностью замерзающего зимой Волхова, то у осаждающих была такая же возможность блокировать любые подобные поставки при помощи трофейных лодок.

Стоит заметить, что зимой 1477-78 гг. новгородское войско не дало ни одной битвы ни воеводам великого князя, ни псковичам. Новгородцы очистили без боя всю территорию своей земли «от восточные страны и до Литовского и Псковского рубежа»⁵⁹. Об активном противодействии новгородцев осаждающим, таком как вылазки или ответная стрельба по москвичам со стен, ни один источник не сообщает. А ведь о наличии пушек в Новгороде упоминается еще под 1471 г.⁶⁰ Действия новгородцев в осаде свелись к пассивной обороне: патрулированию городских стен и строительству деревянных плавучих стен через Волхов.

Встречи и переговоры между Московским князем и представителями Новгорода происходили на протяжении всей осады. И чем тяжелее становились условия внутри осажденного города, тем на большие уступки готовы были идти новгородцы. Положение осажденных новгородцев, судя по летописным источникам, было тяжелым: «Сущии в граде от многаго недостатка и стеснения многу скорбь имеаху, плач и рыдание»⁶¹. По сообщению Ермолинской летописи в Новгороде «бысть мор и глад силен»⁶². Однако в других источниках сообщений о голоде и море не встречается. Видимо, положение новгородцев не было совсем уж критическим. В то же время, тяготы осады труднее всего переносили простые, небогатые новгородцы, не имевшие больших продовольственных запасов. Бояре,

житьи и даже купцы, владевшие землей и каждую осень получавшие от своих зависимых крестьян натуральный оброк, видимо, имели в своих городских усадьбах собственный запас продовольствия на всю зиму. Однако большинство новгородцев подобных запасов на всю зиму, скорее всего, не имело, и покупало необходимые продукты на торгу, где, из-за осады, естественно, установилась дороговизна, а то и нехватка продуктов питания. Но ведь именно новгородские «черные люди» наиболее активно выступали на вече против включения Новгорода в Московское государство. Таким образом, продовольственная блокада оказалась, в первую очередь, способом давления на новгородскую чернь.

На протяжении всей осады в городе то и дело происходили вечерные собрания. «Бе с ними в той осаде воеводою в них князь Василей Васильевич Шюиской»⁶³ – сообщает летопись. Этот служилый князь, несомненно, был приглашен новгородским вечем. Но это же вече мешало ему руководить обороной города: «оуже бывше неделям и осмим, как князя великого силы под городом стали, а людем мятоущимся в осаде в городе, иныа хотящи битися с князем великим, а инии за великого князя хотяще задати, а тех болши котори задатися хотят за князя великого»⁶⁴. «И въсколебашася аки пьяни, и бяше в них непословича и многыа брани, мнози бо велможи и бояре перевет имеаху князю великому, и того ради не изволиша в единомыслии быти, и вьсташа чернь на бояр и бояри на чернь»⁶⁵. Видя, что новгородцы готовы уже сдать город, а то и сражаться внутри города между собой, Василий Васильевич Шуйский решил их опередить: «и челом им оударя, и челование крестное сложа, и оу них выеде вон из града, и великому князю приехав челом бил и крест целовал; и он его принял»⁶⁶.

После семи недель продовольственной блокады, на восьмой неделе, Новгород капитулировал. Однако эту победу Ивна III нельзя назвать чисто военной победой. Это

⁵⁹ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. Псковская II летопись. М., 2000 (далее П2Л). С. 57.

⁶⁰НІVЛ. С. 447-448.

⁶¹П2Л. С. 57.

⁶²Ермолинская летопись. С. 178.

⁶³ПЛЗ. С. 213.

⁶⁴Там же. С. 214.

⁶⁵П2Л. С. 57.

⁶⁶Там же.

была, в первую очередь, победа политическая, которой великий князь добился, сумев организовать такое сложное и дорогостоящее военное мероприятие, как осада Новгорода. Нельзя назвать справедливым утверждение о том, что Новгород был завоеван великим князем Иваном III в 1477-78 гг. Город не был взят штурмом. Иван III, въехав в покорившийся Новгород, «града же пленити не повеле»⁶⁷. Он не воспринимал случившееся как военную победу и как завоевание, в результате которого город отдается войску «на поток и разграбление». Это было не завоевание, а политическое присоединение, последствиями которого стали репрессии отдельных политических противников Ивана III и изменения в политическом управлении Новгородом и всей Новгородской землей.

Наиболее корректным будет, видимо, следующее утверждение: Новгород был присоединен Иваном III к Московскому государству в результате продолжительного и целенаправленного политического давления, с применением военной силы.

Подробное рассмотрение дошедших до нас источников о событиях 1471-78 гг. показало, что взгляд на Новгородскую республику XV века, как на государство с уже прочно установившимся олигархическим управлением, в котором все вопросы решались произволом бояр или договоренностями между ведущими боярскими группировками⁶⁸ является глубоко ошибочным. Анализ источников показывает, что до последних дней своего существования Новгородская республика оставалась архаичной народной, вечевой демократией, в которой именно вече было самой большой политической и военной силой, собственно, и принимавшей любое окончательное решение за государство Господин Великий Новгород.

⁶⁷Ермолинская летопись. С. 178.

⁶⁸Янин. В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С.490-494.

Библиография

Источники:

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Новгородская судная грамота. // Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953.

ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 1955.

ПСРЛ Т. VI. Софийские летописи СПб., 1853.

ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV. М.-Л., 1949.

ПСРЛ Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950.

Литература:

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009

Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке, М.-Л., 1961

Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.

Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати // История военного дела: исследования и источники. № 4. 2014.

Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV-начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В.В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. Т. 8. 2016.

Несин М. А. О локализации места Шелонской битвы московско-новгородской войны 1471 года" Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб., 2016.

Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 2001.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Сведения об авторе

Быков Александр Владимирович, кандидат исторических наук, г. Великий Новгород (Россия). Область научных интересов: военная и социальная история средневековой Руси.

E-mail: partizan007@yandex.ru

A. V. Bykov

**AFTER SHELON. SOME MILITARY AND POLITICAL ASPECTS OF THE LAST
YEARS OF NOVGOROD INDEPENDENCE**

Annotation: This article, based on sources, examines the military and political nuances of the events of the last years of Novgorod independence. The article examines the features of supplying Moscow troops and possible options for the capture of Novgorod by Moscow troops in 1471 and 1477, which influenced the decision-making of Ivan III and the Novgorodians. The question of the role of the veche and the boyars in decision-making in Novgorod in the 15th century is considered.

Keywords: Veliky Novgorod, annexation, siege, walls, towers, food, guns, army, militia, veche, live people, black people, boyars, prince, governor, mayor, archbishop, military leader, supply, politics, court, gifts, XV century.

References

Sources:

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Acts of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow-Leningrad, 1949. (In Russian).

Novgorodskaya sudnaya gramota [Novgorod judicial charter.] // Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2. Moscow, 1953. (In Russian).

PSRL. Vol. 4. CH. 1. Novgorodskaya IV letopis'. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. T.V. Vyp. 2. Pskovskiy letopisi. Moscow, 1955. (In Russian).

PSRL. Vol. 6. Cofijskiye letopisi. St. Peterburg, 1853. (In Russian).

PSRL. Vol. 23. Ermolinskaya letopis'. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV st. Moscow, 2004. (In Russian).

PSRL. Vol. 43. Novgorodskaya letopis' po spisku Dubrovskogo. Moscow, 2004. (In Russian).

Ustyuzhskiy letopisnyj svod (Arkhangelogorodskiy letopisets). Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Researches:

Alekseev YU. G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [the Campaigns of the Russian army under Ivan III]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Andreev V. F. Severnyj strazh Rusi. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. [Northern guardian of Russia. Essays on the history of medieval Novgorod]. Leningrad, 1989. (In Russian).

Bernadskij V. N. Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV veke. [Novgorod and the Novgorod land in the XV century] Moscow-Leningrad, 1961. (In Russian).

Kuz'mina N. N., Filippova L. A. Krepostnyye sooruzheniya Novgoroda Velikogo [Fortifications of Veliky Novgorod]. Sankt Peterburg., 1997. (In Russian).

Nesin M. A. Shelonskaya bitva 14 iyulya 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskih vojsk i uchastii zasadnoj tatarskoj rati [Shelon' battle of July 14, 1471: to the question of tactics of Moscow troops and participation of ambush Tatar army] // Istoriya voennogo dela. No. 4. 2014. (In Russian).

Nesin M. A. Iz istorii logistiki russkikh vojsk v XV — nachale XVI v. (otzyv na rabotu Penskogo V.V. «...I zapas pasli na vsyu zimu do vesny»: logistika v vojnakh Russkogo gosudarstva ehpokhi pozdnego Srednevekov'ya — rannego Novogo vremeni») [From the history of logistics of the Russian army in the XV — beginning of XVI century] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. No 8.2016. (In Russian).

Nesin M. A. Lokalizaciya shelonskoj bitvy i inyh boevyh dejstvij moskovsko-novgorodskoj vojny 1471 g. [Localization of Shelon' battle and other hostilities of the Moscow-Novgorod war of 1471] // Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy Sed'mrj Mezhdunarodnoj Nauchno-prakticheskoj konferencii 18-20 maya 2016 goda. Ch. 4. 2016. 2016. (In Russian).

Okulich-Kazarin N. F. Sputnik po drevnemu Pskovu [Satellite in ancient Pskov]. Pskov, 2001. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskiy posadniki [The Novgorod posadniks]. Moskva, 2003. (In Russian).

About the author

Bykov Alexandr V., PhD in History, V. Novgorod (Russia).

E-mail: partizan007@yandex.ru

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИОСАФАТЕ КУНЦЕВИЧЕ

Аннотация: в данной статье изложены основные факты биографии Иосафата Кунцевича на основании, главным образом, документов беатификационного процесса. Характеризуется его роль как униатского миссионера и проповедника. Автор статьи предпринял попытку понять мотивы Кунцевича и логику его действий в отношении той части православных верующих, которая не приняла унии. Поднимается вопрос, было ли убийство Кунцевича запланированным или же оно произошло спонтанно.

Ключевые слова: Иосафат Кунцевич, уния, православная церковь, Киевская митрополия, полоцкий архиепископ.

Иосафат Кунцевич – это одна из самых контраверсийных фигур в религиозной истории белорусских и украинских земель. Для римо- и греко-католиков это святой, символизирующий в своем лице единство христиан, тот, в честь которого названы храмы и чье имя носит монашеское объединение базилиан. Для православных же он является олицетворением вероотступничества, жестокости и фанатизма. Православной точке зрения тождественны взгляды многих российских историков. Так, еще в XIX в. С. М. Соловьев называл И. Кунцевича «человеком страстным», «фанатиком»¹. Тезис о его жестокости по отношению к противникам унии можно встретить и в современной историографии. Однако был ли в действительности он таким, каким его зачастую изображают на страницах научных трудов и публикаций популярного

характера, или же существующие оценочные суждения обусловлены конфессиональной предвзятостью и инерцией мышления авторов? Попробуем разобраться в этом вопросе максимально беспристрастно, опираясь на факты и сохранившиеся свидетельства современников.

Иосафат Кунцевич родился в городе Владимир Волынский в обедневшей шляхетской православной семье. Относительно даты его рождения в историографии нет единой точки зрения: по одной версии, он появился на свет в 1580 г., по другой – в 1584 г.² Его родителей звали Гавриил и Марина, отец входил в состав магистрата Владимира³. Род Кунцевичей, вероятно, происходил из Беларуси, обладал собственным гербом⁴.

Ребенок был крещен по восточному (православному) обряду с именем Иван. Уже в раннем детстве он пережил некий мистический

² М. М. Соловий и А. Г. Великий, ссылаясь на свидетельство близкого к Кунцевичу отца Г. Хмельницкого, делают вывод, что он родился в 1580 г. См.: *Соловий М. М., Великий А. Г. Святой Йосафат Кунцевич. Його життя і доба.* Торонто, 1967. URL: <https://dc.lviv.ua/gallery/bbloteka/4463-svyatiy-yosafat-kuncevich-yogo-zhittya-doba.html> (дата обращения: 08. 07. 2021). В свою очередь, «Православная энциклопедия» указывает 1584 г. как дату его рождения на основании того, что именно эта дата приводится в Житии Кунцевича, изданном в 1643 г. в Риме в связи с завершением процесса беатификации, а затем повторяется в подготовительных актах его канонизации середины XIX в. См.: *Корзо М. А. Иосафат Кунцевич // Православная энциклопедия.* Т. 39. М., 2015. С. 355.

³ Святой Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623–1628 рр.). Катехизм, укладений Йосафатом Кунцевичем. Правила і конституції, написані святим Йосафатом для своїх священників. Жовква, 2010. С. 91.

⁴ *Пануцэвіч В.* Сьвяты Язафат, архієпіскап полацкі. Полацк, 2000. С. 4-6.

¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 10. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/10_1 (дата обращения: 08. 07. 2021).

опыт, о чем впоследствии рассказывал своему духовнику отцу Геннадию Хмельницкому. Однажды вместе с мамой он пришел в церковь св. Параскевы, где был крещен. В притворе находилось распятие, и мальчик спросил, что оно означает. Мать пояснила ему, что это образ Иисуса Христа, который ради спасения всех людей сошел на землю, принял человеческое тело, был распят и умер на кресте. И. Кунцевич вспоминал: «*В ту минуту я физически почувствовал, как огненная искра пронзила меня внутренне; вследствие чего все церковные службы стали для меня наслаждением, я стал их изучать и почти за тридцать лет моей жизни не помню, чтобы я когда-нибудь пропустил Богослужение*»⁵.

Согласно свидетельству знавших его жителей Владимира, юный Иван Кунцевич много времени проводил в церкви, а также интересовался иконописью и даже сам пробовал писать иконы⁶.

Вероятно, накануне или сразу после заключения Брестской унии он переезжает в Вильно, чтобы учиться торговле у купца Я. Поповича, который, надо полагать, был другом или родственником его отца⁷. Тот факт, что юноша переселился в столицу ВКЛ, может косвенно свидетельствовать в пользу того, что род Кунцевичей был литовского (белорусского) происхождения.

Брестская уния вызвала широкий резонанс в тогдашнем обществе. Иван Кунцевич, как человек верующий, православный, также должен был определиться в своем отношении к ней. По свидетельству Г. Хмельницкого, «*Кунцевич сказал мне, что в Вильно он вначале обратился к Господу Богу и*

просил указать ему путь»⁸. Выбор был сделан в пользу унии, и, как оказалось, этому выбору он оставался верен всю свою жизнь.

Дом купца Я. Поповича, у которого жил юноша, находился недалеко от монастыря св. Троицы⁹, и Иван Кунцевич ходил туда молиться, а также пел в хоре. Дома и в лавке купца он читал духовные книги, не проявляя при этом особого рвения к занятию торговлей¹⁰. В Вильно Кунцевич познакомился также с иезуитами (Фабрициус Гроза Ковальский, Григорий Грушевский), а также с известным униатским богословом греком Петром Аркудием. Надо полагать, они оказали существенное влияние на его религиозные убеждения, познакомили его с западнохристианской традицией.

Иван Кунцевич не хотел посвящать свою дальнейшую жизнь торговле. Молодой человек выбрал иной путь и в 1604 г. вступил в монастырь св. Троицы, где принял постриг с именем Иосафат и в том же году был рукоположен в диаконы. Следует сказать, что монастырь св. Троицы в то время был в упадке, в нем жило лишь несколько монахов, из которых никто не мог стать для Иосафата Кунцевича духовным наставником. Ответы на интересующие его вопросы он искал в молитве и духовных книгах¹¹. Молодой монах поначалу вел уединенный образ жизни (по свидетельству современников, он три года вовсе не выходил из монастыря¹²), посвящая всё свое время молитве, чтению и переписыванию книг. В числе прочих он читал и переписывал труды Симеона Нового Богослова, Нила Сорского, исихастов¹³. Вероятно, под влиянием

8 Соловій М. М., Великий А. Г. Святий Йосафат Кунцевич. Його життя і доба.

⁹ Монастырь св. Троицы уже был униатским.

¹⁰ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 165.

¹¹ Сеник С. Духовный профиль св. Иосафата Кунцевича. С. 13-14.

¹² Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 116.

¹³ Сеник С. Духовный профиль св. Иосафата Кунцевича. С. 15-16.

⁵ Сеник С. Духовный профиль св. Иосафата Кунцевича. Минск, 1996. С. 3; Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623–1628 рр.). С. 157-158.

⁶ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623–1628 рр.). С. 91.

⁷ Пануцэвіч В. Сьвяты Язафат, архіяпіскап полацкі. С. 5.

последних он сам совершал так называемую умную молитву и в последующем советовал совершать ее некоторым монахам¹⁴.

Подобно христианским святым, о которых он мог прочитать в книгах, Кунцевич придерживался крайнего аскетизма: носил власяницу и железные пояса, часто спал на голой земле, бичевал себя, постился, а на протяжении нескольких лет пил только воду, вследствие чего приобрел тяжелую болезнь желудка¹⁵. Следует отметить, что некоторые аскетические подвиги Кунцевич практиковал на протяжении всей своей жизни, например, бичевание себя до крови¹⁶.

В начале своего монашеского пути Иосафат Кунцевич познакомился и подружился с Иваном Вельямином Рутским, в будущем митрополитом Иосифом – одним из самых выдающихся униатских митрополитов Русской церкви. Впоследствии Рутский вспоминал: *«Когда я сам, тогда еще светский человек (жил я в соседнем с монастырем доме, чтобы подготовиться к монастырской жизни) навещал его, он вел со мной беседы на духовные темы, прося объяснения или истин веры, или каких-то мест из Святого Письма. С того времени совсем не помню, чтобы он хоть раз сказал пустое слово, настолько был проникнут Богом и Божьими делами»*¹⁷. Как отмечал один из биографов Кунцевича, Рутский увидел в нем *«всё великолепие и достоинство Восточной Церкви»*¹⁸. Кунцевич повлиял на окончательное решение Рутского принять монашество¹⁹.

В 1609 г. митрополит Ипатий Потей рукоположил Иосафата Кунцевича в священники. В сане он проявил себя как самоотверженный пастырь: посещал больницы, тюрьмы, приюты для бедных, призывал

верующих к исповеди и сам много исповедовал (нередко до шести часов в день). Именно он принял исповедь в тюрьме у некоего гайдука Тупеко, приговоренного к смерти за попытку убийства митрополита Потей, и сопровождал его на эшафот²⁰.

Будучи приверженцем унии, Кунцевич не поддержал стремление тогдашнего архимандрита монастыря Св. Троицы Самуила Сенчило и некоторых монахов выйти из юрисдикции униатского митрополита Потей²¹. Во многом благодаря его противодействию монастырь остался в унии, став в последующем одним из ее оплотов в ВКЛ.

Кунцевич стал основателем новициата для подготовки монахов в Бытени (местечко вблизи Слонима в тогдашнем Новогрудском воеводстве). О значении его свидетельствует тот факт, что на протяжении XVII в. это был единственный на территории ВКЛ базилианский новициат. Помимо того, Кунцевича можно считать основателем Жировичского монастыря и популяризатором культа Жировичской иконы Божией Матери²². Согласно новейшим исследованиям, Кунцевич присутствует даже на гербе Жировичей. В композицию герба входит его изображение в образе святого, благословляющего иконой Жировичской Божией Матери стоящего на коленях короля Яна Казимира²³.

В июне 1614 г. Кунцевич получил титул архимандрита и был назначен митрополитом Рутским настоятелем монастыря св. Троицы в

²⁰ Пануцэвіч В. Сьвяты Язафат, архіепіскап полацкі. С. 25; Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 260.

²¹ Жихевич Т. Йосафат Кунцевич. С. 56-57.

²² Любопытно, что этот факт никак не упоминается ни в популярных брошюрах по истории монастыря, ни во время экскурсий, проводимых семинаристами, свидетелем чего был сам автор данных строк.

²³ Как отмечает белорусский историк Д. В. Лисейчиков, предыдущие варианты интерпретации композиции герба неубедительны. См.: Лисейчиков Д. В. «Окрестихь раба Божяго Ежефата»: практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской руси ВКЛ XVII–XVIII вв. Религия и русь, XV–XVIII вв. М., 2020. С. 262.

¹⁴ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Там же. С. 138-139.

¹⁷ Там же. С. 255 (перевод мой – Авт.).

¹⁸ Жихевич Т. Йосафат Кунцевич. Львів, 2011. С. 55.

¹⁹ Сенік С. Духовний профіль св. Йосафата Кунцевича. С. 17.

Вильно. Монастырь он возглавлял на протяжении трех лет и за этот период сумел восстановить церковь и начать какие-то другие ремонтные работы в обители. Кунцевич также сумел добиться освобождения монастыря св. Троицы от власти светских патронов²⁴.

Житийная традиция представляет Иосафата Кунцевича как образцового настоятеля монастыря, отличавшегося аскетизмом, нестяжательством и заботой о братии. Утром он сам будил монахов, первым шел в церковь, сам читал Псалтирь и пел во время службы, и всё это совершал с радостью и вдохновением²⁵. Во время его игуменства численность братии в монастыре возросла до примерно 60 человек, что свидетельствует об успехе его душпастьерской деятельности²⁶.

Кунцевич являлся ближайшим сподвижником униатского митрополита Иосифа Вельямина Рутского. В 1614 г. он сопровождал Рутского во время поездки в Киев. В Киеве Кунцевич в одиночку, несмотря на грозившую ему опасность, отправился в Киево-Печерский монастырь, где дискутировал с монахами на тему единства христиан. И хотя это не привело к присоединению Киево-Печерской обители к унии, о чем несомненно мечтал Кунцевич, но, надо полагать, способствовало некоторому ослаблению градуса напряженности между противниками и сторонниками унии, хоть и временно²⁷.

28 июня 1617 г. королевской грамотой Иосафат Кунцевич был назначен наместником (коадьютором) престарелого архиепископа Полоцкого Гедона Брольницкого. По сути он должен был возглавить вторую по значимости (после митрополичьей) епархию Киевской митрополии. 12 ноября 1617 г. в Вильно состоялась епископская хиротония Кунцевича,

а 9 января 1618 г. он прибыл в Полоцк. В том же году 90-летний Г. Брольницкий скончался, и Кунцевич возглавил Полоцкое архиепископство.

Кунцевич был сторонником «сильной» власти епископа в церкви, выступал против того, чтобы светские лица распоряжались церковным имуществом²⁸. В то время часть земель, принадлежавших полоцкой кафедре, по сути была захвачена шляхтой, и Кунцевич сразу же стал прилагать усилия по ее возвращению. Он стремился действовать прежде всего мирным способом (например, путем купли), а когда это было невозможно – обращался за помощью к властям или подавал иски в суд. Деятельность его в этом направлении была весьма успешной – в относительно короткие сроки ему удалось вернуть почти все церковную собственность на территории своей епархии²⁹.

В период своего пребывания на полоцкой кафедре он восстановил древний храм св. Софии в Полоцке, а также монастыри в Полоцке, Могилеве, Браславе, Мстиславле, Черее³⁰. Кунцевич ввел практику проведения ежегодных соборов духовенства епархии, на которых обсуждались проблемы церковной жизни, разбирались судебные дела³¹. По мнению некоторых исследователей, участие в соборах давало священникам осознание

²⁸ *Заславський В.* Йосафат Кунцевич: мученик за єдність чи папський фанатик? // Патріярхат. № 6 (421) 2010. URL: <https://web.archive.org/web/20110211172501/http://patriar.khat.org.ua/ukr/archive/article658;421/> (дата обращения: 07. 08. 2021).

²⁹ *Верниковская Е. А.* Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви // Славянский альманах. 2001. С. 28.

³⁰ *Кречун П.* Святий Йосафат Кунцевич (1580–1623) як свідок вири в контрверсії релігійної епохи // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2011. № 23. С. 17; *Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації.* С. 179.

³¹ *Верниковская Е. А.* Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви // Славянский альманах. 2001. С. 27.

²⁴ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 166.

²⁵ *Сеник С.* Духовный профиль св. Иосафата Кунцевича. С. 4.

²⁶ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 169.

²⁷ *Жихевич Т.* Иосафат Кунцевич. С. 70-72.

единства, ответственности за церковь³². Помимо того, Кунцевич совершал визитации приходов³³. Всё это способствовало упорядочению системы управления епархией и ее централизации.

С целью духовного просвещения клира и паствы Кунцевич подготовил и опубликовал «Катехизис»³⁴ на «руській мове», а также «Правила» для священников («Уставы для презвитеров»). В частности, «Правила» включали 48 пунктов, составленных в основном на основе «Кормчей книги», которые регулировали пастырскую деятельность священников, совершение ими богослужений и т. д. Они должны были способствовать повышению нравственного уровня духовенства, осознанию священниками своего призвания, искоренению недостатков в церковной жизни³⁵. Отметим, что Кунцевич предписывал, чтобы Таинства совершались бесплатно (духовенство могло принимать от верующих лишь добровольные пожертвования), священники регулярно проповедовали в церквях. Также он призывал духовенство и верующих чаще приступать к исповеди. Кунцевич отмечал в «Правилах» необходимость наказания светскими властями тех, кто не посещает церковные службы и не исповедуется³⁶.

Кунцевич был незаурядным миссионером и проповедником³⁷, получившим от противников унии прозвище «душехват», к которому, судя по всему, он относился с иронией³⁸. По свидетельству А. Селявы, в Вильно Кунцевич принимал участие в трех крупных диспутах, результатом чего стало принятие унии некоторыми представителями знати³⁹. Принято считать также, что он обратил в унию новгородского, а затем виленского воеводу Ф. Скумина-Тышкевича, смоленского каштеляна И. Мелешко, полоцкого воеводу М. М. Друцкого-Соколинского⁴⁰. Некоторые шляхтичи под влиянием Кунцевича оставили лютеранство, став православными (униатами)⁴¹. Следует отметить, что Кунцевич не получил систематического образования, не владел латынью и греческим. Он умел читать лишь на «русской мове» и на польском языке, однако природный ум и прекрасная память⁴² позволяли восполнить этот пробел. Рутский назвал его «библиотекой всех книг, прежде всего – Святых Отцов»⁴³. Талант красноречия давал возможность успешно использовать свои знания в проповедях и религиозных спорах. Один из современных биографов Кунцевича, Е. А. Верниковская, называет его «исключительным оратором», обладавшим

³² Соловій М. М., Великий А. Г. Святий Йосафат Кунцевич. Його життя і доба.

³³ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623–1628 рр.). С. 41.

³⁴ В Катехизисе давалось толкование Символа веры, молитв «Отче наш» и «Богородице Дево», были изложены десять заповедей, а также церковные заповеди, назывались дела милосердия, которые может совершать христианин, перечислялись дары Св. Духа, Таинств, семь смертных грехов и др. Подробнее: Корзо М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. С. 409–429.

³⁵ Верниковская Е. А. Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви. С. 27.

³⁶ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623–1628 рр.). С. 301.

³⁷ Один из современных биографов Кунцевича, Е. Верниковская, называет его «исключительным оратором», обладавшим «удивительным даром красноречия, ясности и понятности изложения». Верниковская Е. А. Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви. С. 28.

³⁸ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 169.

³⁹ Там же. С. 149.

⁴⁰ Корзо М. А. Иосафат Кунцевич // Православная энциклопедия. Т. 39. С. 356.

⁴¹ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 122.

⁴² Там же. С. 262.

⁴³ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації С. 39.

«удивительным даром красноречия, ясности и понятности изложения»⁴⁴.

Кунцевич полемизировал со своими оппонентами и посредством печатного слова. Выше уже упоминалось его авторство «Катехизиса» и «Правил». По мнению части историков, Кунцевич также является автором труда «*O fałszowaniu listów słowenskich od obrońców i учителей, вере, церкви противных, послушенству его милости отца митрополита, и о негодах их в наоуце, выдано з друков виленского братского, острожского и львовского*» (ок. 1611–1613 гг.). В этом труде рассматривались расхождения в толковании догматов, содержащиеся в различных изданиях православных братских типографий. Возможно, что И. Кунцевич является одним из создателей (вместе с Львом Кревзой) полемического трактата в защиту унии под названием «*Obrona jedności*», который вышел в 1617 г. в Вильно. Помимо того, Кунцевич раздавал различные духовные книги, в том числе противникам унии из числа православных, а также протестантам⁴⁵.

Однако несмотря на определенные успехи в деле распространения унии, практически изначально, с момента своего назначения на кафедру Кунцевич столкнулся с сопротивлением ему со стороны по крайней мере части верующих. В октябре 1618 г. жители Могилева не впустили архиепископа в город, угрожая убить его, если он появится вновь⁴⁶. Вероятно, их непослушание было вызвано не только неприятием унии, но и тем обстоятельством, что в городе действовало братство, не желавшее отказываться от своих прав в пользу епископа. В конфликте города с

Кунцевичем королевская власть полностью поддержала последнего, рассматривая его как законного (назначенного королем) архиепископа. Суд приговорил лидеров сопротивления к смерти, на город был наложен штраф, а в течение шести недель все церкви и монастыри должны были перейти под власть полоцкого архиепископа⁴⁷. Таким образом, конфликт завершился победой Кунцевича. Любопытно, что он заступился за приговоренных к смертной казни жителей Могилева, прося власти помиловать их⁴⁸.

После того, как в 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан восстановил иерархию для той части православных, что не приняли унию, и рукоположил в архиепископа полоцкого Мелетия Смотрицкого, положение Кунцевича значительно осложнилось⁴⁹. В довершение к тому и сам М. Смотрицкий, претендовавший теперь на полоцкую кафедру, был личностью незаурядной, талантливым полемистом, не уступавшим Кунцевичу. Из Вильно он начал рассылать послания, в которых объявлял себя законным полоцким владыкой, обвинял Кунцевича в латинстве и призывал изгнать его с кафедры. Следует отметить, что это обвинение не соответствовало действительности, так как нет никаких фактов в пользу того, что Кунцевич, воспитанный на восточном богослужении, намеревался перейти в латинский обряд или того больше – сделать «римлянами» свою паству. Возможно, Смотрицкий намеренно лгал с целью дискредитации своего соперника, а возможно, что и сам он был убежден в отступничестве Кунцевича.

Воззвания М. Смотрицкого, а также отсутствие в 1621 г. Кунцевича в

⁴⁴ Верниковская Е. А. Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви. С. 28.

⁴⁵ Святой Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 93, 115, 126.

⁴⁶ Определение короля Сигизмунда III по делу между Полоцким архиепископом Иосафатом Кунцевичем и Могилевскими православными мещанами 22 марта 1619 г. // Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 9. № 58. Вильна, 1878. С. 159–165.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Жихевич Т. Йосафат Кунцевич. С. 84.

⁴⁹ Для православия характерна епископоцентричность. Одно дело – когда паства оказывает сопротивление правящему епископу, пусть и находящемуся в унии. Совсем другое дело – когда это сопротивление возглавляет духовное лицо, претендующее на то, что является законным архиепископом.

архиепископстве (он находился в Варшаве на сейме) де-факто привели к утрате им своей власти над значительной частью Полоцкого архиепископства. Рутский писал, что почти всё оно вышло из-под подчинения Кунцевичу⁵⁰. Ситуация стала настолько серьезной, что в нее вынуждены были вмешаться высшие церковные и светские власти Речи Посполитой. 12 марта 1621 г. митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси Иосиф Вельямин Рутский вызвал Смотрицкого в церковный суд, а после того, как тот данный вызов проигнорировал, 22 марта предал М. Смотрицкого анафеме. В тот же день король Сигизмунд III объявил, что Смотрицкий, Борецкий и другие лидеры неуниатов рукоположены шпионом турецкого султана, являются предателями, которые должны быть схвачены, заключены в тюрьму и наказаны.

После возвращения Кунцевича из Варшавы на свою кафедру в Полоцке был публично зачитан королевский привилей о том, что именно он является законным полоцким архиепископом, который находится в унии с Римской церковью. Это вызвало волнения в Полоцке, сам Кунцевич едва не был убит при этом⁵¹. Однако это не сломило его решимости, и он начал восстанавливать свою власть над епархией.

В борьбе за общественное мнение Кунцевич проигрывал Смотрицкому и лагерю противников унии в целом. Любое его действие, отличающееся от традиционных представлений о поведении православного епископа, интерпретировалось его оппонентами как проявление приверженности к латинству. Так, демонтаж четырех из пяти башен храма Св. Софии во время ремонта был истолкован частью верующих как отход от «греческой веры»⁵². Как предательство православия воспринималось введение им

некоторых элементов Латинской церкви в восточный обряд, например, празднование Непорочного Зачатия Божией Матери⁵³, а также направление на учебу в иезуитские школы некоторых монахов⁵⁴. Кунцевич даже направлял жителям Витебска послание, в котором уверял их, что не будет менять церковный обряд. Однако это послание не было обнародовано нотариусом Григорием Боничем⁵⁵, что, возможно, способствовало убийству Кунцевича.

Среди православных, не принявших унии, сформировался отрицательный образ полоцкого архиепископа, который наделялся даже в какой-то мере inferнальными чертами. Так, на заседании сейма Л. Древинский – один из православных шляхтичей Вольни обвинил Кунцевича в том, что будто бы по его распоряжению были выкопаны из могил тела православных, не принявших унии, и брошены на съедение собакам.⁵⁶ Каких-либо доказательств, что эта дикость была в действительности, нет. Не коррелирует это и с образом Кунцевича, его поведением, свидетельствами современников о нем. По мнению одного из современных

⁵³ Там же. С. 182.

⁵⁴ Святой Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 127. Кунцевич на это обвинение отвечал образно, что если дома нет огня, то его приходится просить у соседа (там же).

⁵⁵ Там же. С. 216.

⁵⁶ Это обвинение не критично принял М. О. Коялович. См.: *Коялович М. О.* Литовская церковная уния. Т. 2. СПб., 1861. С. 127. Как аксиому его повторяют и некоторые современные авторы, даже не приводя ссылок на источник информации См.: *Рымко В. Г.* Матэрыялы аб полацкіх архіепіскапах Ясафаце Кунцэвічы і Мялецці Смятрыцкім на старонках беларускіх епархіяльных ведамасцей другой паловы XIX – пачатку XX ст. // *Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17-18 красав. 2014г.: у 2 ч. Ч. 2.* Наваполацк, 2014. С. 131.

⁵⁰ Святой Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 42.

⁵¹ Святой Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації С. 96-97.

⁵² Там же. С. 117.

исследователей, уже в ту эпоху это обвинение не было принято всерьез⁵⁷.

Восстанавливая свою власть над Полоцкой епархией, Кунцевич действовал решительно и бескомпромиссно. Были закрыты все храмы, не принявшие унии, а их имущество передано униатам⁵⁸. Православные, не принявшие унии, были вынуждены отправлять свои богослужения в поле или возводить для этого отдельные строения, как это имело место в Витебске. Передавать им какие-то церкви (или одну церковь) Кунцевич категорически отказывался. Таким образом, противники унии вытеснялись на маргиналы общественной жизни. Безусловно, с их точки зрения, Кунцевич поступал несправедливо, лишая их храмов и возможности молиться в них. Вдобавок он воспринимался ими как нелегитимный архиепископ (после хиротонии М. Смотрицкого в 1620 г.) и приверженец латинства.

Нам, живущим в XXI в., деятельность Кунцевича может показаться примером нетолерантного отношения к религиозным оппонентам. Однако его деятельность необходимо рассматривать в контексте эпохи, а под таким углом зрения ситуация выглядит сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Кунцевич считал себя законным архипастырем, одной из обязанностей которого, согласно епископской присяге, являлась защита вверенных ему церквей.

⁵⁷ *Заславський В. Йосафат Кунцевич: мученик за єдність чи папський фанатик? // Патріярхат. № 6 (421). 2010.*

URL:

<https://web.archive.org/web/20110211172501/http://patriarh.org.ua/ukr/archive/article;658;421/> (дата обращения: 08. 07. 2021).

⁵⁸ *Верніковская Е. А. Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви С. 33; Вернікоўская А. Супраціў прываслаўнага насельніцтва Полацкай епархіі ўвядзенню уніі // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1-2. URL: <http://www.belhistory.eu/alena-verniko%D1%9Eskaya-supraci%D1%9E-pravasla%D1%9Enaga-naselnictva-polackaj-eparhii-%D1%9Evyadzennyu-unii/> (дата обращения: 08. 07. 2021).*

Следует учитывать, что, в отличие от нашей эпохи, когда православная и католическая церкви видят друг в друге церквей-сестер, в эпоху Кунцевича воззрения были другими. Православных, не принимавших унии и не признававших его законным полоцким владыкой, он считал схизматиками. Передавать им церкви (или даже одну церковь) для него было неприемлемо. Он был убежден, что в таком случае будет виноват перед Богом и поступит вопреки своей совести. Непреклонность Кунцевича могла укрепляться примерами из житийной литературы, которую он читал с юности и прекрасно знал.

Кунцевич уверял, призывая в свидетели Бога, что «никаким примером жизни, никаким острым поступком не отталкивал от себя полочан и других прихожан моих, тем более не выявится даже наименьшей суровости моей, которой дал бы повод к разжиганию душ бунтующих». Он писал Льву Сапеге: «чтобы я кого насильственно к Унии принудил, этого никогда не выявится»⁵⁹. Действительно, он не использовал вооруженную силу для отстаивания своих позиций, не инициировал погромы православных, не призывал к убийствам оппонентов, действуя лишь словом⁶⁰. В то же время в Полоцкой епархии имели место случаи избиения униатских священников и слуг архиепископа, противодействия совершению униатских богослужений. Из многих церквей, которые православные были вынуждены передать униатам, было вынесено всё имущество⁶¹.

Неоднократно предпринимались попытки убийства Иосафата Кунцевича. Так, в

⁵⁹ *Эпісталацыя Сьвятога Язафата: збор дакумэнтаў / Уклад. і апрац. М. Баўтовіча. Полацак, 2006. С. 89.*

⁶⁰ *Заславський В. Йосафат Кунцевич: мученик за єдність чи папський фанатик?*

⁶¹ *Вернікоўская А. Супраціў прываслаўнага насельніцтва Полацкай епархіі ўвядзенню уніі // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1-2; Рашеніе Комісарскага суда па делу аб убіенні Полоцкага уніатскага архіепіскапа Іосафата Кунцевіча // Вітэбская старына Т. 1. / сост. А. П. Сапунов. Вітэбск, 1883. С. 227.*

1621 г. в Витебске на праздник Троицы, во время крестного хода, шляхтич Василевский намеревался столкнуть архиепископа в реку, но духовенство помешало осуществлению этого⁶². В 1622 г. Адам Косов хотел застрелить Кунцевича в церкви, когда тот во время своей проповеди осудил М. Смотрицкого, но пистолет не выстрелил. Как отмечалось выше, Кунцевич едва не был убит в Полоцке после обнаружения королевских универсалов. Некто Масальский хотел убить Кунцевича в Мстиславле⁶³. Судя по сохранившимся сведениям, сам Кунцевич покушения на свою жизнь воспринимал мужественно. Он отказался от того, чтобы во время поездки в Витебск его сопровождал отряд вооруженной шляхты, сказав, что надеется на Бога⁶⁴. Кунцевич отдавал себе отчет, что его могут убить, и накануне своего отъезда в Витебск распорядился приготовить для себя гроб в Полоцке⁶⁵. Кунцевич считал, что его гибель станет жертвой за единство христиан, а сам он – мучеником⁶⁶.

Убийство Иосафата Кунцевича довольно подробно описано в литературе⁶⁷. Вместе с тем, известные факты не дают четкого ответа на вопрос: было ли это убийство спланированным или же оно стало результатом стихийных действий православного охлоса, остро прореагировавшего на задержание слугами Кунцевича священника Ильи. О

существовании заговора против Кунцевича с целью его убийства заявлял митрополит Рутский⁶⁸. В пользу того, что убийство планировалось, может в определенной мере также свидетельствовать следующее. Среди толпы, захватившей резиденцию Кунцевича, были люди, принесшие с собой солому и хворост⁶⁹. Лидеры оппозиции архиепископу из числа жителей Витебска накануне убийства покинули город (возможно, с целью алиби). Кроме того, о том, что в отношении Кунцевича существует заговор, его предупредил один из бурмистров Витебска⁷⁰.

Дальнейшие события известны. Кунцевич был убит 12 ноября 1623 г. Вскоре специально созданная королевская комиссия покарала виновных (тех, кто попал в руки правосудия), подвергся наказанию и сам город Витебск. Кунцевич же был беатифицирован Римом (1643 г.), а спустя время – канонизирован (1867 г.). Мощи его после многих перипетий оказались в Риме, где и пребывают в настоящее время в храме св. Петра.

Итак, кто же он был? Представляется, что Иосафат Кунцевич являлся искренним христианином и ревностным пастырем, сформировавшимся в восточнохристианской традиции (православии), но не чуждым влиянию и традиции западнохристианской. Он был убежден в истинности унии, ее соответствии воле Божией и действовал исходя из этих убеждений. Православных, не принявших унию, он считал схизматиками и занимал в их отношении твердую и бескомпромиссную позицию, категорически отказываясь передавать им храмы. Несмотря на симпатии к некоторым элементам латинского

⁶² *Пануцэвіч В.* Сьвяты Язафат, архіепіскап полацкі. Полацак, 2000. С. 65.

⁶³ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 221.

⁶⁴ Там же. С. 95.

⁶⁵ Там же. С. 48.

⁶⁶ По свидетельству Рафаила Корсака, Кунцевич неоднократно говорил: «Я не желаю себе лучшей смерти как погибнуть за святую правду» См.: Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації. С. 159. Шляхтичу Жерницкому он написал ему следующее: «Я смерти не боюсь. Дай, Боже, мне такое счастье, чтобы я заслужил себе венец мученичества». (Там же. С. 210-211).

⁶⁷ *Жукович П. Н.* Убийство Иосафата Кунцевича // Христианское чтение. 1907. № 9. С. 277-312; *Паўлаў М.* Забойства Іасафата Кунцэвіча. Віцебск, 1996. 36 с.

⁶⁸ Святий Йосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації, С. 43.

⁶⁹ *Соловій М. М., Великий А. Г.* Святий Йосафат Кунцевич. Його життя і доба.

⁷⁰ *Жукович П. Н.* Убийство Иосафата Кунцевича. С. 284-285. Хотя Жукович сомневается в достоверности этого свидетельства, но его достоверность не стоит исключать.

обряд, Кунцевич не был тайным римокатоликом и не собирался переводить в латинский обряд свою паству. Своя правда была и у его оппонентов, не желавших лишаться своих церквей в пользу униатов и превращаться в перспективе в некую маргинальную религиозную группу. Действия как Кунцевича, так и противников унии следует

рассматривать в контексте той эпохи, для которой была свойственна нетерпимость в религиозных вопросах, убежденность каждой из сторон в собственной правоте и использование жестких, в том числе и насильственных, методов в религиозной борьбе.

Библиография

Источники:

Определение короля Сигизмунда III по делу между Полоцким архиепископом Иосафатом Кунцевичем и Могилевскими православными мещанами 22 марта 1619 г. // Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 9. Вильна, 1878.

Решение Комиссарского суда по делу об убийстве Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича // Витебская старина. Т. 1. / сост. А. П. Сапунов. Витебск, 1883.

Святой Иосафат Кунцевич: документи щодо беатифікації (1623–1628 рр.). Катехизм, укладений Іосафатом Кунцевичем. Правила її конституції, написані святим Іосафатом для своїх священників. Жовква, 2010. 324 с.

Епістоляція Сьвятога Язафата: збор дакументаў / Уклад. і апрац. М. Баўтовіча. Полацк, 2006. 144 с.

Литература:

Верниковская Е. А. Иосафат Кунцевич (1580–1623), Полоцкий архиепископ греко-католической церкви // Славянский альманах. 2001. С. 20-41.

Вернікоўская А. Супраціў прываслаўнага насельніцтва Полацкай епархіі ўвядзенню уніі // Беларускі гістарычны агляд. 2001. Т. 8. Сш. 1-2. URL: <http://www.belhistory.eu/alena-verniko%D1%9Eskaya-supraci%D1%9E-pravasla%D1%9Enaga-naselnictva-polackaj-eparxii-%D1%9Evadzennyu-unii/> (дата 08. 07. 2021).

Жихевич Т. Іосафат Кунцевич. Львів, 2011.

Жукович П. Н. Убийство Иосафата Кунцевича // Христианское чтение. 1907. № 9. С. 277-312.

Заславський В. Іосафат Кунцевич: мученик за єдність чи папський фанатик? // Патріярхат. 2010. № 6 (421).

URL:<https://web.archive.org/web/20110211172501/http://patriyarkhat.org.ua/ukr/archive/article;658;421/> (дата обращения: 08. 07. 2021).

Корзо М. А. Иосафат Кунцевич // Православная энциклопедия. Т. 39. М., 2015. С. 355-359.

Корзо М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. 672 с.

Коялович М. О. Литовская церковная уния. СПб., 1861. Т. 2. 443 с.

Кречун П. Святой Іосафат Кунцевич (1580–1623) як свідок вири в контрверсії релігійної епохи // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2011. № 23. С. 13-19.

Лисейчиков Д. В. «Окрестихъ раба Божаго Ежефата»: практика имянаречения в честь Иосафата Кунцевича как маркер самоидентификации униатской руси ВКЛ XVII–XVIII вв. // Религия и русь, XV–XVIII вв. М., 2020. С. 256-269.

Пануцэвіч В. Сьвяты Язафат, архіепіскап полацкі. Полацк, 2000. 268 с.

Паўлаў М. Забойства Іасафата Кунцэвіча. Віцебск, 1996. 36 с.

Рымко В. Г. Матэрыялы аб полацкіх архіепіскапах Ясафаце Кунцэвічы і Мялецці Сматрыцкім на старонках беларускіх епархіяльных ведамасцей другой паловы XIX – пачатку XX ст. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: у 2 ч. Ч. 2. Наваполацк, 2014. С. 131-135.

Сеник С. Духовный профиль св. Иосафата Кунцевича. Минск, 1996. 32 с.

Соловій М. М., Великий А. Г. Святий Йосафат Кунцевич. Його життя і доба. Торонто, 1967.
URL: <https://dc.lviv.ua/gallery/bbloteka/4463-svyatiy-yosafat-kuncevich-yogo-zhittya-doba.html> (дата обращения: 08. 07. 2021).

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovjev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/10_1 (дата обращения: 08. 07. 2021).

Сведения об авторе

Веремеев Сергей Федорович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Гомель, Беларусь). Область научных интересов: история христианства в Восточной Европе, история униатской церкви в Восточной Европе.

E-mail: sergeiveremeev86@gmail.com.

S. F. Veremeev

ONCE AGAIN ABOUT JOSAPHAT KUNTSEVICH

Annotation: This article sets out the main facts of the biography of Josaphat Kuntsevich based mainly on the documents of the beatification process. His role as a Uniate missionary and preacher is characterized. The author of the article made an attempt to understand the motives of Kuntsevich and the logic of his actions in relation to that part of the Orthodox believers who did not accept the union. The question is raised whether the murder of Kuntsevich was planned or it happened spontaneously.

Keywords: Josaphat Kuntsevich, union, Orthodox Church, Kiev Metropolis, Polotsk Archbishop.

References

Sources:

Opređenje korolya Sigizmunda III po delu mezhdru Polotskim arkhiepiskopom Iosafatom Kuntsevichem i Mogilevskimi pravoslavnyimi meshchanami 22 marta 1619 g. [Determination of King Sigismund III in the case between Polotsk Archbishop Josaphat Kuntsevich and Mogilev Orthodox philistines on March 22, 1619]. Akty, izdavaemye Vilenskoj arkheograficheskoj komissiei. Vol. 9. Vil'na, 1878.

Reshenie Komissarskago suda po delu ob" ubienii Polockago uniackago arhiepiskopa Iosafata Kuntsevicha [Decision of the Commissioner's Court in the case of the murder of the Polotsk Uniate Archbishop Iosaphat Kuntsevich]. Vitebskaya starina. Vol. 1. Comp. by A. P. Sapunov. Vitebsk, 1883.

Svyatij Josafat Kuncsevich: dokumenti shchodo beatifikacii (1623–1628 rr.). Katekhizm, ukladenij Josafatom Kuncsevichem. Pravila i konstitucii, napisani svyatim Josafatom dlya svoih svyashchenikov [Saint Josaphat Kuntsevich: documents on beatification (1623–1628). Catechism concluded by Josafat Kuntsevich. The rules of its constitution, written by St. Jehoshaphat for his priests]. Zhovkva, 2010. (In Ukrainian).

Epistalyacyya S'vyatoga Yazafata: zbor dokumentau [Epistling of St. Josaphat: a collection of documents]. Uklad. i aprac. M. Bautovicha. Polacak, 2006. (In Belorussian).

Researches:

Vernikovskaya E. A. Iosafat Kuntsevich (1580–1623), Polotskii arkhiepiskop greko-katolicheskoi tserkvi [Josaphat Kuntsevich (1580–1623), Polotsk Archbishop of the Greek Catholic Church]. Slavyanskii al'manakh. 2001. (In Russian).

Vernikouskaya A. Supraciu pravaslounaga nasel'nictva Polackaj eparhii uvyadzennyu unii [The resistance of the Orthodox population of the Polotsk diocese to the introduction of the union]. Belaruski gistorychny aglyad. 2001. Vol. 8. Ssh. 1-2. URL: <http://www.belhistory.eu/alena-verniko%D1%9Eskaya-supraci%D1%9E-pravasla%D1%9Enaga-nasel'nictva-polackaj-eparxii-%D1%9Evyadzennyu-unii/> (accessed: 08. 07. 2021). (In Belorussian).

Zhihevich T. Josafat Kunceovich [Josaphat Kuntsevich]. L'viv, 2011. (In Ukrainian).

Zhukovich P. N. Ubiistvo Iosafata Kuntsevicha [The murder of Josaphat Kuntsevich]. Khristianskoe chtenie. No 9. 1907. (In Russian).

Zaslavs'kij V. Josafat Kunceovich: muchenik za ednist' chi paps'kij fanatic? [Josaphat Kuntsevich: a martyr for unity or a papal fanatic?]. Patriyarhat. No. 6 (421). 2010. URL: <https://web.archive.org/web/20110211172501/http://patriyarkhat.org.ua/ukr/archive/article;658;421/> (accessed: 08. 07. 2021). (In Ukrainian).

Korzo M. A. Iosafat Kunceovich [Josaphat Kuntsevich]. Pravoslavnaia enciklopediya. Vol. 39. Moscow, 2015. (In Russian).

Korzo M. A. Ukrainskaya i belorusskaya katekheticheskaya traditsiya kontsa XVI – XVIII vv.: stanovlenie, evolyutsiya i problema zaimstvovaniia [Ukrainian and Belarusian catechetical tradition of the late XVI – XVIII centuries: formation, evolution and the problem of borrowing]. Moscow, 2007. (In Russian).

Koyalovich M. O. Litovskaya tserkovnaya uniya [Lithuanian Church Union]. Vol. 2. St. Petersburg, 1861. (In Russian).

Krechun P. Svyatij Josafat Kunceovich (1580–1623) yak svidok viri v kontroversii religijnoi epohi [St. Josaphat Kuntsevich (1580–1623) as a witness to the vortex in the controversy of the religious era]. Naukovij visnik Volins'kogo nacional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïнки. No. 23. 2011. (In Ukrainian).

Liseichikov D. V. “Okrestikh raba Bozhago Ezhefata”: praktika imyanarecheniya v chest' Iosafata Kunceovicha kak marker samoidentifikatsii uniatskoi rusi VKL XVII–XVIII vv. [“Baptizing Servant of God Ezhephat”: the practice of naming in honor of Josaphat Kuntsevich as a marker of self-identification of the Uniate Rus GDL XVII–XVIII centuries]. Religiya i rus', XV–XVIII vv. M., 2020. (In Russian).

Panucevich V. S'vyaty Yazafat, arhiyapiskap polacki [St. Josaphat, Archbishop of Polotsk]. Polacak, 2000. (In Belorussian).

Paulau M. Zaboystva Iosafata Kunceovicha [The murder of Josaphat Kunceovich]. Vicebsk, 1996. (In Belorussian).

Rymko V. G. Materyaly ab polackih arhiepiskapah Yasaface Kunceovichy i Myalecii Smatryckim na staronkah belaruskikh eparhial'nyh vedamascej drugoj palovy XIX – pachatku XX st. [Materials about the Polotsk archbishops Iosafat Kuntsevich and Myaletia Smatrytski on the pages of the Belarusian diocesan records of the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries]. Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavyh i mizhdyscyplinarnykh dasledavannyau: zb. navuk. art. II mizhnar. navuk. kanf., Polack, 17–18 krasav. 2014 g.: u 2 ch. Part 2. Navapolack, 2014. (In Belorussian).

Senik S. Dukhovnyi profil' sv. Iosafata Kuntsevicha [Spiritual profile of St. Josaphat Kuntsevich]. Minsk, 1996. (In Russian).

Solovij M. M., Velikij A. G. Svyatij Josafat Kuncsevich. Jogo zhittya i doba [Saint Josaphat Kuntsevich. His life and days]. Toronto, 1967. URL: <https://dc.lviv.ua/gallery/bbloteka/4463-svyatij-yosafat-kuncsevich-yogo-zhittya-doba.html> (accessed: 08. 07. 2021). (In Ukrainian).

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia since ancient times]. Vol. 10. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/10_1 (accessed: 08. 07. 2021). (In Russian).

About the author

Veremeev Sergey F., PhD, Associate Professor, Associate Professor Department of Philosophy and Special Historical Disciplines, Gomel State University named after Francis Skorina, Gomel (Belarus). Research interests: the history of Christianity in Eastern Europe, the history of the Uniate Church in Eastern Europe.

E-mail: sergeiveremeev86@gmail.com

СЛУЧАИ МИФОЛОГИЗАЦИИ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ XVI–XVII ВЕКОВ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассмотрено три случая мифологизации астрономических феноменов в XVI–XVII веках. Дан анализ мифологической трактовки с позиции дискурса сверхъестественного и паранормального предполагаемого падения метеорита под Москвой в 1582 году, случая падения метеорита в поселке Новая Ерга в 1662 году и неуточненного феномена на озере Робозеро в 1663 году. На основании первичных сообщений и свидетельств современников реконструирована модель восприятия феномена в рамках сознания традиционного общества. На основании современных трактовок в СМИ предложена модель развития мифологизации астрономических феноменов в рамках дискурса постмодерна. Результаты исследования могут быть полезны для рассмотрения феномена мифологизации истории в целом.

Ключевые слова: история астрономии, мифологизация астрономических явлений, суеверия, паранаучные трактовки истории, дискурс сверхъестественного, метеориты, аэролиты, мифологизация истории, дологические объяснения природных явлений.

Вопрос о значимости феномена сверхъестественного для традиционного сознания неоднократно поднимался в исследованиях в области антропологии и стал одним из ключевых для концептуального подхода французского философа и антрополога Л. Леви-Брюля¹. Важно вспомнить, что ключевым объектом исследований в данном случае являлось мировосприятие культур,

находящихся, по определению Л. Леви-Брюля, на дологическом уровне мышления. Вместе с этим мы можем отслеживать не только сохранение веры в сверхъестественное и паранормальное в течение всего времени существования и развития человеческого общества вплоть до современности, но и достаточно своеобразную трансформацию моделей и паттернов мифологизации объектов и явлений в рамках парадигмы сверхъестественного. Этот феномен безусловно требует отдельного рассмотрения, и в этой статье мы предпримем попытку сделать шаг к исследованию трансформации моделей восприятия паранормального и сверхъестественного по мере изменения социально-культурного пространства.

Обозначенная нами задача является фундаментальной по своему объему, и это требует сосредоточения на частных случаях проявления рассматриваемых феноменов. В этой статье мы обратимся к явлению, которое присутствует в большинстве культур и мифологических систем — исключительному вниманию к астрономическим явлениям. Общеизвестной является такая практика как астрология, и зависимость астрологических взглядов от развития науки описана уже достаточно давно². Однако, помимо попыток институционализировать мифологизацию астрономических явлений, что мы можем видеть в случае с астрологией, присутствует также исключительная по своей сущности практика частного восприятия

¹Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

²Щанов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия. URL: http://sergeyhry.narod.ru/txt/shapov_a_p/shapov_t1_07.htm (дата обращения 20.07.2021)

астрономических явлений. Источники, связанные с подобными практиками, оказываются исключительными, так как демонстрируют не только значение, которое придается свидетелями исключительным астрономическим явлениям, но и позволяют «взглянуть на события глазами свидетелей». И в данном случае мы можем предположить, что для изучения мифологического сознания важнее не столько «то, что описывается», сколько «как это описывается».

Таким образом, в этой статье нашей задачей становится рассмотрение трех кейсов, связанных с личным и в известной степени субъективным описанием астрономических феноменов. Все эти случаи относятся к XVI–XVII векам – и такая выборка не случайна: А. П. Щапов в своей работе «Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия» отмечает, что именно в это время начала происходить трансформация от исключительно мифологического («дологического» в терминологии Л. Леви-Брюлля) к рациональному осмыслению таких феноменов³. Одновременно с этим в работе «“Подтверждаемые знамения”»: к проблеме мифологизации астрономических явлений⁴ нами было показано, что астрономические явления играют для мифологического сознания исключительную роль: соотнесение в массовом сознании такого феномена с реальным историческим событием в качестве его знамения «поддерживает» мифологическое сознание.

В данной статье нами будет рассмотрен случай предполагаемого проявления аэролита в окрестностях Москвы в 1582 году, случай предполагаемого падения метеорита в поселении Новая Ерга⁵ в 1662 году и неуточненный астрономический феномен в

районе озера Робозеро⁶ в 1663 году. При рассмотрении этих событий главной задачей для нас будет исследование восприятия их очевидцами как имеющих сверхъестественный характер.

Предполагаемое падение аэролита неподалеку от Москвы в 1582 году становится самой курьезной по освещению в источниках частью нашего исследования. Так, занимавшийся исследованием астрономических проблем в Древней Руси Д. О. Святский⁷ не смог найти подтверждений этому событию. Главным источником для Святского была «История Государства Российского» Н. М. Карамзина⁸. Карамзин же, в свою очередь, ссылается на работу Paullus Oderbornius “Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita” (Павел Одерборн. «Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московского»)⁹. Это сравнительно малоизвестный текст, который не переводился на русский язык (оригинал – латиноязычный, но известны также и немецкие издания) – и, по мнению И. И. Полосинина, высказанному в статье «Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном»¹⁰, этот текст нельзя считать достоверным, так как сам Одерборн использовал в своей работе огромное количество легенд и слухов (в том числе собранных им лично) и занимал по отношению к Грозному откровенно негативную позицию. Однако, такая специфика происхождения сообщения об астрономическом явлении ни в коем случае не обесценивает его для нашей работы. Если Одерборн использовал в своей работе слухи и легенды, с которыми он

⁶На данный момент озеро Заробозеро, Вологодская область.

⁷Святский Д. О. Падение метеоритов в Белозерском крае 29 ноября (9 декабря) 1662 г. URL: <https://www.meteorites.ru/menu/encyclopaedia/erga2.html> (дата обращения: 24.07.2021)

⁸Карамзин Н. М. История государства Российскаго. Т. 9. СПб., 1821. С. 216-217. Примеч. 603.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰Полосинин И. И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Oderborn/pred.phtml> (дата обращения: 24.07.2021)

³Там же.

⁴Ван Хааске Л. А. «“Подтверждаемые знамения”»: к проблеме мифологизации астрономических явлений // *Filo Ariadne*. № 2. 2021. URL: filoariadne.esrae.ru/24-392 (дата обращения: 26.07.2021)

⁵На данный момент село Воскресенское, Череповецкий район Вологодской области.

сталкивался сам – это отлично показывает мифологическую среду, существовавшую в конце XVI века. Если же Одерборн использовал искусственно сконструированный (возможно, им самим) эпизод для демонстрации сложившейся ситуации мифологизации – можно допустить, что это в такой же степени отражает степень мифологизации.

Позволим себе привести целиком описание изначального феномена в том виде, в котором его приводит Карамзин¹¹. «Не далеко от города Налио (вѣроятно, Налеескъ, или Замоскворѣцкой слободы) трое мушинъ и три женщины, ходившие в лѣсъ за дровами, и шедшіе ввечеру назадъ, услышали голосъ: *бѣгите, Московитяне!* Они въ страхѣ хотѣли бѣжать домой - и вдругъ съ неба упалъ большой мраморный, гробовой камень, не силою вихря, но как бы искусствомъ тихо положенный на снѣгъ, съ изображеніемъ неизвѣстныхъ буквъ, или съ эпитафіею, кою *безъ сомнѣнія* означалась гибель Московскаго царства. Сіе явленіе такъ испугало мушинъ, что они упали мертвые и нѣсколько дней лежали на землѣ безъ всякаго смрада и перемены въ лице, а женщины так же упали и скоро опомнились: увидѣли кровь на снѣгу, и ночью возвращаясь въ городъ, всѣмъ рассказывали с ужасомъ о такомъ чудѣ». Возможно, не будет преувеличением сказать, что описанное явление невозможно охарактеризовать как «нормальное» и «будничное».

Что же мы видим в этом описании? Да, безусловно, речь может идти о каком-либо астрономическом проявлении – об этом говорит сам факт того, что предполагаемо каменный объект («большая мраморная глыба») упал с неба. Однако, исключительное значение имеют также дополнительные детали.

Первой из них, вне всякого сомнения, является голос с небес, извещающий о начале феномена. Давать оценку этому явлению

трудно, так как оно противоречит всем возможным объективным обстоятельствам проявления метеоритных феноменов.

.Обстоятельства приземления камня («как бы искусствомъ тихо положенный») являются исключительно искусственными, так как противоречат как минимум законам физики. Впрочем, появляющееся в дальнейшем описание надписи на камне несколько уточняет причины подобных проявлений, давая возможность говорить об определенной сакральности происходящего.

«Надпись» на камне Одерборн сравнивает с надгробной и прямолинейно («без сомнения») соотносит ее с пророчеством будущей гибели Московского царства. Такая трактовка может казаться достаточно резкой, однако нам стоит помнить о достаточно предвзятой позиции, которую занимает сам Одерборн, и общей политической ситуации в Москве в это время: в условиях стремительно усиливающегося кризиса, стремительно ухудшающегося состояния ментального здоровья царя и смерти наследника престола – в таких условиях эсхатологические ожидания могут быть оправданы. Одновременно с этим можно увидеть достаточно глубокую аналогичность описанной ситуации распространенной в христианской традиции идее пророчества, посылаемого правителю незримой силой. Равно как и проводимая в тексте аналогия между упавшим с неба камнем и надгробием также выглядит достаточно пессимистично.

Дальнейшее развитие событий можно считать достаточно предсказуемым. Описанные события воспринимаются как знамение, предпринимаются попытки их трактовки, в которых оказываются бессильны представители церкви, а специально приглашенные «волхвы» дополняют пессимистичную картину рассуждениями о скорой гибели царя и царства¹².

¹¹ Карамзин Н. М. История государства Россійскаго. Т. 9. С. 216. Примеч. 603.

¹² Карамзин Н. М. История государства Россійскаго. Т. 9. С. 216-217. Примеч. 603.

Важно отметить, что, помимо выраженных библейских аналогий, как замечает Д. О. Святский¹³, описанный сюжет имеет определенное родство с легендарной ситуацией из китайской традиции. Согласно китайским хроникам, в 211 год до н. э., в последний год правления царя Чи-Коанг-Ти, который славился своими тираническими выходками, на землю упала звезда, превратившаяся в камень, на котором были обнаружены пророческие надписи, предвещавшие гибель царя. Таким образом, мы можем отметить, что сюжет «надписи (на метеорите) предвещают гибель» является достаточно распространенным и очень ярко показывает распространенность дискурса паранормального и сверхъестественного (элементом которого, несомненно, является феномен знаменья) в несвязанных между собой культурах и на достаточно большом хронологическом расстоянии друг от друга.

Два следующих источника при внесении в научный оборот были объединены под названием «Отписки Кирилло-Белозерского монастыря властям о метеорах, явившихся в Белозерском уезде»¹⁴. Однако, так как в данном случае речь идет о двух разных во всех смыслах событиях, рассматривать их мы будем как два разных кейса.

Основным источником для рассмотрения событий, произошедших в ноябре 1662 года в районе поселка Новая Ерга, является документ, известный как «челобитная попа Иванища». Он был впервые опубликован в «Актах исторических...»¹⁵. По сути в данном документе мы видим донесение сельского священника церковному начальству об экстраординарных событиях, произошедших в месте его служения.

Вскоре после захода солнца на небе появляется «звезда великая»¹⁶, после чего небо «раздваивается», и подобные проявления сохраняются около получаса. За исключением «раздваивания» неба, которое можно посчитать просто языковым средством выразительности, в описанных событиях нет чего-либо исключительного. Однако, следующие детали приобретают уже более неестественный характер: «а свет неизреченен аки огонь и многие видели в том свете выпсрь в темя человеку зрак велик. Глава и очи и руце растянуты, и перси и нозе, а весь огнен»¹⁷. Этот образ становится уже существенно более выраженным и значимым для нашего исследования. Видение огромного огненного человека в небе вполне может укладываться в рамки традиционного мирозерцания, продиктованного религиозной культурой¹⁸, и может подчеркивать восприятие происходящих событий как исключительных. Рациональную трактовку этому явлению дает Д. О. Святский¹⁹: по его мнению, описанное является следствием воздушного взрыва аэролита и падения множества осколков. Гипотеза Святского о взрыве метеорита подтверждается обнаружением на достаточно большой площади в пойменных отложениях реки Чермасола повышенных концентраций иридия, свидетельствующих о присутствии в грунте инопланетного вещества²⁰.

Намного более сюрреалистический характер имеют дальнейшие детали событий. «И огонь на землю падал по многим дворам, и на путех, и по хоромам, акн кудели горя и люди от него бегали, а он катается за ними, а никого не ожог, а потом поднялся вверх во облак»²¹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия.

¹⁹ Святский Д. О. *Астрономические явления в русских летописях*. С. 252.

²⁰ Поп Иванище писал правду! (Сообщение Лаборатории Метеоритики ГЕОХИ РАН) URL: <https://www.meteorites.ru/menu/encyclopaedia/erga-pop.html> (дата обращения 24.07.2021)

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том четвертый. С. 331.

¹³ Святский Д. О. *Астрономические явления в русских летописях*. // Святский Д. О. *Астрономия Древней Руси*. М., 2007. С. 252.

¹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том четвертый. СПб. 1842. С. 330.

¹⁵ Там же.

Безусловно, здесь можно увидеть дальнейшее развитие идеи с выпадением остатков взорвавшегося болида, Д. О. Святский также соотносит это с возможностью электрических и электростатических проявлений, связанных с непосредственным воздействием метеоритного феномена²². Однако в восприятии очевидца происходящее приобрело поистине зловещий апокалиптический окрас.

Дальнейшее описание событий в целом совпадает с принятой в современной науке картиной падений аэролитов.

В этом примере мы можем видеть ярко два сюжета, которые очевидно являются элементами мифологизации в понятиях сверхъестественного и паранормального. Это сюжет, связанный с «разделением» (или «раскрытием», в иных списках) неба, сюжет, связанный с видением «огненного человека», и сюжет с преследованием огнем людей. В данном случае они не являются смыслообразующими для самого описания, но подчеркивают экстраординарный характер явления, что может считаться свидетельством мифологизации описанных событий в дискурсе сверхъестественного и паранормального. Причина такого, впрочем, может быть объяснена достаточно прямолинейно: в силу нестандартности происходящих событий и внутренней психологической потребности в их объяснении, свойственной каждому человеку, очевидцы обращаются к наиболее подходящему в данном случае образно-символическому ряду, который удивительным образом совмещает в себе религиозную и эсхатологическую образность и исключительно ассоциативное описание увиденного.

Эффектным дополнением здесь можно считать одну из редакций описания этих событий, обнаруженную Д. О. Святским²³. Эта запись, повторяя в общих чертах «сообщение попа Иванища», включает в себя существенно большее число символических подробностей.

²²Святский Д. О. *Астрономические явления в русских летописях*. С. 252.

²³Святский Д. О. *Падение метеоритов в Белозерском крае 29 ноября (9 декабря) 1662 г.*

Здесь к описаниям падения болида и связанных с этим световых проявлений добавляется описание вывала леса и лесного пожара, вызванного этими событиями. Гипотетически можно допустить подобный результат падения исключительного по масштабам небесного тела. Однако, следующие детали выходят за рамки допустимых даже гипотетически. «Стоит у огни священник в ризах со крестом. И у него, приходя, благословлялися православные христиане и, его с молением вопрошали, дабы им поведал. Отче, что ты за священник, поведай нам. Он же рекл: и яз де священник по чину мелхиседек, отидете от меня прокляты прочь в огнь вечный мерские, не могу с вами глаголати за ваше великое беззаконие и брань непотребную».²⁴

Выдвигать соображения о том, что кроется за подобным описанием, крайне проблематично, так как достаточно сложно представить с позиции объективной логики то, что в лесной глуши на месте продолжающегося несколько дней пожара, вызванного падением метеорита, неожиданно окажется неизвестный прежде священник, который к тому же настроен откровенно недружелюбно.

Можем предположить, что в данном случае описание может отыгрывать покаянно-эсхатологический мотив, достаточно распространенный в традиционном обществе: человек является настолько греховным по сути своей, что любое проявление величия Божьего (коим несомненно является падение метеорита) становится очень весомым поводом для рефлексии на собственную греховность. К этой же идее и подводит манифестация неизвестного священника, обнаруженного на месте пожара.

Вместе с этим в этом же источнике присутствует еще одна, финальная деталь – рассказ о падении в пятидесяти верстах от Белозерского уезда (и, как следствие, Новой Ерги) камня в огненном столбе. Этот рассказ включал в себя крайне важное для нас уточнение: «а на том камени писано еврейским

²⁴Там же.

языком, а прочесть тое подписи не умели, а поднимали его человек 10 и болши, а поднять не могли, и пели над ним молебны и дался тот камень взяти»²⁵. Мы можем видеть достаточно прямолинейную переключку с уже описанным ранее случаем (отстоящем от событий в Новой Ерге на сто лет, но крайне узко описанном) – эпизоде со спускающимся с небес пророческом камне в 1582 году. Однако, если в случае с Иваном Грозным текст на камне оказался не читаем, здесь его именуют «еврейским языком» – что, впрочем, тоже можно рассматривать как метафору нечитаемости. Еще один мифологический компонент – необходимость специальных действий для получения объекта.

Одновременно с этим можно предположить и достаточно рациональную трактовку появления «надписей» на камнях: выдвинуто предположение о том, что в качестве надписей могли восприниматься так называемые «пъезоглипты» – вкрапления неоднородной структуры в монолитном теле болида, которые, как правило, имеют форму направленных борозд²⁶.

Последним уточнением к инциденту в Новой Ерге может быть выглядящее достаточно скромно на фоне приведенных выше данных уточнение о том, что многие люди слышали «на небеси звон велик зело, а иные слышали люди пение ангелское»²⁷. Однако этот эпизод можно списать на трактовку звуковых проявлений, связанных с падением аэролита.

Последний для этого исследования случай, связанный с астрономическими явлениями и их трактовкой через образность паранормального и сверхъестественного, произошел в 1663 году в районе озера Робозеро, неподалеку от уже упомянутого Белозерска. Как и в случае с метеоритным феноменом в Новой Ерге, основным источником для исследования этого события

является послание к церковному начальству от местного служащего. Документ был опубликован совместно с сообщением из Новой Ерги в «Актах, изданных Археографической комиссией»²⁸.

В отличие от сообщения из Новой Ерги, в котором связь описанных событий с метеоритными проявлениями была доказана позднейшими исследованиями Лабораторией метеоритики ГЕОХИ РАН²⁹, обстоятельства, лежащие в основе этих событий, так и не были разъяснены в связи с технической невозможностью этого.

Источник сообщает, что во всей робозерской округе праздничные церковные службы по случаю дня Успения Богородицы (15 августа ст. ст.) были прерваны исключительно громким шумом, раздающимся с улицы. Заинтересованные и испуганные происходящим люди ринулись на улицу и увидели, что над водой озера перемещается объект «во все стороны сажен по двадцати и боле»³⁰, состоящий, согласно описаниям, из огня («вышел огонь велик»), «а впреди его сажен за двадцать шли два луча огненные ж»³¹. Этот объект перемещался достаточно медленно и спустя какое-то время после начала наблюдения исчез, однако вскоре появился вновь в другой части озера. Длительность наблюдения составила несколько часов, за это время объект неоднократно изменял свое положение в рамках акватории озера. Такая информация сообщается со ссылкой на наблюдателей «с суши».

Одновременно с этим сообщается о группе крестьян, которая осуществляла наблюдения за огнем с воды, в лодке, и предприняла попытку приблизиться к нему. Попытка приближения оказалась неудачной – мешали сильный жар и свет, исходящие от объекта. Также отмечается, что исходящий от

²⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Том четвертый. С. 330-331.

²⁹ Поп Иванище писал правду!

³⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Том четвертый. С. 330.

³¹ Там же. С. 330-331.

²⁵ Там же.

²⁶ *Святский Д. О.* Падение метеоритов в Белозерском крае 29 ноября (9 декабря) 1662 г.

²⁷ Там же.

объекта свет пронизывал озерную воду до дна и вызывал панику у рыб. В тех местах, где объект соприкасался с озерной водой, на поверхности воды какое-то время сохранялась «ржавая» пленка, в дальнейшем исчезнувшая. После нескольких часов визуальных проявлений объект беззвучно исчез.

В этом случае мы видим пример абсолютно новой образности. Если в прошлых рассмотренных нами случаях можно было говорить о достаточно разнообразной картине событий, вариативности трактовок и поведения очевидцев, то в данном случае описания событий, пусть и отличаются исключительной для своего времени точностью, не дают никакой дополнительной образности. Описывается сам объект, описывается траектория его передвижений, приводятся имена очевидцев – но при этом практически отсутствует какая-либо информация, которая может дать нам сведения о рефлексии очевидцев. Единственный выраженный в описаниях элемент реакции наблюдателей – исключительно религиозная реакция и восприятие происходящего как «страх Божий»³².

Д. О. Святский прямо ассоциирует этот феномен с взрывом метеоритного болида, не приводя дополнительных комментариев и уточнений³³. Однако такая позиция подвергается критике со стороны Ю. Росциуса, опубликовавшего заметку «Робозерское диво»³⁴. Росциус не ставит под сомнение достоверность приведенных в источнике данных, однако приводит расчеты, согласно которым вопрос о взрыве метеоритного тела в данном случае ставить невозможно, так как спровоцированный этим взрывом выброс энергии имел бы катастрофические последствия для окрестностей Робозера и просто не оставил бы очевидцев. Однако, сам

Росциус не приводит каких-либо альтернативных трактовок со своей стороны, ограничиваясь лишь заявлениями о несостоятельности предшествующей позиции. Такое положение создает избыточную возможность для мифологизации, что становится особенно ярко заметно при рассмотрении современных публикаций, посвященных робозерскому феномену.

Предпринятый нами поиск не приводит к обнаружению в научной литературе последнего времени данных, связанных с трактовками данного события. Фактически вся имеющаяся литература вновь обращается к данным, приведенным Д. О. Святским, и ограничивается констатированием факта существования этого феномена. С нашей точки зрения, такое положение вопроса может быть объяснено самой сущностью феномена: если в случае с эпизодом в Новой Ерге можно было объективно зафиксировать наличие метеоритного вещества в почвенных отложениях (что и было сделано), то в случае с Робозерским инцидентом такой подход технически невозможен.

Достаточно вспомнить, что, согласно описаниям, события в Робозере происходили над поверхностью озера. Робозеро является достаточно крупным водосбором, что не дает возможность делать объективные выводы о вероятности метеоритного феномена над его поверхностью даже при обнаружении в его водах метеоритного вещества: можно допустить занесение его с водой со стороны. В связи с этим возникает своеобразная «логическая дыра»: имеющееся описание феномена не может быть поставлено под вопрос в части достоверности, однако его научные объяснения дискуссионны. Это создает условия для достаточно разносторонней мифологизации, примеры которой мы можем видеть в современных попытках рассмотрения феномена в Робозере с позиции «альтернативной науки».

Типичным примером такой трактовки можно считать обзор «Встречи с пришельцами

³²Там же

³³Святский Д. О. *Астрономические явления в русских летописях*. С. 254.

³⁴Росциус Ю. Робозерское диво. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Fantastika-1971-god.36.html> (дата обращения: 24.07.2021)

в России много веков назад»³⁵ [6]. В данном обзоре, среди прочих явлений, которые могут быть отождествлены с явлением НЛО, упоминается случай в Робозере – впрочем, без каких-либо оценочных суждений и трактовок, в формате пересказа оригинального источника. Вообще подобную ситуацию можно считать достаточно типичной для паранаучной трактовки исторических феноменов: происходит помещение феномена в специфичный контекст, в котором читателю «предлагается самостоятельно сделать вывод», к которому подводит автор текста. Остальные источники, рассматривающие Робозерский феномен в контексте дискурса НЛО, в подавляющем большинстве случаев придерживаются подобной модели повествования.

Несколько отличается постановка проблемы, заявленная в материале «Белые пятна природы»³⁶. Этот материал представлен в формате интервью с участником экспедиции, которой был произведен ряд полевых исследований. Однако важным аспектом становится тот факт, что не приводится конкретных данных об экспедиции, не приводятся ссылки на отчеты экспедиции, однако достаточно подробно акцентировано внимание на статусе участников экспедиции. Крайне говорящим в данном случае является следующий фрагмент материала: «Разработанная методика и уникальная магнитометрическая аппаратура позволили выявить не только наличие следов воздействия этого шара, но даже представить его внешние очертания, его цветовую гамму, что, кстати, и дало возможность художнику Потапову Николаю Петровичу написать художественную репродукцию Робозерского феномена (на снимке). По спектру излучения объекта экспедиции удалось дать оценку мощности

излучения и тяги “пржекторного движителя”. Было сделано также заключение об электромагнитной природе движущих сил. Характер движения и необычно высокая энергонасыщенность летающего объекта не позволяют отбросить предположение о специальном назначении этой системы, возможно прибывшей из космического пространства»³⁷.

В данном случае мы можем видеть достаточно распространенную модель разговора о паранормальных и сверхъестественных явлениях, в которой применяется смешение естественно-научной терминологии и достаточно абстрактных предположений («специальное назначение этой системы», «прибывшей из космического пространства»³⁸).

Также в этом материале содержится прямое отождествление Робозерского феномена с явлением НЛО: «“Неидентифицированный” вместо “неопознанный” подчеркивает, что объект остался неидентифицированным, то есть неотожествленным ни с чем известным современной науке и технике. Причем не идентифицирован не наблюдателем, а специалистом, экспертом, несмотря на достаточность информации о его проявлении. В этом смысле Робозерский феномен – НЛО, поскольку это и объект, и летающий, вернее летавший, и неотожествленный ни с чем известным нашей науке на сегодняшний день. Типичным проявлением НЛО можно считать Тунгусский феномен 1908 года: это тоже был объект, тоже летевший и тоже не идентифицированный современной наукой»³⁹.

Подводя итог, мы можем признать, что в случае Робозерского феномена можно видеть развитие следующей модели:

1. Присутствует достоверное сообщение о феномене, который является необъяснимым для его свидетелей и объективная трактовка которого затруднена по техническим причинам.

³⁵Митин С. Встречи с пришельцами в России много веков назад. URL: http://paranormal-news.ru/news/vstrechi_s_prishelcami_v_rossii_mnogo_veko_v_nazad/2015-02-22-10510 (дата обращения: 24.07.2021)

³⁶Герасимов Ю. «Белые пятна природы». URL: <https://cherepovets-kp.ucoz.org/publ/21-1-0-185> (дата обращения: 26.07.2021)

³⁷Там же.

³⁸Там же.

³⁹Там же.

Изначальное свидетельство о инциденте в Робозере вполне возможно считать достоверным, так как в данном случае речь идет о достаточно типичной ситуации: в русской хроникальной традиции четко прослеживается стремление к фиксации в том числе и необъяснимых для очевидцев явлений, которые нередко расценивались как предзнаменования [2]. В описании Робозерского феномена, впрочем, такой трактовки не выражено.

2. При попадании данных об этом феномене в открытое пространство (например, опубликовании в сети «Интернет») оно может стать объектом трактовки в рамках дискурса сверхъестественного и паранормального – в том случае, если какие-либо его составляющие могут сочетаться с мифологическими элементами дискурса сверхъестественного и паранормального. Таким элементом в данном случае может считаться основной сюжет описания Робозерского феномена: неизвестный летающий объект, обладающий сверхъестественными свойствами (состоит из огня, меняет траекторию).

3. При отсутствии объективных трактовок явления (или их технической сложности вплоть до невозможности) начинают распространяться трактовки, пребывающие в рамках паранаучного дискурса, что мы можем видеть в приведенном выше примере прямого отождествления событий в Робозере с феноменом НЛО – с оговоркой на господствующую роль идеи «неидентифицированности» описываемого объекта.

Одновременно с этим мы можем признать, что первые два эпизода (случай с Иваном Грозным и в Новой Ерге), в отличие от эпизода в Робозере, не приобрели широкой мифологизации впоследствии, но, в свою очередь, в их восприятии современниками была обильно использована образность сверхъестественного и паранормального. Такой достаточно парадоксальный характер можно посчитать следствием отсутствия специфического внимания к этим событиям в XX веке. Можно предположить, что развитие глубокой мифологизации событий в Робозере связано с позднейшими обращениями к этому феномену – например, в статье Ю. Росциуса подвергается критике концепция Д. Святского по вопросу робозерского инцидента, что оставляет открытым пространство вероятных трактовок событий в условиях современного информационного общества и постмодернистской культуры. Это наблюдение кажется нам весьма значимым для понимания современных моделей отношения к сверхъестественным и паранормальным событиям в медийном дискурсе: можно признать, что объем обращений к подобной тематике не ослабевает, и каждое специфическое событие может получить трактовку именно в рамках подобной модели. Вопрос о научной критике подобных трактовок и подходов вместе с этим требует дополнительного внимания, так как в данном случае создается достаточно существенный набор обстоятельств для введения подобных событий в предметное поле паранауки и квазинауки.

Библиография

Источники:

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том четвертый. СПб., 1842.

Герасимов Ю. «Белые пятна природы» URL: <https://cherepovets-kp.ucoz.org/publ/21-1-0-185> (дата обращения: 26.07.2021).

Карамзин Н. М. История государства Российскаго. Т. 9. СПб., 1821.

Митин С. Встречи с пришельцами в России много веков назад. URL: http://paranormal-news.ru/news/vstrechi_s_prishelcami_v_rossii_mnogo_vekov_nazad/2015-02-22-10510 (дата обращения: 24.07.2021).

Росциус Ю. Робозерское диво. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Fantastika-1971-god.36.html> (дата обращения: 24.07.2021).

Святский Д. О. Падение метеоритов в Белозерском крае 29 ноября (9 декабря) 1662 г. URL: <https://www.meteorites.ru/menu/encyclopaedia/erga2.html> (дата обращения: 24.07.2021)'.

Литература:

Ван Хааске Л. А. «Подтверждаемые знамения»: к проблеме мифологизации астрономических явлений // *Filo Ariadne*. № 2. 2021. URL: filoariadne.esrae.ru/24-392 (дата обращения: 26.07.2021).

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Полосинин И. И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Oderborn/pred.phtml> (дата обращения: 24.07.2021)

Поп Иванище писал правду! (Сообщение Лаборатории Метеоритики ГЕОХИ РАН). URL: <https://www.meteorites.ru/menu/encyclopaedia/erga-pop.html> (дата обращения: 24.07.2021).

Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях. // Святский Д. О. *Астрономия Древней Руси*. М., 2007.

Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия. URL: http://sergeyhry.narod.ru/txt/shapov_a_p/shapov_t1_07.htm (дата обращения: 20.07.2021)

Сведения об авторе

Ван Хааске Лейонис Аанрис, куратор Антропологического общества имени Г.Ф. Лавкрафта, г. Москва (Россия). Область научных интересов: исследования представлений о сверхъестественном и паранормальном как культурной модели

E-mail: vanhaaske@mm.st

L. A. van Haaske

**THE CASES OF MYTHOLOGIZATION OF ASTRONOMIC PHENOMENONS
OF THE XVI-XVII CENTURIES AND THEIR FEATURES**

Annotation: The article examines three cases of mythologizing astronomical phenomena in the 16th-17th centuries. An analysis of the mythological interpretation from the standpoint of the discourse of the supernatural and paranormal supposed meteorite fall near Moscow in 1582, the case of a meteorite fall in the village of Novaya Erga in 1662 and an unspecified phenomenon on Lake Robozero in 1663 is given. On the basis of primary reports and testimonies of contemporaries, the model of perception of the phenomenon within the framework of the consciousness of traditional society is reconstructed. Based on modern interpretations in the media, a model for the development of mythologizing astronomical phenomena within the framework of postmodern discourse is proposed. The research results can be useful for examining the phenomenon of mythologizing history as a whole.

Keywords: history of astronomy, mythologization of astronomical phenomena, superstitions, parascientific interpretations of history, discourse of the supernatural, meteorites, aerolites, mythologization of history, prelogical explanations of natural phenomena.

References

Sources:

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu kommissieyu [Historical acts, collected and published by the archeographic comission]. Vol. 4. St. Petersburg, 1842. (In Russian).

Gerasimov Yu. "Belye pyatna prirody" [White spots of nature]. URL: <https://cherepovets-kp.ucoz.org/publ/21-1-0-185> (accessed: 26.07.2021).

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskago [History of the Russian state]. Vol. 9. St. Petersburg, 1821. (In Russian).

Mitin S. Vstrechi s prishel'tsami v Rossii mnogo vekov nazad [Encounters with aliens in Russia many centuries ago]. URL: http://paranormal-news.ru/news/vstrechi_s_prishelcami_v_rossii_mnogo_vekov_nazad/2015-02-22-10510 (accessed: 24.07.2021). (In Russian).

Rostsius Yu. Robozerskoe divo [Robozero miracle]. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Fantastika-1971-god.36.html> (accessed: 24.07.2021). (In Russian).

Svyatskii D. O. Padenie meteoritov v Belozerskom krae 29 noyabrya (9 dekabrya) 1662 g. URL: <https://www.meteorites.ru/menu/encyclopaedia/erga2.html> (accessed: 24.07.2021).

Researches:

Van Haaske L. A. “Podtverzhdaemye znameniya”: k probleme mifologizatsii astronomicheskikh yavlenii. Filo Ariadne. No. 2. 2021. URL: filoariadne.esrae.ru/24-392 (accessed: 26.07.2021).

Lévy-Bruhl L. Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. Moscow, 1994.

Polosinin I. I. Nemetskii pastor Oderborn i ego pamflet ob Ivane Groznom. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Oderborn/pred.phtml> (accessed: 24.07.2021).

Pop Ivanishche pisal pravdu! (Soobshchenie Laboratorii Meteoritiki GEOHI RAN). URL: <https://www.meteorites.ru/menu/encyclopaedia/erga-pop.html> (accessed: 24.07.2021).

Svyatskii D. O. Astronomicheskie yavleniya v russkikh letopisyakh. Svyatskii D. O. Astronomiya Drevnei Rusi. Moscow, 2007.

Shchapov A. P. Istoricheskie ocherki narodnogo mirosozertsaniya i sueveriya. URL: http://sergeyhry.narod.ru/txt/shapov_a_p/shapov_t1_07.htm (accessed: 20.07.2021).

About the author

Van Haaske Leyonis A., curator of the G.P. Lovecraft Anthropological Society, Moscow (Russia).
E-mail: vanhaaske@mm.st

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ИСТОЧНИКОВ «КНИГИ ЗАПИСНОЙ» – СТАРШЕЙ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА

Аннотация: Отведенное возникновению Сургу́та сообщение «Книги записной», подобно известиям той же редакции Сибирского летописного свода о начале других русских городов за Уралом в конце XVI – первые годы XVII вв., вероятно, имеет документальную основу. Скорее всего, тобольский книжник 1680-х гг. использовал один из сургутских городовых списков, но отличающийся от выявленных к настоящему времени (которые составлены на рубеже XVII–XVIII столетий), включая ставший источником «Ведомости сибирских городов» 1701 г. Повествуя о строительстве «Тюменского города» сначала взамен острога, а затем прежней рубленой крепости, об основании Березова, Пелыма, Томска, анонимный летописец тоже мог обращаться к таким «росписям».

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, его известия о раннем русском градостроительстве в Сибири, сургутские городовые списки, «Ведомость сибирских городов» 1701 г., источник сообщений «Книги записной» о «поставлении» «Тюменского города» и основании Березова, Пелыма, Сургу́та, Тары, Томска.

«Книга записная» (далее – КЗ) – самая ранняя из дошедших до нас редакций Сибирского летописного свода (далее – СЛС) – сохранила немало известий о строительстве первых русских городов в «Закаменской стране», – известий, которые большей частью восходят к документальным материалам¹.

¹См., напр.: Солодкин Я. Г. 1) Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 58, 111-113, 194, 205; 2)

«Поставление» рубленого «Тюменского города» воеводами Ю. Булгаковым и Б. Воейковым² взамен «града»,

Тобольские летописцы середины – второй половины XVII века (Редакции и виды Сибирского летописного свода). Нижневартовск, 2012. С. 18. Ср.: С. 11; 3) «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 142, 153-167. Е. К. Ромодановская предполагала, что известия СЛС о строительстве городов являются подлинными погодными записями (Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 124-125 (Избранные труды)), не задаваясь вопросом об их источниках.

²Второй из них, которого иногда, как в тюменском городовом списке 1695/96 г., называют Васильевым (Тюмень в XVII столетии с «Введением» и заключительной статьей П. М. Головачева «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. Тюмень, 2004. С. 79, 170; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 87; Кружинов В. М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1994. С. 9; Иваненко А. С. Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города. К 60-летию Тюменской области. Тюмень, 2004. С. 25, 320, и др.), являвшийся одно время выборным дворянином по Вязме и служивший на протяжении свыше полувека (Павлов А. П. Приставы у опальных бояр Романовых в 1600 – 1605 годах и судьба их потомков в царствование Михаила Федоровича: позднее раскаяние? // Историк и источник: Сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 290-291. Примеч. 23; С. 293), действительно «сидел» в Тюмени, хотя, скорее всего, в чине письменного головы (Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. I. М., 1999. С. 274, 339, 342, 343, 361; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 487). Его «товарищем» в этом городе порой вслед за К. Б. Газенвинкелем считается Юрий Дмитриевич Булгаков (Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 180 и др.). Но в «разрядах» сказано о назначении воеводой «на Тюмень», согласно царской грамоте от 5 июля 1592 г., рязанца Юрия Васильевича Дмитриева, накануне бывшего там

«срубленного» В. Сукиным и И. Мясным³, а также основание Березова, Пельма, Сургута, Тары приурочено анонимным летописцем к 1591/92 – 1594/95 гг. – ко времени тобольского воеводства князей Ф. М. Лобанова-Ростовского и М. В. Ноздроватого⁴.

сослуживцем А. И. Батрака Вельяминова-Воронцова, а ранее управлявшего Себежем и Воронежем (Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 7; Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 31, 116; Ч. III. М., 1989. С. 41). За конец XVI в. документально известно о Юрии Булгакове сыне Денисьеве и Юрии Матвееве сыне Булгакове (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. М., 1989. Примеч. 523, 529; Т. X. М., 1989. Примеч. 111; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 354; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 263; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. С. 23-24, 75, 76; Разрядная книга 1475 – 1605. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 56; Ч. II. С. 65; *Солодкин Я. Г.* Первые воеводы и письменные головы Тюмени (к истории складывания административной системы «русской» Сибири) // Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация территорий России в XXI веке. Сб. докл. XVII Междунар. научно-практ. конф. Т. 2. Тюмень, 2015. С. 119-120, 124 и др.), сведений о пребывании которых в Сибири у нас нет, да и эти дворяне, насколько известно, не относились к «выбору». Ни одного другого, как указанный, примера искажения фамилии «градодержателя» в КЗ мы не встречаем. В четырех редакциях СЛС, кстати, говорится о мангазейском воеводе начала XVII в. Ф. Ю. Булгакове, а в ранней из них – и про ведавшего Пельмом в течение первой половины 1640-х гг. А. Булгакова. См.: ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 142, 154, 192, 260, 316.

³Вывод, будто Тюмень, подобно Уфе, Самаре и Воронежу, поначалу «играла символическую роль», обозначая «условную веху присутствия России на этих землях» (*Буканова Р. Г.* Юго-восточное пограничье России в XVI – первой половине XIX в.: особенности формирования, подвижность границ, социально-политические трансформации // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX в. Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. (г. Уфа, 1–4 июня 2020 г.). Уфа, 2020. С. 92), представляется надуманным, тем более что год спустя был заложен Тобольский острог. Как справедливо отметила Е. А. Рябинина, с появлением русских крепостей в Сибири началось «государственное освоение региона» (Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 263).

⁴ПСРЛ. Т. 36. С. 139-140. Ср.: С. 369. Тобольск сделался столицей «русской» Сибири в самом конце XVI в., а Ф. М. Лобанов – Ростовский «сидел» в этом городе на протяжении 1590 (видимо, с лета) – первой половины 1595 гг. Согласно «разрядам», князя М. В. Ноздроватого на тобольском воеводстве в 1591/92 г. сменил князь М. Д. Львов. Скорее, сослуживцем Ф. М.

Вероятно, свидетельства тобольского летописца 1680-х гг. о возникновении Сургута имеют документальное происхождение⁵. Есть основания конкретизировать этот вывод. Так, нетрудно заметить близость сообщения КЗ к сведениям сургутского городского списка за 1690/91 г.:

Лобанова-Ростовского он стал позднее, причем в чине письменного головы. См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 487; Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. III. С. 42. Ср.: С. 79; *Солодкин Р. Я., Солодкин Я. Г.* Пять лет на тобольском воеводстве (Князь Ф. М. Лобанов-Ростовский и его роль в возобновлении русского градостроительства в «Сибирской земле») // Шатиловские чтения. Мат-лы XV краевед. конф. 25 апреля 2014 года. Нижневартовск, 2014. С. 8-14. Восходящее к Ремезовской летописи утверждение, будто в 1591 г. тобольским воеводой был князь В. В. Кольцов-Мосальский, совершивший тогда поход против Кучума (История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань, 2014. С. 133; *Трепавлов В. В., Беляков А. В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 20, 37. Ср.: С. 159; Тюменское и Сибирское ханства. С. 27; *Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 77, и др.), должно считаться ошибочным. См., напр.: *Солодкин Я. Г.* Вослед Савве Есипову ... С. 191. Примеч. 78; С. 199.

⁵*Солодкин Я. Г.* 1) «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 170; 2) «Беседа к вашей любви ...» ... С. 122, 164, 289. Ср.: С. 162, 278. Ранее мы считали, что о «поставлении» Сургута, Березова и Пельма тобольский летописец узнал из материалов какого-то сыска или приказной справки (выписки) об основании первых русских городов в Сибири, а про начало Томска – благодаря сложившему там источнику, возможно, даже устному. КЗ принято относить к 1687 г. (см., напр.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 51; Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 85; *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 18, 114; *Ромодановская Е. К.* Сибирский летописный свод // Историческая энциклопедия Сибири (далее – ИЭС). Т. С–Я. Новосибирск, 2009. С. 86; *Журова Л. И.* Сибирский летописный свод: нарративный аспект // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Мат-лы междунар. науч. конф. Новосибирск, 28–29 ноября 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 14). Более вероятно, что она сложилась на протяжении 1688/89 г. (*Солодкин Я. Г.* «Беседа к вашей любви ...» ... С. 126-128, 130, 324).

КЗ
Сургутский городской

список 1690/91 г.

Сургутской первой город
и ... рубленной город и 4 башни по
углам
башни ставил воевода князь
ставлены при воеводе при князе
Федор Петрович Борятинской
Федоре Борятинском во 103-м году
и во 103-м году сургутскими и
сургутскими и иных городов
березовскими и иных городов
служилыми людьми⁶.
служилыми людьми⁷.

⁶Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 122. В городских списках Сургута за 1695/96 и 1696/97 гг. (известны и аналогичные документы, составленные в 1698/99 и 1701 гг.) про князя Ф. Борятинского умалчивается, а в первом из этих списков не сказано о количестве крепостных башен. См.: Там же. С. 124, 125. По словам П. Н. Буцинского, «как и все сибирские города, Сургут представлял небольшую крепость с двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней проезжей», а острог имел двое ворот и одну проезжую башню; «все эти постройки воздвигнуты были в одно лето 1594 г.» (Буцинский П. Н. Соч.: В 2-х т. / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 82. Ср.: С. 22-23). Едва ли из приведенной цитаты можно вынести заключение о том, что «в своем очерке о раннем Сургуте» видный харьковский историк рубежа XIX–XX вв. использовал один из городских списков (Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута ... С. 113), тем более что, по данным самого П. Н. Буцинского, в Тюмени с Тарой городовых и острожных башен имелось больше (Буцинский П. Н. Соч. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 91, 150). К тому же во всех обнаруженных документах такого рода сказано о строительстве крепости в 1594/95 г. Признавая П. Н. Буцинского «вдумчивым и внимательным источниковедом» (ср.: Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 91; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 117), Е. В. Вершинин и Г. П. Визгалов, очевидно, не учли работы С. В. Бахрушина и Н. И. Никитина.

⁷ПСРЛ. Т. 36. С. 140. Это известие, которое можно сблизить с заметкой о возникновении Томска,

Д. Я. Резун, стало быть, заблуждался, полагая, что датировка в КЗ сооружения Сургута не подтверждается «никакими архивными данными» и основана «на устном историческом предании, в частности, казачьем»⁸.

Видимо, о строительстве Сургута в 103 г. «слогатель» КЗ узнал благодаря документу, отправленному оттуда в «начальнейший» Тобольск. Маловероятно, что составители городского списка 1690/91 г., т. е. периода воеводства стольника В. Б. Бухвостова⁹, заимствовали приведенное

повторено в Академической редакции СЛС без указаний на башни и служилых людей. В других редакциях того же летописного свода об основании Сургута говорится лапидарно (Там же. С. 98, 141, 190, 259, 315, 346, 369; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999. С. 76; Резун Д. Я. 1) К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск, 1981. С. 54; 2) Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск, 1982. С. 69, 87. Ср.: С. 118; 3) Очерки истории изучения сибирского города: XVIII век. Новосибирск, 1991. С. 75; Солодкин Я. Г. Тобольские летописцы ... С. 76, 129, и др.). О городских башнях нередко упоминается в сообщениях КЗ, отведенных пожарам и строительству укреплений в Тобольске. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 154, 161, 171, 172. Ср.: С. 212, 216, 226, 227.

⁸Резун Д. Я. 1) К истории «поставления» городов и острогов ... С. 36; 2) Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. С. 75-76 и др. Ср.: Со времен князя Самара. В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 36. Н. Л. Коньков, подобно В. И. Кочедамову, думал, что Сургут при своем возникновении, будучи острогом, имел 5 башен (Коньков Н. Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. Б. м., 2001. С. 62). Согласно Е. М. Главацкой, столько же (а не четыре, как отмечал А. Т. Шашков) «срубили» тогда в «Сургутском городе». См.: Древний город на Оби ... С. 95; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 127 и др.

⁹Этому «седоку» недавно предположительно был приписан «шаблон составления городского списка» Сургута (Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута ... С. 115). Но документы такого рода относительно Мангазеи, Тары, Березова, Тюмени и Воронежа известны по меньшей мере с середины 1620-х гг. См., напр.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. IX. СПб., 1875. С. 283-284; Сергеев В. И. Первые сибирские города, их

свидетельство (почти целиком воспроизведенное через несколько лет в двух аналогичных списках) из ранней редакции СЛС, дошедшей до нас в одной рукописи последней четверти XVIII в. Скорее всего источником данного свидетельства стал более ранний городской список, хранившийся в сургутской приказной избе¹⁰, который в свою очередь может быть возведен к отписке князя Ф. П. Барятинского в Москву, если и не в Тобольск. Известия сургутского городского списка 1690/91 г. (В. Д. Пузанов датировал его 1691 г.) о строительстве Спасской шатровой башни при воеводе князе Я. Барятинском, а Троицкой церкви¹¹ – в пору воеводства Ф. Волынского «с товарищем» (им являлся И. В. Благово), опущенные в аналогичных документах последующих лет, также могли содержаться в «донесениях» администраторов крепости, «срубленной» «вверх Оби».

Составителям самого раннего среди обнаруженных к настоящему времени городских списков Сургута наказ основавшим этот город воеводе князю Ф. П. Барятинскому и письменному голове В. В.

военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. № 3 (21). 1960. С. 120; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74 (История Сибири. Первоисточники. Вып. VII); История Ямала. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация / Под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург, 2010. С. 159; Пузанов В. Д. Экспедиция Андрея Елецкого и основание города Тары в 1594 г. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы II Всерос. науч. конф.: г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014. С. 85.

¹⁰От городских списков, видимо, несущественно отличались росписные, составлявшиеся при передаче и приеме городов воеводами. В «Ведомости сибирских городов» 1701 г. использовались наряду с городскими «воеводские росписные списки» 1692/93, 1696/97 и 1700 гг. по Нарыму, Кузнецку, Новой Мангазее, Якутску, Красноярску, Иркутску. См.: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н. Н. Оглоблин. Ч. 1. М., 1895. С. 19–22; Буцинский П. Н. Соч. Т. 2. С. 22; Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 144–146, 150, 151, 153, 157.

¹¹Она была «поставлена» вместо обветшавшей, тоже Свято-Троицкой, сооруженной еще при возникновении города.

Аничкову (от 19 февраля 1594 г.)¹², хранившийся там в 1626 г. и, видимо, до пожара 1712 г., или был неизвестен, или местные подьячие предпочли данному наказу отписку первого из упомянутых «властодержателей», поскольку в ней речь шла об окончании «строения» башен, а не закладке крепости¹³.

В КЗ и городских списках Сургута, видимо, указано именно время, когда завершилось (в основном) возведение крепости, к которому летом 1594 г. приступил отряд В. В. Аничкова¹⁴.

¹²Находившийся в ту пору в Тобольске князь Ф. П. Барятинский присоединился к В. В. Аничкову в конце лета – начале осени 1594 г. К тому времени служилые люди, по-видимому, уже успели заложить стены и башни «Сургуцкого города». Утверждение о сооружении крепости в Сургуте в 1595 г. стольником П. И. Барятинским – отцом князя Федора (*Леонтьев Я. В.* «Предаст же брат брата на смерть» (воевода князя Скопина-Шуйского Я. П. Барятинский и тушинский воевода в Ярославле Ф. П. Барятинский) // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / Под ред. доктора исторических наук, профессора В. Н. Козлякова. Ярославль, 2012. С. 279) – явная ошибка, как и причисление В. В. Аничкова (Древний город на Оби ... С. 92, 94, 97; *Вершинин Е. В.* Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 100; *Пузанов В. Д.* 1) Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 94; 2) Гарнизон Сургута в конце XVI – XVIII в. // Северный регион: наука, образование, культура. № 1. 2013. (27). С. 177, и др.) к воеводам этого города.

¹³Князю Ф. П. Барятинскому и В. В. Аничкову предписывалось выстроить не острожные укрепления (*Вершинин Е. В.* Восстание Тоньи-Кинемы ... С. 100), а «устроить» город, что и было сделано. См.: *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века ... С. 129 – 131, 133, 134, 172. Считать, что в Сургуте, как и Тюмени, с самого начала за пределами бревенчатой крепости располагался посад (*Резун Д. Я.* / Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 18), явно не приходится.

¹⁴В представлении П. Н. Буцинского, напомним, Сургут был сооружен за одно лето 1594 г. Но сменивший князя Ф. П. Барятинского воевода О. Т. Плещеев донес в Москву об окончании строительства крепости весной 1596 г., когда вокруг города и острога поставили чеснок (*Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века ... С. 135, 136; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 315), скорее, не «в связи с

(Сооружение освященного во имя Святой Троицы соборного храма второго по счету города Северного Приобья могло начаться или окончиться уже в июне¹⁵, очевидно, того же самого года, а не вскоре после него, как допускает И. Л. Манькова). Сургутские служилые люди, названные в процитированных строках, – едва ли «бардаковы», подвластные местному остяцкому или (что менее вероятно) селькупскому князю, которые помогали русским в ходе строительства¹⁶, это, надо думать, составившие гарнизон при его образовании – и прибывшие из Москвы¹⁷, и

походом на Пегую орду» (*Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута ... С. 119*), состоявшемся в следующем году, а из-за угрозы, о которой сургутские власти узнали от местного князя Бардака и его сына Тонема (Кинемы), со стороны правителя Верхнего Нарыма Вони. Утверждать, будто Кучум «подкочевал к Пегой Орде в 1596 г.» (*Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи ... С. 57, и др.*), нет должных оснований. На несколько лет затянулась «рубля» крепостных стен и башен также в Березове и Пельме. См., напр.: *Буцинский П. Н. Соч. Т. 1. С. 162, 163; Сергеев В. И. Первые сибирские города ... С. 115, 116, 118.*

¹⁵Манькова И. Л. Формирование православного ландшафта русских поселений в Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII вв.) // *Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры* (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 230. О возведении Троицкой церкви речь шла не в одном из наказов основателям Сургута, как представляется И. Л. Маньковой (адресованный им наказ, обнаруженный в конце XIX в., являлся единственным), а, очевидно, в дополняющей эту весьма пространную «инструкцию» памяти, которой мы не располагаем. Ф. А. Байрамова писала о строительстве Сургута в 1593 г. (так, сперва думалось, еще Г. Ф. Миллеру) на месте одноименного «вогульского городища ... на северном улусе» Сибирского ханства (*Байрамова Ф. А. К вопросу о завоевании Сибири русскими // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы IV Всерос. (национальной) науч. конф. Курган, 30 – 31 октября 2020 года. Курган, 2020. С. 58*), что следует признать недоразумением.

¹⁶Древний город на Оби ... С. 94, 97-98. Мысль Д. Я. Резуна, будто в районе Сургута могли осесть «остатки» ермаковой вольницы, не раз была убедительно оспорена. См., напр.: Там же. С. 99-100; *Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства ... С. 93-94.*

¹⁷См.: *Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века ... С. 130. Ср.: С. 141; Солодкин Р. Я., Солодкин Я. Г. К 425-летию Сургута: из ранней истории гарнизона первого русского города Среднего Приобья // Западная*

«годовавшие» накануне в Обском (Мансуровском) городке.

В «Ведомости ...» 1701 г., подготовленной с использованием городского списка Сургута 1698/99 г.¹⁸, упоминается о возведении в 1594/95 г. трех башен «угольных» и в 1621/22 г. – Боровой¹⁹. В опубликованных сургутских городских списках²⁰, начиная с отправленного в Москву В. Б. Бухвостовым (где последнего сообщения нет), речь шла о возведении башен в 103 г., т. е. при основании крепости у впадения в Бардаковки в «великую» Обь. Получается, что в 1698/99 г. в распоряжении Л. М. Вельяминова-Зернова очутились новые данные об основании вверенного ему «града», в частности, про сооружение трех угольных башен вскоре после закладки русской крепости во владениях Бардака.

Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. XV. Нижневартовск, 2019. С. 10.

¹⁸Считается, что составителями «Ведомости ...» 1701 г. привлекались (почему, осталось без объяснения) сразу два городских списка Сургута, вышедшие из окружения его воеводы стольника Л. М. Вельяминова-Зернова в том же самом и 1698/99 гг. (*Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута ... С. 115, 116*). Источниками этой «Ведомости ...» явились и городовые списки 1697/98–1699/1700 гг., преимущественно 1698/99 г., по Тобольску, Таре, Верхотурью, Туринску, Березову, Пельму, Кетску, Томску, Енисейску, Илимску (Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 136, 141, 142, 146, 147, 149, 154, 155, 158, 159). Утверждение, будто при ее создании использовались городовые и сметные списки 1698/99 г. (*Резун Д. Я. Предисловие. С. 27, 28*), справедливо лишь отчасти.

¹⁹Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 156. Указание в данной связи на «рублю» трех «угольных» или (согласно наиболее раннему из сургутских городских списков) четырех башен в 1594 г. (*Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута ... С. 119; Пузанов В. Д. Гарнизоны городов Югорской земли: формирование и службы в конце XVI – начале XVIII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры ... С. 149 и др.*) не отличается точностью.

²⁰Тюменские и березовские «росписи» такого рода известны и за рубежом XVII–XVIII вв., и за 1627, 1634/35 гг. См.: Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 74, 158; Тюмень в XVII столетии ... С. 79-88; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. С. 65-91; *Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири ... С. 293*. Заметим, что сургутский городской список 1696/97 г. продолжен именной книгой гарнизона (*Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века ... С. 229-240*).

Итак, повествуя об основании первого русского города в Среднем Приобье, создатель КЗ обращался к сургутскому городскому списку, который в интересующем нас отношении отличался от аналогичных документов и следующего десятилетия, и самого начала XVIII в., в том числе «росписи», использованной в «Ведомости ...» 1701 г.

Быть может, о сооружении Тюмени, Березова, Пельмы, Тары²¹, Томска, а также Туринского острога этот книжник тоже писал по городским спискам, ибо указал, какими воеводами и ратными либо даточными людьми «ставлены» перечисленные крепости²².

²¹Если в КЗ основание Тары приурочено к 7102 г., как и в тарском городском списке 1696 г., то в Миллеровской редакции СЛС – к 7100, в Головинской (где появились записи о первых преемниках основавшего эту крепость князя А. В. Елецкого) – к 7103, в Нарышкинской и двух последующих редакциях этого свода – даже к 7096 г. (ПСРЛ. Т. 36. С. 98, 190, 191, 259, 315, 346; *Пузанов В. Д.* Экспедиция Андрея Елецкого ... С. 85, и др.). Датировки сооружения Тары (которую иногда называют острогом, см., напр.: *История татар с ... Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 220; Тюменское и Сибирское ханства. С. 265, 266*), приведенные во вторичных разновидностях «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», кроме Головинской редакции, затруднительно возвести к каким-то документальным источникам. Эти хронологические определения, скорее всего, явились следствием ошибок переписчиков, да и того, что «писатель» Нарышкинской редакции спутал Тару (где имелись и город, и острог, см.: *Тихонов С. С.* Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // *Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 32, и др.*) с Астраханью. В бывшей столице занимавшего территорию Нижнего Поволжья татарского ханства в 1587/88 г. воздвигли «каменный город», о чем сказано в «разрядах», Пискаревском и многих кратких летописцах (*Солодкин Я. Г.* 1) Вослед Савве Есипову ... С. 140, 150. Примеч. 24; 2) Тобольские летописцы ... С. 60). В продолжении Абрамовской редакции Есиповской летописи время строительства городов и острогов, вставших в «Сибирской земле» вслед за Тюменью и Тобольском, вероятно, определяется произвольно (*Солодкин Я. Г.* 1) Вослед Савве Есипову ... С. 71; 2) Тобольские летописцы ... С. 129). Оценка «Записок к сибирской истории служащих» – созданной в начале XVIII в. редакции СЛС, где КЗ дополнена по Нарышкинской редакции (*Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод ... С. 24, 25, 28, 111), – как свода городских летописей, сложившихся на востоке России (*Резун Д. Я.* Городовое летописание // ИЭС. Т. А–И. Новосибирск, 2009. С. 412), думается, не может считаться оправданной.

²²В дальнейшем, упоминая о возникновении Якутска и ряда острогов, создатель КЗ подобных сведений не

Один из таких документов появился не ранее 1622/23 г., когда в Пельме в пору «властодержательства» И. Вельяминова был возрожден город, сгоревший двумя годами ранее при воеводе П. Вельяминове²³. Не исключено, что «списателю» СЛС ранней редакции оказался доступен и городской список Тюмени 1627/28 г., в котором сообщается (с ошибкой, напомним, в фамилии воеводы²⁴) о замене острога рубленным городом в 1592/93 г.²⁵ Этот документ могли составить в местной приказной избе самое раннее в 1641/42 г., ибо тогда, при воеводе князе Г. П. Барятинском, если следовать КЗ, через год после того, как развалилась крепость, возведенная на месте острога, была выстроена новая²⁶. В записи же

приводит. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 145, 146, 148, 152, 153, 158. Ср.: С. 194, 195, 204, 221, 261, 262, 269, 279–280, 318, 319, 325, 342, 370, 371.

²³ПСРЛ. Т. 36. С. 139. Об этом в КЗ идет речь и следом, а также повествуется в других редакциях свода, кроме АР. в Томской редакции этого «летописца сибирского» случившийся 8 июня 1621 г. пожар, оставивший Пелым без укреплений, отнесен к 1619/20 г. (Там же. С. 147, 195, 196, 262, 263, 319). СЛС, да и многочисленные документы, не подтверждают заключения (см.: *Баландин С. Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // *Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 17. Ср.: Резун Д. Я., Соколовский И. Р.* Пелым // ИЭС. Т. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 595) о том, что вначале Пелым «ставился» как острог – «временное оборонительное сооружение на период, пока будут построены более мощные городские укрепления». Считать Березов и Сургут на первых порах тоже острогами или городами-острогами (*Манькова И. Л.* Формирование православного ландшафта русских поселений ... С. 229, 236. Ср.: С. 240) опять-таки нет должных оснований.

²⁴В более позднем городском списке была искажена фамилия и письменного головы: Б. Воейков превратился в Васильева.

²⁵*Сергеев В. И.* Первые сибирские города ... С. 120. См. также: Тюмень в XVII столетии... С. 79. Из нарративных источников, помимо КЗ, об этом сказано в Академической редакции СЛС и Записках к сибирской истории служащих. В. Д. Пузанов приурочил появление рубленного города в Тюмени к 1593 г., некоторые другие историки – к 1593–1595 гг. или началу того же десятилетия (*Кружников В. М.* Тюмень... С. 9; *Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 45; Пузанов В. Д.* Город и гарнизон Тюмени в XVII в. // *Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. № 4 (31). 2014. С. 128, 129 и др.*)

²⁶Точнее, «поставление» нового Тюменского «города» относится к 1639/40–1642/43 или 1640–1642 гг. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. II. М., 2000. С. 77, 632, 646; Тюмень в XVII столетии ... С.

об упомянутом «седоке» книжник, интересовавшийся, «кто которой город ставил, и в котором году», умолчал про появление тогда третьей по счету тюменской крепости²⁷. (В сочинениях «группы» Есиповской летописи, включая КЗ, утверждается, что «над Турою», в устье реки Тюменки, русские сразу выстроили «град»²⁸, хотя вначале эта крепость представляла собой острог). Возможно, до страшного пожара 1642 г. в приказной избе Березова хранились наказ основавшим город поблизости от устья Северной Сосьвы воеводе Н. В. Траханиотову «с товарищи»²⁹ и их первые отписки в Москву, и, следуя этим документам, составители раннего березовского городского списка сообщили про обстоятельства возникновения русской крепости на территории Куноватско-Ляпинского «княжества». Впрочем, не исключено, что, как и в середине 1630-х гг.³⁰, местные и тобольские приказные, выясняя, когда и кем заложен Березов, прибегли к расспросам казаков и «литвы», служивших там с конца XVI в. Быть может, обращаясь к городским спискам, тобольский «слогатель» предпетровского времени поведал и о сооружении в 1599/1600 г. Туринского острога (хотя его основателем ошибочно

назвал И. Лихарева)³¹, и «зачатии» Томска (в КЗ, что противоречит документальным свидетельствам и «росписи томских воевод», говорится о закладке острога на Томи тобольским сыном боярским В. Ф. Тырковым в 1600/01 г. и строительстве в следующем году рубленого города³² воеводами В. В. Волынским и М. И. Новосильцевым; в поздних же редакциях СЛС сказано о «создании» «Томского города» В. Тырковым, а эти воеводы представлены лишь «седоками» нового города)³³.

³¹Заметим, что вопреки утверждению создателя Академической редакции СЛС, «по переводу города и воевод и людей с Ло[з]вы» возник не Туринский острог, а было «срублено» Верхотурье. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 140, 141, 369; *Оглоблин Н.* Происхождение провинциальных подьячих XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. № 9. Отд. 2. 1894. С. 122, 126; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. К 400-летию Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 33, 35; Очерки истории Югры. С. 131, 132 и др.

³²Если вспомнить о Нарыме, Верхотурье, Туринске (Епанчине), Кетске, тем более Обдорске, то не приходится утверждать (см.: *Головнев А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 352), что острог через несколько лет после сооружения перестраивался в рубленый город.

³³См., напр.: ПСРЛ. Т. 36. С. 98, 140, 141, 190, 191, 259, 260, 315, 316, 344, 346; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. С. 301, 306, 374-377, 402-403; *Бояришинова З. Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953. С. 33; Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 38; *Солодкин Я. Г.* «Беседуя к вашей любви ...» ... С. 90, 121, 138, 139, 285. В. В. Щепин-Волынский и М. И. Новосильцев ведали Томским уездом в 1608–1613 гг. (*Вершинин Е. В.* Воеводское управление ... С. 38, 175, 176 и др.). Мнение, будто Г. И. Писемский и В. Ф. Тырков являлись воеводами и заложили Томский острог (см., напр.: *Емельянов Н. Ф.* Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. С. 185; *Зиновьев В. П., Лбова Л. В.* Томская область // ИЭС. Т. С–Я. С. 270; *Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 256. Ср.: С. 339, 380; История татар ... Т. IV. С. 728; *Худяков Ю. С.* Взаимодействие российских властей с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. С. 86), нуждается в уточнении. Вывод же о том, что «Описанию о поставлении городов и острогов в Сибири ...» присуща «твердая хронология повествования» (*Резун Д. Я.* Городовое летописание. С. 412), даже рассмотренные летописные заметки не подтверждают.

79. Ср.: С. 173; *Кружинов В. М.* Тюмень ... С. 35; *Пузанов В. Д.* Тюменский уезд в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. № 1 (15). 2007. С. 79, и др.

²⁷ПСРЛ. Т. 36. С. 138, 139, 152. В большинстве вторичных редакций СЛС о «поставлении» «Тюменского города» в 1641/42 г. тоже умалчивается. См.: Там же. С. 199, 266, 322. В составленном в 1785 г. описании Тюмени строительство крепости князем Г. П. Барятинским приурочивается к 1640 г. (*Трофимова О. В., Коновалова Е. Н.* Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень, 2013. С. 265).

²⁸ПСРЛ. Т. 36. С. 35, 40-41, 65, 88, 96, 115, 126, 136, 138, 186, 189, 233. Примеч. 43-44; С. 252, 258, 312, 315, 345 и др. См. также: С. 73, 74, 78; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 49; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 230, 231.

²⁹Вопреки недавно высказанному мнению (*Манькова И. Л.* Формирование православного ландшафта русских поселений ... С. 230), этот наказ должен считаться утраченным. См.: *Буцинский П. Н.* Соч. Т. 1. С. 169.

³⁰См.: *Сергеев В. И.* Первые сибирские города ... С. 118; Первое столетие сибирских городов: XVII век. С. 74 и др.

Библиография

Источники:

Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. IX. СПб., 1875.

Кузнецов Е. В. Сибирский летописец / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень, 1999.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. I, II. М., 1999, 2000.

Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996 (История Сибири. Первоисточники. Вып. VII).

ПСРЛ. Т. 36. М., 1987.

Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. I–III. М., 1984–1989.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. М., 2007.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень, 2013.

Тюмень в XVII столетии с «Введением» и заключительной статьей П. М. Головачева «Состав населения и экономический быт Тюмени в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. Тюмень, 2004.

Литература:

Байрамова Ф. А. К вопросу о завоевании Сибири русскими // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы IV Всерос. (национальной) науч. конф. Курган, 30–31 октября 2020 года. Курган, 2020.

Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955.

Бояришинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953.

Буканова Р. Г. Юго-восточное пограничье России в XVI – первой половине XIX в.: особенности формирования, подвижность границ, социально-политические трансформации // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX в. Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. (г. Уфа, 1–4 июня 2020 г.). Уфа, 2020.

Буцинский П. Н. Соч.: В 2-х т. / Под ред. С. Г. Пархимовича. Сост. Ю. Л. Мандрика. Т. 1, 2. Тюмень, 1999.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002.

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, 2018.

Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. № 1 (45). 2020.

Головнев А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.

Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984.

Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994.

Емельянов Н. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984.

Журова Л. И. Сибирский летописный свод: нарративный аспект // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII – XXI вв.). Мат-лы междунар. науч. конф. Новосибирск, 28–29 ноября 2016 г. Новосибирск, 2016.

Зиновьев В. П., Лбова Л. В. Томская область // Историческая энциклопедия Сибири. Т. С–Я. Новосибирск, 2009.

Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017.

Иваненко А. С. Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города. К 60-летию образования Тюменской области. Тюмень, 2004.

История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014.

История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. V: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань, 2014.

История Ямала. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация / Под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург, 2010.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX, X. М., 1989.

Коньков Н. Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. Б. м., 2001.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Кружинов В. М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1994.

Леонтьев Я. В. «Предаст же брат брата на смерть» (воевода князя Скопина-Шуйского Я. П. Барятинский и тушинский воевода в Ярославле Ф. П. Барятинский) // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) / Под ред. доктора исторических наук, профессора В. Н. Козлякова. Ярославль, 2012.

Манькова И. Л. Формирование православного ландшафта русских поселений в Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII вв.) // Очерки истории Ханты-Мансийского округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск, 2020.

Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н. Н. Оглоблин. Ч. 1. М., 1895.

Оглоблин Н. Происхождение провинциальных подьячих XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. Отд. 2.

Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. К 400-летию Верхотурья. Екатеринбург, 1998.

Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. Т. 1. Новосибирск, 1982.

Павлов А. П. Приставы у опальных бояр Романовых в 1600–1605 годах и судьба их потомков в царствование Михаила Федоровича: позднее раскаяние? // Историк и источник. Сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972.

Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут, 2011.

Пузанов В. Д. Гарнизон Сургута в конце XVI – XVIII в. // Северный регион: наука, образование, культура. № 1 (27). 2013.

Пузанов В. Д. Гарнизоны городов Югорской земли: формирование и службы в конце XVI – начале XVIII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск, 2020.

Пузанов В. Д. Город и гарнизон Тюмени в XVII в. // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. № 4 (31). 2014.

Пузанов В. Д. Тюменский уезд в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. № 1 (15). 2007.

Пузанов В. Д. Экспедиция Андрея Елецкого и основание города Тары в 1594 г. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы II Всерос. науч. конф.: г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014.

Резун Д. Я. Городовое летописание // Историческая энциклопедия Сибири. Т. А–И. Новосибирск, 2009.

Резун Д. Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск, 1981.

Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города: XVIII век. Новосибирск, 1991.

Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск, 1982.

Резун Д. Я. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996 (История Сибири. Первоисточники. Вып. VII).

Резун Д. Я., Соколовский И. Р. Пелым // Историческая энциклопедия Сибири. Т. К–Р. Новосибирск, 2009.

Ромодановская Е. К. Сибирский летописный свод // Историческая энциклопедия Сибири. Т. С–Я. Новосибирск, 2009.

Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002 (Избранные труды).

Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21).

Со времен князя Самара. В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007.

Солодкин Р. Я., Солодкин Я. Г. К 425-летию Сургута: из ранней истории гарнизона первого русского города Среднего Приобья // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. XV. Нижневартовск, 2019.

Солодкин Р. Я., Солодкин Я. Г. Пять лет на тобольском воеводстве (Князь Ф. М. Лобанов-Ростовский и его роль в возобновлении русского градостроительства в «Сибирской земле») // Шатиловские чтения. Мат-лы XV краевед. конф. 25 апреля 2014 года. Нижневартовск, 2014.

Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017.

Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011.

Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015.

Солодкин Я. Г. Первые воеводы и письменные головы Тюмени (к истории складывания административной системы «русской» Сибири) // Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация территорий России в XXI веке. Сб. докл. XVII Междунар. научно-практ. конф. Т. 2. Тюмень, 2015.

Солодкин Я. Г. Тобольские летописцы середины – второй половины XVII века (Редакции и виды Сибирского летописного свода). Нижневартовск, 2012.

Тихонов С. С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. № 8. 2016.

Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018.

Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018.

Худяков Ю. С. Взаимодействие российских властей с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-

татарских государств Западной Сибири. Мат-лы II Всерос. науч. конф.: г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014.

Сведения об авторе

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения Нижневарттовского государственного университета, г. Нижневарттовск (Россия). Область научных интересов: история России, история Сибири XVI–XVII вв., источниковедение, русская духовная культура позднего Средневековья.

E-mail: hist2@yandex.ru

Ya. G. Solodkin

ON ONE VARIETY OF SOURCES OF THE “NOTEBOOK” – THE SENIOR EDITORIAL OF THE SIBERIAN CHRONICLES

Annotation: The message of the “Notebook” assigned to the emergence of Surgut is similar to the news of the same edition of the Siberian Chronicle about the beginning of other Russian cities beyond the Urals in the late XVI – early XVII centuries, probably has a documentary basis. Most likely the Tobolsk scribe of the 1680s used one of the Surgut city lists, but different from those identified to date (which were compiled at the turn of the XVII–XVIII centuries), including the one that became the source for the “Bulletin of Siberian Cities” of 1701. Telling about the construction of the “Tyumen city” built first to replace the burg, and then the former chopped fortress, narrating about the founding of Berezov, Pelym, Tomsk, the anonymous chronicler could also refer to such “writings”.

Keywords: Siberian annalistic collection, its news about early Russian urban planning in Siberia, Surgut city lists, “Bulletin of Siberian cities” of 1701, source of messages from the “Notebook” about the “establishment” of the “Tyumen city” and the founding of Berezov, Pelym, Surgut, Tara, Tomsk.

References

Sources:

Vershinin E. V., Shashkov A. T. Dokumenty XVII veka po istorii Surgutskogo uezda [Documents of the XVII century on the history of the Surgut district. Materials and research on the history of North-West Siberia]. Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri. Ekaterinburg, 2002.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoyu Komissieyu [Additions to Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. IX. St. Petersburg, 1875.

Kuznetsov E. V. Sibirskii letopisets [Siberian chronicler]. Tyumen', 1999.

Miller G. F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. I, II. Moscow, 1999, 2000.

Pervoe stoletie sibirskikh gorodov: XVII vek [The first century of Siberian cities: the XVII century]. Novosibirsk, 1996 (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki. Iss. VII).

PSRL. Vol. 36. Moscow, 1987.

Razryadnaya kniga 1550–1636 gg. [Razryad book 1550–1636]. Vol. II. Issue. 1. Moscow, 1976.

Razryadnaya kniga 1559–1605 gg. [Razryad book 1559–1605]. Moscow, 1974.

Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Razryad book 1475–1598]. Moscow, 1966.

Razryadnaya kniga 1475–1605. [Razryad book 1475–1605]. Vol. III. P. I–III. Moscow, 1984–1989.

Russkoe starozhil'cheskoe naselenie Yugry v kontse XVI – seredine XIX v.: issledovatel'skie materialy i dokumenty [Russian old-time population of Ugra in the late XVI – mid-XIX centuries: research materials and documents]. Moscow, 2007.

Tikhomirov M. N. Russkoe letopisanie [Russian chronicle writing]. Moscow, 1979.

Trofimova O. V., Konovalova E. N. Topograficheskie opisaniya Zapadnoi Sibiri XVIII veka [Topographic descriptions of Western Siberia in the XVIII century]. Tyumen', 2013.

Tyumen' v XVII stoletii s "Vvedeniem" i zaklyuchitel'noi stat'ei P. M. Golovacheva "Sostav naseleniya i ekonomicheskii byt Tyumeni v XVII v.", s prilozheniem plana starinnoi Tyumeni i 2 vidov Blagoveshchenskogo sobora nachala XVIII v. [Tyumen in the XVII century with the "Introduction" and the final article by P. M. Golovachev "Composition of the population and economic life of Tyumen in the XVII century", with the attachment of the plan of old Tyumen and 2 views of the Annunciation Cathedral of the early XVIII century]. Tyumen', 2004.

Researches:

Bairamova F. A. K voprosu o zavoevanii Sibiri russkimi [On the issue of the conquest of Siberia by the Russians]. Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri. Mat-ly IV Vseros. (natsional'noi) nauch. konf. Kurgan, 30–31 oktyabrya 2020 goda [History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of IV Vseros. (national) scientific. conf. Kurgan, October 30-31, 2020]. Kurgan, 2020. (In Russian).

Balandin S. N. Oboronnaya arkhitektura Sibiri v XVII v. [Defense architecture of Siberia in the XVII century]. Goroda Sibiri (Ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskii period) [Cities of Siberia (Economy, management and culture of Siberian cities in the pre-Soviet period)]. Novosibirsk, 1974. (In Russian).

Bakhrushin S. V. Nauchnye Trudy [Scientific works]. Vol. III. P. 1. Moscow, 1955. (In Russian).

Boyarshinova Z. Ya. Osnovanie goroda Tomsk [Foundation of the city of Tomsk]. Voprosy geografii Sibiri [Questions of the geography of Siberia]. St. Petersburg. 3. Tomsk, 1953. (In Russian).

Bukanova R. G. Yugo-vostochnoe pogranch'e Rossii v XVI – pervoi polovine XIX v.: osobennosti formirovaniya, podvizhnost' granits, sotsial'no-politicheskie transformatsii [South-eastern borderlands of Russia in the XVI – first half of the XIX centuries: features of formation, mobility of borders, socio-political transformations]. Politicheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i mezhetnicheskie protsessy v pogranchnykh regionakh Rossii v XVI – nachale XX v. Materials of Intern. scientific and practical. conf. (Ufa, June 1-4, 2020). Ufa, 2020. (In Russian).

Butsinskii P. N. Soch.: V 2-kh t. [Comp.: in 2 volumes]. Ed. S. G. Parkhimovich. Compiled by Yu. L. Mandrika]. Vol. 1, 2. Tyumen', 1999. (In Russian).

Vershinin E. V. Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voivodship administration in Siberia (XVII century)]. Ekaterinburg, 1998. (In Russian).

Vershinin E. V. Vosstanie Ton'i-Kinemy v pis'mennykh i fol'klornykh istochnikakh [Tonya-Kinema uprising in written and folklore sources]. Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri [Materials and research on the history of North-West Siberia]. Ekaterinburg, 2002. (In Russian).

Vershinin E. V. Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoi Sibiri v kontse XVI – XVII vv. [Russian colonization of North-West Siberia at the end of the XVI – XVII centuries]. Ekaterinburg, 2018. (In Russian).

Vershinin E. V., Vizgalov G. P. Gorodovye (ostrozhnnye) ukrepleniya Surguta v XVII v. [City (prison) fortifications of Surgut in the XVII century]. Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura [Northern region: science, education, culture]. 2020. No. 1 (45). (In Russian).

Golovnev A. V. Fenomen kolonizatsii [Phenomenon of colonization]. Ekaterinburg, 2015. (In Russian).

Dvoret'skaya N. A. Sibirskii letopisnyi svod (vtoraya polovina XVII v.) [Siberian annals (second half of the 17th century)]. Novosibirsk, 1984. (In Russian).

Drevnii gorod na Obi. Istoriya Surguta [The ancient city on the Ob. History of Surgut]. Ekaterinburg, 1994. (In Russian).

Emel'yanov N. F. Gorod Tomsk v feodal'nyu epokhu [The city of Tomsk in the feudal era]. Tomsk, 1984. (In Russian).

Zhurova L. I. Sibirskii letopisnyi svod: narrativnyi aspekt [Siberian annals: a narrative aspect] Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.) [Asian Russia: problems of socio-economic, demographic and cultural development (XVII–XXI centuries)]. Novosibirsk, 28–29 noyabrya 2016 g. Novosibirsk, 2016. (In Russian).

Zinov'ev V. P., Lbova L. V. Tomskaya oblast' [Tomsk region]. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical encyclopedia of Siberia]. Vol. S–Ya. Novosibirsk, 2009. (In Russian).

Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A. Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the canopy of the two-headed eagle: the incorporation of the peoples of Siberia into the Russian state at the end of the XVI – beginning of the XVIII century]. Novosibirsk, 2017. (In Russian).

Ivanenko A. S. Chetyre veka Tyumeni. Ocherki zhivoi istorii starinnogo sibirskogo goroda. K 60-letiyu obrazovaniya Tyumenskoi oblasti [Four centuries of Tyumen. Essays on the living history of the ancient Siberian city. To the 60th anniversary of the formation of the Tyumen region]. Tyumen', 2004. (In Russian).

Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v semi tomakh. T. IV: Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. [History of the Tatars since ancient times: in seven volumes. Vol. IV: Tatar states of the XV–XVIII centuries]. Kazan', 2014. (In Russian).

Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v semi tomakh [History of the Tatars since ancient times: in seven volumes]. Vol. V: Tatarskii narod v sostave Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI–XVIII vv.). Kazan', 2014. (In Russian).

Istoriya Yamala [History of Yamal]. Vol. I: Traditional Yamal. Book 2: Russian colonization. Ekaterinburg, 2010. (In Russian).

Karamzin N. M. Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Book. III. Vol. IX, X. Moscow, 1989. (In Russian).

Kon'kov N. L. Tobol'skie voevody kontsa XVI – nachala XVIII veka [Tobolsk governors of the late XVI – early XVIII centuries]. B. m., 2001. (In Russian).

Kochedamov V. I. Pervye russkie goroda Sibiri [The first Russian cities of Siberia]. Moscow, 1978. (In Russian).

Kruzhinov V. M. Tyumen': vekhi istorii [Tyumen: milestones in history]. Ekaterinburg, 1994. (In Russian).

Leont'ev Ya. V. “Predast zhe brat brata na smert” (voevoda knyazya Skopina-Shuiskogo Ya. P. Baryatinskii i tushinskii vevoda v Yaroslavl' F. P. Baryatinskii) [“Brother will betray his brother to death” (the governor of Prince Skopin-Shuisky Ya. P. Baryatinsky and Tushinsky governors in Yaroslavl' F. P. Baryatinsky)]. Smutnoe vremya v Rossii v nachale XVII v.: poiski vykhoda. K 400-letiyu “Soveta vseya zemli” v Yaroslavl' [Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVII century: searches of exit. On the occasion of the 400th anniversary of the “Council of All Land” in Yaroslavl. Materials Intern. scientific. conf. (Yaroslavl, June 6–9, 2012). Ed. Doctor of Historical Sciences, Prof. V. N. Kozlyakov]. Yaroslavl', 2012. (In Russian).

Man'kova I. L. Formirovanie pravoslavno landshafta russkikh poselenii v Severo-Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII vv.) [Formation of the Orthodox landscape of Russian settlements in Northwestern Siberia (late XVI – early XVIII centuries)]. Ocherki istorii Khanty-Mansiiskogo okruga – Yugry (k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry i 900-letiyu pervogo upominaniya Yugry v russkikh letopisyakh) [Yugra and the 900th anniversary of the first mention of Yugra in Russian chronicles]. Moscow; Khanty-Mansiysk, 2020. (In Russian).

Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of columns and books of the Siberian Order (1592–1768). Comp. N. N. Ogloblin]. Part. 1. Moscow, 1895. (In Russian).

Ogloblin N. Proiskhozhdenie provintsial'nykh pod'yachikh XVII veka [The origin of the provincial clerks of the XVII century] Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education]. 1894. No. 9. Dep. 2. (In Russian).

Ocherki istorii i kul'tury goroda Verkhotur'ya i Verkhotur'skogo kraja. K 400-letiyu Verkhotur'ya [Essays on the history and culture of the city of Verkhotur'ye and the Verkhotur'ye region. To the 400th anniversary of Verkhotur'ye]. Ekaterinburg, 1998. (In Russian).

Ocherki istorii Tyumenskoi oblasti [Essays on the history of the Tyumen region]. Tyumen', 1994. (In Russian).

Ocherki istorii Yugry [Essays on the history of Ugra]. Ekaterinburg, 2000. (In Russian).

Ocherki russkoi literatury Sibiri [Essays on Russian literature in Siberia. In 2 volumes]. Vol. 1. Novosibirsk, 1982. (In Russian).

Pavlov A. P. Pristavy u opal'nykh boyar Romanovykh v 1600–1605 godakh i sud'ba ikh potomkov v tsarstvovanie Mikhaïla Fedorovicha: pozdnee raskayanie? [Bailiffs of the disgraced Romanov boyars in 1600–1605 and the fate of their descendants during the reign of Mikhail Fedorovich: late repentance?]. Istorik i istochnik. Sbornik statei k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva [Historian and source. Collection of articles for the anniversary of Sergei Nikolaevich Kisterev]. St. Petersburg, 2018. (In Russian).

Preobrazhenskii A. A. Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka [The Urals and Western Siberia at the end of the XVI – beginning of the XVIII century]. Moscow, 1972. (In Russian).

Puzanov V. D. Voennaya politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.) [Military policy of the Russian state in Western Siberia (late XVI – early XVIII century)]. Surgut, 2011. (In Russian).

Puzanov V. D. Garnizon Surguta v kontse XVI – XVIII v. [Garrison of Surgut at the end of the XVI – XVIII centuries]. Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura [Northern region: science, education, culture]. No. 1 (27). 2013. (In Russian).

Puzanov V. D. Garnizony gorodov Yugorskoï zemli: formirovanie i sluzhby v kontse XVI – nachale XVIII vv. [Garrisons of the cities of the Ugra land: formation and services in the late XVI – early XVIII centuries]. Ocherki istorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry (k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry i 900-letiyu pervogo upominaniya Yugry v russkikh letopisyakh) [Essays on the history of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (to the 90th anniversary of the formation of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra and The 900th anniversary of the first mention of Ugra in Russian chronicles)]. Moscow; Khanty-Mansiysk, 2020. (In Russian).

Puzanov V. D. Gorod i garnizon Tyumeni v XVII v. [The city and garrison of Tyumen in the XVII century]. Vestnik Surgut. gos. ped. un-ta [Bulletin of Surgut. State ped. university]. No. 4 (31). 2014. (In Russian).

Puzanov V. D. Tyumenskii uezd v XVII v. [Tyumen district in the XVII century]. Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura [Northern region: science, education, culture]. No. 1 (15). 2007. (In Russian).

Puzanov V. D. Ekspeditsiya Andreyâ Eletskaïgo i osnovanie goroda Tary v 1594 g. [The expedition of Andrei Yeletsy and the founding of the city of Tara in 1594]. Istorîya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri. Mat-ly II Vseros. nauch. konf.: g. Kurgan, 17–18 aprelya 2014 goda [History, economics, and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the II Vseros. scientific. Conf.]. Kurgan, 2014. (In Russian).

Rezun D. Ya. Gorodovoe letopisanie [Urban Chronicle]. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. A–I. Novosibirsk, 2009. (In Russian).

Rezun D. Ya. K istorii “postavleniya” gorodov i ostrogov v Sibiri [To the history of the “establishment” of cities and forts in Siberia]. Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka. Otv. red. O. N. Vilkov [Siberian cities of the XVII – early XX century. Otv. ed. O. N. Vilkov]. Novosibirsk, 1981. (In Russian).

Rezun D. Ya. Ocherki istorii izucheniya sibirskogo goroda: XVIII vek [Essays on the history of the study of the Siberian city: XVIII century]. Novosibirsk, 1991. (In Russian).

Rezun D. Ya. Ocherki istorii izucheniya sibirskogo goroda kontsa XVI – pervoi poloviny XVIII veka [Essays on the history of the study of a Siberian city at the end of the XVI – first half of the XVIII century. Otv. ed. O. N. Vilkov]. Novosibirsk, 1982. (In Russian).

Rezun D. Ya. Predislovie [Preface]. Pervoe stoletie sibirskikh gorodov: XVII vek [The first century of Siberian cities: XVII century]. Novosibirsk, 1996 (Istorîya Sibiri. Pervoïstochniki. Iss. VII). (In Russian).

Rezun D. Ya., Sokolovskii I. R. Pelym [Pelym]. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. K–R. Novosibirsk, 2009. (In Russian).

Romodanovskaya E. K. Sibirskii letopisnyi svod [Siberian annals]. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical encyclopedia of Siberia]. Vol. S–Ya. Novosibirsk, 2009. (In Russian).

Romodanovskaya E. K. Sibir' i literatura: XVII vek [Siberia and Literature: XVII century]. Novosibirsk, 2002 (Izbrannye trudy). (In Russian).

Sergeev V. I. Pervye sibirskie goroda, ikh voennoe, ekonomicheskoe i kul'turnoe znachenie [The first Siberian cities, their military, economic and cultural significance]. Vestnik istorii mirovoi kul'tury [Bulletin of the history of world culture]. 1960. No. 3 (21). (In Russian).

So vremeni knyazyia Samara. V poiskakh istoricheskikh kornei Khanty-Mansiiska [Since the time of Prince Samara. In search of the historical roots of Khanty-Mansiysk. Reprinted]. Khanty-Mansiysk, 2007. (In Russian).

Solodkin R. Ya., Solodkin Ya. G. K 425-letiyu Surguta: iz rannei istorii garnizona pervogo russkogo goroda Srednego Priob'ya [To the 425th anniversary of Surgut: from the early history of the garrison of the first Russian city of the Middle Ob region]. Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'. Kraevedcheskie zapiski [Western Siberia: history and modernity. Local history notes]. Iss. XV. Nizhnevartovsk, 2019. (In Russian).

Solodkin R. Ya., Solodkin Ya. G. Pyat' let na tobol'skom voevodstve (Knyaz' F. M. Lobanov-Rostovskii i ego rol' v vozobnovlenii russkogo gradostroitel'stva v "Sibirskoi zemle") [Five years in the Tobolsk voivodship (Prince FM Lobanov-Rostovsky and his role in the resumption of Russian urban planning in the "Siberian land")]. Shatilovskie chteniya. Mat-ly XV kraeved. konf. 25 aprelya 2014 goda [Shatilov readings. Mat-ly XV ethnographer. conf., April 25]. Nizhnevartovsk, 2014. (In Russian).

Solodkin Ya. G. "Beseduya k vashei lyubvi ...". Spornye problemy istorii sibirskogo letopisaniya XVII veka ["Talking to your love ...". Controversial Problems of the History of the Siberian Chronicle of the XVII Century]. Nizhnevartovsk, 2017. (In Russian).

Solodkin Ya. G. Vosled Savve Esipovu. Ocherki po istorii sibirskogo letopisaniya serediny – vtoroi poloviny XVII veka [Followed by Savva Esipov. Essays on the history of Siberian chronicle writing in the middle – second half of the XVII century]. Nizhnevartovsk, 2011. (In Russian).

Solodkin Ya. G. "Ermakovo vzyatie" Sibiri. Diskussionnye problemy istorii i istochnikovedeniya ["Ermakov's capture" of Siberia. Issues of history and source study]. Nizhnevartovsk, 2015. (In Russian).

Solodkin Ya. G. Pervye voevody i pis'mennye golovy Tyumeni (k istorii skladyvaniya administrativnoi sistemy "russkoi" Sibiri) [The first governors and writers of Tyumen (to the history of the formation of the administrative system of "Russian" Siberia)]. Vodnye resursy i landshaftno-usadebnaya urbanizatsiya territorii Rossii v XXI veke. Sb. dokl. XVII Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. [Water resources and landscape-estate urbanization of Russian territories in the XXI century. Sat. report XVII Int. scientific and practical. conf.]. Vol. 2. Tyumen', 2015. (In Russian).

Solodkin Ya. G. Tobol'skie letopistsy serediny – vtoroi poloviny XVII veka (Redaktsii i vidy Sibirskogo letopisnogo svoda) [Tobolsk chroniclers of the middle – second half of the XVII century (Editions and views of the Siberian annals)]. Nizhnevartovsk, 2012. (In Russian).

Tikhonov S. S. Bukharskaya sloboda Tarskoi kreposti: issledovaniya topografii i istoricheskikh raionov goroda [Bukhara settlement of the Tara fortress: studies of topography and historical areas of the city]. Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva [Medieval Turkic-Tatar states]. No. 8. 2016. (In Russian).

Trepavlov V. V., Belyakov A. V. Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii [Siberian princes in the history of Russia]. St. Petersburg, 2018. (In Russian).

Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Kazan', 2018. (In Russian).

Khudyakov Yu. S. Vzaimodeistvie rossiiskikh vlastei s teleutami v bor'be so storonnikami vosstanovleniya Sibirskogo khanstva [Interaction of the Russian authorities with the Teleuts in the fight against supporters of the restoration of the Siberian Khanate]. Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri. Mat-ly II Vseros. nauch. konf.: g. Kurgan, 17–18 aprelya 2014 goda [History, economics, and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the II Vseros. scientific. Conf.: Kurgan, April 17–18, 2014]. Kurgan, 2014. (In Russian).

About the author

Solodkin Yankel G., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia). Research interests: history of Russia, history of Siberia in the XVI–XVII centuries, source studies, Russian spiritual culture of the late Middle Ages.

E-mail: hist2@yandex.ru

«ПО РОБЕ ХОЛОП И ПО ХОЛОПЕ РОБА». ХОЛОПСТВО В САРАНСКОМ УЕЗДЕ XVII В.

Аннотация: Данная работа посвящена холопству на Руси в XVI–XVII вв. и холопству в Саранском уезде в XVII в. Автор изучает и вводит в научный оборот новые источники с упоминанием саранских холопов XVII ст.

Ключевые слова: холоп, кабальный холоп, Саранск, XVII в.

Холопы – категория феодально-зависимых людей в Русском государстве. Впервые термин «холопы» встречается в русских летописях под 986 г. В XI–XII вв. употреблялся для обозначения различных категорий зависимых людей и особенно рабов. По древнерусским законам господин мог неограниченно распоряжаться своим холопом: продать, отдать за долги и пр. В то же время господин нес ответственность за действия холопа. Данная категория не была юридически правомочна, так холопы часто лично не отвечали за кражу, не могли выступать в суде в качестве свидетелей и т. п. Холопами становились в результате пленения, самопродажи, продажи за долги или преступления, женитьбы на холопке, используя средневековую формулу «по робе холопъ, по холопе раба», закрепленную Соборным уложением 1649 г. в XX главе в статьях 31 и 60¹: «А кто будет в какой крепости в холопстве написан, и те люди по рабе холоп и по холопе раба» – (ст. 31)².

Холопы, наряду с владельческими крестьянами, являлись лично зависимой категорией населения, лишенной самостоятельных юридических прав. Однако следует помнить, что в XVII в. не

существовало холопства, аналогичного рабству.

К XVI–XVII вв. положение различных категорий холопов существенно отличалось. Существовали «докладные холопы» (название происходит от юридической процедуры оформления такого вида холопства путем «доклада»), часто служившие сельскими ключниками, то есть заведовавшие хозяйством феодала в качестве управляющих и доверенных лиц, при этом они стояли над массой сельского населения³.

Иную группу составляли холопы, занятые крестьянским трудом: «задворные» (селились отдельными избами «за двором» хозяина) – они обрабатывали земли и получали «месячину» – ежемесячную норму натуральных продуктов. Еще одной разновидностью сельских холопов были «деловые люди», которые в переписях прописывались живущими в вотчинных дворах, а фактически вели самостоятельное хозяйство.

Как отмечает доктор исторических наук Я. Е. Водарский «Установить численность холопов в России (во второй половине – конце XVII в.) можно только приблизительно: выделить группы по роду занятий точно невозможно. Можно выделить две основные группы: задворные и деловые люди и дворовые. Подавляющее большинство задворных и деловых людей занималось земледелием, а какая-то часть их – торговлей и ремеслами. В 93 уездах их насчитывалось 79000 человек, дворовых людей там же – 84000 человек. Общую численность холопов можно определить округленно в 0,2 млн. человек»⁴.

¹Фролов Д. В. Холопъ / Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Материалы к словарю-справочнику. Выпуск. 3. Саранск, 2016. С. 126-127.

² Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии. Л., 1987. С. 107.

³ Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014. С. 58.

⁴ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. URL:

Зачастую в юридических актах XVII столетия в качестве абсолютных синонимов употребляются термины «люди» и «холопы», например в Соборном уложении 1649 г., в 61 статье XX главы: «в приданые давати и женам, и детям, и внучатом, и правнучатом в надел в духовных и в даных и в рядных писати полных и докладных и купленых людей и полонеников иных земель. И кому такие люди будут в приданые или в надел даны, и тем людем такие люди крепки и женам их, и детям, и внучатом, и правнучатом, а кабалных людей в приданые не давати и в духовные и в рядные и в даные не писать. А будет кто кому кабалного холопа или рабу в приданые даст, или в духовную, или в рядную, или в даную напишет, а таким кабалным холопом и рабам давати волю»⁵.

Со второй половины XVI в. упоминаются записные книги (записные кабальные книги), в которые должны были вноситься крепости на холопов; но обязательное значение такая практика получила лишь в конце XVI века.

О кабальных холопах упоминания «встречаются с конца XV века, например, в завещании удельного князя Андрея Васильевича Меньшого 1481 г. По этому документу кабальные люди наряду с полными людьми отпускаются на слободу. В духовной 1526 г. Даниила Мордвинова сказано, что у него был «Григорьевской человек Митка Папинъ въ полутретье рубль по кабале, и тотъ Митка з женою и з детми на слободу... а кабалу ему выдати, а денегъ не правити»⁶. В 1534 г. князь Ногтев распорядился в духовной: «А что мое люди по кабаламъ серебряники и по полнымъ и по докладнымъ грамотамъ холопи, и те все люди по моей душе на слободу; а приказщики мое темъ моимъ людемъ полнымъ и докладнымъ отпускные грамоты подаютъ, а кабалнымъ людемъ кабалы выдаютъ»⁷. Из данного

документа становится очевидным, что кабальные люди – должники своих господ, живущие во дворах своих хозяев, которые отпускаются на слободу в том смысле, что им прощаются долги и выдаются «безденежно» «кабалы» (в смысле заемной расписки или долгового обязательства). Обыкновенно должники на занятые деньги платили резы или рост, т. е. проценты. Но наряду с этим установился обычай вместо уплаты роста кредитору работать на него в его дворе. Такое отношение должника к кредитору устанавливалось особым документом, так называемой «служилой кабалой», например, в 1596 г. Осип Юрьев со своими детьми «заняли есмя у князя Василя Васильевича Ржевскаго серебра восемь рублей денегъ московскихъ ходячихъ на годъ; а за ростъ намъ у государя служити во дворе, по вся дни; а полягутъ денги по сроце, и намъ у государя его служити потому жъ по вся дни во дворе»⁸. Такое обязательство заемщика создавало для него совершенно безвыходное состояние зависимости от кредитора. Если весь его труд (служба по вся дни) шел на уплату только процентов, то уплатить долг представлялось совершенно невозможным; новый же заем для уплаты старого долга вел лишь к перемене кредитора, но не менял положения должника. Отсюда, очевидно, появление фразеологизмов – «попасть в кабалу», «выбиться из кабалы», указывающих на трудность положения закабаленного. Предположительно, изначально кабальное холопство было пожизненным. Только милость хозяина возвращала свободу кабальным людям. Так, в духовной князя Никиты Ростовского 1548 г. он пожаловал княгиню «своими людьми кабалными... и темъ людемъ жити у княгини после княжого живота 5 летъ, а отжить 5 летъ. и княгиня ихъ отпустить на слободу, по княжей души безденежно»⁹. Юридически же, формально кабальная зависимость могла быть прекращена в любой момент уплатой долга.

Впервые Судебник 1550 г. упоминает о служилых кабахах: «А которые люди волные

https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/ (дата обращения: 22. 08. 2021).

⁵ Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарий. С. 110.

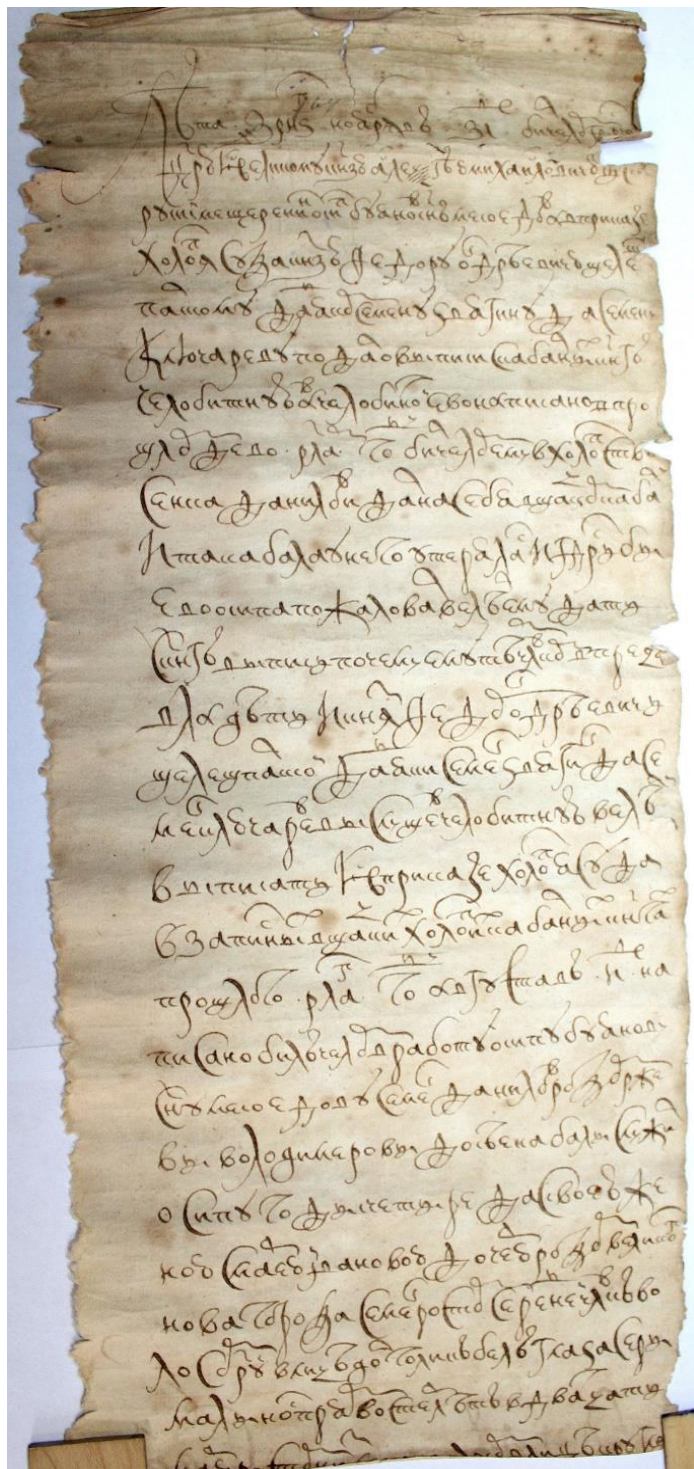
⁶ Фролов Д. В. Холоп кабальный // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Материалы к словарю-справочнику. Выпуск. 3. С. 130.

⁷ Там же. С. 130-131.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Там же.

учнуть бити челомъ княземъ и бояромъ, и детемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, а стануть на собя давати кабалы за ростъ служити: и боле пятнадцати рублевъ на серебряника кабалы не имати» (ст. 78)¹⁰. Старые кабалы, написанные на большие

суммы, Судебник оставляет в силе. В

¹⁰ Судебники XV–XVI вв. под общей ред. акад. Б. Д. Грекова, М.–Л., 1952. С. 169.

рассматриваемый период займы заключались на разных условиях: были займы с процентами и без них. Рост (проценты) уплачивался или деньгами, или натурой (зерном – «наспом»), или работой, службой. Сохранившиеся заемные кабалы всегда предусматривают обычный размер роста; по служилым кабалам рост уплачивался службой. Ст. 82 Судебника 1550 г. («а кто займет сколке денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им себе, а на деньги рост давати им...»)¹¹ относится к заемной кабале, ст. 78 – к служилой; обе статьи относятся к договору займа, но заключенному на разных условиях. Далее в тексте той же статьи прямо указано, что поступающим в кабальную службу давались деньги.

По указам 1586 и 1597 гг. кабальное холопство получило характер личной крепости закабаленных по смерти их господина. Это далеко не всегда соответствовало интересам владельцев, а потому они пытались создать обход нового закона, заставляя выдавать кабалы одновременно на свое имя и на имя своих наследников. При таких условиях у кабального холопа по смерти господина оставался еще другой господин, и кабальный человек мог совсем не получить отпуска на волю. Указ 1606 г. запретил такую практику и предписал писать кабалы порознь: «отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дяде съ племянникомъ, на людей кабаль писати и въ книги записывати не велети». Впредь по таким кабалам не только не велено давать суд, но предписано таких закабаленных «освободити отъ нихъ на волю»¹². Уложение 1649 г. не только воспроизвело это правило, но и запретило господам брать на имя своих детей новые кабалы от холопов, без представления на них отпускных. Кабальный холоп, таким образом, мог выдать на себя новую кабалу, только сделавшись вольным человеком.

¹¹ Там же. С. 170.

¹² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарий. Л., 1987. С. 99-102.

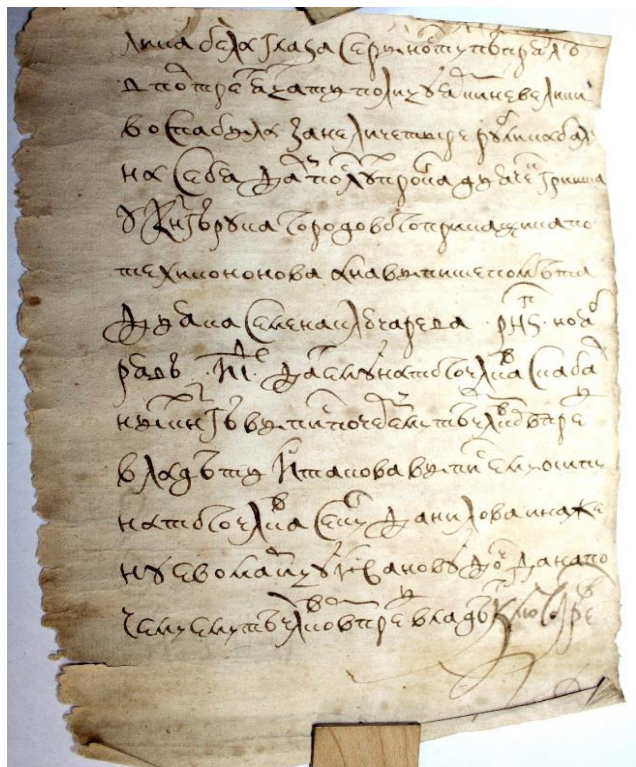
Кроме смерти господина также отпускались на волю: 1) холопы, взятые в плен, но спасшиеся из него бегством (Судебник 1550 г., ст. 80; Уложение 1649 г., XX, 34); 2) все холопы господина, изменившего государю и отъехавшего в другое государство (Уложение 1649 г. XX, 33); 3) вновь крещеные в православие холопы, если их господа продолжали оставаться некрещеными (Уложение 1649 г., XX, 71).

Для иллюстрации положения холопов приведем некоторые статьи основного свода законов Русского государства XVII столетия:

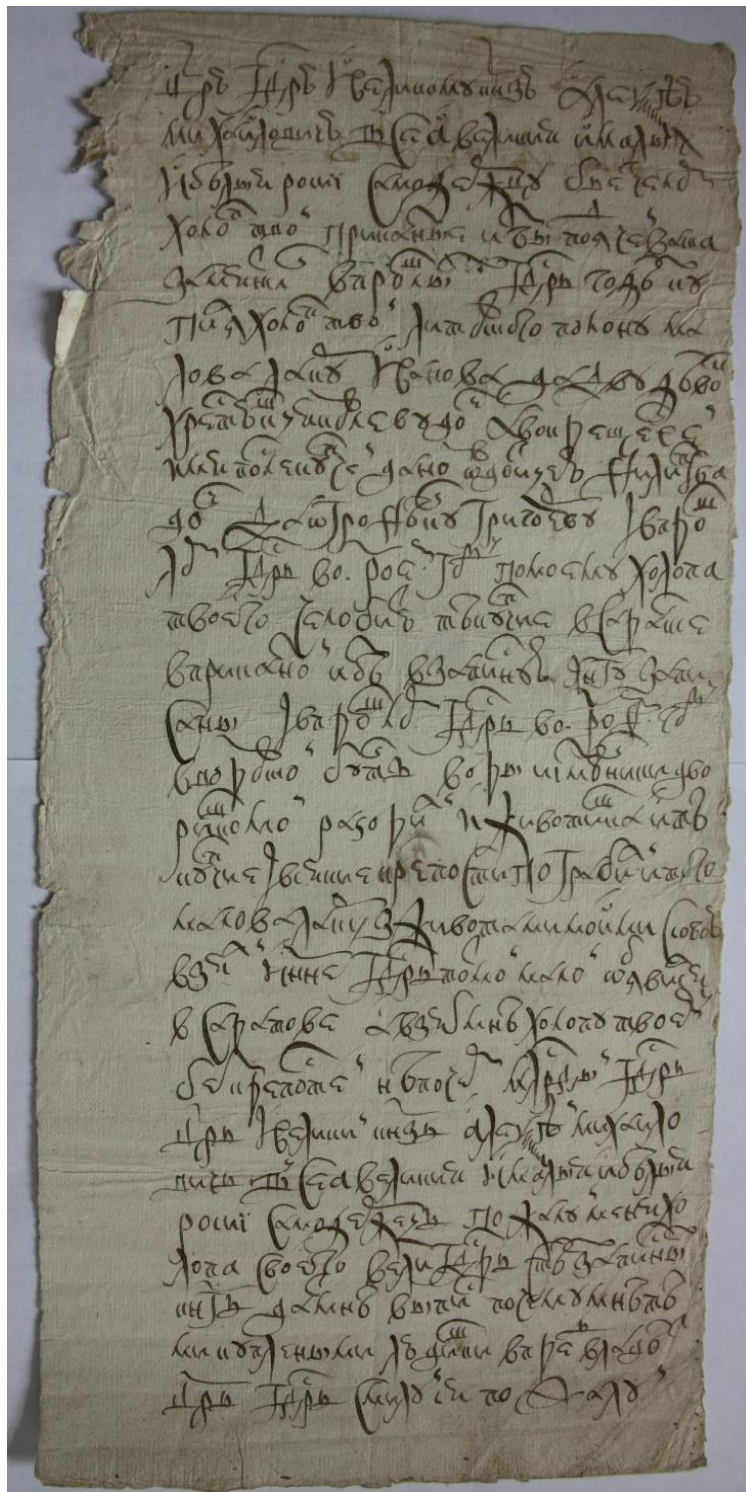
Соборное Уложение 1649 г, глава XX, ст. 60: «А которой боярской человек, или раба, которому исцу или ответчику крепчае, и по суду доведется отдать мужа, а тот будет холоп женат, отдать с ним и жена. А будет доведется отдать кому по крепости жену, а у нея есть муж, отдать за жонкою и мужа да с них же взять головные пошрины»¹³.

Соборное Уложение 1649 г, глава XI, ст. 12: «А будет у кого с сего же государева указу из вотчины или ис поместья збежит

крестьянина, или кто у кого с сего государева указу крестьянскую дочь девку подговорит, и подговоря выдаст за своего кабальнаго человека, или за крестьянина или за бобыля, и тот, из за кого она збежит, учнет об ней бити челом государю, и по суду и по сыску сыщется про то допряма, что та девка збежала, или подговорена, и ее тому, из за кого она выбежит, отдать и с мужем ея и з детьми, которых она детей с тем мужем

крестьянская дочь девка, и збежав выйдет замуж за чьего кабалнаго человека, или за

¹³ Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии. С. 110.

приживет, а животов мужа ее с нею не отдавати»¹⁴.

Соборное Уложение 1649 г, глава XI, ст. 15: «А будет из за кого збежит крестьянка вдова, а муж ея за тем, из за кого она выбежит, написан в писцовых или в отделных книгах и в выписях, или в и(ы)ных в каких крепостях во крестьянех или в бобылях, а збежав та крестьянка выдет замуж за чьего кабалного человека, или за крестьянина, и ту крестьянку вдову тому помещику, за кем первой ея муж в писцовых или в переписных книгах, или в выписях и в иных крепостях написан, отдати с мужем»¹⁵.

Под номером ОФ 1974 в МРОКМ им. И. Д. Воронина хранится типичный памятник – выпись из шацких кабалных книг 18 ноября 1647 г., данная «мещерину Осипу Буянову сыну Месоедову» на его холопа Сеньку Данилова с женой Марьей Ивановой. Документ на двух листах, по склейке припись дьяка Семена Ключарева (в дальнейшем главы Холопьяго приказа в Москве), в конце выписи его же помета.

«Лета 7156-го (1647) ноября в 17 день бил челом Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси мещерин Осип Буянов сын Месоедов. А в приказе Холопья суда князю Федору Ондреевичю Шелешпанскому да дьяком Семену Звягину да Семену Ключареву подал о выписи с кабалных книг челобитную, а в челобитной ево написано, в прошлом де во 131 (1623) году бил челом ему в холопство Сенка Данилов и дал на себя в Шацком кабалу, и та кабала у него утерлася. И Государь бы ево, Осипа, пожаловал, велел ему дать с книг выпись, почему ему тем человеком впредь владеть. И князь Федор Ондреевич Шелешпанской да дьяки Семен Звягин да Семен Ключарев, выслушев челобитную, велели выписать. И в приказе Холопья суда в записных в шацких холопях кабалных книгах прошлого 131-го году августа в 8 день написано: бил челом в работу Осипу Буянову сыну Месоедову

Семен Данилов, родом Ржевы Володимеровы. До сее кабалы служил Осипу годы четыре да с своею женою с Марьею, Ивановой дочерью, родом Великого Новагорода. Семен ростом средней человек, волосом рус, в лице долголик, бел, глаза серы, малы, нос прям, востер, лет в дватцать. Марья ростом низменна, волосом в лице к руке, ликам бела, глаза серы, нос туп, прям, лет в полтретьятцать (т. е. 25), по лицу ямки невелики – воспа была. Занели четыре рубли. Кабалу на себя дали. Послух Пронка, дьячек Гришка, у книг рука городского прикащика Потехи Кононова, а на выписке помета дьяка Семена Ключарева 156-го (1647) ноября в 18-е. Дат ему на того человека с кабалных книг выпис, почему ему тем человеком впред владеть. И такова выпис ему, Осипу, на того человека Сенку Данилова и на жену ево Марицу Иванову дочь дана, почему ему тем человеком впред владет. [Далее другим почерком:] Ключарев».

На обороте: на месте склейки остатки надписи: «Дьяк Семен».

В нижнем правом углу: «Справил Сенка Чав (далее обрыв)»¹⁶.

В РГАДА находится челобитная 1673 г. царю Алексею Михайловичу подьячего саранской приказной избы Василия Замятнина о выдаче ему из саранских кабалных книг выписи с купчих на владение холопами, которых он купил «из литовского полона» в 1667 году и которые сбежали от него во время восстания под предводительством С. Т. Разина в 1670 г.

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу бьет челом холоп твой – приказные избы подячей Васка Замятнин. В прошых, государь, годех, купил я, холоп твой, литовского полону Малова Ласку Иванова да дву девок – Хрестюшку Яковлеву доч[ь], а во крещен[ь]е ей имя после купчей дано Овдотьица Филиппева доч[ь], да Огрофенку Григорьеву. И в прошлом,

¹⁴ Там же. С. 66.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Выпись из шацких кабалных книг 18 ноября 1647 г., данная «мещерину Осипу Буянову сыну Месоедову» на его холопа Сеньку Данилова с женой Марьей Ивановой // МРОКМ им. И. Д. Воронина. ОФ 1974.

государь, во 175 (1667 г. – Д.Ф.) году, по моему, холопа твоего, челобит[ь]ю те купчие в Саранске в приказной избе в записную книгу записаны. И в прошлом, государь, во 179 (1670 г. – Д. Ф.) году, в воровской бунт (т. е. во время восстания С. Т. Разина) воры именишко и дворишко мой разорили, и животишка, и те купчие, и всякие крепости пограбил[и], и того Малова Ласку з животами моими с собою взяли. Ныне, государь, тот мой Малой объявился в Саратове, а взят мне, холопу твоему, без крепостей непочем. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя России самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тех записных книг дат мне выпис, почему мне теми купленными людьми впред владет. Царь-государь, смилуйся, пожалуй».

На обороте резолюция по данной челобитной: «7182 (1673 г. – Д. Ф.) октября в д[ень] 17 дат с книг выпис»¹⁷.

Из старых центральных уездов крепостные и холопы бежали не только на вольный Дон, но и в новые окраинные уезды, где зачастую селились также на землях помещиков, тем это было выгодно, поскольку они получали дополнительные рабочие руки. Неоднократно в Саранск из Москвы присылались сыщики «для сыску беглых». Так, в 1662 г. они доносили: «Саранские помещики и вотчинники и всяких чинов люди многих беглых крестьян и людей (т. е. холопов) у себя укрывают и таят, а к расспросу и к записке, к ним, сыщикам, на съезжий двор не приходят. Когда же они, сыщики, велели саранских помещиков выслать в Саранск и про беглых крестьян и людей взять сказки, то многие саранские помещики и вотчинники в Саранск не идут, а которые де и приехали и они про беглых людей и крестьян сказок не дают, чинятся непослушны»¹⁸.

В ЦГА РМ хранится Кабальная запись крестьянина села Семеновского Луховского уезда Григория Иванова помещице Саранского уезда Нениле Филатовой 20 декабря 1701 г.

«От Рождества Христова лета тысяща семь сот первого году декабря в двадесят день. Стольника Михаила Лукьянова сына Юренева крестьянин ево Луховского уезду села Семеновского Григорей Иванов дал сию на себя запись в Саранску вдове жене Петра Нагибина Нениле, Филатовой дочери, в том – нанелся я, Григорей, у нее вдовы Ненилы в дому и жить с секова числа пять лет и, живучи в дому ее всякая работа работать и во всем ее Ненилы слушать, дурна и хитрости над домом Ненилы не учинять и покражу животов ее не снесть, а за работу взял я Григорей у нее Ненилы пять рублей ныне наперед все сполна, а буде я, Григорей, против сей записи в вышеписанном в чем не устою и за неустойку взять вдове Нениле на мне, Григорье, по сей записи те взятые деньги и убытки».

У сей записи свидетель Саранские приказные избы подьячей Василей Федотов сын Окаемов, а запись писал Саранские приказные избы крепостных дел подьячей Иван Замятнин. На подлинной записи назад и написано: к сей записи Саранские приказные избы крепостных дел подьячей Иван Сергеев вместо Григорья Иванова, что он, Григорей, у вдовы Ненилы Филатовой дочери в работу на пять лет нанелся и за работу себе денег пять рублей взял по ево велению руку приложил.

У сей записи Саранских приказных избы подьячей Василей Окаемов что Григорей Иванов у вдовы Ненилы, Филатовой дочери и в работу на пять лет нанелся и заработные деньги пять рублей взял и руку приложил. Пошлины и за письмо шесть алтын и четыре деньги взято»¹⁹.

В особую категорию лично несвободных людей XVII века выделялись «боевые холопы», куда попадал очень широкий круг людей от профессиональных воинов до лагерной обслуги, несших военную службу вместе с дворянами и детьми боярскими. Они были тем отрядом, который служилый человек по отчеству должен был приводить с собой в соответствии с пожалованным ему поместным окладом.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 81. Л. 1. 1673 г.

¹⁸ Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. С. 58.

¹⁹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том III. Часть II. Саранск, 1953. С. 7.

Боевые холопы делились на три категории. Первая – это холопы, бывшие «на бою» вместе со своим господином, они были обязательно конными и имели личное вооружение (и иногда защитное снаряжение). Эта группа холопов была наиболее профессионально подготовленной и боеспособной. Вторая категория – это легковооруженные конные холопы, чьей обязанностью было быть при запасном коне хозяина. И третья группа конных или пеших слуг – обозные или «кошевые» холопы. Поместная система предполагала полное самообеспечение служилого человека. Выступая в дальние походы, дворянин брал с собой множество различных припасов и снаряжения. Всё это он не мог возить с собой, и потому большая часть перевозилась в обозе. Доспехи также перевозились отдельно. При обозе и были дворянские слуги, называемые в документах кошевыми холопами. Их задачей было оберегание личного имущества дворянина, а также защита обоза от нападения, обустройство и защита военного лагеря. Вооружение у них, не считая хозяйственного топора, было самым плохим или, как это видно из ряда документов, вообще могло отсутствовать.

Боевые холопы сыграли далеко не последнюю отрицательную роль в Смутное время, став опорой для антиправительственных движений Болотникова, Хлопка, Лжедмитриев и бесчисленных мелких самозванческих и разбойных движений.

Дворяне еще по «Уложению о службе» 1555–1556 гг. должны были со 100 четвертей «доброй и угожей земли» давать человека на коне и с вооружением. Однако уже к концу XVI века данные нормы выполнялись слабо, а к середине XVII века практически перестали выполняться. Наличие боевых холопов в первой половине XVII века стало более исключением, чем правилом. Главной причиной неспособности многих провинциальных помещиков выставить в дальний поход боевых слуг была низкая степень обеспеченности их владений рабочим населением. А преобладающая масса кошевых холопов не считалась полноценной частью русской поместной конницы.

Согласно различным документам, саранским и темниковским дворянам, детям

боярским и татарским мурзам в 1670-е гг., имевшим земельные оклады более чем в 600 четвертей и денежные более 30 рублей в год, нужно было явиться на службу «на коне, с саблею, саадаком», привести 3–5 боевых холопов на конях с разным оружием (огнестрельным и холодным) и 2–3 человек кошевой, т. е. лагерной обслуги.

Даже беднейшие саранские дворяне-рейтары старались выходить на службу с холопами. Из 200 рейтар в 1680 г. 69 детей боярских (т. е. 34,5%) выходили на службу с боевыми холопами (всего 70 человек). При этом «на бою с пищалью» был всего 1 холоп, «на бою с саблею» – 3. В кошу 66 холопов, из которых 34 с бердышами, а остальные вообще без всякого оружия. У двух и трех братьев Еремея и Лаврентия Жулебиных и Ивана, Мартына и Клементия Юрасовых по одному холопу в кошу без оружия. Только 4 дворянина выходили на службу с 2 людьми: Степан Иванович Аникиев («Да человек за ним на меринке, бою у него сабля; да человек в кошу с бердышем»)²⁰, Иван Алексеевич Аленин (один человек за ним с саблей, второй в кошу)²¹, Иван Григорьевич Чарыков («да человек за ним с боем, бою пищаль; да человек в кошу с бердышем»)²² и Петр Иванович Мартынов («человек с боем да другой в кошу»²³). Все остальные дворяне были на службе с одним боевым холопом или вообще без таковых.

В Саранской десятне 1679/80 гг. так освещается типичная история небогатого саранского дворянина Ивана Алексеевича Оленина и его боевых холопов. «Служил он великого государя службу с 1671 году по 1679 год с городом, а с 1679 года служит, по разбору, рейтарскую службу. А государева жалованья дано ему, ружья: карабин; а пистолей, и лат, и шишака не дано. Поместья у него в Саранском да в Арзамасском уездах 330 четей; а крестьян у него по переписным книгам 4 двора крестьянских да задворный человек, а на оброк и в наем земли и сенных покосов отдает в Арзамасском уезде, а емлет на год по полтине; а мельниц и рыбных ловель и всяких прожиточных угодий у него нет. Детей и

²⁰ Десятни Пензенского края 1669-1696, под ред. А. Барсукова. СПб., 1897. Стб. 251.

²¹ Там же. Стб. 253.

²² Там же. Стб. 259.

²³ Там же. С. 306.

братьев и племянников и никаких свойственников в дому у него нет. А на службе великого государя на коне; ружья у него: карабин да пара пистолей. За ним человек на меринке, бою у него сабля; да человек в кошу»²⁴.

С середины XVII века общей тенденцией стало быстрое сближение положения холопов и крепостных крестьян. В первой четверти XVIII в. два этих сословия полностью слились.

²⁴ Там же. Стб. 252-253.

Библиография

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. URL: https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/ (дата обращения: 22. 08. 2021).

Выпись из шацких кабальных книг 18 ноября 1647 г., данная «мещеренину Осипу Буянову сыну Месоедову» на его холопа Сеньку Данилова с женой Марьей Ивановой // МРОКМ им. И. Д. Воронина. ОФ 1974.

Десятни Пензенского края 1669–1696. под ред. А. Барсукова. СПб., 1897.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том III, Часть II. Саранск, 1953.

Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарии. Л., 1987.

РГАДА. Ф. 1156. Оп. 1. Д. 81. Л. 1. 1673 г.

Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии. Л., 1987.

Судебники XV–XVI вв. под общей ред. акад. Б. Д. Грекова. М.–Л., 1952.

Фролов Д. В. Первый век саранской истории: город и его жители в XVII столетии. Саранск, 2014.

Фролов Д. В. Холопъ // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Материалы к словарю-справочнику. Выпуск. 3. Саранск, 2016.

Фролов Д. В. Холоп кабальный // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Материалы к словарю-справочнику. Выпуск. 3. Саранск, 2016.

Сведения об авторе

Фролов Дмитрий Викторович, кандидат филологических наук, заместитель директора по науке Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина, г. Саранск (Россия). Область научных интересов: История Мордовского края в XVII в., историческая реконструкция «бунташного века», скорописные документы, старопечатные и рукописные книги, приказной язык, искусствоведение, музейное дело, древнерусский и церковнославянские языки.

E-mail: kraeved13rus@gmail.com

D. V. Frolov

“IN THE ROBE HOLOP AND IN THE HOLOP OF THE ROBE”. SLAVERY IN THE SARANSK DISTRICT OF THE XVII CENTURY

Annotation: This work is devoted to servitude in Russia in the XVI–XVII centuries. and servitude in the Saransk district in the XVII century. The author studies and introduces into scientific circulation new sources with the mention of the Saransk slaves of the XVII century.

Keywords: holop, bonded holop, Saransk, XVII century.

References

Vodarskii Ya. E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie) [The population of Russia at the end of the XVII – beginning of the XVIII century (Number, class composition, placement)]. Moscow, 1977. URL: https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/ (accessed: 22. 08. 2021). (In Russian).

Vypis' iz shatskikh kabal'nykh knig 18 noyabrya 1647 g., dannaya “meshchereninu Osipu Buyanovu synu Mesoyedovu” na yego kholopa Sen'ku Danilova s zhenoi Mar'yei Ivanovoi [An extract from Shatsk enslaving books on November 18, 1647, given to “bourgeois Osip Buyanov, son of

Mesoedov” on his slave Senka Danilov with his wife Marya Ivanova]. MROKM im. I. D. Voronina. OF 1974. (In Russian).

Desyatni Penzenskogo kraja 1669–1696 [Desyatni of the Penza region 1669–1696]. Ed. by A. Barsukov. St. Petersburg, 1897. (In Russian).

Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoi ASSR [Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR]. Vol. III. P. 2. Saransk, 1953. (In Russian).

Zakonodatel'nyye akty russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII veka. Kommentarii. [Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI – first half of the XVII century. Comments]. Leningrad, 1987. (In Russian).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1156. Op. 1. D. 81. L. 1. 1673 g. (In Russian).

Sobornoe ulozhenie 1649 goda: tekst i kommentarii [Sobornoe Ulozhenie of 1649: text and comments]. Leningrad, 1987. (In Russian).

Sudebniki XV–XVI vv. [Code of Laws of the XV–XVI centuries. Under the general editorship of Academician B. D. Grekov]. Moscow–Leningrad, 1952. (In Russian).

Frolov D. V. Pervyi vek saranskoi istorii: gorod i ego zhiteli v XVII stoletii [The first century of Saransk history: the city and its inhabitants in the XVII century]. Saransk, 2014. (In Russian).

Frolov D. V. Kholop [Holog]. Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI–XVII vekov. Materialy k slovaryu-spravochniku. Iss. 3. Saransk, 2016. (In Russian).

Frolov D. V. Kholop kabal'nyi [Bonded holog]. Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI–XVII vekov. Materialy k slovaryu-spravochniku. Iss. 3. Saransk, 2016. (In Russian).

About the author

Frolov Dmitry V., PhD in Philology, Deputy Director for Science, Mordovia Republican United Museum of Local Lore named after I. D. Voronin, Saransk (Russia).

E-mail: kraeved13rus@gmail.com .

• ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА •

УДК 94(47)

ББК 63. 3(2)46

DOI 10.25797/NG.2021.11.3.010

А. П. Богданов

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

Аннотация. Замечательная историческая компиляция была создана в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре в 1729–1730 гг. Она представляет собой яркий памятник новой, петровской историографии, четко излагая концепцию примата государственных интересов и государственного попечительства над подданными. Эта новая концепция сравнительно с XVII в., который завершился идеей «всенародной пользы» как цели государства, была реализована компилятором XVIII в. на основе ряда источников, среди которых оказалось три летописных: особые и очень ценные редакции «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца, а также выписки из неизвестного краткого летописца с фантастическими сообщениями и статьями о событиях в Соловецком монастыре в XVII в. Данные редакции «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца занимают в истории текста обоих памятников настолько видное место, что без их публикации невозможно обойтись. Они и являются предметом нашего тщательного текстологического исследования и издания.

Ключевые слова: Русское летописание, Летописец выбором, Краткий Московский летописец, Сокращенный временник, вологодское летописание, летописная традиция.

Публикуя, вслед за В. И. Бугановым и В. И. Корецким¹, редакции кратких памятников общерусского летописания XVII в., в частности, «Летописца выбором»² и производного от него Краткого Московского летописца³, мы обратили внимание читателя на тот факт, что известные списки и установленные редакции обоих произведений хорошо характеризуют развитие интересов книжников и читателей «бунташного столетия», однако не позволяют в полной мере восстановить историю текста обоих произведений. Между этими редакциями и

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. М., 1968. С. 11-205; Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники за 1976 г. М., 1976. С. 283-293.

² Богданов А. П. 1) Рукописная традиция «Летописца выбором» // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 108-122; 2) «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 226-253; 3) «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам // Там же. № 3 (7). 2020. С. 208-237; 4) «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2021 (в печати).

³ Богданов А. П. 1) Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1991. С. 140-160; 2) Редакции Краткого Московского летописца // Novogardia. № 4 (8). 2020. С. 223-261.

списками оной редакции хорошо заметны лакуны в виде неустановленных протографов, а постепенная переработка текста «Летописца выбором» в Краткий Московский летописец в конце XVII в. прослеживается лишь в основных этапах, но не в текстологической истории конкретных редакций и списков.

Углубление понимания истории текста обоих популярных памятников будет связано с открытиями их новых списков XVII и начала XVIII вв. Однако немалую пользу могут оказать и более поздние произведения, при условии, что их составители более или менее последовательно *цитировали* краткие летописцы, а не пересказывали их. Одним из таких сочинений является открытая нами Спасо-Прилуцкая историческая компиляция 1729–1730 гг., которая сама по себе представляет интереснейший памятник русской, а в частности – вологодской исторической мысли. Она заслуживает специального рассмотрения. А сделанные в ней детальные и последовательные выписки из летописцев XVII в. достойны публикации, важной для анализа истории текста этих произведений.

Составитель Спасо-Прилуцкой исторической компиляции с древнейших времен до 1730 гг. обладал двумя списками более ранних летописей: «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца, один из которых был доведен до 1702 г. Разделение их текстов представляет собой сложную и очень интересную исследовательскую задачу, связанную с текстологией обоих памятников и привлечением для сравнения всех изученных их списков. Мы публикуем здесь результаты атрибуции каждой статьи одному из памятников в едином тексте, с подробным анализом их происхождения.

Имеются две редакции компиляции, помещенные в одном Уваровском кодексе⁴. Кодикологический анализ позволяет установить последовательность работы Спасо-Прилуцкого монаха над текстом, протекавшей с августа 1729 по декабрь 1730 г. Обратимся к

⁴ ГИМ. Собр. А.С. Уварова. № 48. 2°. Л. 1-58 об. и 60-136.

этим объективным показателям истории памятника.

Уваровский кодекс

Кодекс был написан одним почерком, ровной прямой скорописью II четверти XVIII в., на бумаге со знаком Герб г. Амстердам четырех разновидностей:

1) л. 1–53, с контрамаркой IB (в две линии), типа Клепикова, статья I⁵, № 113 – 1720 г.; более точно Диановой, Амстердам⁶ № 420 – 1727 г.

2) л. 54–136, с контрамаркой I MAROT (в две линии), точно не атрибутируется; у Клепикова, статья I, № 73 – 1730 г., контрамарка прочтена как E MAROT; в историческом сборнике второй половины 1720-х гг. РНБ. Эрмитажное собр. № 22 (Ф–11, 12) и списке Нижегородского краткого летописца XVIII в. РГБ. Ф. 304.П. № 18 мы видим подобный знак с контрамаркой F MAROT; то же у Диановой, Амстердам № 353 – 1735 г.

3) л. 137–138, с контрамаркой IL (в две линии), близок типу Клепикова, статья I, 1716–1740 гг. (только с литерами);

4) л. 139–144, с контрамаркой PCL (в две линии), сходен с Диановой, Амстердам № 216 – 1730 г.; ту же бумагу видим в Пространной редакции Латухинской Степенной книги с дополнениями РНБ. F.IV.221 (Ф–5).

Датировку по бумаге, именно для этого времени слабо изученной, мы можем серьезно уточнить для всей рукописи и ее частей, обратившись к содержанию кодекса. Оно складывается из двух *беловых* редакций одной развивающейся компиляции, на л. 1–58 об. (с прибавлением «Публикации» из Киевского патерика, л. 139–144 об.) и 59–136.

⁵ Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Вып. 20. М., 1958. С. 315–352.

⁶ Дианова Т. В. Филигранны XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1988.

Первая редакция компиляции

Первая редакция имеет заглавие (л. 1), написанное в нескольких цветных рамках и сообщающее замысел составителя: «**Книга, содержащая в себе Летописец от Адама даже до днесь по вселенней происходимоу и памяти достойному действию**». Заглавие как бы отсылает нас к Хронографу Русскому, но на самом деле является данью моде конца XVII и всего XVIII в. на летописание именно «от Адама», будь то сочинения в виде простого текста или характерные с позднепетровского времени памятники в таблицах или «в кругах».

Далее на л. 2–11 об. помещен «*Резстр на последствующий летописец*». Это оглавление статьям «Летописца», написанное на уже имеющийся его текст, но до того, как эта уже составленная компилятором рукопись была переписана в Уваровский кодекс. Ссылки даются именно на «статьи», которых составитель начитал 244. Начинаются они как в Кратком Московском летописце: «От Адама до Потопа», «От Потопа до разделения язык» etc. Однако начало «От Адама» имелось и в некоторых, не самых ранних списках «Летописца выбором».

Текст оглавления за XVII в., в котором краткие летописцы являли наибольшую оригинальность, уже достоин внимания, ведь в нем неизвестный компилятор выделяет главное в описанных по источникам событиях. Очевидно, в частности, что выборка из летописцев сделана после установления единодержавия Петра, который уже при рождении именуется «самодержцем» (при отсутствии статьи о рождении его старшего брата Ивана), а также после упразднения патриаршества, на что указывает титулование патриархов «всеа России», вместо верного «всеа Руси». Любопытно и полное исключение патриаршества Никона, при наличии трех статей о Соловецком монастыре⁷. Наконец,

⁷ О принесении отсюда в Москву мощей св. митрополита Филиппа, начале и окончании Соловецкого восстания, которое из конца царствования Алексея Михайловича перенесено в начало царствования его сына Федора, что неверно хронологически (хотя даты

статьи 187 и 188 о том, что Петр «учинился» царем после Федора (но не получил трон по завещанию или избранию), а затем престол «восприяли обще» Иван и Петр, указывают на летописный источник, весьма близкий к событиям Московского восстания 1682 г., версии событий которого быстро менялись; впоследствии детали воцарений постарались забыть и писали о венчании двух царей вместе⁸.

Вот эти статьи оглавления:

(л. 5) О рождении на Москве благоверного царевича Алексея Михайловича всеа России. 165⁹.

О пожаре на Москве с Чертолья по Тверскую улицу. 166.

По всей Руской земли о пожарах по многим градам и селам. 167.

О преставлении на Москве царицы великия старицы Марфы Ивановны. 168.

О пожаре на Москве в Китае городе рядов и лавок, в Белом городе двора Печатного. 169.

О преставлении на Москве святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа России. 170.

О преставлении на Москве государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа России 171.

О воцарении на Московское государство сына его благоверного царевича и великого князя Алексея Михайловича всеа России и о венчании его царским венцем. 172.

Новгородского митрополита Никона о путешествии к морю в Соловецкий монастырь

Соловецкого погрома 22 января и воцарения Федора 29 января 1676 г. весьма близки), но понятно в связи с крутыми мерами Федора Алексеевича против вождей староверов и реабилитацией им Никона.

⁸ Богданов А. П. 1) Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. Сборник статей за 1980 г. М., 1981. С. 197-206; 2) Начало Московского восстания 1682 г в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. Сборник статей за 1984 г. М. 1984. С. 131-146.

⁹ Здесь и далее – это номер статьи, проставленный составителем компиляции.

и о принесении отсюда мощей святителя божия Филиппа митрополита Московского и всеа России чудотворца в царствующий град Москву. 173.

Князь Юрьем Ивановичем Пронским о взятъе Астраханского царства¹⁰. 174.

О походе¹¹ медных денег. 175.

О поставлении на Москве святейшего Иоасафа патриарха Московского и всеа России. 176.

О бунтовании в Соловецком монастыре чернцов и белцов, великого государя указу непослушанием и противностью и новоисправных печатных книг неприемом. 177.

(л. 5 об.) Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца о венчании царским вторым венцем и о понятии за себя Нарышкиных родов девицы Наталии Кирилловны. 178.

О преставлении на Москве святейшаго Иоасафа патриарха Московского и всеа России. 179.

О рождении на Москве царевича Петра Алексиевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца. 180.

О поставлении на Москве Питирима патриарха Московского и всеа России. 181.

О преставлении его. 182.

О преставлении на Москве великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца. 183.

О воцарении на Москве сына его царевича и великого князя Феодора Алексиевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца. 184.

О взятъе от бунтовщиков Соловецкого монастыря. 185.

О пожаре в Москве в Белом городе на Петровке. 186.

О преставлении великого государя царя и великого князя Феодора Алексиевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца. А на царском престоле учинился государь царь

и великий князь Петр Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец. 187.

Того же царского престола и державы о восприятии общем великих государей царей и великих князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев. 188.

О преставлении царя Иоанна Алексиевича. (л. 8¹²) После его на всероссийском престоле остался брат его великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец. 189.

Далее характер текста оглавления и самой компиляции в ее первой редакции резко меняется. Если в нем и остались летописные статьи, то их трудно отличить по содержанию от документов: выписок из указов, календаря и т. п. В оглавлении последовательность их такова: «о зачале корабельного флота Российскаго» (190), о введении розыска вместо состязательного процесса (191), о введении гербовой бумаги (192), о новом летосчислении (193), о начале войны со Швецией (194), о крепостях и купчих (195), о подаче челобитных (196), о писании царского титула (197), о рождении царевича Алексея Петровича (198, не по хронологии), etc. Текст оглавления в первой редакции компиляции оканчивается указом императрицы Анны Иоанновны об обмене полушек до 29 декабря 1730 г., как и во второй редакции (л. 11, 57 об.–58 об.; ср. л. 135–136).

После оглавления на л. 12–14 идет оригинальный текст *«Из вышеписанного реэстру о неединократных статьях выписано»*. Это своего рода предметный указатель к компиляции, содержащий разделы: 1) о Богородице; 2) о Христе; 3) о иконах и чудесах Богородицы; 4) о войнах, убиении великих князей (в т.ч. Дмитрия Ивановича Угличского) «и от своих воров государству о возмущении»; 5) о взятии земель, царств, городов; 6) о всяком строительстве; 7) о преставлении митрополитов, патриархов,

¹⁰ Перемещение этой статьи из XVI-го в XVII-й век характерно для Краткого Московского летописца.

¹¹ Походе – хождении.

¹² Листы перебиты.

чудотворцев и великих князей, царей, цариц; 8) о пожарах; 9) о рождении, воцарениях и браках великих князей и царей; 10) о морозах, голоде и море; 11) о поставлении и жизни патриархов.

За этим указателем, действительно охватывающим основное содержание кратких летописцев, следует *«Изъявление последствующим летописем российским царем»* (л. 15–16): хронологический список царей от Ивана IV до помазания на царство Анны Иоанновны 28 апреля 1730 г., с указанием на листы и статьи компиляции. Анна Иоанновна тщательно титулуется и славится как действующая императрица (ср. л. 16, 16 об.).

На л. 16 об. читаем *«Объявление по свидетельству других летописцев, почесому род царский произошел от Романовых»*. Это краткий список Романовых от боярина Романа, тестя Ивана IV, до Анны Иоанновны, о которой объясняется, по какому родству она наследовала Петру II, и приводится ее титул.

На л. 17–31 об. помещены переводные таблицы с лет от Сотворения мира на лета от Рождества Христова, выписанные из *«Печатного календаря на лето Господне 1727»* (цифры по старому буквенные). На поле л. 17 – выписки из Псалтири *«о летех мира»*.

Основной текст первой редакции компиляции идет на л. 32–58 об. под заглавием: *«Летописец от Адама до Потопа и от Потопа до Христа, и от Христа последующее; и что в котором году и месяце и числе чинилось в государстве всероссийском, а именно в царствующем граде Москве, памяти достойное, и о том иже сего»*. Помимо статей из *«Летописца московского»*, *«инога летописца»* и *«Кроники российской»*, которые мы приведем в публикации по второй редакции компиляции в сравнении с первой, в текст включены выписки из печатных календарей за 1726¹³ и 1727¹⁴ гг., Пролога¹⁵ и Минеи за август¹⁶.

¹³ Из Календаря 1726 г.: даты вавилонских, персидских, греческих и др. царств, статья об изобретении пороха по отношению к Рождеству

Начиная с 1727 г. в тексте появляются записи, указывающие на место составления компиляции. На л. 50 об. на поле против записей за 1727 г., основным почерком добавлено: *«В лето 1727 августа дня 3-го пришествие бысть к Вологде преосвященнаго Афанасия епископа на престол свой из Санкт-Петербурха»*¹⁷. На л. 51 об. на поле против указа Петра II от 25 февраля 1727 г. о церковных торжествах по поводу его коронации вписано: *«О сем времени тако объявлено указом и архиерейскаго дому в Спасов-Прилуцкий монастырь»*. Локализация составления компиляции в Спасо-Прилуцком Вологодском монастыре надежно подтверждается помещенными далее документами.

Вслед за статьей о названном указе от 25 февраля 1727 г. в тексте компиляции следуют статьи: а) от 31 октября 1729 г. о путешествии в Москву Арсения, архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря, назначенного архимандритом Чудовского монастыря (л. 51 об.–52); б) от 1 сентября того же года о посвящении в архимандриты Спасо-Прилуцкого монастыря родного брата Арсения, бывшего ризничего Вологодского архиерейского дома иеромонаха Гавриила (л. 52); в) сообщение о получении епископом Вологодским и Белозерским Афанасием указа святейшего Синода с объявлением о коронации Анны Иоанновны (л. 52 об.); г) после статьи об

Христову (л. 34 об.), о начале мореплавания в России под 7205 г. (л. 45 об.).

¹⁴ Из Календаря 1727 г.: те же статьи, кроме мореплавания (л. 51–51 об.).

¹⁵ Из Пролога: о знамении иконы пресвятой Богородицы в Новгороде 27 ноября 1178 г. (л. 35), обретение иконы Богородицы в Костроме 14 марта 1239 г. (л. 35 об.), явление иконы Богородицы на Ладожском озере 26 июня 1383 г. (л. 36 об.), избавление от нашествия Тимура Аксака иконой Богородицы 26 августа 1395 г. (л. 37), и др.

¹⁶ Из Минеи: о брани с Мамаем 9 августа 1380 г. (л. 36).

¹⁷ Имеется в виду Афанасий (в миру Анастасий Пауссиус-Кондоиди), епископ Вологодский с 9 октября 1726 до 17 сентября 1735 г.

указе 4 мая 1730 г. идет весьма цветистая, с большими похвалами Спасо-Прилуцкому архимандриту Арсеню, статья о начале им 4 июня 1729 г. строительства колокольни в монастыре, которое закончено «сего настоящего 17030 (так в тексте. – А.Б.) года июня 7 числа» (л. 54); д) статья о поездке епископа Афанасия в Москву 31 мая 1730 г. и возвращении его 8 августа (л. 54 об.); е) о поездке в Москву вологодского воеводы И. А. Тормасова с 5 июня по 21 июля 1730 г. (л. 54 об.); ж) пространная статья о засушливости «сего лета» 1730 г., о начавшихся в сентябре дождях и перспективах урожая на следующий год (54 об.–55 об.); з) о возвращении бывшего архимандрита Арсения в Спасо-Прилуцкий монастырь архимандритом же 19 декабря 1730 г. (л. 56 об.).

Работа над первой редакцией компиляции в Спасо-Прилуцком монастыре датируется точно и поэтапно.

На ее поле перед основным текстом (л. 31 об.), после краткой молитвы, написано основным почерком: «Написах книгу сию М:С:Ж: в августе, в сентябре, в октябре месяцах 1729 года. Финис, конец. Корона. Венец. Опус, делу» (автор явно хотел перевести для себя выражение *Finis korona opus* – конец делу венец). Датирующая запись соответствует действительности: первоначальный текст (на бумаге Ф–1) оканчивается прилуцкими статьями под 1 сентября и 15 октября 1729 г.

Затем на бумаге Ф–4 автором была приписана «Публикация или объявление» из Киевского патерика «о печерских святых отцах» (л. 139–144 об.). Согласно записи тем же почерком в конце текста, «публикация сия написана бысть в декабре месяце, и окончися в 21 числе 1729 года. Финис корона опус / Конец венец делу» (л. 144 об.). В Уваровском кодексе «Публикация» расположена после второй редакции компиляции.

В конце 1730 г. автор новыми чернилами продолжил работу над текстом первой редакции своего «Летописца», вписав несколько статей и дополнив оглавление всей компиляции (л. 20 об. и след., 50 об. и след.). В

оглавлении этими новыми чернилами вписаны статьи начиная с 224 – об отбытии Арсения в Москву 31 октября 1729 г., т. е. добавлен был весь описанный выше Спасо-Прилуцкий блок статей. В тексте этими новыми чернилами продолжено повествование после записи от 27 февраля 1728 г.

Очевидно, что автор счет основной текст компиляции законченным уже в октябре 1729 г., после трехмесячной работы, когда и составил оглавление. Но он в 1730 г. вернулся к тексту и внес в него новые статьи, а также продолжил оглавление и вписал «объявление» о Романовых на чистый л. 16 об.

Статьи за конец 1730 г. были вписаны составителем уже на новой бумаге Ф–2, на которой не ранее конца 1730 г. с л. 59 записывается текст второй редакции «Летописца» в этой компиляции, оканчивающийся, как и первая редакция, указом от 20 декабря 1730 г.

Вторая редакция компиляции

Новая редакция компиляции (л. 59–136) была создана Спасо-Прилуцким составителем в конце 1730 г. или немного позже, после размышлений, в ходе которых он существенно продвинулся как историограф и сделался любопытной фигурой среди современных ему россиян – любителей истории.

Вторая редакция имеет заглавие в двойной, коричневой и черной рамке: **«Книга сия, содержащая в себе о воплощении Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и о действии его на земли, и о святых его апостолах, и по них о просиявших святых добродетелию, и па нем мучениех, как во странах Палестинских, так и в Росийских, и о всероссийских князех, и о царех, и о императорском величестве, и о указах его величества, и памяти достойных, даже до днесь. О святых же, в которые лета как Мира, так и Господних быша, и к тому о прочих всех, о их же сей летописец воспоминает. Конечнее же, как опще рещи, от Христа и до днесь летописец».**

Вторая редакция снабжена двумя предисловиями, в которых оговариваются

источники компиляции, задачи исторического сочинения, излагается мнение автора о пользе исторических знаний и настоятельной необходимости ведения продолжающихся летописных записей (л. 60–62 об.).

Первое *«Предисловие на последствующий летописец»* (л. 60–61, ср. его вариант ниже, л. 84–84 об.) включает силлабические стихи, записанные в строку как прозаический текст. Здесь сообщается и об источниках, дополнивших текст краткого летописца: Месяцеслов, Патерик Печерский, «летописец латинский», императорские манифесты и указы.

Значение своего труда автор видит в сообщении читателю необходимых для человека хронологически расположенных знаний о житиях Христа, апостолов и святых, затем – о жизни и деяниях великих князей и царей, между которыми вкраплены сведения и о другом, «что бысть». О царях для него представляются значительными сведения, «кто по ком бысть, и колико лет кто самодержавствовал, и в самодержавие их величества каковое в чем государственное бысть управление».

Характер своего изложения начиная с правления Петра I Спасо-Прилуцкий компилятор обосновывает следующим образом: «И каковия о чем во управление императорского величества в которая лета и месяцы и числа в публикование всенародного ведения произошли императорского величества манифесты или указы, о чем надлежало о благоздравии их величества всещедраго Бога молити, или о каковой всего государства к народу явльшейся превысокой их милости, о чем подобает их императорского величества превысокую премногую милость благодарити, о том весма яко подданным правоверным и неизменным правдою и истинною служащим рабом подобает знати, не токмо о прежде бывшем, яже о чем последствующий летописец являет, не забывая, но и впредь о явленных таковая (манифестах и указах. – А. Б.), яже о чем по должности христианского рабского

послушания надлежит слышати, аще чрез манифесты же или указы о чем всенародное же ведение опубликовано бывает, о том ради ведения в незабытную память во окончании последующаго летописца приписовати, а в забвение таковых известий не полагати, но яко верному подданному рабу в том себе остерегати, во еже бы богодарованный на всякое благое разсуждение талант, то есть разум, добне (так в тексте. – А.Б.) употреблять». Государственное попечение о подданных было отражено последними статьями «летописца» (после 1696 г.), включенного в компиляцию, и отражение этого попечительства должно было, по замыслу, служить ее продолжением после 1730 г.

Первое предисловие заканчивается традиционной просьбой анонима молиться в благодарность за его труд.

Далее на л. 61–61 об. записано *«Объявление, по свидетельству других летописцов, почесому род царской произошел от Романовых»*. Это вариант статьи, которую мы видели в первой редакции на л. 16 об., куда занятое родословие от Анастасии Романовой до Анны Иоанновны было приписано в 1730 г. (после коронации императрицы). Добавим только, что здесь вместо «других летописцов» составитель пользовался своим воображением, сделав Ивана Алексеевича сыном Федора Ивановича, а Петра Алексеевича – сыном Ивана Алексеевича, не смущаясь даже отчеством Петра.

На л. 61 об.–62 об. помещено *«Второе предисловие на последствующий летописец»*. Как и первое, оно написано с вкрапленными в текст силлабическими стихами, написанными, как в старинных летописях, в подбор. Автор рассуждает здесь о пользе исторических знаний, собранных в его книге. Начинает он с названия «Россия», выводя его от «росы», которая есть в переносном смысле благодать Святого Духа, обитающая в Российском государстве, «в нем же благочестивая вера в нас обретается».

«Того ради нам, правоверным, наипаче должно есть знати

Всероссийского нашего государства
разумевати,

От которых лет в начале в России
властелство произыде

До нынешняго настоящего
самодержавия прииде». – Пишет составитель в
стихах, если разбить их на строки. Далее
говорится, что именно должно интересовать
читателя в черед самодержцев:

«Которым самодержавствием на всей
поднебесней явися,

Неприятелей же победою весьма славна
учинися,

Взятьем городов, покорью ж их в
подданство распространися.

А познав читателю о том всегда о Бозе
похваляйся

И предержащим Россию властем всегда
вечно покарайся.

Завещанием святого апостола Павла
обучайся,

Яко оный за властей повелевет Бога
молити ...».

Тут Спасо-Прилуцкий составитель
поместил цитату из I Послания ап. Павла к
Тимофею, гл. 2. Затем следует отсылка на
келейное правило, которому должны, по его
мнению, следовать и монахи, к которым он,
судя по этому, принадлежал, и миряне, о
чтении Псалтири со следованием, в которой
помещена приведенная в компиляции молитва
о властях». Кроме императрицы Анны
Иоанновны, молиться следовало за царицу
Евдокию Федоровну (ум. 27 августа 1731 г.),
царевен Екатерину Иоанновну и Прасковью
Иоанновну (они скончались позже), Елизавету
Петровну, за Синод и духовные власти, за
«благочестивый правительствующий синклит, и
все военачальники, градоначальники и
христоролюбивое воинство».

Вторая редакция, как видим, была
написана с конца 1730 г. до конца лета 1731 г.,
когда призывать читателя молиться о здравии
Евдокии Лопухиной было уже неуместно.

Далее составитель привел еще
несколько молитв и цитат о любви к власти
предержащему начальству, Богом посланному
«обуздовати безумных человек невежество, яко

свободни, а не яко прикровение имуще злобе
свободу». – Концепция свободы в рамках
поддерживаемого начальством порядка была
весьма распространенной в России именно
XVIII в. Спасо-Прилуцким составителем она
была усвоена и изложена вполне органично.

За предисловиями помещен
обширнейший ссылочный аппарат. Это группа
из 15 или 16-ти (из-за путаницы, описанной
ниже) «Реэстров», дающих отсылки на
содержание компиляции, везде именуемой
«летописцем». Это:

1) л. 63–64 об. «Реэстр на
последствующий летописец. Сословие имен
святых по алфавиту». Алфавитный список
святых с отсылками на месяцы и числа их
упоминаний в Месяцеслове (не все
упоминания) и на страницы рукописи.

2) л. 64 об.–65. Реэстр о чудесах
Богородицы (в отличие от указателя на л. 12–
12 об. – с указанием содержания чуда).

3) л. 65 об.–68 об. Реэстр «кто по ком в
Киеве и в других местех в России князи быша,
и колико кто лет княжил, и в княжения их
какое памяти достойное было действо»
(отсылки на Рюриковичей).

4) л. 68 об.–71 об. Реэстр Романовым, с
Ивана IV, как в первой редакции на л. 15–16,
но отличается от нее; ссылки даны до мира со
шведами 1721 г. и наречения Петра «Великим»
и «Отцом Отечества».

5) л. 71 об.–72 об. «Из
вышеобъявленнаго общаго реэстра выбраны
порознь, о чем надлежало ко удобному
ведению», «реэстр о царех российских, кто по
ком царь был, о воцарении его, и о брацах, и о
рождении чад их, и о преставлениях их, и
колико кто лет державствовал». Включает
статьи с Ивана IV до Петра I, нареченного
«Отцом Отечества» (нет только Ивана
Алексеевича).

6) {6}¹⁸ л. 75–75 об., 73–73 об.¹⁹ Реэстр
митрополитов и патриархов до Адриана, здесь
же о церквях.

¹⁸ При переплете между статьями Реэстров, по
нашему счету, 6–12, произошла путаница, и автор
отметил правильное расположение статей номерами в
фигурных скобках. Мы передаем эту его правку

- 7) {5} л. 73 об. Реестр «о пожарех».
- 8) {4} л. 73 об. Реестр «о морозех, о хлебном недороде, о гладе».
- 9) {3} л. 74. Реестр о строительстве церквей, монастырей и др.
- 10) {2} л. 74, 76 об. Реестр «о взятые земель, и царств, и городов» до окончания Северной войны (1721).
- 11) {1} л. 76. Реестр о царских указах и манифестах.
- 12) {1} л. 76–76 об. Реестр о нашествиях неприятелей.
- 13) л. 77–77 об. Реестр митрополитов и патриархов (ср. выше Реестр 6), с указанием лет от Сотворения мира и Рождества Христова, «междолетия» и номера патриарха по порядку, до учреждения Синода (1721).
- 14) л. 78–79. «Реэстр на последующий же летописец латинский, который в последующем же летописце воспоминается», с указанием страниц второй ред. компиляции. Статьи до «труса» в «Нидерляндии» 1581 г.
- 15) 79 об.–81 об. Реестр на новую относительно летописного источника часть компиляции, начиная с указа Петра I писать его титул императора (1721) до статьи «об обмене императорского величества в казну полушек» 20 декабря 1730 г. (такой же статьей оканчивается первая редакция компиляции).
- Л. 82–82 об. чист. На л. 83 рисунок пером, разноцветными чернилами двуглавого орла, с похвальными стихами и подписью «Божией милостию Анна Иоанновна императрица и самодержица всероссийская».
- Л. 84–84 об. «Публикация или объявление, еже есть летописец краткий». Здесь вновь перечислены основные темы и дополнительные источники компиляции, как в первом предисловии второй редакции (л. 60–61), но без упоминания Патерика и манифестов.

аналогично, сохраняя последовательность статей в кодексе.

¹⁹ Путаница листов внутри одного Реестра.

Как видим, составитель компиляции всякими способами, не раз повторяясь, пытался структурировать сведения своего не весьма обширного «летописца», дополненного на сей раз статьями из Месяцеслова²⁰, печатных Миней за август²¹, Патерика Печерского и печатной же Псалтири с воследованием²², «Летописца латинского», как обозначена Хроника Мацея Стрыйковского²³, «Кроники российской»²⁴ и «Синописа» Иннокентия Гизеля²⁵, печатного Календаря за 1726 г.²⁶. Хроника деяний Петра I и его наследников с 1721 г. во второй редакции включила дополнительно реляцию генерала Долгорукова от 5 апреля 1727 г. о ходе Персидской кампании, указы о титуловании Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны, ряд других указов II четверти XVIII в., память о которых была объявлена в предисловии принципиально важной для россиян.

Выписки из новых источников вставлены между статьями, имевшимися в первой редакции компиляции. В большей мере были привлечены и тексты старых источников автора. Это заставляет нас полагать именно вторую редакцию Спасо-Прилуцкой компиляции основным источником для исследования летописцев XVII в., в сравнении, разумеется, с первой редакцией.

Основной текст «летописца» второй редакции, с распятия Иисуса Христа до указа от 20 декабря 1730 г. о полушках (как и в

²⁰ Месяцеслов до 7134/1626 г. Под этим годом во второй редакции компиляции на л. 119 об. записано: «Месяцеслову окончание».

²¹ См. ссылку на л. 106.

²² См. ссылки на л. 110–110 об.

²³ *Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi* по одному из поздних переводов с дополнениями (статьи о землетрясении в Нидерландах не было в исходном тексте).

²⁴ На нее даны многочисленные ссылки с л. 93 об.; на л. 95 об. указано, что ссылка на «Кронику российскую» взята из «Синописа».

²⁵ Частые ссылки на «Синописис» идут с л. 91.

²⁶ Ссылки на этот Календарь во второй редакции читаем на л. 106 (под 1380 г.), 109 об. (под 1438 г.), 122 об. (под 1697 г.) и др.

первой редакции), идет с л. 84 об. до л. 136. В его передаче компилятор старался следовать

модной в его время структуре, заключив текст в таблицу:

Лето Мира	Междо летие	Лета Господня	Действительное описание
--------------	----------------	------------------	-------------------------

В тексте мы видим, что восторженно начальствлюбивый компилятор серьезно отнесся к авторитету источников. Продолжая дело становления исторической науки, начатое в XVII в. летописцами, а затем историками Игнатием Римским-Корсаковым, Сильвестром Медведевым и Андреем Лызловым в 1680-х и начале 1690-х гг.²⁷, составитель компиляции стремился тщательно цитировать источники и обязательно ссылаться на них после каждой цитаты. Старание это временами чрезмерно. Так, из «Синописа» компилятор выписал многочисленные ссылки на сочинения Стрыйковского, Кромера, Меховского и Бельского, не всегда упоминая, что они из книги Гизеля.

Важно отметить, что весьма важная для компилятора *видимость* точности ссылок в действительности скрывает немалую путаницу, с которой мы столкнемся при детальном исследовании его летописных источников. Над созданием этой видимости он трудился усердно. Так, статья «О первоначальных князях киевских и о создании града Киева и имени его (л. 90 об.–91)» приведена с вполне адекватной отсылкой из сочинения Гизеля: «Повествует о вышеписанном Синопис или летописец славенороссийский, указуя на летописцы: Стриковский, лист 396; Мехов, лист 2; Кром, 2 книг; паки Стриковский, лист 117» (л. 91)²⁸. Сведения об «истории писателях» компилятор аккуратно выписывает и из «летописца латинского». Название «Кроника российская», согласно ссылке на л. 93 об. (статья о создании Киева), относится к источникам «Синописа» (в

данном случае не упомянутого): отсылка дана на Стрыйковского кн. 4, «Кронику российскую» и Бельского кн. 1. На л. 95 об. прямо указано, что ссылка на «Кронику российскую» взята из «Синописа». Но в других случаях отсылка «Кроника российская» дается на не имеющий отношения к Синопису краткий летописец. Так же и название «Летописец Московский» относится компилятором как к Краткому Московскому летописцу, так и к его прародителю – Летописцу выбором.

История текста Спасо-Прилуцкой компиляции, ее значение и задача исследования ее летописных источников

Кодикологический анализ Уваровской рукописи ясно показал нам последовательность ее создания. Аноним, размышлявший над своим историческим трудом в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, совершил работу в четыре этапа.

1. В августе-октябре 1729 г. он на бумаге Ф-1 написал основную часть первой редакции своей исторической компиляции, названной им «летописцем».

2. В декабре 1729 г. составитель приложил к ней на бумаге Ф-4 дополнение: «Публикацию или объявление» из Киево-Печерского Патерика о св. отцах, завершив этот текст 21 числа.

3. «Летописец» первой редакции был продолжен записями 1730 г. на оставшихся чистыми страницах бумаги Ф-1 (л. 52 об.–53), а затем на новой для него бумаге Ф-2 до декабря 1730 г.

4. Не ранее конца 1730 г., но до осени 1731 г. (здравствующей указана царица Евдокия Федоровна, скончавшаяся 27 августа, а на доставку сведений о ее кончине требовалось несколько дней) на бумаге Ф-2 была написана вторая редакция компиляции.

²⁷ Об этом процессе детально: Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. 568 с.; 2-е изд., испр. и доп.: Москва–Берлин, 2020.

²⁸ С подобными отсылками выписки из Синописа см. также на л. 93, 93 об., 98 об., 101–101 об., 102 об., 103 об., 105–105 об., 107 об., 109 об.–110.

Лист бумаги Ф-3, того же времени (л. 137–138), был вставлен чистым между второй редакцией и «Публикацией» при переплете. Таким образом, переплетение рукописи было сделано вскоре после завершения второй редакции. На это указывает и тот факт, что составитель сочинения своей рукой поставил правильные номера на нескольких перепутанных при переплете статьях.

Очевидно, что составитель, работавший над текстом между августом 1729 и сентябрем 1731 г. в Спасо-Прилуцком монастыре, полагал ценными обе редакции своего сочинения, упорно именуемого им летописцем. Обе они беловые, при том, что сложная составительская работа над каждой требовала черновики. Обе вошли в авторский кодекс в последовательности их создания. Варианты поисков способа организации текста, например, в дублирующихся «реэстрах», составитель не стал исключать, очевидно, считая свои исторические эксперименты важными и полезными для грядущих поколений.

Так оно и есть. Спасо-Прилуцкая историческая компиляция 1729–1731 гг. достойна отдельного исследования и полного издания как замечательный памятник историографии XVIII в., отразивший поиск новых форм и методов исторического повествования, на основе традиционного летописания, но с учетом перемен во взглядах после реформ Петра I.

Одной из таких перемен, которую Спасо-Прилуцкий автор показал в тексте обеих редакций и специально подчеркнул в предисловии ко второй редакции, было не встречавшееся нам в историографии предыдущего столетия крайнее начальстволюбие, признание новой роли и значения государства как руководителя и управителя жизни общества.

Для монаха, которым, скорее всего, являлся составитель компиляции, подобный восторг кажется странным, учитывая суровое подчинение Церкви и монастырей государству при Петре I, сопровождавшееся немалым

разорением и обитателей, и епархий. Однако Прилуцкий компилятор в этом своем мнении не одинок. Не отвлекаясь на общеизвестное мнение официозных церковных публицистов, вроде Стефана Яворского и Феофана Прокоповича, которых легко заподозрить в особо корыстном начальстволюбии, вспомним, с какой искренней теплотой отозвался о почившем Петре I владыка не менее бедной, чем Вологодская, и столь же жестоко ограбленной государевыми чиновниками Великоустюжской и Тотемской епархии Боголеп Адамов в своем келейном, не предназначенном для чужих глаз историческом кодексе²⁹. Новая роль государства, видимо, вошла в умы и сердца думающих представителей Церкви по всей стране.

Полное издание Спасо-Прилуцкой исторической компиляции 1729–1730 гг. – дело будущего. Работа, которую мы хотим выполнить сейчас, своеобразна настолько, что вряд ли при таком издании будет выполнена. Она состоит в текстологическом исследовании летописных источников компиляции, которое принципиально важно для понимания истории текста «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца. Второй произошел в конце XVII в. от первого. В компиляции мы видим переходный текст, обладающий характерными чертами обоих памятников и передающий их характерные чтения.

Но действительно ли Прилуцкий компилятор сообщил нам недостающее звено, соединяющее два весьма популярных исторических сочинения? Или он просто использовал выписки из «Летописца выбором» и Краткого Московского летописца, соединив их в произведение XVIII в.? А если так, то к каким редакциям восходят оба известных ему летописца, даже на первый взгляд дающие нам местами весьма ценные чтения обоих? Постатейно разобраться с использованием

²⁹ Богданов А. П. Келейный сборник епископа Великоустюжского и Тотемского Боголепа Адамова // Исторический журнал: научные исследования. № 2. 2021. С. 130-147.

летописного источника или источников Спасо-Прилуцкой компиляции важно и для исследования историографии XVIII в., которая довольно часто используется историками более ранних периодов недостаточно осмысленно, и, что ценнее для автора, для понимания истории текста двух популярных летописцев XVII в.

Эта непростая, и потому особо интересная текстологическая задача решается нами далее в исследовании и публикации текста кратких летописцев по второй, наиболее полной редакции компиляции, с учетом текста ее первой редакции. Тщательность передачи текста, которую Прилуцкий компилятор показал в цитировании известных источников и воспроизведении первой редакции своего текста во второй редакции, делает эту задачу выполнимой. В этом вы убедитесь по помещенной в конце публикации текста Спасо-Прилуцкой компиляции, восходящего к кратким летописцам. Ключом к ней является наше приведенное ниже исследование.

Летописные источники Спасо-Прилуцкой компиляции

В летописном повествовании, составившем прочную основу Спасо-Прилуцкой компиляции до 1682 г. включительно, ее составитель выделил главный компонент: «Летописец Московский», на который в тексте дано подавляющее большинство ссылок. Такого названия памятника в XVII в. не было: оно дано выдающимся летописеведом В. И. Бугановым³⁰. Прозрение ученого XX в., назвавшего памятник XVII в. так же, как компилятор XVIII в., было поистине гениальным, ведь ни единственный известный ему список летописца, ни списки, найденные и изданные нами впоследствии³¹, не имеют названия «Московский».

В оригинале сохранившие название списки Краткого Московского летописца

именуются (с незначительными вариациями): «Летописец написан от Сотворения мира, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земли». Название это отличается от заглавия «Летописцы выбором» («Летописец написан из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земли») лишь прибавлением начала истории от Сотворения мира, которое появлялось и в отдельных списках «Летописца выбором», начатое нами издание которых серьезно облегчает решение поставленной в данной статье задачи³². Правда, основное содержание истории в обоих памятниках неизменно сводится к теме «что учинилось в Московском государстве», т. к. даже в Кратком Московском летописце, включившем статьи о первых Рюриковичах, Москву основывает Вещий Олег. Однако «Московским» по содержанию можно назвать почти любой краткий общерусский летописец XVII в., в особенности переполненный чисто московскими статьями «Летописец выбором».

В компиляции мы встречаем также ссылки на «Кронику российскую», относящиеся как к выпискам из «Синописа», так и к другому летописному памятнику, и точнее, на «ин летописец». Очевидно, разобраться, что откуда взято, можно лишь полным сравнением *всех* летописных статей компиляции с известными памятниками по всем редакциям и спискам. Не забывая при этом два существенных обстоятельства: 1) «Летописец выбором» и Краткий Московский летописец текстуально связаны, т. к. второй происходит от первого; 2) известные нам списки представляют лишь часть существовавшей рукописной традиции, причем не основную.

В работе нам весьма поможет внимание Прилуцкого компилятора к разночтениям рукописей имевшихся у него летописцев. С первого взгляда видно, что он использовал *два*

³⁰Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. С. 283-293.

³¹Богданов А. П. 1) Краткий Московский летописец. С. 140-160; 2) Редакции Краткого Московского летописца. С. 223-261.

³²Богданов А. П. 1) «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам. С. 226-253; 2) «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам. С. 208-237; 3) «Летописец выбором» по списку Симона Азарина.

списка, довольно старательно отмечая их разночтения (л. 37–38, 39 об., 41 об., 107, 110, 113 об.–144, 119 об.–120 и др.), отсылая в таких случаях на «ин летописец» и т. п. На разные списки указывают также сохраненные в тексте особенности их лексики и орфографии, впрочем, отчасти унифицированные во второй редакции. Один из списков доходил как минимум до 1682 г. и был написан разговорным языком конца XVII в. Лексика и орфография другого списка, использованного в компиляции, была более архаична. Среди его статей следует отметить запись под 1631 г. о смерти царицы Марфы Ивановны, названной «нашей государыней», как в наиболее старых списках «Летописца выбором».

Отсылки на «Летописец Московский» начинаются с л. 99, после киноварного заголовка: «Создание града Москвы». Соответствующая статья: «Создан град Москва князем Георгием», – имеет ссылку: «Кроника российская». Эта «Кроника» – точно не «Летописец выбором», списки которого не имеют статьи об основании Москвы. А в Кратком Московском летописце основание Москвы вообще приписано Вещему Олегу, а не князю Юрию Владимировичу Долгорукому, который лишь позже поставил тут «Кремль город деревянной». Далее почти все статьи (кроме специально отмеченных нами в публикации) имеют отсылку «Летописец Московский» или «Летоп. Московский».

Начинается повествование из «Летописца Московского» со статьи о принесении во Владимир из Царьграда иконы Богородицы, кисти евангелиста Луки, князем Андреем Юрьевичем Боголюбским в 1153 г. Этой статьей открывается и большинство списков «Летописца выбором». Смысл такого начала истории, понятный для читателя XVII в. без специальных указаний, наглядно раскрывают те списки «Летописца выборов», где Священная история оканчивается Успением Богородицы, после чего

принесением ее иконы на Русь начинается новая история мира³³.

Текстуально эта статья близка к поздней редакции «Летописца выбором» по Ярославскому списку (ЛВ Я) и к наиболее ранней из известных редакций Краткого Московского летописца по Ивановскому списку (КМЛ И). Подробные ссылки на тексты этих и всех упомянутых списков помещены перед текстом публикации из Спасо-Прилуцкой компиляции второй редакции (СПК 2). ЛВ Я и КМЛ И в основном и спорят за право быть объявленными близкими к архетипу «Летописца Московского» в этой компиляции. Сравним чтения этой статьи:

³³ О месте этой концепции в системе промосковских взглядов летописцев и историков XVII в. см.: *Богданов А. П.* 1) Теория «Москва – центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев XVII века // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 2. География и политика. М., 2006. С. 91-111; 2) *Российское царство в общественном самосознании и державной концепции XV–XVII вв.* // *Наука, культура, менталитет России Нового и Новейшего времени: К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова*. М., 2014. С. 14-40; 3) *Москва – центр мира по кратким летописцам конца XVII в.* // *Мир и империя: Материалы международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», 2003, 2005, 2006. М., 2015. С. 200-218; 4) Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I*. М., 2018. С. 306-345; 5) *От летописания к исследованию*.

ЛВ Я	КМЛ И	СПК 2
<p>Лета 6662-го году принесена бысть чудотворная икона пречистыя Богородицы Владимирския из Царяграда великим князем Андреем Боголюбским Юрьевича Долгорукова³⁴, а написан той чудотворный образ апостолом и евангелистом Лукою, а во Владимире граде стоял чудотворный образ 240 лет.</p>	<p>Лета 6662-го году сентября в 7 день принесена бысть чудотворная икона образ пресвятыя Богородицы Владимирския ис Царя-града великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским. А написан чудотворный образ апостолом и евангелистом Лукою. И в то время богородица была во плоти. А в Володимере стояла чудотворный образ 24т.</p>	<p>6662/1154: Септемврия в 7 день принесена бысть чудотворная икона образ пресвятыя Богородицы Владимирския из Царяграда великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским. А написан той чудотворный образ апостолом и евангелистом Лукою, в которое время пресвятая Богородица была во плоти. А в Владимире стоял той чудотворный образ 240 лет.</p>

³⁴ В более ранних списках ЛВ А, С и Б: *великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским Долгоруковым.*

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА
В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

От Краткого Московского летописца по Ивановскому списку (КМЛ И) Спасо-Прилуцкая компиляция второй редакции (СПК 2) отличается только новым форматом обозначения года. Но в первой ее редакции (СПК 1) год всегда передается по-старому, в точности как в приведенной цитате КМЛ И. «Летописец выбором» по Ярославскому списку (ЛВ Я), как и вся традиция этого памятника, не содержит указания на месяц и число, заимствованное в КМЛ из Месяцеслова.

Точно такую же картину заимствования текста из КМЛ ранней редакции, известной по Ивановскому списку, мы наблюдаем в следующей статье (6681 г.). Без указания месяца и дня она есть в ранней редакции «Летописца выбором» по Архивному (А),

Благовещенскому (Б) и Симонову (С) спискам; весьма вероятно, присутствовала она и в полном виде Спасо-Ярославской редакции, известной нам в списке ЛВ Я в сокращении.

По КМЛ в СПК переданы статьи 6662, 6681, 6687, 6753, 6833, 6834, 6841, 6875, 6888, 6890, 6892, 6905, 6951, 6968, 6970, 6974, 6976, 6998, 6999 (то же в ЛВ), 7009, 7022, 7030, 7060, 7068, 7069, 7074, 7079, 7089, 7091, 7094, 7097, 7104, 7113, 7134, 7139, 7142, 7153 (?), 7162, 7179, 7180, 7182, 7184, 7186, 7190 гг.

В ряде случаев источник компилятора содержал ошибочные чтения сравнительно с КМЛ, который сам имел ошибки сравнительно с ЛВ. Например, статья о битве на Калке выглядит так:

КМЛ И	СПК 2
<p>Лета 6687-го году на реке на Калке в полянах было Кольское побоище у великих князей киевских и московских с татары с царем Урменем. И на том бою побито много русских людей и великих князей киевских и московских и войско их.</p>	<p>6687/1179:³⁵ На реке Канке³⁶ в полянах было конское побоище у великих князей киевских и московских³⁷ с татары, с царем Умерием³⁸, и на том бою побито много русских людей и великих князей киевских и московских и войско их.</p>

³⁵ Ошибочная дата сравнительно с ЛВ А, Б, С 6745. В Я статьи нет.

³⁶ Сравни ЛВ Б *Кадке*.

³⁷ Добавление, сравнительно с ЛВ А, Б, С (в Я статьи нет), московских великих князей к киевским вытекает из концепции компилятора, начавшего выписки дополнительной статьей о создании Москвы.

³⁸ ЛВ А, С *Урменем*, Б *Арменем*.

Ошибочный сравнительно с ЛВ год (А, Б, С правильно – 6731, в Я статьи нет) в пространной редакции КМЛ сопровождался прибавлением московских князей к киевским, – по сути фантастическим, но в контексте вполне понятным, раз Москву основал еще Вещий Олег. Обе ошибки аккуратно повторены в СПК. Однако не стоит спешить с заключением, что «Летописец Московский» у

Прилуцкого компилятора – именно и только Краткий Московский летописец.

В ряде случаев источник СПК не совпадает ни с одной из редакций ЛВ и КМЛ, где имеется соответствующая статья. Характерный пример – статья, правильно датированная в ранней и Ярославской редакциях ЛВ 6745-м г.:

ЛВ А, Б, С	ЛВ Я	КМЛ И	СПК 2
Лета 6745-го году убиен бысть благоверный и великий князь Федор Юрьевич резанской на реке на Воронеже от безбожнаго царя Батыя. И тогда Батый пленил Резанскую землю и князя Федорова отца, князя Юрия Ингоревича Резанского, и братья его побил, и потом многия руския грады разорил он окаянный.	Лета 6745-го году оубиен бысть благоверный великий князь Федор Юрьевич рязанский от безбожнаго царя Батыя на реке на Воронеже, и потом царь Батый пленил Рязанскую землю.	Лета 6755-го году ноября в 4 день убиен бысть благоверный князь Михайло черниговской и болярин его Феодор от безбожнаго царя Батыя. И потом царь Батый пленил Рускую землю.	6740/1232: Убиен бысть благоверный князь Федор Юрьевич рязанский на реке Воронеже от царя Батыя. Тогда он, окаянный, пришел в Рускую землю, и град Рязань взял, и землю Рязанскую разорил, и князей рязанских побил.

Статья эта, в частности, показывает, что вставка месяцев и дней по Месяцеслову была сделана именно в КМЛ, а Прилуцкий компилятор, тоже пользовавшийся Месяцесловом, таких добавлений специально не делал, но лишь временами их заимствовал по КМЛ. Очевидно также, что здесь текст СПК гораздо ближе к ЛВ, так как в КМЛ не упомянуты рязанские князья, а вместо Федора Юрьевича поставлен св. Михаил Черниговский, который должен был бы идти в статье под 1245 г. Следующая статья, ошибочно датированная в СПК 6742 г., также взята из ЛВ, где неверно передано отчество

Александра Невского (Мстиславич вместо Ярославич). Но она вставлена только во вторую редакцию СПК.

Во второй редакции летописная статья о черниговских святых верно уточнена по Месяцеслову: в КМЛ ошибочно приведен год, месяц и день кончины святых. Однако верные даты были уже в первой редакции СПК, возможно, при ее создании сверенной с Месяцесловом. Во второй редакции составитель просто подчеркнул этот факт ссылкой:

КМЛ И	СПК 1	СПК 2
Лета 6755-го году ноября в 4 день убиен бысть благоверный князь Михайло Черниговской и болярин его Феодор от безбожнаго царя	В лето 6753-е, сентября в 20 день убиен бысть благоверный князь Михаил Черниговский и болярин его Феодор от	6753/1245: Святии мученики и исповедники великий князь Михаил и болярин его Феодор Черниговские чудотворцы.

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА
В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

Батя. И потом царь Батый пленил Рускую землю.	безбожнаго царя Батя, и потом царь Батый пленил Рускую землю.	Месяцеслов, септеврия 20. Убиен бысть благоверный князь Михаил Черниговский и болярин его Федор от безбожнаго царя Батя, и потом царь Батый пленил Рускую землю.
---	---	--

Уточнение по Месяцелову в СПК вовсе не обязательно означало исправление ошибки КМЛ. Например, тексты о кончине Петра митрополита фактически вообще не

отличались, причем текст КМЛ точно соответствовал здесь Ярославской редакции ЛВ:

КМЛ И	СПК 1	СПК 2
Лета 6834-го году декабря в 21 день преставися на Москве чудотворец Петр, митрополит Московский всеа Росии, пас церковь божию 18 лет 6 месяц ³⁹ .	В лето 6384-е декабря в 21 день преставися на Москве чудотворец Петр митрополит Московский и всеа Росии, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц.	6834/1326: Преставление во святых отца нашего Петра митрополита всеа Росии. Месяцеслов, декемврия 21. Декабря в 21 день преставися на Москве чудотворец Петр митрополит Московский и всеа Росии, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц

³⁹ Ср. ЛВ Я: *Лета 6834-го году декабря в 21 день преставися на Москве чудотворец Петр митрополит, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц.* В ранней ред. ЛВ (А, Б, С) иной текст: *Того же лета (6834, после закладки Успенского собора. – А. Б.) декабря в третий час ноци и преставися преосвященный Петр митрополит Московский и всеа Руси чудотворец, пас церковь божию 18 лет и 6 месяц. И положено бысть святое и чесное тело его во граде Москве в соборной церкви у пресвятые Богородицы у честнаго и славнаго ея Успения, юже сам созда преже смерти своея, и гроб себе своима руками заложив.*

Ссылка на Месяцеслов в данном случае выглядит лукавой, хотя, возможно, компилятор действительно проверял по нему дату преставления митрополита Петра. По Месяцеслову, как показано в примечаниях к публикации Прилуцкой компиляции, не только уточнено немало дат, но дополнены или даже написаны заново некоторые статьи, например, отсутствующая в ЛВ и КМЛ статья о явлении иконы Богородицы Смоленской.

Месяцеслов всплывает и в спорном для компилятора вопросе о времени кончины св. митрополита Алексия. В первой редакции компилятор записал, что чудотворец умер 15 мая 6887 г. Этот год, без месяца и дня, был отмечен в Ярославской редакции ЛВ, тогда как в более ранней (по А, Б и С) стоял правильный 6886 г. Согласно КМЛ (И), святитель преставился «6887-го году ноября в 4 день». Очевидно, что в данном случае летописным источником компилятора был не ЛВ и не КЛМ. И в достоверности этого источника Спасо-Прилуцкий историк сомневался, поскольку уже в первой редакции приписал, скорее всего, из Месяцеслова: «А в других летописцах о том же писано сице: В лето 6888-е февраля в 12 день

Алексий митрополит чудотворец, родом града Чернигова, пас церковь божию лет 24, и положен бысть в Чудове монастыре». Во второй редакции он просто разделил этот текст на две погодные статьи, 6887 и 6888 гг.

Статья о Куликовской битве ясно показывает, что перед компилятором был, кроме КМЛ, текст этого неизвестного «другого летописца» с фантастическими ошибками. «В лето 6888-е великий великий князь Димитрий Иванович всеа России побил крымсаго царя Мамаю», пишет он в первой редакции строго по КМЛ (И), где текст одинаков с ЛВ (Я), и добавляет: «а в других летописцах писано Батыя». Текст этого «другого летописца» можно будет, вероятно, обнаружить по столь своеобразной статье. Объявление же Мамаю царем Крымским восходит в ранней редакции ЛВ (по А, Б, С), где статья более подробна.

Статья о нашествии Тохтамыша под 6890 г. уточняет для нас, что компилятор, кроме хорошего списка КМЛ, действительно именуемого «летописцем Московским» (в ЛВ Я статья та же, что в КМЛ И, но под другим, 6889 г.), располагал и довольно полным списком ЛВ, по которому он сделал дополнение к статье:

ЛВ А, Б, С	КМЛ И	СПК 2
Лета 6890-го году приходил на Московское государство ратью крымской царь Тахтамышь со всеми ордынскими князьями и под Москвою стоял три дни, а на 4 день взял Москву обманом за крестным целованием и всех православных христиан побил: девяти человек убьет, а десятого отпустит на волю.	Лета 6890-го году крымской царь Тахтамышь взял Московское государство обманом и крестным целованьем и много православных христиан побил.	В летописце Московском писано тако: Крымской царь Тахтамышь взял Московское государство обманом и крестным целованием и много православных христиан побил. А в других летописцах писано: Девяти человек убьет, а десятого жива пустит.

Но временами, когда тексты ЛВ и КМЛ почти совпадали, мы четко видим, что компилятор обращался к КМЛ. Например, статья о землетрясении в Москве датирована у него 1 сентября 6951 г., вместо 1 октября 6951 г. по КМЛ И, или 1 октября 6954 г. по всем спискам ЛВ. Здесь изменение года отражено во известных нам редакциях КМЛ, а изменение месяца характеризует его особую редакцию, имевшуюся в Спасо-Прилуцком монастыре.

Хотя все статьи обозначены «Летописец Московский» и в большинстве взяты из КМЛ, его текст мог оказаться и в числе «других летописцев». Неизвестный летописец со своеобразными датами, которые мы встречаем в компиляции, использован в начале статьи о завершении храма Василия Блаженного, продолжение которой, обозначенное «а в других летописцах», приводит именно текст КМЛ (в ЛВ статья намного детальнее и текстуально дальше от СПК):

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА
В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

КМЛ И	СПК 2
Лета 7068-го году октября в 1 день совершена бысть церковь каменная Покров пресвятыя Богородицы, что на рву, предивными и различными обрасцы, на одном основании 9 пределов.	7068/1560: ноября в 1 день, а в других летописцах писано октября в 1 день совершена бысть церковь каменная Покров пресвятыя Богородицы, что на рву, предивными и различными обрасцы, на одном основании 9 пределов.

1 октября 1559 г. – вполне реальная дата освящения Покровского храма в праздник Покрова Богородицы. Весь собор был освящен, согласно строительной записи, 29 июня 1561 г., в день апостолов Петра и Павла. Дата 1 ноября, избранная прилуцким компилятором как лучшая относительно даты КМЛ (и ЛВ), не соотносится ни с одним из десяти напестольных праздников этого храма. Своей немотивированностью она заставляет подозревать, что источник, авторитетный для компилятора более, чем излюбленный им КМЛ, действительно сообщает старинную дату события.

Нам не всегда приходится гадать, к какому источнику компилятор обращался, т. к. в ряде случаев, при полном совпадении текста компиляции с КМЛ, соответствующей статьи нет ни в одном списке ЛВ (например, под 6968, 6998 г. и др., см. в прим. к публикации текста), и

наоборот. Среди таких статей одна особенно ярко показывает тщету характеристики источников произведения по содержанию отдельных его статей. Спасо-прилуцкий компилятор приводит (с ошибочной датой) довольно редкую статью об обретении в Ярославле мощей святых князей Федора Ростиславича Смоленского и его сыновей 5 марта 1463 г. По одной из летописеведческих традиций мы должны были бы говорить о некоем ярославском источнике текста, тем более, что у нас есть основание предполагать знакомство компилятора с Ярославской редакцией ЛВ. Однако шахматовская текстологическая традиция, которой мы придерживаемся, побуждает искать конкретный источник этой статьи, который обретается в КМЛ И: сравнительно с ним прилуцкий компилятор лишь немного спутал дату:

КМЛ И	СПК 2
Лета 6974-го году декабря в 25 день явися чудотворцы в Ярославле князь Федор Родиславич и дети его князь Константин и князь Давыд.	6974/1466: Декабря в 17 день явишася чудотворцы в Ярославле князь Федор Родиславич и дети его князь Константин и князь Давыд.

Исходный текст пространной редакции ЛВ по А, Б, С (в Я статьи нет) мог бы служить источником статьи компиляции теоретически, но отнюдь не текстологически. Если отсутствие точной даты относительно святых легко

восполнимо, то прочтение отчества князя четко отсылает нас к КМЛ. Текстологические же соображения заставляют отнести к КМЛ ряд других статей Прилуцкой компиляции, хорошо представленных в ЛВ. Например:

ЛВ А, Б, С	ЛВ Я и др.	ЛВ П 1 ⁴⁰	КМЛ И	СПК 2
(7022)	Лета 7022-	Лето	Лета 7022-	7022/1514:
Того же лета великий князь Василей Иванович	го году московский князь великий Василий Иванович взял	7022-го лето московский князь Василей Иванович взял	го году великий князь Василей Иванович всеа Росии взял	великий князь Василий Иоаннович всеа Русии взял

⁴⁰ Псковский 1-й список, издан нами: *Богданов А. П.* «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам. С. 208–237.

московский и всё России взял город Смоленск.	город Смоленск.	Смоленск град.	Смоленск град.	Смоленск град.
--	-----------------	----------------	----------------	----------------

Сложнее, когда отсутствующая в ЛВ статья представлена в компиляции по КМЛ, но с обработкой неведомого творца. Например, статьи 6970 г. о смерти великого князя Василия II Васильевича Темного в ЛВ не только нет, но и не могло быть: после раннего Благовещенского списка, отразившего его правильное отчество, он упорно именуется в традиции Василием Ивановичем. Из первой редакции КМЛ по Ивановскому списку статья эта тоже выпала, но во второй и третьей редакциях по Академическому и Вельскому спискам читается (не считая буквенных разночтений) одинаково: «Лета 6970-го году преставись князь Василей Темной, предаде все сыну своему князю Ивану Васильевичю». Прилуцкий компилятор прочел «предаде» как «прадед», но упомянул не внука, а правнука: «6970/1462: Преставися великий князь Василий Васильевич всеа России, прадед царю Иоанну Васильевичу всеа России».

Важно отметить, что список КМЛ у прилуцкого компилятора был лучше, чем самый ранний и полный из известных нам Ивановский список. Статья о преставлении Сергия Радонежского (25 сентября 1382/6901) приведена компилятором в точности по ЛВ (всех редакций), но с ошибочным 6892 г. (в ЛВ 6900). Именно такой год мы видим в КМЛ И, но прилуцкий компилятор не повторяет его ошибок в указании дня (5 сентября) и прозвании святого («Радуженский»). С другой стороны, статью о взятии Казани Иваном Грозным компилятор взял под правильным 7061-м г. из ЛВ, а затем процитировал и по КМЛ под ошибочным 7069 г. В известных нам редакциях КМЛ такой ошибки в годе нет, это особенность имевшегося у

компилятора списка. В 1 и 2-й редакциях КМЛ (по И и А) была довольно редкая статья о рождении сына Ивана Грозного, Дмитрия, под ошибочным 7071 г. Речь идет о Дмитрие Углицком (род. в октябре 1582), а не Дмитрие Старшем (род. в октябре 1552), поскольку выше в этих редакциях говорилось о рождении царевича Федра Ивановича. В компиляции эта статья дословно процитирована под иным, но столь же ошибочным 7074/1566 г.

Статьи, которые компилятор точно заимствовал из КМЛ, обнаруживают в его тексте немало других отличий в датах, которые Спасо-Прилуцкий историограф постоянно, но далеко не всегда удачно уточнял. Например, в его статье 6998 г. мы читаем «августа» вместо «июня», в статье 7030 г. «июня в 18 день» вместо «мая в 8 день», в статье 7038 г. добавлена дата «декабря в 6 день», отсутствовавшая в КМЛ, и т. д. Впрочем, подобные изменения и дополнения сделаны также в статьи из ЛВ, в меньшей степени только потому, что самих статей из ЛВ в компиляции меньше. Отчасти такие особые даты восходят и к источникам текста.

Своеобразие списка КМЛ, которым располагал компилятор, хорошо видно в статье о закладке каменного храма московского Вознесенского монастыря великой княгиней Евдокией Дмитриевной, женой Дмитрия Донского, в 1405 г. Статья эта характерна для КМЛ, она отсутствует в ЛВ. В обеих редакциях СПК, сравнительно с тремя редакциями КМЛ, ошибочно указан иной год, иной месяц и число (последних нет во второй ред. КМЛ), при полном совпадении остального текста:

КМЛ И	СПК 1
Лета 6915-го году мая в 12 день великая княжна Евдокея Лукьяновна повеле заложить церковь каменную Вознесения господа нашего Иисуса Христа и монастырь возгради.	В лето 6905-е августа в 9 день великая княжна Евдокия Лукьяновна повеле заложить церковь каменную Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и монастырь возгради.

Располагал компилятор и выписками из какого-то более подробного летописного памятника, близкого к «Сокращенному временнику» в ярославской редакции Иоасафа

Лазаревича, который по каким-то причинам не счел нужным использовать во второй редакции своего сочинения. В первой редакции на л. 37 это он сопровождал свою лапидарную и ошибочную

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА
В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

по хронологии статью о святом Сергии из КМЛ выпиской, далеко превосходящей по точности и подробности все редакции ЛВ: «А в другом летописце о том же писано сице: В лето 6900-е сентября в 25 день преставися преподобный отец наш Сергий Радонежский чудотворец, родом ростовец, поживе всего лет 78, при великом князе Василии Димитриевиче и при митрополите Киприане».

Статья о Темир Аксаке и Богородице Владимирской не отнесена компилятором к «другому летописцу», однако отсутствует не только в КМЛ, но и в поздних редакциях ЛВ. Нечто близкое имеется лишь в пространной редакции ЛВ, но в компиляции мы видим дополнительные оригинальные сведения о нашествии из «Синия Орды» на «Рязанския грады»:

ЛВ А, Б, С	СПК 2
Лета 6903-го году принесена бысть чудотворная икона пречистыя Богородицы Владимирския образ из Володимера града в царствующий град Москву повелением великого князя Василия Димитреевича московского и всеа Русии при митрополите Киприяне, как приходил на Русь безбожный царь Темир Аксак, и не дошед до Москвы побежал в Орду, а царства не вреди ничем. А в Володимере стоял двести четьыредесят лет.	6903/1395: При великом князе Василие приходил из Синия Орды на Рускую землю безбожный Темир Аксак царь в Рязанския грады. И тогда Владимирская Богородица избавила своим пришествием Московское государство, и отъиде он, окаянный, со страхом, и ничем не вреди.

В статье о смерти Василия Блаженного ссылка на «другие летописцы» означает всего лишь Месяцеслов за 2 августа. Первая часть статьи содержит характерную ошибку в дате (1 августа вместо 2-го), имеющуюся в Ивановской редакции КМЛ и Ярославской редакции ЛВ, но

отсутствующую в ранней редакции ЛВ (А, Б, С). КМЛ как прямой источник текста «Летописца московского» устанавливается благодаря его максимальной текстуальной близости к компиляции:

ЛВ А, Б, С	ЛВ Я	КМЛ И	СПК 2
Лета 7060-го году августа в 2 день преставися на Москве Василей блаженной, а нача странствовати наг ходити от десяти лет и всех лет живота его быти 94 годы.	(Л)ета 7060-го году августа в 1 день преставися на Москве Василий блаженный, нача странствовати и наг ходити от десяти лет возраста своего, и всех лет живота его было 94 года.	Лета 7060-го году августа в 1 день преставися на Москве Василий Блаженной, странствовал, нах ходил от десяти лет; а всего жития его было 94 года.	7960/1552: Августа в 1 день преставися на Москве Василий блаженный, странствовал и наг ходил от десяти лет, а всего жития его было 94 года. А по другим летописцам жития его было 88 лет, из них благоусердствова 72 лета.

Ссылка на «другой летописец», как видим, не обязательно означала, что компилятор обратился к ЛВ. Однако именно к этому памятнику восходит большая часть его дополнений к КМЛ, данных с отсылкой на «Летописец Московский». Это статьи 6740, 6742, 6888, 6901, 6935, 6960, 6964, 6969, 7013, 7055, 7061, 7065, 7071, 7073, 7077, 7078, 7079, 7080,

7090, 7092, 7093, 7098, 7099, 7100, 7102, 7103, 7107, 7109, 7113, 7114, 7119, 7129, 7121, 7127, 7137, 7139, 7141, 7153 (?), 7154 гг. Число их примерно такое же, как взятых из КМЛ, и разделение текстов этих двух летописных источников обычно (за исключением оговоренных здесь и в примечаниях к

публикации случаев) не представляет сложности.

Особенно показательна отсутствующая в КМЛ ошибочная статья о взятии Иваном III Васильевичем Новгорода в 6901 (1393) г., а не в 1478 г. Ошибка эта появилась еще в приписке к Симонову списку ЛВ: «Лета 6901 взят бысть Царьград от безбожна турскаго царя (знак вставки, к нему на нижнем поле комментарий с верной датой: «Инде же писано в 6961»)), а на Руси Бог подаровал великому князю Ивану Васильевичю Новгород Великий». В Ярославской редакции ЛВ статья читается в таком виде: «Лета 6901-го году Бог поручил великому князю Ивану Васильевичю Великий Новьгород». В Прилуцкой компиляции к этому тексту добавлено, что Иван III ухитрился взять Новгород в 6901 г. «июля в 24 день».

Неведомо откуда, буквально цитируя текст КМЛ о великом Московском пожаре 1626 г., компилятор взял его точную дату «июня в 15 день»: она не соответствует всем многочисленным летописным статьям об этом событии и не верна исторически. При текстуальной близости многих статей кратких летописцев именно даты, особенно неверные, часто ведут нас к реальному источнику текста. Так, статья о преставлении митрополита Ионы читается в ЛВ и КМЛ практически одинаково. Но в старшей редакции ЛВ (А, Б, С) она верно датирована 31 марта 6969 г., а в старшей редакции КМЛ (И) – неведомо откуда взявшимся числом 20 ноября того же года. В Прилуцкой компиляции мы видим двойную ошибку: 6960 г. и 16 октября. Такой ошибочный год, но без числа, читается в Ярославском списке ЛВ, сокращенном, как мы знаем, сравнительно с протографом. Логично предположить, что список ЛВ, который использовал компилятор, восходит именно к этому протографу. Однако компилятор использовал ниже и статью о смерти митрополита Ионы по старшей редакции ЛВ, поместив ее отдельно под 6969 г. и дополнив

по Месяцеслову. Этот случай говорит нам, что у компилятора, помимо старшей редакции КМЛ, имелась особая редакция ЛВ, передающая чтения и старшей редакции, и редакции по Ярославскому списку, т. е. промежуточная между ними.

Сопоставление текстов КМЛ и ЛВ заставляло компилятора или выбирать одну статью в понравившемся ему чтении, или сочетать летописные тексты об одном событии, указывая разницу в источниках, или приводить обе статьи, когда они шли под разными датами. Благодаря этому, в частности, Иван Грозный в компиляции дважды взял Казань, в 7061 и 7069 гг., и дважды скончался, в 7091 и 7092 гг., слуги Годунова дважды убили царевича Дмитрия, в 7097 и 7099 гг., Федор Иванович дважды заложил Белый город (второй раз, по ЛВ, вместе с деревянным городом в Замоскворечье) и т. п. Временами компилятор, заметив такое дублирование, приводил статью один раз под ошибочной датой. Так он поступил со статьей о взятии Астраханского царства князем Ю. И. Пронским, перенеся это событие с 7062 г. (как в ЛВ) на столетие вперед, в 7162/1654 г., как во всех списках КМЛ.

Компилятор четко разделял источники своих выписок из КМЛ и ЛВ и старался обозначать «московским летописцем» КМЛ, хотя в их обозначении временами путал, какой летописец является «московским», а какой «иным». Так, статья о голоде 1570 г., превратившемся в кратких летописцах в мор, первоначально (в 1 редакции СПК) была изложена по ЛВ под 7078 г., а затем, с указанием «а по другим летописцам», по КМЛ под 7079 г. ЛВ здесь выступал «Летописцем московским», КМЛ – «другим», хотя чаще было наоборот. Затем (во 2 редакции) за основной текст как «Летописец Московский» был взят КМЛ, а ЛВ был обозначен как «Хроника Российская». Приведем эту статью по СПК 2 и двум его источникам:

<p>КМЛ И: Лета 7079-го году во всей Руской земли мор силен был, яко ж многия грады и селы запустели. ЛВ А: Лета 7078-го году по всей</p>	<p>7079/1571: Во всей Руской земли мор силен был, яко ж многия грады и селы запустели. Сравни с крон(икой) росс(ийской):</p>
--	--

Руской земле бысть мор силен, многие грады и села запустели. ЛВ Я: Лета 7078-го году был на всей земли мор велик, многия грады и села запустели.

7078/1570: Бысть на всей земли мор велик, многия грады, и села, и волости запустели.

Статья о закладке в 7094 г. московского Белого города и возведения его мастером Конем приведена по КМЛ, с замечанием, что «по другим летописцам описуется то дело в 7098-м году, о сем последует впереди». И действительно, под этим годом компилятор привел ту же статью по пространной ранней редакции ЛВ. Здесь «Летописцем Московским» выступает КМЛ, а «другим летописцем» ЛВ.

Как видим, обозначения источников в компиляции не были особенно точны, тем более, что уже в черновике 1 редакции компилятор имел свод выписок, а при подготовке 2 редакции чуть ли не год спустя в происхождении выписок вообще запутался. Выписывая все летописные статьи, а не только подписанные «летописцем московским», мы можем временами ошибаться, обращая внимание вместо летописи на Месяцеслов (что всё равно выявляется при сопоставлении с текстами источников), зато получаем полный материал для сопоставления.

Так выявляются и вставки из особого летописца, не связанного с редакциями КМЛ и ЛВ. Статью 7113 г. о смерти Бориса Годунова начал по ранней редакции КМЛ: «Апреля в 9 день преставися на Москве царь Борис Годунов. И бысть царства его 7 лет 3 месяца». К этому компилятор добавил версию ранней пространной редакции ЛВ: «а по другим летописцам пишет 6 лет и 8 месяцев», вставив за выпиской из ЛВ фразу из иного, неизвестного летописца: «а сына его Феодора Борисовича поставили во цари и крест целовали, царствовал 9 дней». Завершил же статью с указанием «и паки пишет» окончанием статьи КМЛ: «того же лета воцарися на Москве сын его царевич Феодор Борисович всеа России, 16 лет. А царства его было 2 месяца».

Отсутствует в ЛВ (кроме кратчайшего упоминания в Я) и КМЛ подробная статья компиляции о медных деньгах под 7167/1659 г.

Близкая по содержанию, но текстуально отличная статья читается лишь в Беляевском летописце⁴¹. Та же картина со следующей статьей 7176/1668 г. поставлении патриарха Иоасафа; ее нет в ЛВ и КМЛ, хотя сходный по содержанию рассказ читается в Мазуринском летописце Исидора Сназина, а более подробный – в пространной редакции Летописца 1619–1691 гг.⁴². Под тем же годом в компиляции помещена статья о Соловецком восстании, полностью вычеркнутая из ЛВ и КМЛ; упоминание о нем было вообще не популярно в сочинениях авторов, не сочувствующих староверам. Для составителя компиляции, однако, или для автора его третьего, неизвестного нам летописного источника это восстание было весьма важным. Под 7184/1676 г. он приводит еще и отсутствующую в ЛВ и КМЛ статью о подавлении Соловецкого восстания воеводой Мещериновым.

Краткий Московский летописец у Спасо-Прилуцкого компилятора продолжался и после статьи о московском пожаре 1676 г., которой завершилась его наиболее полная Ивановская редакция. Из него взята статья 7186/1678 г. о Чигиринском походе, отраженная с изменениями в поздних редакциях ЛВ, и завершающие этот источник

⁴¹ Под 7162/1654 г.: Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990. С. 32.

⁴² ПСРЛ. Т. 31. С. 171, 184. О труде Сназина: Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, доп. и испр. М.–Берлин, 2019.. С. 18-82. О редакциях Летописца 1619–1691 гг.: Богданов А. П. 1) Редакция Летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1982. С. 124-151; 2) Патриарший свод с летописцем 1619–1691 гг. // Историческое обозрение. М., 2021. С. 4-38.

статьи о кончине Федора и воцарении его братьев в 1682 г. Эти статьи, как подробно показано в примечаниях к тексту публикации, сообщают версии, ходившие в России до осени 1682 г., и свидетельствуют, что использованная прилуцким компилятором редакция КМЛ была составлена в 1682 г. по горячим следам событий. Замечательная редакция КМЛ, переданная нам составителям Спасо-Прилуцкой компиляции, была создана после наречения на царство Ивана и Петра 26 мая, но, вероятно, до их венчания на царство 25 июня 1682 г. (оно уже не упомянуто, хотя для летописцев было почти обязательным).

Текст имевшегося в Спасо-Прилуцком монастыре ЛВ кончался статьей о царском венчании Алексея Михайловича под 8 сентября 1646 г. (как в ЛВ Я, реальная дата события 28 сентября 1645 г.⁴³). Маловероятно, что источник продолжался дальше (как в ряде поздних редакций до 1680-х гг. и конца XVII в.). Иначе компилятор не преминул бы его использовать в параллель с КМЛ, как делал раньше. Ссылки на «Летописец Московский», в большинстве случаев относящиеся к КМЛ, но иногда и к ЛВ, заставляют отказаться от мысли, что весьма достоверные статьи 1682 г. могли быть взяты из третьего, обычно неточного, летописного источника Спасо-Прилуцкой компиляции. Эти соображения заставляют нас заключить, что, хотя оригинальные статьи о смерти Федора и наречении на царство его братьев иначе читаются в известных редакциях ЛВ (Я) и КМЛ (А, Б, М, В), они служили завершением оригинальной редакции КМЛ, созданной в самом конце мая – первой половине июня 1682 г.

С текстом ЛВ компилятор обращался, кажется, не менее творчески, чем с КМЛ. В первой редакции компиляции он со ссылкой на «Летописец Московский» (во второй редакции ссылки нет) привел отсутствующую в КМЛ

статью о Кирилле Белозерском, снабдив ее тремя дополнениями:

⁴³ См. уточнение дат всех венчаний по основным источникам: *Богданов А. П.* Чины венчания российских царей // *Культура средневековой Москвы*. М., 1995. С. 211-224.

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА
В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

ЛВ А, Б, С, Я	СПК 1
Лета 6935-го году преставися преподобный отец наш Кирил игумен Белозерский чудотворец.	В лето 6935-е июня в 9 день преставися преподобный отец наш Кирилл игумен Белозерский чудотворец, во дни великого князя Дмитрия Донского, всего жития его лет девяност.

Месяц и день кончины Кирилла, а также число лет его жития взяты из Месяцеслова. Ссылка же на времена Дмитрия Донского связана с осмыслением текста источника. Кончина Кирилла случилась на самом деле при Василии II Васильевиче Темном, внуке Дмитрия Донского. В пространной редакции ЛВ по ранним спискам А, Б и С перед этой статьей идет статья о смерти великого князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, что не позволяло отнести кончину святого ко временам Дмитрия. Однако Василий тоже именовался здесь «Донским», и редактор Ярославского списка (а скорее его протографа) превратил его в «Дмитрия Ивановича Донского», указав на его кончину в 6933 г., прямо перед статьей о смерти Кирилла. Прилуцкий компилятор, подойдя к тексту ЛВ, имевшемуся у него, видимо, в протографе Ярославской редакции, еще более творчески,

сделал следующий шаг, поместив кончину святого во времена князя Дмитрия Ивановича, а кончину Василия Дмитриевича сдвинул в 6964/1456 г. Это было всё равно неверно (Василий умер в 1462), но точнее, чем в старшей редакции ЛВ, где в той же статье «Василий Дмитриевич Донской» умер «лета 6933-го году февраля в 7 день».

Другой подобный пример – статья о кончине Ивана III Васильевича. В КМЛ известных нам редакций такой статьи не было. Компилятор опирался на статью ЛВ, добавив в нее весьма точную дату (на деле великий князь скончался в ночь с 27 на 28 октября 1505 г.). Сравните исходный и итоговый тексты, имея в виду, что чтение «Русии» имеется в ЛВ С, Б и др. списках, а компилятор и до того вместо прямого наследника почившего великого князя называл его дальнего потомка, Ивана IV Грозного:

ЛВ А, Б, С, Я	СПЛ 1
Лета 7014-го году преставися великий князь Иван Васильевич московский и всеа Росии, а после своего живота благословил великим княжением сына своего великого князя Василия Ивановича московского и всеа Росии.	В лето 7013-е октября в 28 день дед царю Иоанну Васильевичю преставися великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

Аналогичную картину с уточнением даты и сокращением исходного текста мы видим в статье компиляции, собранной из двух

обширных статей ЛВ (в КМЛ они отсутствуют):

ЛВ А, Б, С	СПК 2
Лета 7054-го году государь царь и великий князь Иван Васильевич московский и всеа Русии сел на царство на великое княжение Владимирское и Московское рукоположением святейшаго митрополита	7055/1547: Генваря в 16 день на неделный помазан на царство Иоанн Васильевич, млад сый, от Макария митрополита, а февраля в 3 день женился на Настасье Романовне.

<p>Макария Московского и всеа Русии. Того же лета и тое же зимы сочтася браку царь и великий князь Иван Васильевич московский и всеа Русии февраля в 3 день, избра себе невесту Романову дочь Юрьевича Настасею. Венчан бысть в соборной церкви Успения пречистыя Богородицы рукоположением митрополита Макария со освященным собором.</p>	
--	--

Эти статьи важны нам еще и потому, что позволяют отместить мысль о восхождении списка ЛВ, использованного в компиляции, непосредственно к краткой Ярославской редакции: там брак царя с Анастасией Романовой датирован не 3-м, как в ранних редакциях ЛВ и в СПК, а 4-м февраля.

Тенденция компилятора к дополнению и уточнению (не всегда верному) текстов ЛВ и КМЛ И заставляет нас с осторожностью относиться и к статьям, в которых явно, казалось бы, проявился список ЛВ, более подробный, чем все известные нам редакции. Такова статья о взятии Казани,

присутствующая в ЛВ по спискам А, Б, С, Я, Ч и радикально сокращенная в КМЛ И. В СПК она не дополнена по дате, однако справедливо упоминает плененную татарскую царицу, имя которой логично присутствует рядом с ее сыном царем Симеоном. Проблема в том, что во всех изученных нами списках ЛВ упоминание о царице отсутствует! Хочется предположить, что компилятор имел более полную редакцию ЛВ, чем известные нам. В этой статье она текстуально была ближе к Ярославской редакции, а затем к раннему Благовещенскому списку пространной редакции:

ЛВ А, Б, С	ЛВ Я	КМЛ И	СПК 2
<p>Лета 7061-го году октября в 2 день в памяти святых мученик Киприяна и Устины царь и великий князь Иван Васильевич московский и всеа Русии взял царство Казанское и царя Семиона (Б <i>Симеона</i>) Бекбулатовича полонил еще млад сущее.</p>	<p>Лета 7061-го году октября в 2 день на память святых мученик Киприана и Оустины царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России взял царство Казанское и царя Симеона Бекбулатовича полонил еще млада суща.</p>	<p>Лета 7061-го году царь Иван Васильевич всеа Росии взял Казань град.</p>	<p>7061/1553: Октября в 2 день царь и великий князь Иоанн (в 1 ред. <i>Иван</i>) Васильевич всеа Русии взял Казанское государство и царя Симеона Бекбулатовича полонил еще млада суща, и мать его царицу Сумбилию.</p>

Следующая статья (о взятии Ругодива и всей Лифландии) в списке Я сокращена сравнительно с пространной редакцией ЛВ и СПК, но это касается именно списка Я, а не

всей Ярославской редакции. В новой статье компилятор опять ближе к Ярославской редакции (в А, Б, С текст пространнее):

ЛВ А, Б, С	ЛВ Я	СПК 2
<p>Лета 7065-го году родися на Москве царю и</p>	<p>Лета 7065 году родися на Москве царю Иоанну</p>	<p>7065/1557: Родися царю Иоанну (1 ред. <i>Ивану</i>)</p>

КРАТКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ XVII ВЕКА
В СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМПИАЦИИ

великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии сын царевич Федор Иванович московский и всеа Русии.	Васильевичу сын царевич Феодор Иванович.	Васильевичу сын царевич Феодор Иоаннович (1 ред. <i>Ивановичу</i>).
---	--	--

То, что текст Ярославской редакции ЛВ временами ближе к тексту компиляции, чем более ранней пространной редакции, показывает сравнение чтений статьи о взятии

Полоцка, отсутствующей в КМЛ. Источник, по которому компилятор безошибочно уточнил дату взятия Полоцка, вновь неизвестен:

ЛВ А, Б, С	ЛВ Я	СПК 2
Лета 7071-го году царь и великий князь Иван Васильевич московский и всеа Русии з братом своим со князем Владимиром Андреевичем Старецким взяли Полоцк град, и был за государем Полоцк 16 лет.	Лета 7071-го году царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России с братом своим со князем Володимером Андреевичем Старецким взял Полоцк град. И был за государем Полоцк 16 лет.	7071/1563: Февраля в 15 день царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России с братом своим со князем Володимером Андреевичем Старецким взял Полоцк град. И был за государем Полоцк 16 лет.

Однако уже следующий пример – статья 7073 г. о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне пополняет список случаев большей текстуальной близости компиляции к пространной редакции ЛВ по спискам А, Б, С. Различия, специально приведенные нами в примечаниях к публикации, показывают, что временами текст ЛВ в компиляции ближе к тексту А и С⁴⁴, а временами передает чтения раннего списка Б.

В статьях о Смутном времени, с воцарения Лжедмитрия I (статьи 7113, 7114, 7119, 7120, 7121), компилятор опирался в основном на текст ЛВ в редакции, близкой к Ярославскому списку, но более пространной, сохранившей намного более ранние чтения ЛВ (по А, С и др. спискам). По дополнениям из КМЛ видно, что компилятор располагал его более полной редакцией, чем сохранил для нас его наиболее ранний из известных – Ивановский список. Но и она несла в себе неточности, известные нам по спискам КМЛ. Так, со ссылкой на «Летописец Московский» статьи о воцарении и пришествии Михаила

Романова в Москву отнесены к «тому же» 1611 г., а далее история об освобождении Москвы и воцарении Михаила Федоровича приведена с верными датами по ЛВ, с такой же ссылкой на «Летописец Московский». Здесь же, в текстах о Смуте, мы видим и вставки из третьего летописного источника, не имеющего аналогий с ЛВ и КМЛ, например, фразу о Семибоярщине («и после того бояре Мстиславской с товарищи владели 2 лета»).

Статьи о патриаршестве Филарета Никитича и нашествии короля Владислава даны по ЛВ в редакции, близкой к списку Я, но более пространной и не содержащей ошибок Я сравнительно с ранней редакцией по А, Б, С (которая, в свою очередь, была менее подробна, чем использованный компилятором текст ЛВ). На то, что список ЛВ у прилуцкого компилятора был более полным, чем в ранней редакции А и С, ясно указывают статьи 7137 г. (отсутствующие в Я).

Статья 7039 г. о кончине «государыни нашей» иноке Марфе Ивановне (в свое время сосланной в Заонежье) повторяет текст, взятый, скорее всего, из КМЛ (хотя сходное чтение есть в ЛВ по Я и связанном с ним Сокращенном временнике в Ярославской редакции Иоасафа Лазаревича). Но она говорит

⁴⁴ Особенно показательна статья 7077 г. о том, как Иван Грозный «громил» Великий Новгород (ЛВ А и С, СПК 1 и 2), а не *грабил* (Б), или *пленил* (Я).

не только о сохранении почтения к ней на Русском Севере. К основной дате «генваря в 17 день» компилятор прибавляет, что «в других летописцах в 27 день», имея в виду ЛВ старшей редакции. Очевидно, что имеющийся у него список ЛВ отличался от Ярославской редакции, по которой царица скончалась на 10 дней раньше, чем в действительности. В то же время он местами передавал текст ранней редакции полнее, чем известные ее списки (А, С), как видим в статье о Московском пожаре 7041 г.

Завершился ЛВ особой редакции венчанием на царство Алексея Михайловича (1646, реально 1645), в то время как использованный компилятором КМЛ был доведен до наречения Ивана и Петра на царство 26 мая и завершен не ранее их не упомянутого венчания 25 июня 1682 г. К последнему и было приписано летописное продолжение с 1696 до 1702 г., приведенное в Спасо-Прилуцкой компиляции, судя по всему, полностью. Представить, что это было продолжение ЛВ, невозможно: полувековой разрыв между основным текстом и продолжением в летописании XVII в. был немислим.

Продолжение это писалось в Вологодской приказной избе в первые годы XVIII в., по-видимому, за один присест. От смерти царя Ивана Алексеевича, которая датирована летописцем 7203/1695, а не верным 7204/1696 г., его отделяло немалое время и существенные перемены, раз автор даже титул царя передал неточно. На приказную избу указывают источники приведенных летописцем статей. Это: царский указ 21 февраля 1697 г. о замене соревновательного процесса розыском; первый (именной) указ Петра I о введении гербовой бумаги в России от 23 января 1699 г.; указ о новом летосчислении в госучреждениях от 19 декабря 7208/1699 г.. датированный летописцем 1700 г.; именной указ 7209/1701 г. о составлении частных имущественных и финансовых документов в крепостных и пищих избах; именной указ от 39 декабря 7209/1701 г. о писании полных имен в челобитных, отмене

снятия шапок в мороз, бросания на колени и поклонов на пути следования царского величества, из которого в летописце взято только то, что имело прямое отношение к делам местной приказной избы; наконец, именные указы от 9 и 12 марта 7210/1702 г. о новых формулировках в челобитных. Последний указ является и последней записью в тексте обеих редакций Спасо-Прилуцкой компиляции, подписанной как «Летописец Московский».

Подобную подборку документов можно было бы сделать в любой приказной избе на просторах России. Однако компилятор в 1720-х гг. обратился для продолжения текста к аналогичной группе документов, собранных именно в Вологде, завершив текст указом Анны Иоанновны от 20 декабря 1730 г. об отмене полушек (л. 57 об.–58 об., 135–136). Логично предположить, что в той же Вологодской приказной избе он нашел и Краткий Московский летописец с продолжением до 1702 г. Часть таких указов попадала, по традиции, и в Вологодский архиерейский дом. Но, во-первых, состав приведенных указов заметно шире компетенции архиерейского дома, во-вторых, в продолжении КМЛ за 1696–1702 гг. нет следов епархиальных дел, которые интересовали компилятора, работавшего в Спасо-Прилуцком монастыре.

Итоги

В 1729–1730 гг. в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре была составлена в двух редакциях крупная историческая компиляция от Адама до 1730 г. Две ее авторские беловые редакции раскрыли, при полном кодикологическом и содержательном исследовании, богатую творческую лабораторию русского провинциального книжника и историка послепетровского времени.

Компиляция ярко отразила исторические взгляды образованного представителя местного духовенства и сохранила для нас существенные части текстов неизвестных редакций двух важнейших и популярнейших летописных памятников XVII

в.: «Летописца выбором» (ЛВ) и производного от него Краткого Московского летописца (КМЛ). Задача атрибуции и разделения статей этих памятников потребовала полного сравнения текстов обеих редакций Спасо-Прилуцкой компиляции (СПК) со всей доступной сегодня рукописной традицией ЛВ и КМЛ, а в ряде случаев и всех иных летописей и летописцев XVII – начала XVIII вв. Результаты этой работы детально представлены в нашей публикации.

Значительная часть текста компиляции составлена из приведенных полностью (или почти полностью) статей особой редакции «Летописца выбором» до 1645 г., близкой к редакции Ярославского списка (Я), но предлагающей более полные чтения. Текст списка, использованного Спасо-Прилуцким компилятором, более полон, чем Ярославский (особенно в отношении церковно-исторических записей); в нем приводилось также больше московских городских известий, с большей точностью и подробностью. В то же время текст ЛВ, переданный в СПК, в ряде случаев не просто сходен с ранней пространной редакцией ЛВ (в Архивном, Благовещенском и Симонове списках А, Б, С), но и содержит более верные ее чтения.

Текстологический анализ показал, что Спасо-Прилуцкий компилятор располагал протографом ЛВ Я или его архетипом, промежуточным между пространной редакцией ЛВ и Ярославской редакцией. Логично предположить, что эта редакция была источником основного текста Ярославской редакции до ее сокращения в Я. То, что эта промежуточная редакция между ранними пространными редакциями ЛВ (по спискам А, Б, С) попала в Спасо-Прилуцкий монастырь, не удивительно, учитывая налаженные книжные связи Ярославля с Вологдой, а Спасо-Ярославского монастыря, с которым связано создание Ярославской редакции и появление ее сокращенного списка Я около 1691 г., со Спасо-Прилуцкой обителью.

Вероятно, именно подобная редакция, предшествующая ЛВ Я, в последней четверти

XVII в. легла в основу создания нового памятника, КМЛ. Все известные нам списки этого популярнейшего среди книжников и читателей сочинения, начиная с доведенного до 1676 г. Ивановского списка 1680-х гг., грешат неполнотой и неточностью, что видно было уже при сопоставлении их друг с другом. Использованная в СПК редакция КМЛ, доведенная до 1682 г. и созданная между 26 мая и 25 июня этого года, является самой ранней и в ряде случаев самой верной во всей известной традиции этого летописца. Неполнота ее текста, переданного компилятором лишь в основной части, не позволяет использовать ее в публикации КМЛ, но современное представление об истории текста этого памятника без редакции СПК уже невозможно.

Третий, не атрибутированный пока летописный источник СПК, представлял собой оригинальный летописец. С одной стороны, он был наполнен характерными фантастическими сведениями, вроде победы Дмитрия Донского над ханом Батыем, с другой, включал ряд статей, относящихся к Соловецкому монастырю в XVII в., которые в летописании в целом не были популярны. Надеемся, что и этот кратчайший памятник будет в свое время найден. Однако и роли СПК в истории текстов ЛВ и КМЛ достаточно, чтобы оценить сочинение безвестного вологодского автора чрезвычайно высоко.

Проведенное нами исследование служит также хорошим уроком для любителей использовать сводные исторические сочинения XVIII в. как источник о более ранних событиях. СПК дает великолепный материал для текстологии памятников, но отнюдь не для фактологии событий. В тех случаях, когда текст известных нам редакций ЛВ и КМЛ совпадает с редакциями, использованными в СПК, мы видим, что компилятор передавал текст источников очень точно. Вместе с тем он вовсе не стремился уточнять многочисленные заблуждения и исправлять ошибки в своих источниках, передавая их абсолютно некритически, вплоть до очевидного

перенесения событий на век вперед, как в случае со взятием Астраханского царства. То, как смело он сочетал сведения из разных летописцев, нередко создавая логичные на вид конструкции из заблуждений источников, при этом легко их путая между собой, живо напоминает тексты В. Н. Татищева и иных авторов Века Просвещения.

* * *

Текст публикации подготовлен по историческим правилам издания источников XVII в., с полной заменой старинных букв современными и введением новой пунктуации, исключая характерные для компилятора знаки, вроде двоеточия после года.

При сравнении текстов нами использованы списки **Летописца выбором**:

А – Архивный, РГАДА. Ф. 188. Рукописное собр. ЦГАДА. Оп. 1. № 2. 2°. 192 л. Л. 174–191;

Б – Благовещенский, РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 1836. Л. 7–37 об.;

П-1 – Псковский 1-й список, РНБ. Собр. Общества любителей древней письменности. Ф. 355/6924. Л. 55–57;

С – Симонов, РГБ. Ф. 173. Собр. Московской духовной академии. № 201. Л. 261–301 об.;

Ч – Чернышевский, РГБ. Ф. 330. Собр. Чернышевых. Картон II. № 57. Л. 1–4;

Я – Ярославский, РГБ. Ф. 344. Собр. П.П. Шибанова. № 248. 8°. Л. 171–216.

Списки **Краткого Московского летописца**:

А – Академический, БАН. 16.14.24. Л. 518–530;

Б – Беляевский, РГБ. Ф. 29 (собр. И.Д. Беляева). № 8/М – 1514. Л. 57–60;

В – Вельский, РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1954 г. № 469. 4°. 11 л.;

И – Ивановский, Государственное бюджетное учреждение Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурulina». Отдел фондов. № 323. 11 л.;

М – Музейный, РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 5710. Л. 454–461 об.

Дополнительные источники для сравнения для отдельных статей указаны в примечаниях к публикации.

ЛЕТОПИСНЫЕ СТАТЬИ СПАСО-ПРИЛУЦКОЙ КОМПИЛЯЦИИ

(л. 99) **Создание града Москвы**⁴⁵.

Создан град Москва князем Георгием. Кроника российской.

6662/1154⁴⁶: Септемвриа в 7 день принесена бысть чудотворная икона образ пресвятыя Богородицы Владимирския из Царяграда великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским. А написан той чудотворный образ апостолом и евангелистом Лукою, в которое время пресвятая Богородица была во плоти. А в Владимире стоял той чудотворный образ 240 лет⁴⁷. [л. 35⁴⁸]

(л. 100 об.) 6681/1173: Декабря в 4 день убиен бысть великий великий князь Андрей Юрьевич Боголюбской во граде Володимире от бояр своих от Авдокима Кубецкого со товарищи в Володимире⁴⁹. [л. 35–35 об.]

6687/1179:⁵⁰ На реке Канке⁵¹ в полянах было конское побоище у великих князей киевских и московских с татары, с царем Умерием⁵², и на том бою побито много русских людей и великих князей киевских и московских и войско их⁵³. [л. 35 об.]

(л. 102 об.) 6740/1232: Убиен бысть благоверный князь Федор Юрьевич рязанский

⁴⁵ Киноварью.

⁴⁶ Ошибка в переводе лет от Сотворения мира на год от Рождества Христова: верно 1153.

⁴⁷ Статья по КМЛ И, в ЛВ Я (и др. списках ЛВ) отсутствует месяц и число.

⁴⁸ В квадратных скобках указано соответствие статей тексту первой редакции компиляции. Отсутствие указания означает отсутствие в ней статьи.

⁴⁹ Статья по КМЛ И, отсутствует в ЛВ Я, но есть в А, Б, С, без указания месяца и дня.

⁵⁰ Ошибочная дата сравнительно с ЛВ А, Б, С 6731. В Я статьи нет.

⁵¹ Ошибки в названии были обычными, сравни ЛВ Б *Кадке*.

⁵² КМЛ И *Урменем*, ср. ЛВ А, С *Урменем*, Б *Арменем*.

⁵³ Статья, с ошибками в названии реки и имени «царя», дана по КМЛ И. Добавление, сравнительно с ЛВ (А, Б, С, в Я статьи нет), московских великих князей к киевским вытекает из концепции КМЛ.

на реке Воронеже от царя Батя. Тогда он, окаянный, пришел в Рускую землю, и град Рязань взял, и землю Рязанскую разорил, и князей рязанских побил⁵⁴. [л. 35 об.]

6742/1234: Был бой на Неве реке великому князю Александру Мстиславичю⁵⁵ с немцы свейскими⁵⁶, и немец на том бою побито много.

(103 об.) 6753/1245: Святии мученики и исповедники великий князь Михаил и боярин его Феодор Черниговские чудотворцы. Месяцеслов, септеврия 20⁵⁷.

Убиен бысть благоверный князь Михаил Черниговский и боярин его Федор от безбожнаго царя Батя, и потом царь Батый пленил Рускую землю⁵⁸. [л. 35 об.]

(л. 106) 6833/1325: Маия в 22 день заложена бысть в Москве церковь каменная соборная апостольская Успение пресвятыя Богородицы⁵⁹. [л. 36]

6834/1326: Преставление во святых отца нашего Петра митрополита всея России. Месяцеслов, декемврия 21⁶⁰.

Декабря⁶¹ в 21 день преставися на Москве чудотворец Петр митрополит Московский и всея России, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц, пас церковь Божию 18 лет и 6 месяц. [л. 36]

⁵⁴ Статья с ошибочной датой (прав. ЛВ А, Б, С, Я 6745) ближе к ЛВ; в статье о Батыеве разорении КМЛ И под 6755 г. рязанский князь заменен на Михаило Черниговского.

⁵⁵ Статья только во 2 ред., по ЛВ А, Б, С (в Я статьи нет), но с ошибкой в дате (ЛВ – 6746). В КМЛ под 6689 г., нет ошиб. отчества «Мстиславич» (там Александр «Невский»).

⁵⁶ Как в Б, в А нет.

⁵⁷ Статья из Месяцеслова приведена во 2 ред. отдельно, хотя следующая далее статья КМЛ была уточнена по этому источнику уже в 1 ред.

⁵⁸ В 1 ред. компиляции *В лето 6753-е, сентября в 20 день убиен ...* и т.п. В КМЛ И тот же текст с ошиб. датой *Лета 6755-го году ноября в 4 день*.

⁵⁹ Точно по КМЛ И; ЛВ А, Б, С 6834, без месяца и дня.

⁶⁰ Вновь статья из Месяцеслова в сочетании с идущей далее статьей КМЛ.

⁶¹ В 1 ред. *В лето 6384-е декабря*.

6841/1333:⁶² Поставлен на Москве Кремль город деревянной⁶³. [л. 36]

6873/1365:⁶⁴ Июля в 4 день Алексей митрополит заложил делать церковь каменную Чудо архистратига Михаила⁶⁵. [л. 36]

6875/1367:⁶⁶ Совершен бысть Кремль град каменной великим князем Димитрием Ивановичем Донским⁶⁷. [л. 36]

(л. 106 об.) 6887/1379:⁶⁸ Маия в 15 день преставися на Москве чудотворец Алексей митрополит⁶⁹. [л. 36]

6888/1380: Февраля⁷⁰ в 12 день Алексей митрополит чудотворец, родом града Чернигова, пас церковь божию лет 24, и положен бысть в Чудове монастыре. [л. 36]

Великий⁷¹ князь Димитрий Иванович всеа России побил крымскаго царя Мамаю⁷², а в других летописцах писано Батя⁷³. [л. 36]

6890/1382: Тахтамыш сожже град Москву. Крон(ика) рос(сийская).

В летописце Московском писано тако: Крымской⁷⁴ царь Тахтамыш взял (л. 107) Московское государство обманом и крестным

⁶² В 1 ред. *В лето 6841-е*.

⁶³ Текст КМЛ И, но такой же текст в ЛВ Я и вообще поздних ред. ЛВ (судя по Псковскому I списку). В ЛВ А, Б, С подробнее.

⁶⁴ В 1 ред. *В лето 6873-е*.

⁶⁵ В КМЛ И иной месяц и число: *апреля в 2 день*. Статья отсутствует в ЛВ, хотя в его пространной редакции (А, Б, С и др.) св. Алексею митрополиту посвящены три иные статьи.

⁶⁶ В первой редакции *В лето 6875-е*.

⁶⁷ По КМЛ И. В ЛВ А, Б, С ошиб. *при великом князе Симеоне Ивановиче московском и всеа Руси*; ЛВ Я кратко: *Лета 6875-го году поставлен на Москве Кремль город каменной*.

⁶⁸ В 1 ред. *В лето 6887-е*. Я этот год, А, Б, С 6886, везде без месяца и дня.

⁶⁹ В КМЛ И: *6887-го году ноября в 4 день*. В ЛВ без месяца и дня, в ранней ред. правильный 6886 г., в Я ошиб. 6887 г.

⁷⁰ В первой редакции *А в других летописцах о том же писано сице: В лето 6888-е*. Эти другие летописцы – точно не ЛВ и КМЛ.

⁷¹ В первой редакции *В лето 6888-е великий*.

⁷² Первая часть статьи точно по КМЛ И и ЛВ Я.

⁷³ Летописец с участием в Куликовский битве Батя пока не найден.

⁷⁴ В первой редакции *В лето 6889-е крымской*.

целованием и много православных христиан побил⁷⁵. А в других летописцах писано: Девяти человек убьет, а десятого жива пустит⁷⁶. [л. 36 об.]

6892/1384:⁷⁷ Сентября в 25 день преставися преподобный отец наш Сергей Радонежский чудотворец⁷⁸. [л. 37]

(107 об.) 6901/1393:⁷⁹ Июля в 24 день Бог поручил великому князю Иоанну Васильевичю Новгород взяти⁸⁰. [л. 37]

6903/1395:⁸¹ При великом князе Василие приходил из Синия Орды на Рускую землю безбожный Темир Аксак царь в Рязанския грады. И тогда Владимирская Богородица избавила своим пришествием Московское государство, и отъиде он, окаянный, со страхом, и ничем не вреди⁸². [л. 37]

(л. 108 об.) 6905/1397:⁸³ Августа в 9 день великая княжна Евдокия Лукьяновна повеле заложить церковь каменную Вознесения

Господа нашего Иисуса Христа и монастырь возгради⁸⁴. [л. 37 об.]

(л. 109 об.) 6935/1427:⁸⁵ Июня в 9 день⁸⁶ преставися преподобный отец наш Кирилл игумен Белозерский чудотворец, во дни великого князя Димитрия Донского⁸⁷, всего жития его лет девяност⁸⁸. [л. 38]

(л. 110) 6951/1443:⁸⁹ Сентября в 1 день в 6-м часу ноци спящим людем потрясеся град Москва и посады все, яко же людем живота отчаятся⁹⁰. [л. 38]

6960/1452: Октября в 16 день преставися на Москве чудотворец Иона митрополит Московский и всеа России⁹¹. [л. 38]

(л. 110 об.) 6964/1456: февраля в 17 день день преставися благоверный великий князь

⁷⁵ Текст по КМЛ И; такой же текст ЛВ Я с другой датой: 6889.

⁷⁶ «Другие летописцы» – это пространная редакция ЛВ по А, Б, С, статья 6890 г.

⁷⁷ В 1 ред. *В лето 6892-е*.

⁷⁸ Статья по ЛВ (А, Б, С, Я), но под другим летом (в ЛВ 6900 г). В КМЛ И ошибки в дате (5 сентября) и прозвании: *Радуженский*, но лето 6892. Далее в первой редакции на л. 37 эта статья из иного летописца, с правильной датой и в такой пространной редакции, какой нет не только в Я, но и в А, Б, С: *А в другом летописце о том же писано сице: В лето 6900-е сентября в 25 день преставися преподобный отец наш Сергей Радонежский чудотворец, родом ростовец, поживе всего лет 78, при великом князе Василии Дмитриевиче и при митрополите Киприане*.

⁷⁹ В 1 ред. *В лето 6901*.

⁸⁰ В 1 ред. *взял*. Статья с явно ошибочной датой впервые появилась в приписке к ЛВ С: *Лета 6901 взят бысть Царьград от безбожна турскаго царя* (знак вставки, к нему на нижнем поле комментарий с верной датой: *Инде же писано в 6961), а на Руси бог подаровал великому князю Ивану Васильевичю Новгород Великий*. Несмотря на то, что Иван III Васильевич присоединил Великий Новгород в 1478 г., а не в 1393-м, статья эта вошла в традицию и отразилась в ЛВ Я: *Лета 6901-го году Бог поручил великому князю Ивану Васильевичю Великий Новгород*. В КМЛ И такой статьи не было.

⁸¹ В 1 ред. *В лето 6903-е*.

⁸² Статья отсутствует в КМЛ И ЛВ, где в ранней ред. есть другая статья об иконе и Тимуре.

⁸³ В 1 ред. *В лето 6905-е*.

⁸⁴ Текст по КМЛ, с ошибочным изменением даты (КМЛ И: *Лета 6915-го году мая в 12 день*). В ЛВ статьи нет.

⁸⁵ В 1 ред. *В лето 6935-е*.

⁸⁶ В ЛВ А, Б, С, Я без месяца и дня. Видимо, уточнено по Месяцеслову.

⁸⁷ На самом деле при Василии II Васильевиче Темном, внуке Дмитрия Донского, который уже в ранней ред. ЛВ (А, Б, С) тоже именовался «Донским», а в редакции Я превратился в «Дмитрия Ивановича Донского», умершего за 2 года перед Кириллом. Прилуцкий компилятор, всячески дополнив статью о смерти Кирилла, сделал следующий шаг, поместив ее во времена князя Дмитрия Ивановича, а кончину Василия Дмитриевича описал позже, под 6964 г.

⁸⁸ Во 2 ред. статья без ссылки на «Летописец Московский». В КМЛ И статьи нет.

⁸⁹ В 1 ред. *В лето 6951-е*. Далее разница между написанием дат в редакциях аналогична.

⁹⁰ Ближе к КМЛ И, где в статье датирована 1 октября 5651 г. В ЛВ А, Б, С, Я – 1 октября 6954 г.

⁹¹ Год как в ЛВ Я, с добавлением ошибочного месяца и дня, скорее всего, по протографу Я. Правильно ЛВ А, Б, С: *6969-го году марта в 31 день*. В краткой дворянской редакции по Чернышевскому списку на столбцах (Ч) статья под 6909 г. *марта в 31 день* (РГБ. Ф. 330. Архив Чернышевых. К. 11. 57. Л. 1). С датой пространной редакции ЛВ, ошибившись лишь немного (*марта в 30 день*), компилятор выписал эту статью ниже, с отсутствующими в ЛВ деталями. В КМЛ И с правильным 6969 г. указана неверная дата «ноября в 20 день», что исключает КМЛ И из источников данной статьи СПК.

Василий Димитриевич Донской, а был на московском княжестве 36 лет⁹². [л. 38]

6968/1460: Поставлена на Москве церковь каменная, что на Троицком подворье⁹³. [л. 38]

(л. 111) 6969/1461: Марта в 30 день преставися на Москве преосвященный Иона митрополит Московский и всея России чудотворец, родом галичанин, во дни великого князя Василия Васильевича, пас церковь божию лет 12 и пол 4 месяца, и положен бысть в церкви Успения Богородицы⁹⁴. [л. 38–38 об.]

6970/1462: Преставися великий князь Василий Васильевич всеа России, прадед царю Иоанну Васильевичу всеа России⁹⁵. [л. 38 об.]

6974/1466: Декабря в 17 день явишася чудотворцы в Ярославле князь Федор Родиславич и дети его князь Константин и князь Давыд⁹⁶. [л. 38 об.]

6976/1468: Апреля в 5 день преставися на Москве преосвященный митрополит Филипп Московской всея России⁹⁷. [л. 38 об.]

(л. 112) 6998/1490: августа⁹⁸ в 2 день заложена бысть церковь каменная Благовещения пресвятыя Богородицы⁹⁹. [л. 38 об.]

⁹² В КМЛ нет. Текст по ЛВ А, Б, С, но там дата *Лета 6933-го году февраля в 7 день*. ЛВ Я как в пространной редакции, но там *Димитрий Иванович Донской* (домысел переписчика).

⁹³ По КМЛ И. Нет в ЛВ А, Б, С, Я, Ч.

⁹⁴ Текст дополнен по Месяцеслову от 15 июня. В ЛВ А, Б, С кончина верно датирована 31 марта 6969 г. Статья по ЛВ Я приведена ранее. В КМЛ И с верным годом указана фантастическая дата 20 ноября, что не позволяет считать его источником данной статьи.

⁹⁵ Статья в другой редакции имеется только во второй и третьей редакции КМЛ по Академическому (А) Вельскому (В) и Беляевскому (Б) спискам. В ЛВ отсутствует в принципе. Уже в А и С этот великий князь упорно именовался Василием Ивановичем, и только в старейшем Благовещенском списке оставался Васильевичем.

⁹⁶ По КМЛ И дословно. ЛВ А, Б, С в другой редакции.

⁹⁷ По КМЛ И дословно. ЛВ в другой редакции.

⁹⁸ КМЛ И *июня*.

⁹⁹ Почти дословно по КМЛ. ЛВ нет.

6999/1491: Свершена бысть церковь каменная Введение¹⁰⁰ в церковь пресвятыя Богородицы, что на Симановском¹⁰¹ подворье. Того ж лета¹⁰² совершили мастера Фроловскую башню¹⁰³. [л. 38 об.]

7009/1501: Сентября в 1 день заложили делать Нижний Новгород, (л. 112 об.) вначале башню Тверскую¹⁰⁴. [л. 38 об.]

7012/1504: Июлиа в 28 день бысть явление образа пресвятыя Богородицы Смоленския¹⁰⁵. [л. 39]

7013/1505: Октоврия¹⁰⁶ в 28 день дед царю Иоанну Васильевичу преставися великий князь Иоанн¹⁰⁷ Васильевич всеа Руси¹⁰⁸. [л. 39]

7022/1514: Великий князь Василий Иоаннович¹⁰⁹ всеа Руси¹¹⁰ взял Смоленск¹¹¹ град¹¹². [л. 39]

7030/1522: Июня в 18 день¹¹³ великий князь Василий Иоаннович¹¹⁴ всеа Руси¹¹⁵ повеле воздвигнути под Москвою Новодевичь

¹⁰⁰ КМЛ И *Введения*.

¹⁰¹ КМЛ И *Симоновском*.

¹⁰² КМЛ И *и того же году*. В первой редакции СПК *году*, а не *лета*.

¹⁰³ КМЛ И *на Спаских воротех башню*. Башня над Спасскими воротами называлась Фроловской. ЛВ нет.

¹⁰⁴ КМЛ И *Тверскую башню*. Там же далее *И того же году бысть явления на небеси – звезда хвостовая была 33 дни*. В 1 ред. далее: *Того же году явление на небеси – звезда хвостатая была 34 дни*. Во 2 ред. текст не вошел. В ЛВ А, Б, С, Я иной текст: *Лета 7018-го году сентября в 1 день заложиха делать Нижней Новгород, башню Дмитровскую*.

¹⁰⁵ Нет ЛВ и КМЛ, статья с верным днем празднования, скорее всего, из Месяцеслова.

¹⁰⁶ В 1 ред. *В лето 7013-е октября*.

¹⁰⁷ В 1 ред. *Иван*.

¹⁰⁸ В КМЛ статьи нет. Текст по ЛВ А, Б, С, Я и др. спискам, с уточнением даты.

¹⁰⁹ КМЛ И *Василей Иванович*, в 1 ред. *Иванович*.

¹¹⁰ КМЛ И *Росии*.

¹¹¹ КМЛ И *Смоленск*.

¹¹² Статья почти дословно по КМЛ И. ЛВ текстуально дальше от чтения компиляции.

¹¹³ КМЛ И *мая в 8 день*.

¹¹⁴ КМЛ И *Василей Иванович*, в первой редакции *Иванович*.

¹¹⁵ КМЛ И *Росии*.

монастырь, а соборная церковь Смоленския богородицы¹¹⁶. [л. 39]

(л. 113) 7038/1530: Декабря в 6 день¹¹⁷ родился на Москве великий государь царь и великий князь Иоанн¹¹⁸ Васильевич всеа Русии¹¹⁹. [л. 39]

7055/1547: Генваря в 16 день на неделный помазан на царство Иоанн¹²⁰ Васильевич, млад сый, от Макария митрополита, а февраля в 3 день женился на Настасье Романовне¹²¹. [л. 39]

(л. 113 об.) 7960/1552: Августа в 1 день преставися на Москве Василий блаженный, странствовал и наг ходил от десяти лет, а всего жития его было 94 года¹²². А по другим летописцам жития его было 88 лет, из них благоусердствова 72 лета¹²³. [л. 39]

7061/1553: Октября в 2 день царь и великий князь Иоанн¹²⁴ Васильевич всеа Русии взял Казанское государство и царя Симеона Бекбулатовича полонил еще млада суца, и мать его царицу Сумбилию¹²⁵. [л. 39 об.]

Того же лета царь и великий князь Иоанн¹²⁶ Васильевич всеа Русии взял немецкую землю Вифлянскую, Ругодев город и иных¹²⁷ взял 27 городов¹²⁸. [л. 39 об.]

7065/1557: Родися царю Иоанну¹²⁹ Васильевичю сын царевич Феодор Иоаннович¹³⁰. [л. 39 об.]

7068/1560: ноября в 1 день¹³¹, а в других летописцах писано октябрю¹³² в 1 день совершена¹³³ бысть церковь каменная Покров пресвятыя Богородицы, что на рву, предивными и различными обрасцы, на одном основании 9 пределов. [л. 39 об.]

(л. 114) 7069/1561¹³⁴: Царь и великий князь Иоанн¹³⁵ Васильевич всеа Русии¹³⁶ взял Казань град. [л. 39 об.]

7071/1563: Февраля в 15 день¹³⁷ царь¹³⁸ и великий князь Иоанн Васильевич всеа России с братом своим со князем Володимером Андреевичем Старецким взял Полоцк град. И был за государем Полоцк 16 лет. [л. 39 об.]

7073/1565: Царь и великий князь Иоанн¹³⁹ Васильевич московский и всеа Русии женился, понял за себя Черкаскую Марью¹⁴⁰ Темрюковну¹⁴¹. [л. 39 об.]

7074/1566: Родися на Москве царевич Дмитрий Иоаннович¹⁴² всеа Русии¹⁴³.

7077/1569¹⁴⁴: Царь и великий князь Иоанн¹⁴⁵ Васильевич всеа Русии¹⁴⁶ в осень

¹¹⁶ КМЛ И *Смоленская богородица*. Статья почти дословно по КМЛ И. ЛВ более удален от текста: в А, Б, С статья под 7029 г., в Я под 7032 г., в Пск 1 *Лето 7030-го году*, но статья текстуально дальше от чтения компиляции.

¹¹⁷ И нет *Декабря в 6 день*.

¹¹⁸ И, как и первая редакция *Иван*.

¹¹⁹ И *Росии*. В ЛВ А, Б, С и Я также нет месяца и дня, при этом подробная статья (а в Пск 1 наоборот, очень краткая) текстуально дальше от чтения компиляции.

¹²⁰ В 1 ред. *Иван*.

¹²¹ Статья, с добавлением дня царского венчания, по двум статьям ЛВ А, Б, С, отсутствующим в КЛМ. В ЛВ Я иная дата свадьбы – 4 февраля.

¹²² Статья КМЛ И, сходна с ЛВ Я, в А, С, Б правильно *августа в 2 день*.

¹²³ Сравни Месяцеслов, августа 2.

¹²⁴ В 1 ред. *Иван*.

¹²⁵ В ЛВ, откуда взята статья, царицу не упоминают списки А, Б, С, Я, Ч. Кратчайшая статья КМЛ И не упоминает даже царя Семиона; она приведена в компиляции ниже, под 7069 г.

¹²⁶ В 1 ред. *Иван*.

¹²⁷ ЛВ А, Б, С, Я *всех*.

¹²⁸ Статья из пространной редакции ЛВ по А, Б, С; в Я редактор исключил упоминание Ругодева. *Того же лета* в источнике относится к 7062 г.

¹²⁹ В 1 ред. *Ивану*.

¹³⁰ В 1 ред. *Ивановичу*. Статья по ЛВ Я, в А, Б, С текст подробнее, в КМЛ его нет.

¹³¹ Источник этой даты неизвестен.

¹³² Отсюда статья КМЛ И, Я пространнее, А, Б, С намного пространней.

¹³³ И *совершена*.

¹³⁴ Статья из КМЛ с исправлением даты И (и др. списков): *Лета 7061-го году царь Иван Васильевич всеа Росии взял Казань град*. В тексте выше под 7061 г. статья из ЛВ (А, Б, С, Я).

¹³⁵ В 1 ред. и КМЛ И, откуда взята эта статья, *Иван*.

¹³⁶ И *Росии*.

¹³⁷ Источник точной и правильной даты неясен.

¹³⁸ Отсюда статья ЛВ (А, Б, С, Я), текстуально близкий к Я. В КМЛ статьи нет.

¹³⁹ В первой редакции и ЛВ (А, Б, С, Я) *Иван*. В КМЛ статьи нет.

¹⁴⁰ Так в ЛВ А, Б, С, в Я *Марию*.

¹⁴¹ Так в ЛВ А и Б, С и Я *Теврюковну*. Статья дословно по ЛВ, в КМЛ нет.

¹⁴² В 1 ред. и КМЛ И *Иванович*.

¹⁴³ В 1 ред. и КМЛ И *Росии*. Статья КМЛ, с измененной датой (КМЛ И и А *7071-го*); в ЛВ нет.

громил¹⁴⁷ Великий Новгород¹⁴⁸, и тое же весны недород был хлебной¹⁴⁹, ржи оборотилися травною мелетицею¹⁵⁰, и бысть глад велик¹⁵¹. [л. 39 об.]

7079/1571: Во всей Руской земли мор силен был, яко ж многия грады и селы запустели¹⁵². {¹⁵³Сравни с крон(икой) росс(ийской): 7078/1570: Бысть¹⁵⁴ на всей земли мор велик, многия грады, и села, и волости¹⁵⁵ запустели¹⁵⁶}¹⁵⁷. [л. 39 об.–40]

Того ж лета¹⁵⁸ попущением году попущением Божиим крымский царь пожег Московское государство на Вознесенев день, выжег без остатка¹⁵⁹.

7080/1572: Московского государства бояре¹⁶⁰ князь Михайло Иванович (л. 114 об.)

Воротынской с товарищи по государеву указу¹⁶¹ ходили и побили на Молодях крымского царя, а¹⁶² взяли у него Дивея мурзу¹⁶³. [л. 40]

7087/1579: Король литовской взял Сокол град. [л. 40]

7088/1580: Король литовский взял Луки Великие и выжег¹⁶⁴. [л. 40]

7089/1581: Король литовской был с великим собранием и подо Псковым градом стоял 6 лет, а Пскова града не взял, и с ним было 17 орд¹⁶⁵. [л. 40]

7090/1582: Царю и великому князю Иоанну¹⁶⁶ Васильевичю родися сын царевич Димитрей Иоаннович¹⁶⁷. [л. 40]

7091/1583: Марта в 19 день на память святых мученик Хрисанфа и Дарии за полтора часа до вечера преставися на Москве великий

¹⁴⁴ Статья дословно по ЛВ, в КМЛ нет.

¹⁴⁵ В 1 ред. и ЛВ (А, Б, С, Я) *Иван*.

¹⁴⁶ А, Б, С *московский и всея Руси*, Я титула нет.

¹⁴⁷ Так А и С, Б *грабил*, Я *пленил*.

¹⁴⁸ А, Б, С *Новьград*, Я *Новград*.

¹⁴⁹ А, Б, С *хлебного плоду*, Я *хлебу*.

¹⁵⁰ А, Б, С *рожь оборотилася травною метлицею*, Я *обратилася рожь травною мятлицею*.

¹⁵¹ *И бысть глад велик* нет Я.

¹⁵² Точно передана статья КМЛ И; сходная статья ЛВ (А, Я) под 7078 г. и имеет небольшие текстологические отличия.

¹⁵³ В тексте компилятор использует круглые скобки, которые мы применяем для вставки пропущенных букв. В скобках вставлена статья ЛВ.

¹⁵⁴ Это слово использовано в А, Б, С, в Я *был*.

¹⁵⁵ *И волости* нет А, Б, С, Я.

¹⁵⁶ А, Б, С, Я *запустили*.

¹⁵⁷ В 1 ред. сначала идет текст ЛВ, обозначенный во 2 ред. как *Кроника российской*, а затем, после слов *а по другим летописцам*, текст статьи КМЛ.

¹⁵⁸ Во всех списках ЛВ статья под 7079 годом. Компилятор поменял местами помещенные выше статьи из ЛВ 7078 г. и КМЛ 7079 г., чтобы сожжение Москвы было «того же года».

¹⁵⁹ Статья ЛВ, ближе к Б: *Лета 7079-го году попущением на Вознесенев день приходил к Москве крымской царь, Москву пожег всю*. Иначе в С *Лета 7079-го году попущением Божиим крымской царь пожег Москву на Вознесенев день*, в А *Лета 7079-го году попущением Божиим крымской царь Кидзы-Гирей пожег Москву на Вознесенев день*, в Я *Лета 7079-го году попущением Божиим на день Вознесения Господня приходил крымской царь к Москве Кизыдрей и Москву пожег всю при царе Иване Васильевиче*.

¹⁶⁰ Как в ЛВ Б, А *бояре*.

¹⁶¹ *По государеву указу* нет А, Б, С, Я.

¹⁶² Так А, Б, С, в Я *и*.

¹⁶³ Этой статьи ЛВ нет в КМЛ.

¹⁶⁴ Статьи 7987 и 7088 из ЛВ (отсутствуют в КМЛ), ближе всего к редакции Я *Лета 7088-го году король литовской взял Сокол град, того же году выжег и Луки Великие*. В ранней редакции Б (70)86-го *король литовской Стефан Обатур взял город Полотеск, а был за государем 16 лет. На том же году король Луки Великие взял. Лета 7088-го году король литовской взял Сокол град*. Но использование дат говорит нам о редакции А, из которой исключен Полоцк *Лета 7088-го году король литовской взял Сокол град. (708)7-го году взял король Полотеск. Того же лета король литовской взял и выжег Луки Великие*.

¹⁶⁵ Статья КМЛ, несколько косноязычно изложенная в И: *Лета 7089-го году король литовской был с великим собранием подо Бсковым градом, а с ним было 17 орд. А подо Бсковым градом стоял 6 лет, а Пскова града не взял*. В известных списках ЛВ нет ошибочного упоминания 6 лет: *Лета 7089-го году король литовской (Б добавлено Стефан Обатур) был с великим собранием подо Псковым, а было с ним воинских людей 17 орд* (А, Б, С, в Я нет *воинских людей*).

¹⁶⁶ В первой редакции *Ивану*.

¹⁶⁷ Сокращение статьи ЛВ пространной редакции (А, Б, С), отсутствующей в Я: *Лета 7090-го году родися царю и великому князю Ивану Васильевичю московскому и всеа Руси сын (Б его), благоверный царевич и великий князь Димитрей Иванович московский и всеа Руси*. Статья КМЛ о рождении царевича (И) датирована 7071 г. и уже была приведена компилятором выше.

государь царь и великий князь Иоанн¹⁶⁸ Васильевич московский и всеа России¹⁶⁹. [л. 40]

(л. 115) Того же лета воцарился на Москве сын его царевич и великий князь Феодор Иоаннович¹⁷⁰ всеа России¹⁷¹. Феодор Иоаннович¹⁷² царствовал 14 лет¹⁷³. [л. 40 об.]

7092/1584¹⁷⁴: Марта в 19 день на память Хрисанфа и Дарии за полтора часа до вечера преставися царь и великий князь Иоанн¹⁷⁵ Васильевич всеа Руси, во иноцех Иона¹⁷⁶, царил 37 лет и 2 месяца. По нем воцарился сын его царевич Феодор Иоаннович¹⁷⁷ Кроткий¹⁷⁸ всеа Росии. [л. 40 об.]

7093/1585: Царь Феодор Иоаннович¹⁷⁹ всеа Руси ходил с великим собранием в немецкую землю в Вифлянскую и взял Ивангород да Коньяр¹⁸⁰. [л. 40 об.]

7094/1586: Августа в 14 день великий государь царь и великий князь Феодор Иоаннович¹⁸¹ всеа Росии повеле заложить город каменной Белой около болшаго посаду, вначале Тверские ворота. А делали ево 7 лет. А мастеру имя Конь¹⁸². А по другим летописцам

описуется то дело в 7098-м году, о сем последует впереди¹⁸³. [л. 40 об.]

7097/1589: Июля в 20 день повелением Бориса Годунова на Угличе изменники Данило Битяговской да Митка Качалов убили благовернаго царевича Димитрия Иоанновича¹⁸⁴ всеа России. [л. 40 об.]

(л. 116 об.) 7098/1590: Царь и великий князь Феодор Иоаннович¹⁸⁵ всеа Руси повеле заложити и делать на Москве Белой каменной город, вначале делали Тверския ворота, а делали город 7 лет.

В Петров пост повеле царь Феодор Иоаннович¹⁸⁶ всеа Руси заложить и делать деревянной город по рву за Москвою рекою. [л. 40 об.]

(л. 117) 7099/1591: Мая в 15 день повелением Бориса Годунова на Угличе изменники Данилко Битяговской¹⁸⁷ да

день великий государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Росии повеле заложить город каменной Белой около болшаго посаду, вначале Тверския ворота. А делали ево 7 лет. А мастер был имя ему Конь.

¹⁸³ Выписку из ЛВ см. ниже. Там 7098 г. в списках пространной редакции (А, Б, С), тогда как более поздняя редакция Я уже близка к КМЛ, только без упоминания Коня: *Лета 7094-го году царь и великий князь Феодор Иоаннович всеа Росии заложил на Москве делати каменной город, вначале делали Тверские ворота, а делали семь лет.*

¹⁸⁴ В первой редакции *Ивановича*, как в КМЛ по И, откуда дословно выписана эта статья.

¹⁸⁵ В первой редакции *Иванович*, как в ЛВ, из пространной редакции которого (А, С) точно выписана эта статья (с буквенными разночтениями по Б).

¹⁸⁶ В первой редакции *Иванович*, как в пространной редакции ЛВ (А, Б, С), откуда эта статья взята с минимальными разночтениями: *Того же (7098) году в Петров пост царь и великий князь Феодор Иванович московский и всеа Руси повеле делать деревяной город по рву за Москвою рекою.* В позднейшем Я уже иная редакция: *И того ж году в Петров пост при царе и великом князе Феодоре Иоанновиче всеа Росии заложил(и) на Москве делати город Скородум, первое зделали за Москвою рекою.* В А, Б, С статья привязана к закладке каменного города, как в компиляции, а в Я, где он заложен в 7094 г., как в КМЛ, – к отсутствующей в компиляции статье *Лета 7098-го году царь Феодор Иоаннович всеа Росии с великим собранием ходил в немецкую землю под Ругодев.*

¹⁸⁷ Я Битяковской.

¹⁶⁸ В первой редакции *Иван*.

¹⁶⁹ Статья по КМЛ (И). В ЛВ (А, Б, С, Я) она под 7092 г. и продолжена фразой *а на Московское государство благословил сына своего царевича и великаго князя Феодора Ивановича московскаго и всеа Руси.* Статья ЛВ использована в тексте ниже.

¹⁷⁰ В первой редакции *Иванович*.

¹⁷¹ Статья восходит к КМЛ, сравни И: *И того же году воцарился на Москве сын ево царевич Феодор Иванович всеа Росии.*

¹⁷² В первой редакции *Иванович*.

¹⁷³ Видимо, подсчет составителя компиляции.

¹⁷⁴ Повтор статьи с датировкой ЛВ, которая выше приведена с датировкой КМЛ.

¹⁷⁵ В первой редакции *Иван*.

¹⁷⁶ *Во иноцех Иона, царил 37 лет и 2 месяца* нет А, Б, С, Я.

¹⁷⁷ В первой редакции *Иванович*.

¹⁷⁸ Прозвища нет в ЛВ, как и в КМЛ.

¹⁷⁹ В первой редакции *Иванович*.

¹⁸⁰ Искаженная статья ЛВ (А, Б, С, Я) *Лета 7093-го году царь и великий князь Феодор Иоаннович всеа Росии ходил с великим собранием в немецкую землю в Вифлянскую и взял Ивангород, да Копорье, да Ям (по Я).* В КМЛ отсутствует.

¹⁸¹ В первой редакции *Иванович*.

¹⁸² Выписка почти в точности из КМЛ И, с неведомо почему измененной датой: *Лета 7094-го году мая в 6*

Никитка¹⁸⁸ Качалов убили благоверного царевича Димитрия Иоанновича московскаго и¹⁸⁹ всеа Руси от рождения его во осмое лето, заклан бысть ножем¹⁹⁰. [л. 41]

Тое же весны на Троицын день горело на Москве с Арбату по Неглинну. [л. 41]

Того же году в Петров пост приходил под Москву крымской царь. [л. 41]

Того же году заложили делать каменную церковь иже¹⁹¹ пречистые Богородицы Донския¹⁹². [л. 41]

7100/1592: Московского государства бояря князь Федор Иванович Мстиславской да князь¹⁹³ Федор Михайлович Пожарской¹⁹⁴, да Иван Васильевич Годунов ходили с великим собранием в немецкую землю под Выбор(г) на ренечна¹⁹⁵ и взяли 7 городов и полону бесчисленно много. [л. 41 об.]

7102/1594: Горел на Москве Китай город дворы и лавки¹⁹⁶. [л. 41 об.]

7103/1595: На Москве в Китае заложили делать лавки каменные¹⁹⁷. [л. 41 об.]

¹⁸⁸ В ЛВ, откуда взята эта статья, повторяющая статью из КМЛ под 7097 г. выше, Микитка (Я), Митька (А, С).

¹⁸⁹ *Московскаго* и нет в Я, вся статья ближе к ранней пространной редакции ЛВ (А, С).

¹⁹⁰ *От рождения его во осмое лето, заклан бысть ножем* нет в ЛВ.

¹⁹¹ Нет ЛВ.

¹⁹² Все четыре статьи 7099 г. выписаны из одного источника (ЛВ) без перерыва. В А, С дополнительные статьи расположены иначе: пожар, церковь, крымский царь; в Я: царь, пожар, церковь. В КМЛ их нет.

¹⁹³ Вместо *да князь* в ЛВ и (А, С, Я).

¹⁹⁴ В ЛВ правильно *Трубецкой* (А, С, Я).

¹⁹⁵ В первой редакции *Ренечиа*, не разобранные компилятором слова читаются в Я: *на реке Воске*; в А, С их нет. В КМЛ нет всей статьи.

¹⁹⁶ Статья ЛВ в редакции Я; А, С *Лета 7102-го году горело на Москве в Китае городе дворы и лавки*. В КМЛ нет.

¹⁹⁷ В первой редакции каменные. Статья ЛВ, отсутствующая в КМЛ, ближе к Я (*Лета 7104-го году на Москве в Китае городе заложены делать каменные лавки*), чем к А, С (*Лета 7104-го поставлены на Москве в Китае городе каменные лавки*), но год в ЛВ иной. Возможно, это ошибка компилятора, но не исключено, что ошибка протографа, которая позволит в будущем его выделить среди новонайденных списков ЛВ,

7104/1596: Февраля в 18 день¹⁹⁸ преставися на Москве царь Феодор¹⁹⁹ Иванович всеа России²⁰⁰. И того же году²⁰¹ воцарися на Москве Борис Феодорович Годунов²⁰². [л. 41 об., после этой статьи приписка: *Ин летописец*]

7106/1598: На память Собора Иоанна Предтечи²⁰³ преставися на Москве царь²⁰⁴ и великий князь Федор (л. 117 об.) Иоаннович²⁰⁵ всеа Руси²⁰⁶. Царил 14 лет, и в правителех шурин ево Борис Годунов был²⁰⁷. И того ж году сел на царство царь Борис Феодорович Годунов всеа Руси. Борис Годунов²⁰⁸. [л. 41 об.]

7109/1601: августа в 6 день²⁰⁹ пред Госпожиным заговением грех ради наших по

¹⁹⁸ Компилятор ошибочно вставил сюда день и месяц воцарения Федора Ивановича в 1584 г. В КМЛ по И, к которому ближе всего эта статья, тоже ошибочно *марта в 2 день*. В КМЛ по А без месяца и дня, при этом с правильным годом ЛВ: 7106 (БАН. 16.14.24. Л. 523 об.), по В с правильным днем, но ошибочным годом: 7102 году ... *генваря в 7 день* (РГБ. Ф. 218. Пост. 1954 г. № 469. Л. 2 об.).

¹⁹⁹ И *Феодар*.

²⁰⁰ И *Росии*.

²⁰¹ И *лета*.

²⁰² И *царь Борис Годунов*.

²⁰³ Т.е. 7 января, правильная дата смерти государя.

²⁰⁴ В ЛВ по Я, к которому ближе всего эта статья, *благоверный царь*. Текст ЛВ по А и С радикально отличается, начиная с даты: *Лета 7106-го году генваря в 7 день преставися на Москве благоверный и христоробивый царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси, смиренный кроткий государь. И оттоле нача Борис Годунов возвышатися и укреплятися на Российское государство, и тако восприемлет скипетр Российскаго государства и поставлен бысть царем в лето 7107-го году сентября в 3 день. И бысть при царе Борисе тихо и безмятежно 2 лета*.

²⁰⁵ В первой редакции *Иванович*.

²⁰⁶ В ЛВ Я *России*.

²⁰⁷ Фразы *Царил 14 лет ... Годунов был* нет в ЛВ и КМЛ.

²⁰⁸ Я вместо *царь Борис Феодорович Годунов всеа Руси* сказано просто, *Борис Годунов*.

²⁰⁹ Очевидно, ошибочная вставная дата, т. е. указанное в источнике компилятора (ЛВ Я) *Госпожино заговенье* начинается с 15 ноября. В Постниковском летописце дата побития хлеба мразом – Семенов день 14 сентября (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 203).

всей Руской земли поморизило морозом²¹⁰ всякой хлеб²¹¹. И бысть глад велик три лета по всем градом русским²¹². [л. 41 об.]

7113/1605: Апреля в 9 день преставися на Москве царь Борис Годунов. И бысть царства его 7 лет 3 месяца²¹³. А по другим летописцам пишет 6 лет и 8 месяцев²¹⁴. А сына его Феодора Борисовича поставили во цари и крест целовали, царствовал 9 дней²¹⁵. И паки пишет²¹⁶: Того же лета воцарися на Москве сын его царевич Феодор Борисович всеа России, 16 лет. А царства его было 2 месяца. [л. 42]

²¹⁰ В источнике статьи (ЛВ Я) вместо *земли поморизило морозом* было *земле поразило мразом*.

²¹¹ *Я хлебной плод*.

²¹² По всем градом русским нет в ЛВ по Я. В пространной редакции ЛВ (А, С) эта статья весьма обширна, в КМЛ ее нет.

²¹³ Текст по КМЛ (И), с изменением дня и более обширным титулом: *Лета 7113-го году апреля в 19 день преставися на Москве царь Борис Годунов. И бысть царства его 7 лет 3 месяца*. В Сходном тексте ЛВ по Я нет месяца и дня: *Лета 7113-го году преставися на Москве царь Борис Феодорович всеа России, и бысть царства его семь лет и три месяца, а всех лет живота его было 53 лета*.

²¹⁴ Отсылка к пространной редакции ЛВ (А, С): *Лета 7113-го году апреля в 13 день преставися на Москве царь Борис Феодорович московский и всеа Руси, иже был Годунов, и бысть царства его шесть лет и пол осма месяца*.

²¹⁵ Пересказ неясно какого источника, но не КМЛ, где в пространном варианте (И) сказано: *И того же году воцарися на Москве сын ево царевич Феодор Борисович всеа Руси, 16 лет. А царства его было 2 месяца*. В кратком списке КМЛ В: *Лета 7102 году преставися на Москве царь Борис Феодорович Годунов, воцарися сын ево Феодор Борисович, а царства ево было два месяца* (РГБ. Ф. 218. Пост. 1954 г. № 469. Л. 3). Нет 9 дней и в ЛВ, где в пространной редакции (А, С) сказано: *И приказал царство сыну своему Федору Борисовичю, а был в те поры Федор Борисович возраста своего 16 лет, и наречен бысть Федор Борисович царем Российского государства от патриарха Иова московского и всеа Руси и всего собору, и бысть точию после отца своего два месяца*. Те же 2 месяца мы видим в Я: *Того же году сяде на Московское государство на царство сын его Феодор Борисович 16 лет. И бысть точию на царстве после отца своего два месяца*.

²¹⁶ КМЛ, судя по приведенной цитате (ср. тексты в прим. выше).

Того ж²¹⁷ году попущением Божиим чернец и боготступник²¹⁸ Гришка Отрепьев назвался ложно царевичем Димитрием²¹⁹ Ивановичем и велел убить на Москве царя Феодора Борисовича и царицу Борисову жену Марью Годунову²²⁰. [л. 42]

Того ж²²¹ году июля в 20 день²²² тот же вор Гришка²²³ Отрепьев пришел к Москве со многими литовскими людьми и с рускими воры, и (л. 118) сел на Москве²²⁴ царем, и царил близ году²²⁵. И Московского государства бояря и все граждане²²⁶ по совету между собою того²²⁷ вора ростригу Гришку Отрепьева в палатах царских убили²²⁸, и друга его Петрушку Басманова²²⁹, а литовских людей²³⁰, и русских воров, Ростригиных²³¹ угодников, побили же, а иных лутчих²³² панов живых отослали в Литву²³³ чести ради и славы²³⁴. [л. 42]

²¹⁷ В КМЛ по И, откуда, скорее всего, взята эта статья же.

²¹⁸ *И богаотступник*.

²¹⁹ *И Димитрием*.

²²⁰ Тожественный текст ЛВ Я: *Того же году попущением Божиим еретик чернец рострига Гришка Отрепьев назывался царевичем Димитрием Ивановичем всеа России и велел на Москве убить царя Феодора Борисовича и царицу Борисову жену Годунову Марию*.

²²¹ В ЛВ Я, где дословно читается эта статья: *И того же*. Однако в источнике компилятора были детали, не отраженные в ЛВ по Я.

²²² *Июля в 20 день* нет в ЛВ Я. В ЛВ А и С, где на месте этой статьи обширная повесть, *июня в 26 день*. В КМЛ даты нет.

²²³ *Я Гришко*.

²²⁴ *Я Московское государство*.

²²⁵ Вместо *и царил близ году* в ЛВ Я *И бысть царства его блиско году*.

²²⁶ Вместо *все граждане* в ЛВ Я *вси православные христиане*.

²²⁷ Вместо *по совету между собою того* в ЛВ Я *разсмотря его воровство и посоветовав ево*.

²²⁸ Вместо *в палатах царских убили* в ЛВ Я *и иных угодников на Москве в царских палатах убили*.

²²⁹ И друга его Петрушку Басманова нет в ЛВ Я. *И друга ево Петра Басманова* упоминается в повести по пространной редакции ЛВ, использованной компилятором в виде сокращенной летописной статьи в редакции, более полной, чем отражена в Я.

²³⁰ Слова нет в ЛВ Я.

²³¹ В ЛВ Я *и изменников, Гришкиных*.

²³² В ЛВ Я *лучших*.

²³³ Вместо *отослали в Литву* в ЛВ Я *изымали и в Литву отослали*.

7114/1606: Июля в 9 день из русских людей из Шуйских князей сел на Москве царем государем Василей Иванович всеа России. И бысть царства его 4 года. И грех ради наших учинилась в русских людех смута, и царя Василия Ивановича постригли и отдали ево з братом со князем Димитрием Ивановичем в Литву, и тамо скончася, и целовали крест литовскому королю Владиславу Жижимонтову, и прошали ево на Московское государство для обиды от обороны²³⁵ крымских и немецких людей и русских воров²³⁶. И после того боляре Мстиславской с товарищи владели 2 лета²³⁷. [л. 42–42 об.]²³⁸

²³⁴ В КМЛ И текстуально еще более близкая статья без последних слов: *И того же году тот же вор Гришка Отрепьев прииол к Москве со многими литовскими людьми и с рускими воры и сел на Москве царем. И бысть царства его блиско году. И Московского государства бояря и все граждана по совету между собою и того вора Гришку убили и русских воров побили, да литовских изымали да в Литву отослали.* Скорее всего, компилятор располагал редакцией КМЛ, не только более полной, чем редакция И, но и более подробной, чем редакция ЛВ Я. Сравни выписки из «Крон(ики) росс(ийской)» на л. 118–119.

²³⁵ В ЛВ и КМЛ *обиды; обиды от обороны* – неудачное выражение компилятора.

²³⁶ Использована статья ЛВ Я, с небольшими редакционными изменениями: *Лета 7114-го году июля в 9 день выбрали из русских родов Шуйских на Московское государство, и сел царем государь царь и великий князь Василий Иванович всеа России, и царства его было 4 года. И за умножение грех ради наших умножилася смута в русских людех, и русских воров на Москве убояся и литовских людей, царя Василия Иоанновича всеа России постригли, и отдали его в Литву с братом его государевым с Димитрием Иоанновичем, и целовали крест литовскому королевичу Владиславу, и прошали ево на Московское царство для обиды немецких и русских воров.* В КМЛ И эта статья текстуально ближе к компиляции, но приведена в сокращении: *Лета 7114-го году из русских людей из Шуйских князей сел на Москве царем государем Василей Иванович всеа Росии. И бысть царства его 4 года. И грех ради наших учинилося в русских людях смута и царя Василья Ивановича постригли да в Литву отослали, да литовскому королю крест целовали, а прошали ево на Московское государство для обиды крымских и немецких людей.* Пространная редакция ЛВ (А, С) отличается в этом месте от источника компиляции, еще не сокращенной редакции Я, более верной датой: 1 июля вместо 9-го (на

(л. 118 об.) 7119/1611: В Великий пост на память Хрисанфа и Дарии, во вторник на шестой неделе поста гетман литовской и гошевской²³⁹ с литовскими людьми и с ызменниками крестное целование порудили²⁴⁰, умысля с московскими изменники, Московское государство разорили, и высекли, и выжгли без остатку. И убояся собрания русских людей ис Рязани ушли в Литву. [л. 42 об.]

Тое же весны пришли под Москву бояря Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да Прокопей Ляпунов со многими русскими людьми для очищения Московского государства от литовских людей, и стали жить на Москве²⁴¹. [л. 42 об.]

деле 1 июня). В ней также есть отчество королевича Владислава: Жижимонтов.

²³⁷ Этой фразы и вообще упоминаний о семибоярщине нет в ЛВ и КМЛ.

²³⁸ Источник этой статьи не указан, следующая статья подписана «Крон(ика) Росс(ийская) (л. 118 об.), но в первой редакции компиляции в середине разбитой на две части статьи помета «Летописец Московский» (л. 42 об.). Компилятор явно путался в источниках.

²³⁹ *Литовской и гошевской* – так компилятор прочел выражение ЛВ в редакции по Я *литовской гетман Желковской и Гошевской*, ошибочное по отношению к польскому коронному гетману Станиславу Жолкевскому и референдарию литовскому Александру Гонсевскому.

²⁴⁰ *Ызменники и порудили* – характерные слова ЛВ пространной редакции по А, С.

²⁴¹ Две статьи 7119 г. являются весьма вольной интерпретацией текста ЛВ, близкого к пространной редакции (А, С): *Лета 7119-го году марта в 19 день на память святых мучеников Хрисанфа и Дарии во вторник шестые недели Великого поста етман Жолтовской да Грошевской с литовскими людьми и с ызменники Московское государство высекли и выжгли без остатка, и крестное целование порудили. И убояся собрания литовских и русских воровских людей и изменников, ис Рязани тое же весны пришли для обиды и бережен(и)я Московского государства боярин князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да Прокофей Ляпунов со многими людьми и стали под Москвою для очищения Московского государства.* Но и черты близости к редакции Я заметны: *Лета 7119-го году марта в 19 день на память святых мученик Хрисанфа и Дарии в Великий пост на Страстной неделе во вторник литовской гетман Желковской и Гошевской с литовскими людьми и с русскими воры и изменники пришли и крестное целование нарушили, Московское государство разорили и выжгли без остатка, убояся великаго собрания русских*

Того же лета на Московское государство выбрали из русских людей Романовых родов царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси²⁴². [л. 42 об.]

Того же лета государь пришел к Москве с Костромы майя в 1 день и венчался царским венцом того же году июня в 1 день²⁴³. [л. 42 об.]

7120/1612: Пришел в Нижней город князь Дмитрий Михайлович Пожарской и собрав множество войска пришел под Москву, а с ним был товарищ нижегородец посадской человек Козьма Минин с великим радением для веры христианской и стали под Москвою²⁴⁴. [л. 42 об.]

людей с Рязани. И то же весны пришли под Москву для Московскаго государства очищения князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой да Прокопий Ляпунов со многими людьми. Возможно, это была неизвестная нам пространная редакция КМЛ, но в самой подробной из известных редакций, по И, текст слишком краток, чтобы стать источником компиляции: Лета 7119-го году в великий пост на страстной неделе во вторник Московское государство литва разоряла все дочиста без остатку. || И то же весны пришли под Москву бояря князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да Прокофей Ляпунов со многими литовскими людьми для очищения Московскаго государства литовских людей.

²⁴² В первой редакции *Росси*.

²⁴³ Здесь указание «Летописец Московский», относящееся сразу к двум статьям о воцарении Михаила Федоровича, точно соответствует тексту КМЛ И: *И того же году на Московское государство выбрали из русских людей Рамановых родов царя государя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии. И того же году государь пришел к Москве с Костромы майя в 1 день, а венчался царским венцом того же году июня в 1 день.* Однако далее статьи с таким же указанием восходят к ЛВ.

²⁴⁴ Подписано «Летописец Московский», но это отсутствующий в КМЛ текст ЛВ, ближе к пространной редакции (А, С): *Лета 7120-го году пришел в Нижней Новгород князь Дмитрий Михайлович Пожарской. И собрал множество войска, и пришел под Москву, а с ним был товарищ нижегородец посадкой человек Кузьма Минин с великим радением для веры христианския. И стали под Москвою для очищения Московскаго государства.* Редакция по И также достаточно близка, хотя конец ее сокращен: *Лета 7120-го году пришел в Нижний Новград князь Димитрий Михайлович Пожарской, собрав множества войска пришел под Москву, да с ним был товарищ нижегородец посацкой*

(л. 119) [7121/1613]²⁴⁵ Октября в 26 день²⁴⁶ на Дмитриев день Селунскаго бояре силою рускою от завладенья литовских людей Московское государство взяли Китай город и литовских людей побили²⁴⁷. [л. 43]

Того же году февраля в 22 день избрали на Московское государство из русских родов Романовых царского²⁴⁸ колена государя царя и великого князя Михаила Феодоровича²⁴⁹ всеа Руси. И пришел государь царь к Москве²⁵⁰ с Костромы маие²⁵¹ в 1 день, а вечался царским венцем²⁵² того же 121²⁵³ году июня в 11²⁵⁴ день. [л. 43]

7127/1619: Июля в 24 день сел на патриаршестве ростовский митрополит Филарет Никитич московский и всеа Росии, отец и богомолец государю царю и великому

человек Козьма Минин, для великаго собрания и для веры христианския.

²⁴⁵ Год указан в опущенной мной статье из Пролога под 22 октября об очищении Москвы «от злочестивых ляхов» путем моления воевод и воинства к иконе Богородицы Владимирской. Ср. Месяцеслов за 22 октября. Л. 118 об.–119, 42 об.–43. Но в первой редакции компиляции и эта статья начиналась «В лето 7121-е» (л. 43).

²⁴⁶ Даты нет в летописном источнике, она установлена компилятором по празднику св. Димитрия Солунскаго.

²⁴⁷ В КМЛ этой не подписанной статьи нет. Текст –вольная интерпретация ЛВ А, С: *Лета 7121-го году на Дмитриев день Селунскаго московскаго государства бояре и все православные христиане взяли Московское государство Китай город и литовских людей побили,* – а также ЛВ Я: *Лета 7121-го году на Дмитриев день Селунскаго бояря взяли Московское государство Китай город и литовских людей побили.*

²⁴⁸ Пространная редакция ЛВ, откуда взята эта статья (А, С): *царскаго.*

²⁴⁹ ЛВ А, С: *Федоровича московскаго и.*

²⁵⁰ ЛВ А, С нет *царь к Москве.*

²⁵¹ ЛВ А, С *маия.*

²⁵² ЛВ А, С далее *государь царь и великий князь Михаил Федорович московский и всеа Руси.*

²⁵³ ЛВ А, С нет. Есть в ЛВ Я, где статья датирована 6-ю днями позже: *И того же году февраля в 28 день избрали на Московское государство из русских родов Романовых царева колена государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росии. И пришел государь к Москве маиа в 1 день, и венчася царьским венцем того же году 121-го месяца июля в 11 день.*

²⁵⁴ 11 июня – своеобразный компромисс между 1 июня в ЛВ А, С и 11 июля в Я.

князю Михаилу Феодоровичю всеа Русии²⁵⁵. [л. 43]

(119 об.) Того ж году на Покров пречистыя Богородицы приходил под Москву литовской королевич Владислав Жижимонтов со многими с полскими, и литовскими, и немецкими людьми. Приступали к Арбацким и к Тверским воротам, а за Московю рекою черкасы приступали. И Божию милостию от Москвы их отбивали. Того ж году с королевичем помирился²⁵⁶. [л. 43–43 об.]

²⁵⁵ В имеющейся редакции КМЛ, на которую под названием «Летописец Московский» вроде бы ссылается компилятор, текст слишком краток (И): *Лета 7127-го году июля в 24 день сел на патриарше столе ростовской митрополит Филарет Никитич Московской всеа Росии*. В близком к компиляции тексте ЛВ в редакции по Я есть все необходимые слова, но дата передана, как нередко бывает в этом списке, с ошибкой: *Того же году 127-го июня в 24 день сел на патриаршеский престол великий государь преосвященный митрополит Филарет Ростовский и Ярославский, и бысть патриарх Московский и всеа Росии, отец и богомолец государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии*. Однако этой ошибки нет в более ранней редакции ЛВ (А, С), что позволяет предполагать, что ее не было и в протографе списка Я: *Того же году июля в 24 день сел на патриаршество на Москве ростовский митрополит великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии*.

²⁵⁶ Этой статьи нет в КМЛ. В ЛВ, где мы ее читаем, она идет перед патриаршеством Филарета, возвращенного в Россию по условиям перемирия после этой войны. Текст передан ближе к Я, но там нет Жижимонтовича: *Лета 7127-го году на Покров пречистыя Богородицы за три часа до свету приходил под Москву литовской королевич со многими полки литовскими и немецкими и приступал к Арбацким и Тверским воротам, а за Московю рекою черкасы приступали. И Божию милостию от Москвы прогнаны быша. И того же году на Николин день осенней с литовским королевичем Владиславом помирился*. В свою очередь в А, где отчество Владислава читается именно так, нет завершающей фразы о перемирии, а за Москвою рекою, помимо черкас, действуют немцы: *Лета 7127-го году на Покров пречистыя Богородицы день за три часа до свету приходил под Москву литовской королевич Владислав Жижимонтов со многими польскими людьми, литовскими и немецкими, и к Арбацким, и к Тверским воротам, а за Московю рекою приступали черкасы и немцы. И Божию милостию от Москвы их отбивали*.

7134/1626: Июня в 15 день²⁵⁷ бысть на Москве пожар, згорел град Кремль и Китай, и все церкви каменные и деревянные, и царский дом, и патриаршей двор, и государев Казенной дворец, и мало не все царское сокровище. И згорело каменное, и деревянное, и железное, и с Ъвана Великого и с ьных церковей снесло железо с верхов, до Девичья монастыря, далече бурю несло бес числа силно. [л. 43 об.]

7137/1629: Марта в 6 день родися на Москве благоверный царевич и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии²⁵⁸. [л. 43 об.]

В то же лето апреля в 10 день на Светлой неделе в пятницу горело на Москве с

²⁵⁷ Дата великого московского пожара 1626 г. в компиляции загадочна. В ближайшем источнике, КМЛ И, это 6 апреля, в пространной редакции ЛВ (А, С) – 10 мая, а по Я – 3 мая (так же в составленном одновременно с ЛВ Я Сокращенном временнике в редакции Иоасафа Лазаревича: Яковлева О. А. Пискаревский летописец // *Материалы по истории СССР*. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М.–Л., 1955. С. 144). В подробно описавших пожар Новом, Пискаревском, Бельском, Мазуринском летописце и Летописце 1619–1691 гг., это «Преполовениев день» (ПСРЛ. Т. 14. С. 152–153; т. 31. С. 160, 180; т. 34. С. 220, 267), т. е. 25-й день по Пасхе, в 1626 г. – 15 мая. В середине июня он не мог случиться никак. Изменение даты источника тем более странно, что компилятор следовал тексту КМЛ по И даже в необычном написании слов (*Ъвана, ьных*), ср.: *Лета 7134-го году апреля в 6 день бысть за грех ради наших на Москве пожар велик, згорел град Кремль и Китай, и все церкви каменные и деревянные, и царский дом, и патриаршей двор, и государев казенной дворец, и мало не все царское сокровище. И горело каменное и железное и деревянное, и не осталось во всех градах ничево деревянного. И с Ъвана Великого и с ьных церковей снесло железо с верхов, до Девичья монастыря и дале бурю несло бес числа силно*. Тексты ЛВ в данном случае лаконичны.

²⁵⁸ Статья повторяет текст ЛВ Я: *Лета 7137-го году родися на Москве благоверный царевич и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии* (тот же текст в КМЛ А: РГБ. Ф. 218. Пост. 1954 г. № 469. Л. 3 об.), – с добавлением неверно вычисленной даты. Алексей родился 9 марта, но компилятор, видимо, использовал для расчета указание, имеющееся в ЛВ А, С, что он родился в Великий пост на четвертой неделе. Однако в этой редакции ЛВ и в КМЛ И Алексей Михайлович благоверный государь царь (титул)». Использование пространной редакции ЛВ, известной нам в А и С, подтверждается следующей статьей компиляции.

Чертолья по Тверскую улицу – весь посад и на городе кровли²⁵⁹. [л. 43 об.]

Того ж лета по всей Руской земли пожары были по многим градом и селам, и давных лет таких пожаров не помнит никто же²⁶⁰. [л. 43 об.]

7139/1631: генваря в 17 день²⁶¹, а в других летописцах в 27 день²⁶², в 6-м часу ноци преставися на Москве государыня наша царица и великая старица инока Марфа Ивановна²⁶³. [л. 43 об.]

(л. 120) 7141/1633: Маия в 28 день горело на Москве в Китае городе ряды и лавки и в Белом двор Печатной выгорел весь дочиста без остатку²⁶⁴. [л. 43 об.]

²⁵⁹ Статья восходит к редакции ЛВ, более полной, чем в А и С: *И того же году апреля в 10 день горело на Москве с Чертолья по Тверскую улицу – весь посад и на городе кровли.*

²⁶⁰ И эту статью читаем только в пространной редакции ЛВ А, С: *И того же году в лете по всей Руской земли пожары были по многим градом и селам, и давных лет таких пожаров не помнит никто.*

²⁶¹ Так в КМЛ И, ЛВ Я и связанном с ним летописным протографом ярославском же «Сокращенном временнике» (СВ) самого начала 1690-х гг. И именно в этих трех текстуально близких источниках царица именуется «нашей». КМЛ (И): *Лета 7139-го году генваря в 17 день в 6-м часу ноци преставися на Москве государыня наша царица и великая старица инока Марфа Ивановна.* СВ: *Лета 7139-го генваря в 17 день в шестом часу ноци преставилась на Москве государыня наша великая старица инока Марфа Ивановна.* ЛВ (Я): *Лета 7139-го году генваря в 17 день в шестом часу ноци преставилась на Москве государыня, царя и великого князя Михаила Федоровича матери, а наша государыня и великая старица инока Марфа Ивановна.*

²⁶² Имеется в виду статья ЛВ пространной редакции (А, С): *Лета 7139-го году генваря в 27 день в шестом часу ноци преставися на Москве государя царя и великого князя Михаила Федоровича московского и всеа Руси мат(ь), великая старица инока Марфа Ивановна.*

²⁶³ То, что составитель компиляции продолжает именовать царицу «нашей», свидетельствует о ее доброй памяти на Севере, куда, в Заонежье, она была сослана.

²⁶⁴ Вновь статья содержит детали («дворы и лавки»), отсутствующие в имеющихся у нас списках пространной редакции ЛВ (А, С): *Лета 7141-го году маия в 28 день горело на Москве в Китае городе и в Белом городе от Яузких ворот по Неглинну, и Печатной двор згорел совсем, – и в КМЛ И: Лета 7141-го году маия в 28 день горел на Москве в Китае городе и в Белом двор*

7142/1634: Октября в 1 день преставися на Москве святейший патриарх Филарет Никитич Московской всеа России.²⁶⁵ [л. 43 об.]

7153/1645: июля во 12 день на память святых мученик Прокла и Лария²⁶⁶ преставися на Москве государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Руси. Царил 32 лета, 3 месяца и 3 недели. [л. 43 об.]

Того ж году воцарися на Московское государство сын его благоверный государь царевич князь Алексей Михайлович всеа Руси. [л. 44²⁶⁷]

7154/1646:²⁶⁸ благоверный царевич Алексей Михайлович венчался царским венцем сентября в 8²⁶⁹ день²⁷⁰.

(л. 120 об.) 7160/1652: Новгородский митрополит Никон путешествовал²⁷¹ в Соловецкой монастырь и принесль оттуду мощи святителя Божия Филиппа митрополита Московского и всеа России чудотворца в царствующий град Москву, и положиша в раце

Печатной, выгорел весь дочиста без остатку. В ЛВ Я тот же текст датирован 8 мая.

²⁶⁵ В КМЛ И, откуда дословно взята статья *Русии*. В ЛВ А, С, Я статья подробней.

²⁶⁶ В ЛВ Я вместо этих мучеников: *преподобнаго отца нашего Михаила Малеина*. Память Прокла, Илария и Михаила Малеина отмечается в один день 12 июля.

²⁶⁷ В первой редакции компиляции следующая статья слита с предыдущей: *А венчался царским венцем 154-го году сентября в 8 день.*

²⁶⁸ Ошибка, в действительности 1645 г.

²⁶⁹ На самом деле венчание состоялось 28 сентября (РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. 1. № 12). Уникальная ошибка в дате события, упоминаемого в летописании редко, характерна для ЛВ Я, откуда и заимствована эта статья.

²⁷⁰ Все три статьи 1645 (7153/54) г. выводятся из более подробной статьи ЛВ Я, за исключением ссылки на память святого: *Лета 7153-го году июля во 12 день на память преподобнаго отца нашего Михаила Малеина преставися на Москве благоверный государь царь и великий князь Михаил Феодорович всеа Руси. И на его место сел на Московское царство сын его благоверный государь царевич и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержеца. И венчался царским венцем государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержеца со (7)154-м году сентября в 8 день, а сел на царстве 31 лето и шесть месяца.*

²⁷¹ Далее зачеркнуто: *к морю океану.*

в соборном храме Успения пресвятой Богородицы при южных дверех²⁷².

7162/1654: Князь Юрье Иванович Пронской взял Астраханское царство и царя Дербиша²⁷³. [л. 44]

7167/1659: Сентября с 1-го до 171-го июня по 15 число по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца деланы медныя денги, и употреблялись в мире на серебряныя на рубль указным числом наддачею в разные годы и месяцы, а в другое время ходили денги медные и серебряные равно²⁷⁴. [л. 44]

7176/1668: февраля в 1 день поставлен на Москве святейший Иоасаф патриарх Московский и всеа России, а взят был из Троицкого монастыря из архимандритов²⁷⁵. [л. 44]

²⁷² Статья о принесении Никоном мощей св. Филиппа, в общерусском летописании популярная, не нравилась составителям и редакторам ЛВ и особенно КМЛ. Она присутствует, без упоминания Никона, только в ЛВ С (*Лета 7160-го году ... июня в 9 день принесены многоцелебныя моци в царствующий град Москву Филиппа митрополита Московского и всеа Руси чудотворца*), не вошедшем в традицию, и в ЛВ (Я) с ошибочной датой (на год позже): *Лета 7161-го году июля в 9 день принесение честных мощей к Москве от Соловков Филиппа митрополита Московскаго и всеа России*. Упоминание о мощах Филиппа отсутствует как в КМЛ, так и в первой редакции компиляции на л. 44.

²⁷³ Статья с характерной ошибкой в 100 лет приведена по КМЛ (так во всех списках). В ЛВ статья верно помещена под 7062 г., но царь Дербыш-Али не упомянут. Согласно Мазуринскому летописцу, Пронский посадил «царя Дербыш-Алея» на астраханский престол (ПСРЛ. Т. 31. С. 132), а не «взял» его вместе с царством.

²⁷⁴ Источник статьи – точно не ЛВ или КМЛ в их известных редакциях. Краткое упоминание медных денег есть только в ЛВ Я, под другим «летом»: *Лета 7164-го году стали торговать медными денгами, а торговали ими осьмь лет*. Подробная, но текстуально отличная статья о торговле медными деньгами и их ценах читается в Белявском летописце под 7162/1654 г.: Россия при царевне Софье и Петре I. С. 32.

²⁷⁵ Статьи нет в ЛВ и КМЛ. Близкий текст, но с упоминанием патриарха Никона, от которого Спасо-Прилуцкий компилятор уклоняется, мы видим в Мазуринском летописце Исидора Сназина (*Лета 7175-*

Того ж лета Соловецкого монастыря чернцы и белцы забунтовали, и великого государя указу учинились непослушны, и во всем противны, и новоисправных печатных книг не приняли, и петь, и честь, и божественныя службы исправлять по ним не учили²⁷⁶. [л. 44]

7179/1671: генваря в 25 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя (л. 121) и Белья Росии самодержец венчался царским вторым венцом, а понял за себя Нарышкиных родов девицу Наталью Кириловну, а венчался в соборной церкви в 7-м часу дня²⁷⁷. [л. 44–44 об.]

7180/1672: февраля в 17 день преставися на Москве святейший Иоасаф, патриарх Московской всеа России, в полчаса дни, а на патриаршестве был 3 годы²⁷⁸. [л. 44 об.]

Того ж лета мая в 30 день родися на Москве великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец²⁷⁹. [л. 44 об.]

7182/1674: поставлен на Москве святейший Питирим патриарх Московской всеа России, а прежде сего был в Великом Новеграде митрополитом²⁸⁰. [л. 44 об.]

Того же лета апреля в 20 день преставися на Москве святейший Питирим,

го году вселенские патриархи со властью усобровали ... Никону патриарху на патриаршестве не быть и поставиши на Москве патриархом ис Троицкаго Сергиева монастыря архиморита Иасафа), а подробнее – в пространной редакции Летописца 1619–1691 г.: ПСРЛ. Т. 31. С. 171, 184.

²⁷⁶ Статьи нет в ЛВ и КМЛ. Выраженная в ней позиция соответствует неупоминанию в тексте патриаршества Никона и никонианских реформ.

²⁷⁷ Статья дословно по первой редакции КМЛ И, во второй редакции А сокращенно (нет *а венчался ... в 7-м часу дня*).

²⁷⁸ Статья с буквенными разночтениями по первой редакции КМЛ (И), в последующих редакциях ее нет.

²⁷⁹ В КМЛ И, А та же статья без месяца и дня, (В) ошибочный год: 7183. В ЛВ нет.

²⁸⁰ В КМЛ И другой порядок слов: *а прежде сего был в митрополитах в Великом Новеграде*.

патриарх Московской и всеа России²⁸¹. [л. 44 об.]

7184/1676: генваря против 30 числа в ноши в 4-м часу в 1-й четверти преставися на Москве великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа России самодержец²⁸². [л. 44 об.]

Того же году воцарися на Москве сын его царевич и великий князь Феодор Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец²⁸³. [л. 44 об.]

Того же году зимою воеводою Иваном Мещериновым с ратными людьми Соловецкой монастырь от бунтовщиков живущих в нем взятием взят; и мятежников чернцов и белцов многих казнил смертию и за ребра вешал²⁸⁴. [л. 45]

(л. 121 об.) Того же году июня в 9 день на память святаго отца нашего Кирилла Александрейскаго загорелось на Москве в Белом городе на Петровке и выгорело до Земляного города да по Тверскую и по Неглинну. А людей згорело у Петровских

²⁸¹ В КМЛ И подробнее: *И того же году апреля в 20 день преставися на Москве святейший Питирим, патриарх Московской всеа Росии, а на потриаршестве был бес полутора месяца год.* Во второй и третьей редакциях КМЛ, как и в ЛВ, статей о Питириме нет.

²⁸² Так в КМЛ И: *Лета 7184-го году генваря против 30-го числа в ноши в 4-м часу в 1-й четверти преставися на Москве великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Росии.* Во второй ред. КМЛ А, Б добавлено: а царства его было 30 лет, а всего жития его было 46 лет, 6 месяцев, 20 дней. В ЛВ нет указания на час ночи. С этой статьи компилятор почти совсем перестал указывать источники текста («от летописца Московского» и т. п.), далее идет почти связное повествование.

²⁸³ Статья по КМЛ первой редакции И. Во второй и третьей редакциях А, Б, В текст иной: *Того же числа наречен на царство благоверный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич.* В ЛВ Я после записи о кончине Алексея Михайловича сказано иначе: *А на его место того же году, и месяца, и дни сел на Московское царство сын его великаго государя, царь государь и великий князь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец.*

²⁸⁴ Оригинальная относительно ЛВ и КМЛ статья, продолжающая такую же оригинальную статью под 1668 г.

ворот 370 человек, а иных и не весть сколко. Летописец Московский²⁸⁵. [л. 45]

7186/1678: первой приход бесурманский, или турецкий, под Чигирин²⁸⁶. [л. 45²⁸⁷]

7190/1682: апреля в 27 день в четверток в 12-м часу дня великий государь царь и великий князь Феодор Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, оставя земное царство, отъиде в вечное блаженство небеснаго царствия, а на царском престоле учинился Московского государства государь царь и великий князь Петр Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец²⁸⁸. [л. 45]

²⁸⁵ Верное указание: текст с парой буквенных разночтений соответствует завершающей статье КМЛ И.

²⁸⁶ Возможно, статья по неизвестному пока продолжению первой редакции КМЛ, с характерной ошибкой: в 1678 г. был второй «приход» турок под Чигирин. Во второй ред. А: *Лета 7186-го году была Чигиринская служба.* В ЛВ Я: *Лета 7186-го году турецкие люди взяли город Чигирин подкопом* (без упоминания первого Чигиринского похода 1677 г.). Подробнее, но также без упоминания первого похода в продолжении ЛВ псковским служилым человеком (П–И): *Во (7)186 год турецкие люди пришли под Чигирин, и (с) государьскими ратными людьми бои и крови были великие, и турки Чигирин подкопами взяли.*

²⁸⁷ В первой ред. статья вписана той же рукой на поле другими чернилами.

²⁸⁸ Эта статья свидетельствует, что летописный источник компиляции, возможно, процитированный далее «Летописец Московский», писался в 1682 г. по горячим следам событий. Из многочисленных свидетелей событий (*Богданов А. П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича. С. 197-206) о смерти царя Федора в «другонатцатом часу дни» пишет Исидор Сназин (ПСРЛ. Т. 31. С. 173), а московский площадной подьячий Иван Шантуров еще точнее: «в другоноцатом часу в последней четверти» (*Богданов А. П.* «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подьячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. 2020. № 6. С. 111-121. С. 73). На престоле покойного брата 10-летний Петр именно «учинился», как сказано в компиляции (а не наследовал царство по завещанию и не занял престол по избранию), согласно третьей версии сотрудников Посольского приказа, появившейся после двух первых, разработанных в конце апреля и начале мая 1682 г. (*Богданов А. П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича. С. 203-204). Но все правительственные версии,

Того же лета мая в 26 день на прародительском великого и преславного Российского царствия престоле учинилися и державу восприяли обще великия государи цари и великия князи Ионн Алексиевич, Петр Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы. Летописец Московский²⁸⁹. [л. 45]

7203/1695²⁹⁰: генваря в 29 день царь Иоанн Алексиевич преставися. После его на всероссийском престоле остался царствовать един брат его великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец. Летописец

распространявшиеся в объявительных грамотах и фиксировавшиеся писавшими по горячим следам современниками, вскоре (после 26 мая) были вытеснены версией о воцарении двух братьев, Ивана и Петра, сразу вместе. Важно отметить, что две завершающие текст статьи не соответствуют ни ЛВ Я, ни КМЛ А, Б, М и, с ошибками, В, где названо иное время смерти Федора: *Лета 7190-го году апреля в 27 день во 2-м часу дни преставись на Москве благоверный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Росии. А царства его было 6 лет и 3 месяца.*

²⁸⁹ Этот «Летописец Московский» точно написан по горячим следам событий, поскольку уже летом и осенью 1682 г. мало кто помнил, что два царя появились в России именно после наречения Ивана первым, а Петра вторым царем 26 мая, а не вследствие их венчания на царство 25 июня 1682 г. Наше заключение о завершении текста весной 1682 г. подтверждается огромным перерывом между основным текстом и его продолжением, с весны 1682 до января 1696 г. Видимо, это ранняя редакция КМЛ, датирующаяся 1682 г. В ЛВ (Я) сказано именно об общем воцарении, что характерно для текстов второй половины 1680-х и начала 1690-х гг.: *Лета 7190-го году преставися благочестивый государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец. Того же году и месяца сели на царство Московское оба брата государевы, благочестивый царь и великий князь Иоанн Алексиевич и благочестивый государь царь и великий князь Петр Алексиевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцы.*

²⁹⁰ Характерная ошибка (на самом деле Иван умер в 7204/1696), говорящая, что продолжение текста писалось намного позже смерти старшего брата Петра. На это указывает и сокращение титулования царя.

Московский²⁹¹ и Кроника Российская. [л. 45 об.]

(л. 122) 7205/1697: февраля в 24²⁹² день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал. В которых делах всяких чинов людей бывают в приказах суды, и очныя ставки отставить, для того, что в судех и в очных ставках от исцов и от ответчиков бывают многия неправды и лукавство. И ищут многие исцы исков своих, затевая напрасно. Также и ответчики в прямых²⁹³ исках отвечают неправедно, составными своими вымыслы и лукавством, хотя теми составными и затейными ответы прямых исков своих напрасно отбыть²⁹⁴, забыв страх божий. А иные исцы и ответчики для таких же своих коварств

²⁹¹ Возможно, компилятор сделал нехарактерную для него краткую, да еще с ошибкой в дате, выписку из обстоятельного текста КМЛ А, Б, М, В: *Лета 7204-го году генваря в 21 день в 3-м часу дни преставися благочестивый государь царь и великий князь Иоанн Алексеевич всеа Росии самодержец. А царства его было 13 лет, 9 месяцев.* Но вероятнее, что его список имел с 1696 г. особое продолжение. Дальнейшие статьи до 1703 г. не соответствуют текстам известных нам редакций КМЛ.

²⁹² В действительности 21 февраля: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. III. № 1572. Об указе: *Батиев Л. В.* Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // *Актуальные проблемы российского права.* 2016. № 11 (72). С. 11-18. Указ о замене соревновательного процесса розыском, несмотря на его общественную значимость, прошел мимо внимания летописцев и авторов записок современников, кроме И. А. Желябужского, который не приводит его текста, но рассказывает о спорном деле конца 1696 г. Желябужских с А. А. Апраксиным, после рассмотрения которого Петром I «учинен в Московском государстве правой суд, и велено чинить во всяких делех розыски, а суды и очныя ставки с той поры отставлены; и о том из Преображенского по всем приказам посланы о правом суде памяти» (Россия при царевне Софье и Петре I. С. 249-251). Не приводится современниками и большинство следующих выписок из царских указов до 1702 г., сделанных из «Летописца Московского». Очевидно, что его источником послужила записная книга местного государственного учреждения, приказной избы, за 1697–1702 гг.

²⁹³ Прямых – справедливых, праведных.

²⁹⁴ Отбыть – избежать.

и неправды нанимают за себя в суды и в очные ставки свою братью, и боярских людей, ябедников и составщиков же, воров и душевредцов. И за теми их воровскими и ябедническими составными вымыслы и лукавством в вершении тех дел правым и маломочным людем во оправдании чинитца многая волокита, и напрасныя харчи, и убытки, и разорение. А винным, что довелось по его великого государя указу и по Уложению учинить указ, от того отбывателство и продолжение. А ябедником и воровом пожитки. А вместо судов и очных ставок по челобитью всяких чинов людей в обидах и в разорениях чинить розыск, в крепостных делах по крепостям, и в некрепостных делах по розыску²⁹⁵. [л. 45 об.–46]

(л. 122 об.) 7207/1699: генваря в 23 день великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал. По имянному своему великого государя указу в державе своего государства на Москве и во всех городех для пополнения своей великого государя казны и для укрепления во всяких делех крепостей, и чтоб впредь во всяких крепостных делех и между всяких чинов людами споров, и продаж, и волокит никому не было, держать на Москве во всех приказах, и в городех, и в пригородках, и в волостях, где приказные избы есть, бумагу под гербом его великого государя Московского государства. И на той бумаге писать вотчинные, и на лавочные, и дворовые, и на людей крепости, и зделочные записи, и заемные кабалы в больших денгах, которые болшы пятидесяти рублей, на бумаге под болшим орлом. Которые всякие вышепомянутые крепости меньше пятидесяти рублей, и челобитные мировые на площади или где инде писать на бумаге, которая под гербом величиною против золотого. Челобитные, скаски²⁹⁶, также в приказах в челобитчиковых делех скаски, писать на бумаге, которая за

²⁹⁵ Последняя фраза суммирует смысл 14-ти пунктов именного царского указа; предыдущий текст передает преамбулу полностью, с незначительными буквенными разночтениями.

²⁹⁶ Скаски – показания.

печатью пол золотого. И тое бумагу покупать из казны, смотря по гербу, указною ценою²⁹⁷. [л. 46–46 об.]

7208/1700²⁹⁸: по указу царского величества во всяких приказных писмах по примерению других христианских государств, оставя исчисление от Адама, или от Мироздания, повеление состоялось писать исчисление лет от Христа. Летописец Московский и Кроника Российская. [л. 46 об.²⁹⁹]

(л. 123) 7209/1701: по имянному царского величества указу опубликовано во всенародное ведение всего государства в городех и уездех, чтоб никто, как русские, так и иноземцы, никаких крепостей, заемных памятей и росписок, своими и иных людей руками, миму учиненных крепостных и пищих изб не писали. [л. 46 об.]

7209/1701: декабря 30-го дня по имянному царского величества указу на Москве и в городех царевичем, и бояром, и околничим, и думным, и ближним, и всех чинов служилым, и купецкого, и всяких чинов людем, и людем боярским, и крестьяном, к великому государю в челобитых, и в отписках, и в приказных, и в домовых во всяких писмах генваря с 1 числа 1702-го году писатца целыми именами с прозваниями своими, а полуимьянами никому не писатца³⁰⁰. [л. 47]

²⁹⁷ Цитируется первый указ о введении гербовой бумаги в России. Ср.: *Вородюхин С. Е.* Становление и развитие института гербовой бумаги в России в период правления Петра I // *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология.* 2017. №15 (264). Вып. 43. С. 95-100.

²⁹⁸ Указ Петра I о новом летосчислении в госучреждениях, кратко пересказанный далее, был дан через думного дьяка Разрядного приказа Е. И. Украинцева 19 декабря 7208, т. е. 1699 г.

²⁹⁹ Далее на л. 46 об. вставка, которой нет во второй редакции компиляции: *В лето 1702 у его величества с шведскою короною началась быть война.* Запись, возможно, сделана по памяти, на что указывает ошибка в дате (война началась летом 1700).

³⁰⁰ Краткая запись об указе, включавшем отмену снятия шапок в мороз, бросания на колени и поклонов на пути следования царского величества, зафиксировала только то, что имело прямое отношение к делам местной приказной избы.

7210/1702: марта в 9-м да в 12-м числех по имянным его царского величества указам на Москве и во всех городех Российского царствия царевичем, и бояром, и околичим, и думным, и ближним, служилым, и иноземцом, и купеческим, и чернослободцем, и всякого чину людем повелено писать в челобитных его государскую честь новым изложением. В начале: «Державнейший царь государь милостивейший», – и потом дело. А перед прошением: «Всемиловейший государь, прошу вашего величества», – и потом прошение. (л. 123 об.) А³⁰¹ по прошении совершать: «Вашего величества нижайший раб». И под тем писать челобитчиком имена с прозваниями, и месяц, и число, и год. А по прежнему обыкновению в челобитных его государского именованя и титул не писать. Летописец Московский³⁰². [л. 47]

ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 48. 1°. Л. 35–47, 99–123 об.

³⁰¹ Во 2 ред. компиляции эта часть статьи ошибочно выделена в отдельную статью с датой: 7211/1703. В 1 ред. это одна статья.

³⁰² Это последняя запись в тексте обеих редакций, подписанная: *Летописец Московский*.

Библиография

Архивные источники:

БАН. 16.14.24. Л. 518–530.

ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 48. 2°. Л. 1–58 об. и 60–136.

Государственное бюджетное учреждение Ивановской области «Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д. Г. Бурдылина». Отдел фондов. № 323. 11 л.;

РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Рубр. 1. № 12.

РГАДА. Ф. 188. Рукописное собр. ЦГАДА. Оп. 1. № 2. 2°. 192 л. Л. 174–191;

РГБ. Ф. 29. Собр. И. Д. Беляева. № 8/М – 1514. Л. 57–60;

РГБ. Ф. 173. Собр. Московской духовной академии. № 201. Л. 261–301 об.;

РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 1836. Л. 7–37 об.

РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 5710. Л. 454–461 об.

РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1954 г. № 469. 4°. 11 л.;

РГБ. Ф. 330. Собр. Чернышевых. Картон II. № 57. Л. 1–4;

РГБ. Ф. 344. Собр. П. П. Шибанова. № 248. 8°. Л. 171–216.

РНБ. Собр. Общества любителей древней письменности. F. 355/6924. Л. 55–57.

Литература:

Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. № 11 (72). 2016.

Богданов А. П. Келейный сборник епископа Великоустюжского и Тотемского Боголепа Адамова // Исторический журнал: научные исследования. № 2. 2021.

Богданов А. П. Краткий Московский летописец // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1991.

Богданов А. П. «Летописец выбором» по Архивному и Благовещенскому спискам // Novogardia. № 2 (6). 2020.

Богданов А. П. «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2021 (в печати).

Богданов А. П. «Летописец выбором» по Ярославскому и Псковским спискам // Novogardia. № 3 (7). 2020.

Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, доп. и испр. М.–Берлин, 2019.

Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. Сборник статей за 1980 г. М., 1981.

Богданов А. П. Москва – центр мира по кратким летописцам конца XVII в. // Мир и империя: Материалы международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», 2003, 2005, 2006. М., 2015..

Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. Сборник статей за 1984 г. М., 1984.

Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.; 2-е изд., испр. и доп.: Москва–Берлин, 2020.

Богданов А. П. Патриарший свод с летописцем 1619–1691 гг. // Историческое обозрение. М., 2021.

Богданов А. П. «...Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подъячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. № 6. 2020.

Богданов А. П. Редакции Краткого Московского летописца // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.
Богданов А. П. Редакции Летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1982.

Богданов А. П. Российское царство в общественном самосознании и державной концепции XV–XVII вв. // Наука, культура, менталитет России Нового и Новейшего времени: К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М., 2014.

Богданов А. П. Рукописная традиция «Летописца выбором» // Исторический журнал: научные исследования. № 5. 2020.

Богданов А. П. Теория «Москва – центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев XVII века // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М., 2006.

Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М., 2018.

Богданов А. П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М., 1995.

Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники за 1976 г. М., 1976.

Вородюхин С. Е. Становление и развитие института гербовой бумаги в России в период правления Петра I // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. №15 (264). Вып. 43. 2017.

Дианова Т. В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1988.

Клепиков С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 20. М., 1958.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. III. СПб., 1830.

Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.

Полное собрание русских летописей. Т. 31. М., 1968.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978.

Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990.

Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М.–Л., 1955.

Сведения об авторе

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва (Россия). Область научных интересов: история России XVII в.

E-mail: culture_iri@mail.ru

A. P. Bogdanov

BRIEF CHRONICISTS OF THE XVII CENTURY IN SPASO-PRILUTSKAYA HISTORICAL COMPILATION

Annotation: A remarkable historical compilation was created in the Vologodsky Spaso-Prilutsky Monastery in 1729–1730. It is a vivid monument to the new Peter's historiography, clearly setting out the concept of the primacy of state interests and state patronage over the people. This new concept, in comparison with the XVII century, which ended with the idea of “national benefit” as the goal of the state, was realized by the compiler of the XVIII century, based on a number of sources, among which there were

three chronicles: special and very valuable revisions of the “The Chronicler of Choice” and the Short Moscow Chronicler, as well as extracts from an unknown short chronicler with fantastic reports and articles about the events in the Solovetsky Monastery in the XVII century. These revisions of “The Chronicler by Choice” and the Short Moscow Chronicler occupy such a prominent place in the history of the text of both monuments, that one cannot do without their publication. They are the subject of our careful textual research and publication.

Keywords: Russian chronicle writing, Chronicler by choice, Short Moscow Chronicler, Abbreviated chronicle, Vologda chronicles, chronicle tradition.

References

Archival Sources:

BAN [Library of the Academy of Sciences]. 16.14.24. L. 518–530

GIM [State Historical muzeum]. Sobr. A. S. Uvarova. № 48. 2°. L. 1–58 ob. i 60–136.

Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Ivanovskoy oblasti «Ivanovskiy gosudar-stvennyy istoriko-krayevedcheskiy muzey imeni D. G. Burylina» [State budgetary institution of the Ivanovo region "Ivanovo State Museum of History and Local Lore named after DG Burylin."] Otdel fondov. № 323. 11 l.

RGADA [Russian State Archives of Ancient Acts]. F. 135. Otd. IV. Rubr. 1. № 12.

RGADA [Russian State Archives of Ancient Acts]. F. 188. Rukopisnoye sobr. TSGADA. Op. 1. № 2. 2°. 192 l. L. 174–191.

RGB [Russian State Library]. F. 29. Sobr. I. D. Belyayeva. № 8/M – 1514. L. 57–60.

RGB [Russian State Library]. F. 173. Sobr. Moskovskoy dukhovnoy akademii. № 201. L. 261–301 ob.

RGB [Russian State Library]. F. 178. Muzeynoye sobr. № 1836. L. 7–37 ob.

RGB [Russian State Library]. F. 178. Muzeynoye sobr. № 5710. L. 454–461 ob.

RGB [Russian State Library]. F. 218. Sobr. Otdela rukopisey. Post. 1954 g. № 469. 4°. 11 l.

RGB [Russian State Library]. F. 330. Sobr. Chernyshevskiy. Karton II. № 57. L. 1–4.

RGB [Russian State Library]. F. 344. Sobr. P. P. Shibanova. № 248. 8°. L. 171–216.

RNB [Russian National Library]. Sobr. Obshchestva lyubiteley drevney pis'mennosti. F. 355/6924. L. 55–57.

Researches:

Batiev L. V. Ukaz 21 fevralya 1697 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii [Decree of February 21, 1697 and the reform of the judicial procedure in Russia]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. No. 11 (72). 2016. (In Russian).

Bogdanov A. P. Keleinyi sbornik episkopa Velikoustyuzhskogo i Totemskogo Bogolepa Adamova [Private handwritten collection of Bishop of Veliky Ustyug and Tot'ma Bogolep Adamov]. Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. No. 2. 2021. (In Russian).

Bogdanov A. P. Kratkii Moskovskii letopisets [The short Moscow chronicler]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta istorii SSSR AN SSSR. Moscow, 1991. (In Russian).

Bogdanov A. P. “Letopisets vyborom” po Arkhivnomu i Blagoveshchenskomu spiskam [“The Chronicler by choice” according to the Archive and Annunciation lists]. Novogardia. No. 2 (6). 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. “Letopisets vyborom” po spisku Simona Azar'ina: Kratkii letopisets v literaturno-publitsisticheskoi zhizni serediny XVII v. [“The Chronicler by choice” according to the list of Simon Azaryin: A short chronicler in the literary and journalistic life of the middle of the XVII century]. Germenevtika drevnerusskoi literatury. Moscow, 2021. (In Russian).

Bogdanov A. P. “Letopisets vyborom” po Yaroslavskomu i Pskovskim spiskam [“The Chronicler by choice” according to the Yaroslavl and Pskov lists]. Novogardia. No. 3 (7). 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Letopisets i istorik kontsa XVII veka: ocherki istoricheskoi mysli “perekhodnogo vremeni” [Chronicler and Historian of the Late XVII Century: Essays on the Historical Thought of “Transitional Time”]. Moscow–Berlin, Direkt-Media, 2019. (In Russian).

Bogdanov A. P. Letopisnye izvestiya o smerti Fedora i votsarenii Petra Alekseevicha [Chronicle news about the death of Fyodor and the accession of Peter Alekseevich]. Letopisi i khroniki. Sbornik statei za 1980 g. Moscow, 1981. (In Russian).

Bogdanov A. P. Moskva – tsentr mira po kratkim letopistsam kontsa XVII v. [Moscow – the center of the world according to the brief chroniclers of the late XVII century]. Mir i imperiya: Materialy mezhdunarodnykh seminarov istoricheskikh issledovani “Ot Rima k Tret'emu Rimu”, 2003, 2005, 2006. Moscow, 2015. (In Russian).

Bogdanov A. P. Nachalo Moskovskogo vosstaniya 1682 g v sovremennykh letopisnykh sochineniyakh [The beginning of the Moscow uprising of 1682 in the chronicles of that time]. Letopisi i khroniki. Sbornik statei za 1984 g. Moscow, 1984. (In Russian).

Bogdanov A. P. Ot letopisaniya k issledovaniyu: russkie istoriki poslednei chetverti XVII veka [From chronicle writing to research: Russian historians of the last quarter of the XVII century]. Moscow, 1995; 2nd ed., Moscow–Berlin, 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Patriarshii svod s letopistsem 1619–1691 gg. [Patriarchal annals with the chronicler 1619–1691]. Istoricheskoe obozrenie. Moscow, 2021. (In Russian).

Bogdanov A. P. “...Pozhalovan na Ivanovskuyu ploshchad’”: Khronologicheskie zapisi ploshchadnykh pod'yachikh Shanturovykh XVII v. [“... Granted to Ivanovskaya Square”: Chronological records of the private clerks Shanturovs' of the XVII century]. Otechestvennye arkhivy. No. 6. 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Redaktsii Kratkogo Moskovskogo letopisca [The revisions of the Short Moscow Chronicler]. Novogardia. No. 4 (8). 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Redaktsii Letopistsa 1619–1691 gg. [The revisions of the 1619–1691 Chronicler]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta istorii SSSR AN SSSR. Moscow, 1982. (In Russian).

Bogdanov A. P. Rossiiskoe tsarstvo v obshchestvennom samosoznanii i derzhavnoi kontseptsii XV–XVII vv. [The Russian kingdom in public consciousness and the sovereign concept of the XV– XVII centuries]. Nauka, kul'tura, mentalitet Rossii Novogo i Noveishego vremeni: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Dmitrievicha Esakova. Moscow, 2014. (In Russian).

Bogdanov A. P. Rukopisnaya traditsiya “Letopistsa vyborom” [The handwritten tradition of the Chronicler by Choice]. Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. No. 5. 2020. (In Russian).

Bogdanov A. P. Teoriya “Moskva – tsentr mira” v derzhavnoi kontseptsii i u kratkikh letopistsev XVII veka [The theory “Moscow is the center of the world” in the sovereign concept and in the short chroniclers of the XVII century]. Evropeiskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya. Iss. 2. Geografiya i politika. Moscow, 2006. (In Russian).

Bogdanov A. P. Tsar'-reformator Fedor Alekseevich: starshii brat Petra I [Tsar-reformer Fedor Alekseevich: elder brother of Peter I]. Moscow, 2018. (In Russian).

Bogdanov A. P. Chiny venchaniya rossiiskikh tsarei [Scenarios for the Russian tsars coronations]. Kul'tura srednevekovoi Moskvy. Moscow, 1995. (In Russian).

Buganov V. I. Kratkii Moskovskii letopisets kontsa XVII v. iz Ivanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Short Moscow chronicler of the late XVII century from the Ivanovo Regional Museum of Local Lore]. Letopisi i khroniki za 1976 g. Moscow, 1976. (In Russian).

Vorodyukhin S. E. Stanovlenie i razvitie instituta gerbovoi bumagi v Rossii v period pravleniya Petra I [Formation and development of the institution of stamped paper in Russia during the reign of Peter I]. Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. No. 15 (264). Iss. 43. 2017. (In Russian).

Dianova T. V. Filigrani XVII–XVIII vv. “Gerb goroda Amsterdama” [Watermarks of the XVII–XVIII centuries. “Coat of arms of the city of Amsterdam”]. Moscow, 1988. (In Russian).

Klepikov S. A. Bumaga s filigran'yu “Gerb goroda Amsterdama” [Paper with a watermark “Coat of arms of the city of Amsterdam”]. Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina. Iss. 20. Moscow, 1958. (In Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1. Vol. III. St. Petersburg, 1830. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 14. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 31. M., 1968. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 34. M., 1978. (In Russian).

Rossiia pri tsarevne Sof'e i Petre I: Zapiski russkikh lyudei [Russia under Tsarevna Sophia and Peter I: Notes of Russian People]. Comp. by *A. P. Bogdanov*. Moscow, 1990. (In Russian).

Yakovleva O. A. Piskarevskii letopisets [The Piskarevs Chronicle]. Materialy po istorii SSSR. Vol. II. Dokumenty po istorii XV–XVII vv. Moscow–Leningrad, 1955. (In Russian).

About the author

Bogdanov Andrey P., Doctor of History, Leading Employee of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: culture_iri@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	– Библиотека Академии наук
ВМЧ	– Великие Минеи Четии
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГВНП	– Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИЭС	– Историческая энциклопедия Сибири
КЗ	– Книга записная
ЛА	– Летопись Авраамки
МЛС	– Московский летописный свод конца XV в.
МРОКМ им. И. Д. Воронина	– Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И. Д. Воронина
НК1, НК2	– Новгородская Карамзинская летопись первой подборки, Новгородская Карамзинская летопись второй подборки
НЛ	– Новгородская I летопись старшего и младшего извода
НIVЛ	– Новгородская IV летопись
ПЛ	– Псковские летописи
П1Л	– Псковская I летопись
П2Л	– Псковская II летопись
П3Л	– Псковская III летопись
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека
СЛС	– Сибирский летописный свод
С1Л	– Софийская I летопись
С2Л	– Софийская II летопись
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук в Санкт-Петербурге